Alexandria

KLZ

И ИМЯ ЕМУ – СМЕРТЬ

999

ИМЯ ЗВЕРЯ

СТИВЕН КИНГ
УИЛЬЯМ БЛЭТТИ
БЕНТЛИ ЛИТТЛ и другие

(антология рассказа)

999.
ТОМ 1

«ИМЯ ЗВЕРЯ»

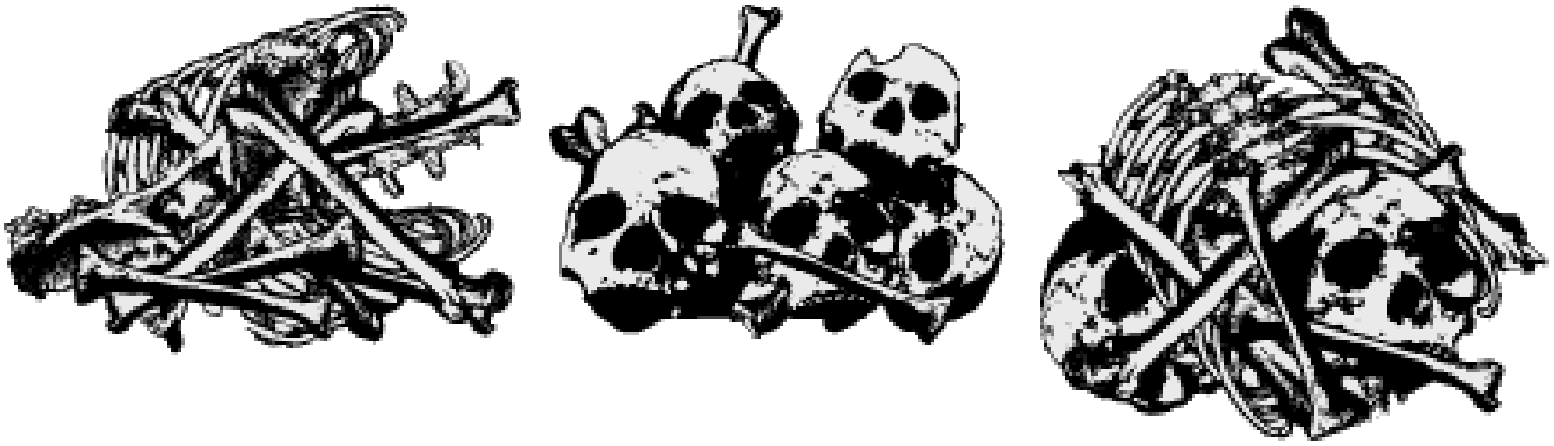
(антология рассказа)

02.04.2017-01.06.2017 © оформление Alex-Rus

02.04.2017-01.06.2017 © редактор Alex.Rus.UA

???

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA



Аннотация

Эта антология рассказа по красноречивой теме 999 (Том 1 «Имя зверя») буквально предлагает читателю ужаснуться. Помогут в этом всемирно известные писатели (Стивен Кинг, Дэвид Моррелл, Нил Гейман, Деннис Маккирнан, Нэнси А. Коллинз, Бентли Литтл, Тим Пауэрс, Джо Р. Лэнсдейл, Джойс Кэрол Оутс, П. Д. Кейсек, Уильям Питер Блэтти). Том 2 «Число зверя» будет ничем не хуже.

Запоминающееся ночное прочтение гарантировано.

02.04.2017-01.06.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus[1]

1 Редакция 02.04.2017-01.06.2017 сборника по теме 999. Том 1 «Имя зверя» (антология рассказа) на основе текстового файла (первичный редактор Юрий) от 23.01.2011 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Стивен Кинг «Дорожный Ужас прёт на север»

Когда Ричард Киннелл впервые увидел эту картину на дворовой распродаже в Розвуде, она его не напугала. Наоборот. Она ему сразу *понравилась*. Сразу *заворожила*. И он подумал ещё, *как* ему повезло, что он совершенно случайно набрёл на такую замечательную штуковину, которая рождала в душе́ какое-то особенное ощущение. Но уж точно — не страх. И только пото́м Киннелл понял («*пото́м, когда было уже́ слишком поздно*», как написа́л бы он сам в одном из своих романов, пользующихся у читающей публики неизменным и прямо-таки ошеломляющим успехом), что ощущения, рождённые этой картиной, очень напоминали те, что он испытывал в юности по отношению к некоторым запрещённым законом наркотическим препаратам.

Киннелл заехал в Розвуд по дороге из Бостона, куда его пригласили на конференцию писателей Новой Англии с эпохальным названием «Опасные сто́роны популярности» под эгидой PEN[2]. Он давно уже́ понял, что PEN умеет найти достойные темы для обсуждения. На са́мом деле ему это даже нравилось. На таких мероприятиях он, как говорится, отдыхал душой. От Дерри до Бостона было двести шестьдесят миль[3], но Киннелл решил, что поедет сам, на машине. Конечно, он мог бы полететь на самолёте, но в последнее время работа над очередной книгой неожиданно застопорилась, и ему хотелось какое-то время побыть одному, чтобы спокойно подумать, *как* преодолеть творческий кризис. А тут как раз выдался подходящий случай.

На конференции Киннеллу задавали всё те же вопросы, которые, по его собственному мнению, люди, близкие к литературе ужасов, вообще не должны задавать писателю. Спрашивали, где он берёт сюжеты для своих романов и не бывает ли страшно ему самому́, когда он работает над своей книгой. Из Бостона Киннелл выехал по мосту Тобин-Бридж и сразу свернул на шоссе № 1. Он никогда не ездил по скоростным автобанам, когда хотел подумать над

2 PEN — изначально антифашистский, а позже и антикоммунистический ПЕН-клуб, название образуют первые буквы английских слов poets — поэты, essayists — очеркисты, novelists — романисты. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В метрической системе 260 миль — это почти 418 ½ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

разрешением назревших проблем. Скоростные трассы вгоняли его в странное состояние: как будто ты спишь и в то же время бодрствуешь. Состояние спокойное и даже приятное, но не особенно конструктивное в творческом плане. А вот доро́га, идущая по побережью, с постоянными остановками у светофоров… она действовала на Киннелла, как песчинка, попавшая в устрицу. Создавала как раз то ненавязчивое раздражение, которое способствует работе мысли. А иногда даже рождает жемчужину.

Хотя критики творчества Ричарда Киннелла в жизни бы не додумались употребить это сравнение. В одном из номеров «Эсквайра» за прошлый год появилась статья Брэдли Симонса про «Город кошмаров». Статья начиналась так: «*Ричард Киннелл снова порадовал многочисленных почитателей. Король ужасов испытал очередной приступ неудержимой словесной рвоты и выдал нам энный шедевр. Сие извержение озаглавлено „Город кошмаров“.*»[4]

Киннелл уже́ проехал через Ревир, Молден, Эверетт и Ньюберипорт. Сразу за Ньюберипортом, чуть к югу от границы штатов Массачусетс и Нью-Хэмпшир, располагался маленький аккуратненький городок — Розвуд. Отъехав примерно на милю[5] от центра го́рода, Киннелл заметил, что на лужайке перед одним двухэтажным коттеджем разложены в ряд всякие штуки явно дешёвого вида. К электрической плитке мутно-зелёного цве́та была прикреплена картонка с надписью: «*ДВОРОВАЯ РАСПРОДАЖА*». По обеим сторонам узкой улицы стояли припаркованные автомобили. Между ними оставался тот самый проезд типа «захочешь — протиснешься», который матерно поминают нетерпеливые водители, не подверженные таинственному обаянию дворовых распродаж в маленьких городках. Но Киннелл как раз *обожал* дворовые распродажи. Особенно ему нравилось рыться в коро́бках со старыми книгами, которые иногда попадались на этих домашних базарчиках. Он протиснулся в узкий проезд и поставил свою «ауди» первой в линии машин, смотрящих в сторону Мэна и Нью-Хэмпшира.

На распродаже было достаточно людно. Человек десять-двенадцать[6] бродили по донельзя замусоренной лужайке перед деревянным коттеджем, выкрашенным в серый и синий цвета́. Слева от залитой бетоном дорожки, прямо на улице, стоял большой телевизор. Подставкой ему служили четыре мусорные корзины, но мусор в них, кажется, не бросали принципиально. На телевизоре красовалась очередная картонка: «*КУПИ ЧТО-НИБУДЬ — НЕ ПОЖАЛЕЕШЬ*». Электрический шнур — тугой, как струна, — тянулся от телевизора в дом через распахнутую переднюю дверь. Тут же, в тени́ большого зонта с надписью «*CINZANO*»[7], стояло пластиковое кресло. В кресле сидела толстая тётка. Перед ней — маленький карточный столик с коро́бкой из-под сигар, перекидным блокнотом и ещё одной картонкой, на которой было выведено от руки́: «*ОПЛАТА ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ. ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ*». Телевизор работал. Крутили очередную мыльную

4 В оригинале без второй па́ры закрывающих кавычек, хотя цитата несомненно завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
5 В метрической системе 1 миля — это примерно 1609 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
6 В оригинале «десять — двенадцать» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
7 Cinzano, чинцано — торговая марка итальянского вермута. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

оперу, где всё шло к тому, что красавец-герой и красавица-героиня сейчас займутся крайне небезопасным сексом. Толстая тётка мельком взглянула на Киннелла и снова уставилась в телевизор. Секунду она таращилась на экран, а потóм опять повернулась к Киннеллу. И уставилась ужé *на него*. Причём открыв рот.

Ага, читательница-почитательница, — подумал Киннелл, оглядывая лужайку в поисках картонной коробки со старыми книжками в мягких обложках, которая непременно должна была быть где-то здесь.

Книжек он не нашёл. Зато увидел *картину*, прислонённую к гладильной доске и подпёртую для устойчивости двумя пластиковыми корзинками. У Киннелла перехватило дыхание. Он сразу понял, что *эту вещь он возьмёт.*

Сдерживая возбуждение, он небрежно шагнул к картине и опустился перед ней на одно колено. Это была акварель, безупречная с точки зрения техники. Впрочем, техника Киннелла как раз и не интересовала (что не раз отмечали прилежные критики, бравшиеся за разбор его книг). В произведениях искусства он ценил прежде всего **содержание**. Причём чем больше оно «пробивало», тем лучше. Киннелл любил, чтобы *произведение рождало тревогу*. И, если судить по такому критерию, картина была выше всяких похвал. Стоя на коленях между пластиковыми корзинами, набитыми всякой всячиной, он провёл пальцами по стеклу, закрывавшему акварель. Потóм огляделся, надеясь обнаружить ещё нечто подобное, но такая картина была одна — всё остальное являло собой стандартный для домашних базарчиков набор: пухлощёкие куколки, молитвенно сложенные ладони и резвящиеся собачки.

Киннелл опять стал разглядывать акварель в рамочке под стеклом. Мысленно он ужé переставил свой чемодан на заднее сиденье в салоне, а картину бережно уложил в багажник.

На картине был изображён молодой человек за рулём мощной спортивной машины — может, «гранд-ама», а может, и GTX, в общем, какой-то машины с откидным вéрхом — на мосту Тобин-Бридж на закате. Откидной верх был поднят, и поэтому чёрный автомобиль походил на недоделанный кабриолет. Молодой человек пристроил левую руку поверх боковой дверцы с опущенным стеклом, а правую небрежно держал на руле. Закатное небо над Тобин-Бридж в жёлтых и серых подтёках с ярко-розовыми прожилками было похоже на громадный синяк. Жидкие светлые волосы свисали сосульками на низкий лоб, молодой человек ухмылялся, и сквозь приоткрытые гýбы были видны его зубы. Только это были не зубы, а самые настоящие *клыки.*

Может быть, он их специально затачивал, — подумал Киннелл. — **Может быть, он маньяк какой-нибудь. Людоед.**

Ему это ужасно понравилось: сама идея, что людоед едет по Тобин-Бридж на закате. В шикарном «гранд-аме». Он знал, что подавляющее большинство из тех, кто присутствовал на писательской конференции PEN,

наверняка бы подумали: **Ага, самая что ни на есть подходящая картинка для Рича Киннелла. Небось повесит её над столом для вдохновения. Такое пёрышко, чтобы пощекотать в старой поизносившейся гло́тке на предмет очередной порции неудержимой рвоты.** Но ведь это самое *подавляющее большинство* были просто невеждами — во всяком случае, в том, что касается его собственных книг. И мало того: они носились со своим невежеством, обожали его, холили и лелеяли — непонятно, с какого перепугу. Точно так же, как некоторые холят, лелеют и обожают зловредных и глупых маленьких собачонок, которые облаивают гостей и время от времени норовят укусить почтальона за пятку. Картина понравилась Киннеллу не потому, что он писа́л романы ужасов. Он писа́л романы ужасов потому, что ему нравились вещи типа этой картины. Восторженные читатели часто присылали ему всякую ерунду — в основном картины. Бо́льшую часть этих картин Киннелл просто выбрасывал на помойку. И вовсе не потому, что они были плохими. А потому, что они были скучными и предсказуемыми. Но вот один парень из Омахи как-то прислал ему маленькую керамическую фигурку: вопящая от страха обезьянка высовывает голову из холодильника. И *эту* вещицу Киннелл оставил. С точки зрения художественного мастерства фигурка была исполнена из рук вон плохо, но в ней был *элемент неожиданности.* Какое-то странное **соприкосновение**, которое затронуло Киннелла и, как говорится, придало ему ускорение. В картине тоже что-то такое было. Только *сильнее.* **Гораздо** сильнее.

Киннелл уже́ потянулся к картине. Ему хотелось взять её прямо сейчас — сию же секунду, — засунуть под мышку и объявить, что он берёт эту вещь. Но тут у него за спиной раздалось:

— Простите, ведь вы Ричард Киннелл?

Он резко выпрямился и обернулся. Прямо за спиной стояла толстая тётка, загораживая бо́льшую часть обзора. Киннелл заметил, что, прежде чем подойти к нему, тётка подкрасила гу́бы ярко-красной помадой и теперь улыбалась этакой кровоточащей улыбкой.

— Да, это я, — улыбнулся он в ответ. Толстуха указала глазами на картину:

— Мне бы следовало догадаться, что вы сразу к ней и направитесь, — проговорила она с глуповатой улыбкой. — Она прямо **ваша.**

— Да, действительно. — Киннелл изобразил самую лучезарную из своих «парадно-выходных» улыбок. — И сколько вы за неё хотите?

— Со́рок пять долларов, — тут же отозвалась тётка. — Скажу вам по правде, я сначала хотела семьдесят. Но она никому не нравится, да. Пришлось сбавить цену. Если вы завтра за ней вернётесь, я и за тридцатку, наверное, отдам. — Улыбка на лице тётки растягивалась всё шире, а излучаемое ею радушие приняло прямо-таки *устрашающие* размеры. Киннелл даже заметил, что в уголках тёткиных губ *пузырится слюна.*

— Нет, лучше я рисковать не буду. А то вдруг её всё-таки купят до завтра, — сказал он. — Я вам выпишу чек. Прямо сейчас, не откладывая.

Тёткина улыбка растянулась почти до ушей, и тётка теперь стала похожа на какую-то нелепую пародию на Джона Уотерса. О, божественная Ширли Темпл!

— Вообще-то я не должна брать чеки. Ну да **ладно**, — произнесла она тоном скромницы-школьницы, поддавшейся,[8] наконец,[9] на настойчивые уговоры сексуально озабоченного приятеля. — И уж коли вы достали ручку, может, заодно мне автограф дадите, для дочки? Её Микела зовут.

— Красивое имя, — отозвался Киннелл на автомате. Он взял картину и вернулся следом за толстой тёткой к карточному столику. Действие на экране сменилось. Похотливая парочка временно уступила место изголодавшейся старушенции, которая шумно и жадно поглощала мысли.

— Микела читает все ваши книги, — сказала толстуха. — И откуда вы только берёте эти свои безумные идеи?

— Не знаю. — Киннелл растянул гу́бы в улыбке. — Они просто *приходят*, и всё. Удивительно, да?

✷ ✷ ✷

Толстуху, заправлявшую на распродаже, звали Джуди Даймент. Она жила в соседнем доме. Когда Киннелл спросил, не знает ли она случайно, *кто* написа́л картину, она сказала, что *знает*. Её написа́л Бобби Хастингз, и из-за этого Бобби Хастингза она теперь тут и сидит. Продаёт вещи, которые когда-то принадлежали ему.

— Единственная его картина, которую он не сжёг, — сказала Джуди. — Бедняжка Айрис! Вот кого мне действительно искренне жаль. А Джорджу, по-моему, всё равно. И я точно знаю, что он так и не понял, *почему* Айрис решила продать этот дом.

Она закатила глаза́, изображая классический взгляд, апеллирующий к собеседнику: мол, вы только представьте себе такое. Киннелл вручил ей чек, а Джуди протянула ему блокнот, куда она аккуратно записывала все вещи, которые ей удавалось продать, и суммы, которые она за них получала.

— Напишите, пожалуйста, что-нибудь для Микелы, — попросила она, вновь расплывшись в приторно-сладкой, глуповатой улыбочке. — Ну, пожалуйста.

8 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
9 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Эта улыбка была для Киннелла как старый знакомый, который вдруг вновь возник в твоей жизни, хотя ты-то втайне надеялся, что он давно умер.

— Ага-ага, — рассеянно отозвался он и быстренько изобразил в блокноте своё стандартное обращение к поклонникам типа «*спасибо читателю за внимание*». Он не следил за своей рукой. Даже не думал о том, *что* пишет. Он уже́ двадцать пять лет раздавал автографы, процесс был доведён до полного автоматизма. — Расскажите мне про эту картину. И про Хастингзов тоже.

Джуди Даймент скрестила на груди́ пухлые ру́ки с видом человека, готового продекламировать благодарным слушателям свою любимую историю.

— Бобби было всего двадцать три го́да, когда этой весной он покончил с собой. Можете себе представить? Он был из тех молодых людей, кого называют *измученными гениями*. Но при этом жил до́ма с родителями. — Она вновь закатила глаза́, апеллируя к Киннеллу[10]. Мол, вы только подумайте, и бывает же такое на свете. — У него было таких картин семьдесят, если не все восемьдесят. Не считая набросков. Он их в подвале держал, у себя. — Джуди указала взглядом на коттедж, а пото́м вперилась в картину с парнем зловещего вида, мчащимся по мосту Тобин-Бридж на закате. — Айрис… это мать Бобби… она говорила, что почти все его творения были *просто ужасными*. Ещё *похуже, чем это*. Говорила, что от его картин у неё волосы дыбом встают. — Джуди понизила голос до шёпота, покосившись на женщину, которая рассматривала разрозненный набор столового серебра и весьма неплохую коллекцию старых пластиковых стаканчиков из «Макдоналдса» с кадрами из фильма «Дорогая, я уменьшил детей». — Говорила, что там были всякие *сексуальные сцены.*

— О нет, — сказал Киннелл.

— А самые жуткие вещи он стал писа́ть, когда пристрастился к наркотикам, — продолжала Джуди Даймент. — Когда он покончил с собой… повесился у себя в подвале, где обычно писа́л картины… там нашли больше сотни этих маленьких пузырёчков, в которых продают кокаин. Нет, наркотики — это ужасно! Верно, мистер Киннелл?

— Ужасно.

— В общем, по-моему, в какой-то момент он просто дошёл до точки. И решил эту точку поставить, чтобы дальше не мучиться. Собрал все свои наброски и картины… кроме вот этой вон, как оказалось… свалил на заднем дворе и сжёг. А пото́м повесился у себя в подвале. К рубашке он приколол записку:[11] «*Мне не вынести то, что со мной происходит*». Какой ужас, да, мистер Киннелл?[12] Разве бывает что-то страшнее?

— Нет, не бывает, — отозвался Киннелл. Причём сказал он это искренне.

10 В оригинале вдруг «Кеннеллу» через «е», в отличии от остального текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 В оригинале тире после вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Как я ужé говорила, Джордж остался бы жить в этом доме, если бы сумел настоять на своём, — продолжала Джуди Даймент. Она вырвала из блокнота листок с автографом для Микелы, положила его рядом с чеком Киннелла и задумчиво покачала головой, словно недоумевая, как такое возможно, что подписи на обоих листах совпадают. — Но мужчины, они не такие, как женщины.

— Правда?

— Конечно. Не такие чувствительные и ранимые. Под конец от Бобби Хастингза остались лишь кожа да кóсти. Он даже не мылся. Грязный был… от него, знаете, *пахло*… в одной и той же футболке всё время ходил. В чёрной такой, с фотографией «Лед Цеппелин[13]». Глазá у него были красные. На щеках — щетина, которую и бородой-то не назовёшь. И весь запрыщавился[14]. Всё лицо было в угрях, как у подростка. Но Айрис любила его. Всё равно любила. Мать всегда будет любить своего ребёнка, во что бы он ни превратился.

Женщина, которая разглядывала столовое серебро и стаканчики из «Макдоналдса», всё-таки выбрала кое-что для себя — подставочки под стаканы с кадрами из «Звёздных войн» — и подошла к столику, чтобы расплатиться. Миссис Даймент взяла у неё пять долларов, аккуратно записáла себе в блокнот: «*НАБОР КУХОННЫХ ПОДСТАВОК. РАЗРОЗН. ВСЕГО — 12*», после чего вновь повернулась к Киннеллу.

---

13 В оригинале варварски транскриптированное «Лед Зеппелин» (вообще-то принято оставлять оригинальное название, во избежание подобных, мягко говоря, позорных лаж). Величайший квартет «Led Zeppelin» был основан в октябре 1968 г. гитаристом Джимми Пейджем (Jimmy Page, Джеймс Патрик Пейдж, родился 9 января 1944 г., Хестон, Англия) после распада его прежнего проекта «Yardbirds». К ним присоединяется известный аранжировщик и сессионный музыкант Джон Пол Джонс (John Paul Jones, настоящее имя Джон Болдуин, John Baldwin, р. 3 июня 1946 г., Сидкап, Англия; бас, клавишные). Они хотели взять к себе ещё вокалиста Терри Рейда, но тот посоветовал обратиться к Роберту Планту (Robert Plant, р. 20 августа 1948 г., Уэст-Бромидж, Англия). Тот же в свою очередь привёл с собой ударника Джона Бонэма (John Bonham, родился 31 мая 1948 г., Бирмингем, Англия, умер 25 сентября 1980 г.). Рок-квартет сначала назывался «New Yardbirds», но стиль группы настолько разительно отличался от традиционно блюзовой манеры «Yardbirds», что вывеску решили изменить на «Led Zeppelin». Начиная с дебютного альбома 1969 гóда по 1976 г. они выпускают пять отличнейших альбомов, из которых настоящими шедеврами стали «Led zeppelin IV» с известнейшей «Stairway to Heaven» (1971 г.) и особенно двойник «Physical graffiti», песни из которого («Kashmir», «Trampled Underfoot», «In My Time Of Dying», «In The Light») стали безусловной и непревзойдённой классикой хард-рока. В 1982 годý вышел их последний альбом «Coda», смикшированный из записей, сделанных ещё при жизни Бонэма (после смерти которого 25.11.1980 г. группа прекратила существование). Оставшиеся участники группы с тех пор играли с другими музыкантами, занимались сольными проектами и при этом всегда помогали друг другу. Все вместе «Цеппелины» собирались весной 1988 гóда, но только ради единственного концерта, посвящённого 20-летию группы (за ударной установкой сидел сын покойного Джона Джейсон Бонэм; реюнион состоялся на лондонской арене O2 10 декабря, причём на 20 000 билетов, распространявшихся через интернет-лотерею, было подано более миллиона заявок). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале «запрыщавел», т. е. не просто придуманное слово, но ещё и с неправильным окончанием (следовало бы вообще «покрылся прыщами», но изменил максимально близко к переведённому тексту). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Они переехали в Аризону, — продолжала она. — У Айрис там родственники, во Флагстаффе. Я знаю, что Джордж сразу начал искать работу[15]… он чертёжник-конструктор… вот только не знаю, нашёл уже́ что-нибудь или нет. Но если нашёл, то думаю, в Розвуд они уже́ не вернутся. Она попросила меня продать кое-какие вещи… она — это Айрис… и сказала, что я могу взять себе двадцать процентов за хлопоты. А её деньги отправить ей чеком. Только, боюсь, денег немного получится. — Миссис Даймент вздохнула.

— Картина просто великолепная, — сказал Киннелл.

— Да. Жалко, что он их сжёг, все остальные свои работы. Так бы хоть что-то было интересное. А то бóльшая часть всех вещей, которые я тут пытаюсь продать, — обычный домашний хлам, только на выброс и годный. А *это* что?

Киннелл перевернул картину. На задней стороне рамки была приклеена какая-то бумажка.

— Наверное, название.

— И что там написано?

Киннелл приподнял картину[16] так,[17] чтобы Джуди было удобно самóй прочитать надпись. Получилось так, что картина оказалась как раз на уровне его глаз, и Киннелл воспользовался случаем, чтобы ещё раз её рассмотреть. И снова его захватило пронзительное ощущение чего-то потустороннего, заключённого в этой в общем-то непритязательной акварели: молоденький мальчик за рулём мощной спортивной машины, ребёнок со зловещей и искушённой усмешкой и омерзительными заточенными зубами.

А ведь оно очень подходит, название, — подумал он. — **Лучше и не придумаешь, как ни старайся.**

— «*Дорожный Ужас прёт на север*», — прочла Джуди вслух. — А я её и не заметила, эту штуку, когда мои мальчики таскали вещи. Это название, да?

— Наверное.

Киннелл не мог оторвать взгляд от усмешки блондинистого мальчика на картине. **Я кое-что знаю,** — говорила эта усмешка. — **Я знаю что-то такое, что тебе никогда не узнать.**

— Да, действительно сразу поверишь, что парень, который всё это изобразил, явно прибалдел от наркоты, — с огорчением проговорила Джуди. Киннелл отметил, что огорчение было искренним. — Неудивительно, что он покончил с собой и разбил мамино сердце.

15 В оригинале почему-то раздельно «работ у». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
16 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
17 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я, кстати, тоже еду на север, — сказал Киннелл, запихивая картину под мышку. — Спасибо за…

— Мистер Киннелл?

— Да?

— Могу я взглянуть на ваше водительское удостоверение? — Это было сказано совершенно серьёзно. Безо всякой издёвки и даже не по приколу. — Я должна записáть номер на вашем чеке. Так надо.

Киннелл поставил картину на землю и полез за бумажником.

— Пожалуйста. Без проблем.

Женщина, которая купила подставочки под стаканы с кадрами из «Звёздных войн», ужé было направилась к своей машине, но задержалась перед телевизором на лужайке — засмотрелась на мыльную оперу. Когда Киннелл проходил мимо, женщина покосилась на картину у него в руках.

— Надо же, — проговорила она. — И ведь кто-то купил это уродство. Кошмарная вещь. Я её каждый раз вспоминаю, когда свет гашу, и меня прямо дрожь пробирает.

— Да? И чего в ней такого уж жуткого? — спросил Киннелл.

✷ ✷ ✷

Тётушка Киннелла, тётя Труди, жила в Уэллсе, примерно в шести милях[18] к северу от границы штатов Мэн и Нью-Хэмпшир.

Киннелл съехал с шоссе на дорогу, которая огибала городскую водонапорную башню (ту самую, ядовито-зелёного цвéта с забавной табличкой-призывом жирными буквами высотой фута четыре[19]: «*СОХРАНИМ МЭН ЗЕЛЁНЫМ. ДАВАЙТЕ ДЕНЬГИ*»), и ужé через пять минут зарулил на подъездную дорожку к аккуратному маленькому тётушкиному домику. На лужайке, разумеется, не было никакого включённого телевизора, водружённого поверх мусорных корзин, — только цветочные клумбы, настоящая страсть тёти Труди. Киннеллу ужé давно хотелось отлить, но он не стал останавливаться по дороге. Зачем останавливаться в придорожной закусочной, если можно заехать к тётке и там с комфортом сходить в туалет, а заодно послушать свежие семейные сплетни? Тётя Труди всегда была в курсе всего, что происходит в семье, и знала, что, где и кто. И, конечно, ему не терпелось показать ей своё новое приобретение — картину.

18 В метрической системе 6 миль — это чуть более 9656 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
19 В метрической системе 4 фута — это чуть более 1,2 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Тётя вышла ему навстречу, крепко обняла и «обклевала» всё лицо своими фирменными быстрыми поцелуйчиками, которые стойко ассоциировались у Киннелла с чем-то птичьим и от которых его в детстве всегда трясло.

— Сейчас я тебе кое-что покажу, — сказал Киннелл. — Тебя так *протащит*, что ты из чулков своих выпрыгнешь.

— Интересная мысль, — развеселилась тётя Труди и с улыбкой уставилась на племянника, обхватив локти ладонями.

Киннелл достал из багажника картину. Тётю действительно протащило, но не так, как рассчитывал Киннелл. Она вдруг *страшно побледнела*. Киннелл в жизни не видел, чтобы люди бледнели *вот так* — словно вся краска разом сошла с лица́.

— Жуткая вещь, *нехорошая*, — натянуто проговорила тётя, и было заметно, что она изо всех сил старается,[20] чтобы не дрожал голос. — Мне не нравится. Наверное, я понимаю, *чем* она привлекла **тебя**, Ричи. Только ты-то **играешь** в свои кошмары, а здесь оно *всё настоящее*. Убери её лучше обратно в багажник, сделай тёте приятное. А когда будешь ехать через Сако, я тебе очень советую: остановись на мосту и брось её в реку.

Киннелл обалдело уставился на тётю. Он никогда не видел её *такой*. Тётя Труди плотно сжимала гу́бы, пытаясь унять дрожь. И она уже́ не держала себя за локти — нет, она буквально вцепилась ладонями в локти, как будто пыталась сдержать себя, чтобы не сорваться с ме́ста и не убежать. Она как-то вдруг постарела и из крепкой шестидесятилетней женщины превратилась в дряхлую девяностолетнюю старуху.

Киннелл не мог понять, *что* происходит.

— Тётя? — осторожно проговорил он, уже́ начиная тревожиться. — Что-то не так?

— Вот **это** не так. — Она оторвала правую руку от левого локтя и ткнула пальцем в картину. — Удивительно даже, что ты сам *ничего не чувствуешь* — при твоём-то богатом воображении.

Нет, **кое-что** Киннелл чувствовал. Определённо чувствовал. Иначе бы не стал отваливать за картину со́рок пять долларов. Но тётя Труди чувствовала что-то другое… или что-то **сверх** того, что чувствовал он сам. Киннелл повернул картину к себе (до этого он держал её так, чтобы тётушке было удобнее смотреть) и ещё раз взглянул на неё. И увидел *такое*, от чего у него перехватило дыхание, как от удара под дых. Внутри всё оборвалось.

Картина **переменилась**. Не сильно, но всё же *переменилась*. Улыбка белобрысого парня растянулась шире, заточенные людоедские зубы стали видны ещё лучше. Теперь он прищурился посильнее, и от этого вид у него стал ещё более искушённым и ещё более злобным.

20 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Неуловимая перемена в улыбке… гу́бы, растянутые чуть пошире —[21] так,[22] что острые зубы видны ещё лучше… другой прищур… другой взгляд… черты, которые очень зависят от субъективного восприятия. Такие вещи не запоминаешь в точности, всегда есть вероятность, что ты просто ошибся. Тем более что Киннелл не особенно-то и **приглядывался** к картине, когда её покупал. Да и миссис Даймент совершенно его уболтала. Она была явно из тех непомерно общительных женщин, которые так тебя заговорят, что пото́м в голове ещё долго будет зудеть.

Но была ещё одна вещь, которую никак нельзя было списа́ть на фокусы памяти и субъективного восприятия. Пока картина лежала в багажнике, молодой человек сдвинул левую руку — которую он поначалу держал поверх дверцы, — и теперь Киннелл разглядел татуировку, которой не было видно раньше. Обагрённый кровью кинжал, оплетённый виноградными листьями. А под ним — *надпись*. Киннелл разобрал только два сло́ва: «*ЛУЧШЕ СМЕРТЬ*». Но вовсе не обязательно быть популярным писателем — автором многих бестселлеров, чтобы сообразить, *что* там написано дальше. В конце концов, «*ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ*» — это как раз та вещь, которую бесноватые дорожные странники, приносящие только несчастья, типа этого парня с людоедской усмешкой, обычно и татуируют[23] у себя на руке. **А на другой руке — туза пик или цветок в горшочке,** подумал Киннелл.

— Тебе она очень не нравится, тётя? — спросил он.

— Очень не нравится.

И тут Киннелл заметил ещё одну любопытную вещь. Тётя Труди, оказывается, отвернулась и теперь делает вид, что с интересом смотрит на улицу (хотя на улице не было ничего интересного: обычная сонная и пустынная улица, разморенная жарким послеобеденным солнцем), лишь бы только ненароком не взглянуть на картину.

— *Отвратительная* картина. Давай ты её уберёшь, и пойдём в дом. Сдаётся мне, тебе надо кое-куда зайти.

✷ ✷ ✷

Как только Киннелл убрал акварель в багажник, тётя Труди сразу воспряла духом и, как говорится, вновь обрела свою прежнюю savoir-faire[24]. Они немного поговорили о матери Киннелла (живёт в Пасадене[25]), о его сестре

21 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
22 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
23 В оригинале великомогучее «вытатуировывают». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
24 Сметливость, живость (фр.). (примеч. пер.)

(в Батон-Руже) и о его бывшей жене Салли (в Нашуа[26]). Салли была дамой самостоятельной и не без прибабахов. Она держала приют для бездомных животных в здоровенном жилом автоприцепе и выпускала два ежемесячных журнала. В «Гостях с того света» публиковались статьи о всяких астральных делах и *якобы* правдивые истории из жизни ду́хов и привидений. В «Пришельцах», как явствует из названия, печатались рассказы людей, которые так или иначе общались с инопланетянами. Киннелл давно уже́ не посещал никаких сборищ, на которых писатели встречаются с восторженными читателями, помешанными на фэнтези и ужасах. Как он иногда говорил знакомым, *для одной жизни одной Салли вполне достаточно.*

Когда он,[27] наконец,[28] собрался ехать, была уже́ половина пятого ве́чера. Тётя пошла проводить его до машины. Она настойчиво зазывала его остаться поужинать, но Киннелл решил не терять день.

— Если я выеду прямо сейчас, то успею проехать бо́льшую часть пути до темноты.

— Ладно, — сказала тётя. — И ты прости, что я так разругала твою картину. **Конечно,** она тебе нравится. Тебе всегда нравились… всякие *странные* вещи. Просто **мне** она показалась… какой-то *не такой.* Может быть, я чего-то не понимаю. Но *это* **лицо**… — Она невольно поёжилась. — *Ужасное* лицо. Как будто ты на него смотришь… и чувствуешь, что *он тоже на тебя смотрит.*

Киннелл улыбнулся и чмокнул тётушку в кончик носа.

— Тётя, ты просто чудо. У тебя у само́й богатейшее воображение.

— Ну да, это у нас семейное. Кстати, не хочешь ещё раз сходить в туалет на дорожку?[29]

Он покачал головой.

— Я же не для этого заезжал.

---

25 Pasadena, Пасадина (иногда неправильно Пасадена) — название трёх городов (в Австралии и в США, в штатах Калифорния и Техас). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

26 Nashua, Нашуа (иногда Нэшуа) — город на юге штата Нью-Хэмпшир (New Hampshire), южнее Манчестера (Manchester). Административный центр (county seat) о́круга Хиллсборо (Hillsborough County). В 2008 г. 86,576 тыс. жителей; второй город штата. Крупный промышленный центр. Входит в т. н. индустриальный «Золотой треугольник» (Golden Triangle) штата, включающий также Манчестер и Портсмут (Portsmouth). Производство компьютеров и электронного оборудования, средств связи. Основан в 1656 г. как фактория (trading post) на территории Колонии Массачусетского залива (Massachusetts Bay Colony), с 1741 г. в составе Нью-Хэмпшира. В середине XIX в. сформировался как центр текстильной промышленности на р. Мерримак (Merrimack River) и канале Мидлсекс (Middlesex Canal, 1804 г.). Многие текстильные производства закрылись после WW2. Институт аэронавтики Новой Англии (New England Aeronautical Institute). Региональный центр контроля за воздушным движением (Federal Aviation Agency Center). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

27 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

28 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

29 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да? А для чего ты тогда заезжал?

— С тобой побеседовать, тётушка, — улыбнулся Киннелл. — Ты у нас всё про всех знаешь: кто хороший, а кто плохой. И ты не боишься рассказывать то, что знаешь.

— Ладно, езжай ужé. — Тётя пихнула его в плечо, изображая досаду. Но на сáмом деле она была очень довольна. — На твоём месте я бы поторопилась домой. Я бы, наверное, с ума сошла, доведись мне ехать одной в темноте с этим противным и злобным парнем, пусть даже он и лежит в багажнике. Я хочу сказать, ты его зубы видел? **Ну вот!**

✷ ✷ ✷

Киннелл всё-таки выехал на автобан, чтобы выгадать в скорости, и гнал,[30] как сумасшедший,[31] до сáмой заправки «Грей». На заправке он решил остановиться и ещё раз взглянуть на картину. Должно быть, тётушкина тревога передалась и ему, как зараза. Впрочем, он был уверен, что дело не в этом. Просто не давало покоя одно неприятное ощущение. И вот теперь Киннелл мучился: *показалось ему или картина действительно переменилась?*

В кафе на заправке предлагали стандартный набор *гурманских* закусок — гамбургеры и газировка в банках. На заднем дворе была оборудована маленькая уютная площадка со столиками и даже садик для выгула собак. Киннелл запарковался рядом с фургончиком с номерами штата Миссури. Заглушил двигатель. Сделал глубокий вдох, на пáру секунд задержал дыхание — и выдохнул. Он специально поехал в Бостон на машине, чтобы спокойно подумать, как преодолеть творческий «затык» и возобновить работу над книгой. И вот ирония судьбы́. По дороге туда он усиленно размышлял о том, как отвечать, если на конференции ему зададут очень правильные и заковыристые вопросы. Но никто ему этих вопросов не задал. Когда присутствующие уяснили, что **нет,** он **не знает,** *откуда* берутся его сюжеты, и что **да,** его самóго иногда пугают его измышления, они потеряли всяческий интерес к его творчеству и стали выспрашивать, где найти подходящего литагента.

И вот теперь, по дороге домой, он только и думает, что об этой проклятой картине.

30 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
31 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Неужели картина и вправду **переменилась?** Но если так — и нарисованный парень действительно сдвинул руку[32] так,[33] что Киннелл сумел прочесть надпись-татуировку, которую не было видно раньше, — тогда самое время садиться писáть статью для одного из журналов Салли. Или даже серию статей с продолжением. Но с другой стороны́, если картина не переменилась, тогда… что тогда? Галлюцинация приключилась на нервной почве? Бред собачий. С чего бы ему вообще нервничать? Чувствует он себя замечательно. Жизнь удалась. У него всё в порядке. Во всяком случае, **было** в порядке, пока не попалась эта картина, которая буквально зачаровала его, и теперь это очарование превратилось в какую-то странную, тёмную одержимость.

— Ладно, блин, успокойся. Просто в тот раз ты не рассмотрел как следует. — Киннелл произнёс это вслух и вышел из машины. Что ж, может быть. Может быть. В конце концов, у него в голове «замыкает» не в первый раз. Всё это фокусы восприятия. Тем более ему это вроде бы и по штату положено. Он ведь писатель, и пишет ужасы, и иногда его воображение немного…

— Заносит, — буркнул Киннелл себе под нос и открыл багажник. Достал картину, взглянул на неё. И пока он смотрел — секунд на десять забыв о том, что человеку вообще надо дышать, — он вдруг понял, что *эта картина его пугает. По-настоящему*. Как иногда нас пугает неожиданный тихий шорох в кустах. Как иногда нас пугает какое-нибудь неприятное насекомое, которое может ужалить, если его спровоцировать.

Теперь парень с картины улыбался ему — да, *именно ему*, а не просто так, Киннелл был в этом уверен на сто процентов, — и улыбка была безумной, и заточенные людоедские зубы обнажились во всей красе, до самых дёсен. Глáза у парня горели и в то же время как будто смеялись. А вот моста Тобин-Бридж не было и в помине. И Бостона, который виднелся вдали, тоже не было. И закатного неба не было. Теперь на картине царили темень и ночь. Громадный чёрный автомобиль и его бесноватого водителя освещал лишь тусклый свет единственного фонаря, отбрасывавшего маслянистые отблески на дорожный асфальт и на хромированные детали автомобиля. Чёрный автомобиль (скорее всего всё же «гранд-ам») въезжал в маленький городок у шоссе № 1. Киннелл узнал это место. Он сам проезжал там ещё сегодня.

— Розвуд, — пробормотал он себе под нос. — Это же Розвуд.[34]

Дорожный Ужас прёт на север, всё правильно. По шоссе № 1 — той же доро́гой, что и Киннелл. Парень по-прежнему держал левую руку на боковой дверце с опущенным стеклом, но теперь он повернул её так, что татуировка была не видна. Но Киннелл знал, что *она там есть*. Ведь знал же? Ну,[35] да.

32 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
33 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
34 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
35 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Блондинистый парень походил на фаната «Металлики»[36], который сбежал из дурдома, куда его упекли за преступление, совершённое в невменяемом состоянии.

— Боже правый, — прошептал Киннелл, и впечатление было такое, что эти слова́ произнёс не он, а кто-то другой. Его вдруг охватила внезапная слабость, как будто все силы разом покинули тело — утекли, точно вода из дырявого ведра. Киннелл тяжело опустился на бетонный поребрик[37], отгораживающий стоянку от садика. Он неожиданно понял, что есть одна правда, которую он почему-то не видел раньше, когда писа́л свои жуткие книги. В реальной жизни, когда человек вдруг сталкивается нос к носу с чем-то таким, что противоречит его здравому смыслу, он отзывается именно *так*. Тебе кажется, будто ты истекаешь кровью и умираешь. Только кровь течёт не из те́ла, а из мозгов.

— Неудивительно, что он покончил с собой, этот парень, который **такое** нарисовал, — выдавил Киннелл, не в силах оторвать взгляд от картины. От этой жестокой и дикой усмешки. От этих глаз, проницательных и остекленевших одновременно.

«**К рубашке он приколол записку,** — сказала тогда миссис Даймент. — **„Мне не вынести то, что со мной происходит“. Какой ужас, да, мистер Киннелл? Разве бывает что-то страшнее?**»

Нет, не бывает.

Действительно, не бывает.

Киннелл поднялся, не выпуская из рук картину, и пошёл через садик для выгула собак. Он сосредоточенно глядел себе под но́ги, чтобы не наступить на собачьи «дела́». На картину он не смотрел. Но́ги дрожали и подгибались, но

---

36 «Metallica» — американская рок-группа, основана Джеймсом Хетфилдом и Ларсом Ульрихом в Лос-Анджелесе в октябре 1981 го́да, а 25 мая 1982 го́да происходит историческое событие: группа впервые выходит на сцену (концерт в школе, в которой учился Ларс Ульрих). Представитель стиля хэви-метал, один из родоначальников стиля «трэш». Наиболее значительными считаются альбомы «Master Of Puppets» (1986 г.) и «… And Justice For All» (1988 г.). «Metallica» оказала большое влияние на развитие метала и входит (наряду с такими группами, как «Slayer», «Megadeth» и «Anthrax») в «большу́ю четвёрку трэш-метала», а её альбомы были проданы в общей сложности в количестве более 100 миллионов экземпляров по всему миру, что делает её одним из самых коммерчески успешных металлических коллективов. 2 сентября 2008 го́да (за десять дней до официально назначенной даты) в одном французском музыкальном магазине начались продажи альбома «Death Magnetic», девятой по счёту полноформатной студийной работы группы. Этот альбом дебютировал на первой строчке чартов во многих странах, в том числе в Австралии, Канаде и Мексике, а также в европейском чарте альбомов. В США было продано 490 000 копий пластинки. Кроме того, «Metallica» стала первой группой, которая выпустила пять подряд идущих альбомов, занимающих первое место в Billboard 200. 4 апреля 2009 го́да «Metallica» была введена в Зал славы рок-н-ролла. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

37 Питерский сленг: поребрик — бордюр (окаймление кра́я тротуара, отделяющее проезжую часть от пешеходной дорожки); орнаментальная кирпичная кладка, при которой один ряд кирпичей укладывается под углом к наружной поверхности стены́. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

вроде пока держали. Впереди — там, где кончалась лужайка и начинались деревья, — молодая красивая девушка в белых шортах и красном топике без рукавов с завязочками на шее выгуливала коккер-спаниеля. Она улыбнулась Киннеллу издалека, но тут же поджала гу́бы. Наверное, было у него в лице что-то такое, что заставило её испугаться. Она пошла влево. Причём быстрым шагом. Спаниелю это не понравилось. Он изо всех сил упирался, но девушка тащила его за собой, натягивая поводок. Бедный пёс кашлял и хрипел.

Сосновая роща на задах лужайки спускалась в болотистую низину, где пахло гнилыми листьями и разлагающимися телами мёртвых зверей. Ковёр из сухих сосновых игл давно превратился в придорожную мусорную свалку: повсюду валялись обёртки от гамбургеров, пластиковые стаканчики, смятые салфетки, банки из-под пива, пустые бутылки и сигаретные пачки. Киннелл заметил использованный презерватив, который лежал, словно дохлая змейка, рядом с разорванными в клочья дешёвенькими трусиками с надписью «*ВТОРНИК*», стилизованной под неровный школьный почерк.

Киннелл углубился подальше в рощу. Здесь он рискнул ещё раз взглянуть на картину. Он заранее подготовил себя к тому, что она может опять перемениться. Он даже не исключал возможности, что она будет двигаться, как в кино. Картина не двигалась. И, похоже, не изменилась. Но от этого Киннеллу легче не стало. Ему хватило одного только взгляда на лицо блондинистого парня. На эту зловещую, совершенно безумную улыбку. На эти заострённые зубы. Парень с картины как будто хотел сказать Киннеллу: **Эй, старик, знаешь чего? Мне покласть на ваш грёбаный мир, который вы называете цивилизованным. Я — человек настоящего поколения Х. И новое тысячелетие — вот оно, здесь, за рулём этой са́мой раздолбанной вздыбленной колымаги.**

Киннелл вспомнил, *что* сказала тётя Труди, когда увидела *эту* картину. Она сказала: *выбрось её в реку Сако*. И теперь Киннелл понял, что тётя была права́. Правда, Сако осталась уже́ в двадцати милях[38] позади. Но…

— Болото тоже сойдёт, — сказал он. — Вполне сойдёт.

Киннелл поднял картину высоко над головой, как спортсмен поднимает какой-нибудь кубок или другой победный трофей, позируя перед фотографами, и отшвырнул её от себя. Она полетела над склоном, па́ру раз перевернулась — рамка сверкнула, отразив тусклый свет заходящего солнца, — и ударилась о ствол дерева. Стекло разлетелось. Картина упала на землю и медленно съехала вниз по сухому слону, устланному ковром из сосновых иголок, прямо в заросли камыша на болоте. Наружу остался торчать только один уголок рамки. Но если к нему не приглядываться, то его почти и не было видно. Остались только осколки стекла на склоне, совершенно не бросающиеся в глаза́ на фоне другого мусора.

38 В метрической системе 20 миль — это чуть более 32 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Киннелл развернулся и пошёл обратно к машине. Теперь ему стало легче. Он знал, *как* справляться с *такими* делами, и уже́ настраивал себя на то, что просто забудет про этот случай, «задвинет» подальше в тёмный чулан сознания и сделает вид, что ничего вообще не было… Ему вдруг пришло в голову, что именно так, вероятно, и поступает подавляющее большинство людей, которым пришлось столкнуться с чем-то подобным. Обманщики с непомерно богатым воображением и психопаты, которым мерещатся всякие страсти, записывают свои измышления, рассылают по журналам типа «Гостей с того света» и утверждают, что всё это чистая правда. Но те, кто *действительно* соприкоснулся с потусторонним, молчат себе в тряпочку и убеждают себя, что ничего не было. Потому что если в твоей жизни появляются такие трещины, когда реальность разъезжается по швам, надо что-то делать. Если вовремя это не остановить, трещины превратятся в провалы, куда в конце концов всё и рухнет.

Обернувшись, Киннелл заметил ту самую красавицу со спаниелем. Она настороженно наблюдала за ним с безопасного — как она, должно быть, надеялась — расстояния. Девушка заметила, что он на неё смотрит, поспешно отвела глаза́ и направилась к ресторанчику на заправке. Ей снова пришлось тащить за собой упирающегося спаниеля. Шла она напряжённо, изо всех сил стараясь не вилять бёдрами.

Ты, наверное, думаешь, что я псих. Да, красотка? — подумал Киннелл. Он только сейчас заметил, что оставил багажник открытым. И теперь он зиял, как беззубая пасть. Киннелл раздражённо захлопнул багажник. — **И не ты одна, я так полагаю. Ты и ещё половина из тех, кто читает романы ужасов. Но я не псих. Я совершенно нормальный. Просто я совершил ошибку. Остановился на дворовой распродаже, которую должен был проезжать не глядя. Любой мог бы так ошибиться. Ты, например, могла бы. А эта картина…**

— **Какая** картина? — сказал Киннелл вслух, обращаясь к закатному небу. Он даже выдавил из себя улыбку. — Лично я никакой картины в глаза́ не видел.

Он уселся за руль своей «ауди», завёл двигатель и взглянул на индикатор топлива. Бензина осталось меньше полбака. До до́ма точно не хватит, придётся ещё заправляться. Но Киннелл решил, что заправится где-нибудь в друго́м месте. Сейчас ему хотелось лишь одного: отъехать как можно дальше — **как можно** дальше — от этого ме́ста, где он оставил картину.

Сразу на выезде из Дерри улица Канзас-стрит переходит в шоссе Канзас-роуд. За пределами городских предместий (одно слово, предместья, а так — настоящая сельская местность без намёков на город) шоссе превращается в обыкновенный просёлок, Канзас-лейн. Немного подальше, там, где Канзас-лейн проходит между двумя межевыми столбами, гудронированное покрытие сменяется гравием. То есть одна из самых загруженных и оживлённых улиц Дерри уже́ через восемь миль[39] к западу превращается в узкую просёлочную дорогу, проложенную по пологому склону холма. Лунными летними ночами она вся сверкает, напоминая призрачные пейзажи из поэзии Алфреда Нойеса. На вершине холма стои́т нескладный, но всё равно симпатичный дощатый сарай с зеркальными окнами — с виду вроде конюшня, но на са́мом деле гараж с тарелкой спутникового телевидения на крыше, направленной прямо к звёздам. Один остроумный корреспондент из «Дерри ньюс» назвал это строение «домом, который построил Гор» … кстати, совсем не имея в виду вице-президента США. Ричард Киннелл называл его просто *домом*. И в тот вечер он подъехал к дому с чувством несказанного облегчения. Он устал ужасно. Ощущение было такое, что с тех пор, как сегодня в девять утра́ он проснулся в отеле «Бостон-Харбор», прошёл не день, а неделя по меньшей мере.

Никаких больше дворовых распродаж, — сказал себе Киннелл, глядя на луну. — **Отныне и впредь.**

— Аминь, — заключил он, закрыл машину и направился к дому. Наверное, стоило бы загнать машину в гараж, но Киннелл решил, что чёрт с ней. Сейчас ему хотелось лишь одного: выпить чего-нибудь крепкого, быстренько перекусить — разогреть какую-нибудь ерунду в микроволновой печи́ — и завалиться спать. Причём спать желательно без сновидений. Чтобы поскорее закончился этот день.

Он вставил ключ в замо́к, открыл дверь и отключил сигнализацию, набрав комбинацию цифр на панели у двери́: *3817*. Пото́м включил свет в прихожей, перешагнул через порог, закрыл за собой дверь, обернулся, мельком глянул на стену, где в рамочках под стеклом висели обложки всех его книг и… закричал. То есть **мысленно** закричал. В уме. С губ не сорвалось ни звука — только *испуганный вздох*. Пото́м раздался глухой удар и тихий металлический лязг. Это ключи выпали из его ослабевшей внезапно руки́ и шлёпнулись на ковёр.

«Дорожный Ужас прёт на север», который сейчас должен валяться в камышах на болоте за автозаправочной станцией «Грей», висел на стене в прихожей.

39 В метрической системе 8 миль — это почти 13 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В доме Киннелла.

Картина вновь переменилась. Парень ужé никуда не ехал. Его машина стояла припаркованной на подъездной дорожке к коттеджу, где проходила дворовая распродажа. Вещи, предназначенные на продажу, по-прежнему были расставлены на лужайке: мебель, посуда, всякие керамические безделушки (собачки, курящие трубку, голозадые пупсики и рыбы с моргающими глазами). Только теперь двор был залит светом луны — всё той же похожей на череп луны, что висела в небе над домом Киннелла. Как и днём, телевизор стоял на улице. И он был включён. Бледный свет от экрана падал на траву, на опрокинутое пластиковое кресло и на то, что лежало рядом. Это была Джуди Даймент. Вернее, её *бездыханное тело*. И даже не тело, а только **часть.** Голову Киннелл увидел не сразу. Она стояла на гладильной доске, и мёртвые глазá блестели при свете луны, точно две тусклые монеты в полдоллара.

Задние фары «гранд-ама» представляли собой красно-розовое пятно размытой акварели. В первый раз Киннелл увидел машину с картины *сзади*. Там, на багажнике, была надпись, выполненная в старинном готическом стиле. Два слóва: «*ДОРОЖНЫЙ УЖАС*».

Всё правильно, — тупо подумал Киннелл. — *Всё логично. Это не он, а его машина. Хотя, наверное, разница не велика.*

— Так не бывает, — прошептал он себе под нос.

Но ведь было же. *Было*. Может быть, ничего подобного не случилось бы с кем-то другим, кто не настолько открыт для *таких* вещей. Но с Киннеллом *это случилось*. Ошарашенно глядя на картину, Киннелл вдруг вспомнил табличку на столике у Джуди Даймент. Там было написано: *ОПЛАТА ТОЛЬКО НАЛИЧНЫМИ* (хотя у него Джуди всё-таки взяла чек, пусть даже на всякий случай[40] и записáла номер его водительского удостоверения). Но там было написано и кое-что ещё:

ПРОДАННЫЕ ТОВАРЫ ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ.

Киннелл прошёл мимо картины в гостиную. У него было такое чувство, будто он здесь посторонний. Чужой в собственном теле. Он поймал себя на том, что разум — сам по себе, независимо от него — лихорадочно ищет, как отгородиться от происходящего. Ищет — но не находит.

Киннелл включил телевизор и декодер спутниковой антенны и настроился на канал V-14. Всё это время он буквально физически ощущал присутствие картины в доме. Нет, не думал о ней, просто чувствовал, что она *рядом*, эта картина, которая каким-то непостижимым образом *опередила* его и *проникла* в дом.

40 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Знала, как срезать дорогу, — произнёс Киннелл вслух и рассмеялся.

На этот раз на картине не было ужасного белобрысого парня. Однако за рулём «гранд-ама» чернела какая-то размытая тень — наверняка это был он. Дорожный Ужас закончил делá в Розвуде. И попёр дальше на север. И его следующая остановка…

Киннелл не стал додумывать эту мысль. Он заставил себя обрубить её прежде, чем она оформится у него в мозгах и он осознает, **что** это может значить.

— В конце концов, я не знаю. Может быть, мне всё это мерещится, — сказал он, обращаясь в пустоту. Он думал, что звучание собственного гóлоса поможет ему успокоиться. Но голос дрогнул, сорвался на хрип, и в итоге Киннелл ещё больше перепугался. — Вполне может статься, что…

Он не знал, *как* закончить фразу. В голову лезла только строка из одной старой песни, которую в своё время исполнял кто-то из подражателей раннего Фрэнка Синатры[41] в стиле «псевдохип-хоп»: **Вполне может статься, что это начало чего-то ЗНАЧИТЕЛЬНОГО…**

В телевизоре тоже играла песня. Вернее, даже не песня, а пока только вступление. И не Синатра, а Пол Саймон. На голубом экране горели белые буквы, как на мониторе компьютера:[42] *ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА НОВОСТНУЮ ЛЕНТУ НОВОЙ АНГЛИИ*. Далее шла подробная инструкция, *как* делать запрос, но Киннеллу незачем было её изучать. Он давно ужé «баловался» с новостным телетекстом и знал, *что* надо делать. Он набрал нужную комбинацию цифр, ввёл номер своей кредитной карты и код региона: *508*.

— Вы заказали прочтение новостей по (секундная пауза) центральному и северному регионам штата Массачусетс, — произнёс электронный голос. — Спасибо…

---

41 Frank Sinatra, Фрэнк Синатра (1915-1998 гг.) — американский певец и актёр, в 1940-х приобрёл общенациональную известность и миллионы поклонников. Славился романтическим стилем исполнения песен и «медовым» (crooning) голосом, а также эффектной внешностью. В молодости его все звали Фрэнки (Frankie) и «Голос» («the Voice»), в более поздние годы — Мистер Голубые Глазá (Ol' Blue Eyes) и уважительно Старейшина (Chairman of the Board). Песни в его исполнении вошли в классику эстрады, на них воспитаны несколько поколений американцев. За 50 лет активной творческой деятельности записал около 100 неизменно популярных дисков-синглов, исполнил все самые известные песни крупнейших композиторов США: Дж. Гершвина (George Gershwin), К. Портера (Cole Porter) и И. Берлина (Irving Berlin). С 1941 г. снимался в кино, в общей сложности в 50 с лишним фильмах, в том числе «Увольнение в город» («On the Town», 1949), «Отныне и во веки веков» («From Here to Eternity», 1953) — премия «Оскар» (Oscar), «Человек с золотой рукой» («Man With the Golden Arm», 1955), «Парни и девчонки» («Guys and Dolls», 1955), «Высшее общество» («High Society», 1956), «Канкан» («Can-Can», 1960), «Детектив» («The Detective», 1968), «Первый смертный грех» («The First Deadly Sin», 1980). Владел крупным игорным бизнесом в Лас-Вегасе (Las Vegas), подозревался в связях с мафией. Оставил сцену в 1971 г., но записи его песен продолжают слушать и сегодня. В конце 1995 гóда было торжественно отмечено 80-летие Синатры. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

42 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Киннелл положил телефонную трубку на рычаг и повернулся к телевизору. На экране уже́ возник логотип Новостной ленты Новой Англии. Он нетерпеливо прищёлкнул пальцами.

— Ну,[43] давай же, давай.

Экран моргнул, и синий фон сменился зелёным. Появилось первое сообщение. Что-то насчёт пожара в жилом доме в Тон-тоне. Пото́м последовал краткий отчёт об очередном скандале вокруг собачьих бегов. Пото́м — прогноз погоды на завтра: тепло и ясно. Потихонечку Киннелл расслабился и начал уже́ сомневаться: может, там ничего и нет, на стене в прихожей. Может, ему просто всё это привиделось. В конце концов, он ужасно устал после долгой доро́ги — вот и лезет в башку всякая ерунда. Но тут телевизор пронзительно забибикал, и на экране возникли слова́ «*ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ*». Киннелл уставился на экран.

НЛНА телетекст 19 АВГУСТА/ 20:40 В РОЗВУДЕ ЗВЕРСКИ УБИТА ЖЕНЩИНА, ПОМОГАВШАЯ ОТСУТСТВУЮЩЕЙ ПОДРУГЕ. 38-ЛЕТНЯЯ ДЖУДИТ ДАЙМЕНТ УСТРОИЛА ДОМАШНЮЮ РАСПРОДАЖУ ВЕЩЕЙ ПО ПОРУЧЕНИЮ СВОЕЙ СОСЕДКИ. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРЕСТУПНИК ЗАРУБИЛ МИССИС ДАЙМЕНТ ТОПОРОМ. СОСЕДИ НЕ СЛЫШАЛИ НИЧЕГО ПОДОЗРИТЕЛЬНОГО. ТРУП ОБНАРУЖИЛИ ТОЛЬКО В ВОСЕМЬ ВЕ́ЧЕРА, КОГДА СОСЕД ИЗ ДО́МА НАПРОТИВ — ДЭВИД ГРЭЙВЗ — ПРИШЁЛ ВОЗМУЩАТЬСЯ, ЧТО ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ДОМОМ У МИССИС ДАЙМЕНТ СЛИШКОМ ГРОМКО РАБОТАЕТ ТЕЛЕВИЗОР. МИСТЕР ГРЭЙВЗ ГОВОРИТ, ЧТО ТЕЛО БЫЛО РАСЧЛЕНЕНО. «ЕЁ ГОЛОВА ЛЕЖАЛА НА ГЛАДИЛЬНОЙ ДОСКЕ, — СКАЗАЛ ОН ПОЛИЦИИ. — ЭТО БЫЛО УЖАСНО. ТАКОГО КОШМАРА Я В ЖИЗНИ НЕ ВИДЕЛ». МИСТЕР ГРЭЙВЗ ГОВОРИТ, ЧТО НЕ СЛЫШАЛ НИ КРИКОВ, НИ ШУМА БОРЬБЫ: ТОЛЬКО ЗВУК ТЕЛЕВИЗОРА И — НЕЗАДОЛГО ДО ТОГО КАК ПОЙТИ К МИССИС ДАЙМЕНТ — РЁВ МОЩНОГО АВТОМОБИЛЯ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ОСНАЩЁННОГО ГЛУШИТЕЛЕМ, КОТОРЫЙ ОТЪЕЗЖАЛ ОТ СОСЕДНЕГО ДО́МА ПО ШОССЕ № 1. ЕСТЬ ПОДОЗРЕНИЕ, ЧТО АВТОМОБИЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ УБИЙЦЕ…

Да, за одним исключением.

Это — не подозрение, а непреложный факт.

43 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дыша тяжело — не как загнанный зверь, но уже́ близко к тому, — Киннелл бросился в прихожую. Картина действительно была там. И она снова переменилась. Теперь на ней были видны лишь два ослепительных белых круга — передние фары, — за которыми только угадывались тёмные очертания автомобиля.

Он **едет дальше,** — сказал себе Киннелл. И тут он всё же **подумал** о тёте Труди — милой тётушке Труди, которая всё про всех знала: кто хороший, а кто плохой. О замечательной тётушке Труди, которая жила в Уэллсе, в каких-нибудь сорока́ милях[44] от Розвуда.

— Пожалуйста, Господи, пусть он поедет по побережью, — сказал Киннелл вслух, протянув руку к картине. Толи[45] ему опять показалось, толи[46] фары и вправду слегка раздвинулись, как будто нарисованная машина действительно мчалась вперёд… но как бы крадучись, неуловимо для гла́за, как минутная стре́лка движется по циферблату. — Пусть он свернёт на шоссе, которое по побережью идёт. Пожалуйста.

Он сорвал картину со стены́ и метнулся в гостиную. Камин, естественно, был заставлен экраном. Пройдёт ещё ме́сяца два, если не больше, прежде чем понадобится его топить. Киннелл отшвырнул экран и засунул картину в камин. При этом он расколол стекло — которое уже́ разбивалось однажды, в рощице за заправочной станцией — о железную подставку для дров. Пото́м Киннелл бросился в кухню, на ходу размышляя о том, *что* он будет делать, если то, что он думает сделать сейчас, опять не поможет.

Должно помочь, — твердил он себе. — **Должно, потому что… должно. Просто должно и всё.**

Он распахнул кухонные шкафы и принялся лихорадочно рыться по полкам. Опрокинул открытую пачку овсяных хлопьев. Рассыпал соль. Уронил бутылку с уксусом. Бутылка разбилась о раковину, и в нос и глаза́ Киннеллу ударили едкие пары́.

Здесь её нет. Того, что нужно, здесь нет.

Он вбежал в туалет. Глянул за дверью. *Ничего. Только пластиковое ведёрко и жидкость для мытья ванны. Так. Тогда на полочке у сушилки. Ага, вот она. Рядом с брикетами угля.*

Горючая жидкость.

Киннелл схватил бутылку и поспешил обратно в гостиную. Проходя через кухню, он мельком глянул на телефон на стене. Наверное, стоило задержаться и позвонить тёте Труди. Киннелл очень хотел позвонить. Тётя всегда ему доверяла. Она не станет задавать лишних вопросов. Если любимый племянник

44 В метрической системе 40 миль — это почти 64 ½ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
45 В оригинале «То ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
46 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

позвонит на ночь глядя и скажет, что ей надо срочно уехать из до́ма, уехать прямо **сейчас,** то она так и сделает… но что, если блондинистый парень с картины за ней погонится? Что, если он рванёт следом?

А он так и сделает. Киннелл **знал,** что он *так* и сделает.

Он пролетел через гостиную и остановился перед камином.

— Господи Боже, нет, — прошептал он.

На картине за растрескавшимся стеклом больше не было света фар, направленных прямо на зрителя. Теперь «гранд-ам» ехал вниз по крутому изгибу доро́ги, которая могла быть только съездом со скоростного шоссе. Лунный свет переливался, как жидкий шёлк, на чёрных боках автомобиля. На заднем плане виднелась водонапорная башня. И слова́, написанные на ней, легко читались при ярком свете луны. «*СОХРАНИМ МЭН ЗЕЛЁНЫМ. ДАВАЙТЕ ДЕНЬГИ*».

Киннелл плеснул на картину горючей жидкостью, но не попал с первого раза. Ру́ки тряслись, и жидкость просто растеклась по той части стекла, которая осталась целой. Пятно замутило складной верх Дорожного Ужаса. Киннелл сделал глубокий вдох, примерился и плеснул опять. На этот раз жидкость попала точно на дырку в разбитом стекле и просочилась под рамку. Она пошла бурыми разводами по акварели, въедаясь в бумагу, растворяя краску.

Киннелл взял декоративную спичку из кувшинчика на каминной полке, зажёг, чиркнув по кирпичам под очагом, засунул в дырку в стекле. Картина загорелась мгновенно — пламя охватило «гранд-ам» и водонапорную башню на заднем плане. Стекло, ещё остававшееся в рамке, разом почернело и лопнуло, разлетевшись брызгами горящих осколков. Киннелл затоптал их ногами, поспешив погасить пламя, пока оно не подожгло ковёр.

✷ ✷ ✷

Он подошёл к телефону и набрал номер тётушки Труди, даже не сознавая, что по щекам у него текут слёзы. На третьем гудке сработал автоответчик. «*Привет,* — поздоровался он голосом тёти Труди. — *Я знаю, что мне не сто́ит этого говорить, дабы не поощрять грабителей, но меня нет до́ма. Я поехала в Кеннебанк смотреть новый фильм с Харрисоном Фордом. Если вы собираетесь меня грабить, пожалуйста, не забирайте мою коллекцию фарфоровых поросят. Если хотите мне что-то сказать, говорите после сигнала*».

Киннелл дождался сигнала и наговорил, очень стараясь, чтобы голос его не дрожал:

— Тётя Труди, это Ричи. Когда вернёшься домой, позвони мне, ладно? В любое время, пусть даже и поздно.

Он повесил трубку, взглянул на экран телевизора и снова набрал номер Новостной ленты телетекста, только на этот раз задав код штата Мэн. Пока компьютер на том конце линии обрабатывал заказ, Киннелл вернулся к камину и поворошил кочергой сморщенные, почерневшие останки картины. За́пах был просто ужасный — по сравнению с ним, едкий за́пах пролитого уксуса казался просто божественным ароматом, — но Киннеллу было уже́ всё равно. Картины больше не было. Она превратилась в пепел. И ради этого можно стерпеть что угодно.

А если он снова вернётся, Дорожный Ужас?

— Не вернётся. — Киннелл поставил кочергу на место и вернулся к телевизору. — Я уверен, что он не вернётся.

✷ ✷ ✷

И всё-таки каждый раз, когда сообщения на новостной линии начинались по новому кругу, Киннелл прочитывал их очень внимательно. От картины остался лишь пепел на кирпичах под очагом… и в новостях не появлялось никаких сообщений о зверском убийстве пожилой женщины в Уэллсе, Сако или Кеннебанке. Но Киннелл всё равно продолжать следить за телетекстом, как будто где-то подспудно едва ли не ждал, что на экране появится что-то вроде: *«ГРАНД-АМ» НА ПОЛНОЙ СКОРОСТИ ВРЕЗАЛСЯ В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КЕННЕБАНКСКИЙ КИНОТЕАТР. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ, ПОГИБЛО ОКОЛО ДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК.* Но ничего подобного не появилось.

В четверть одиннадцатого зазвонил телефон. Киннелл схватил трубку:

— Алло?

— Это Труди. С тобой всё в порядке, мой хороший?

— Да, всё в порядке.

— А то у тебя голос какой-то странный, — сказала тётя. — Дрожит… да и вообще, не такой какой-то. Что случилось? Это всё из-за *неё*? — И тут тётя сказала *такое*, что повергло Киннелла в леденящий ужас, но всё-таки не удивило:[47] — Это всё из-за этой картины, которая так тебе нравилась, да? Из-за этой *проклятой картины*?

Киннелл вдруг успокоился. Может быть, потому что тётя оказалась такой проницательной… ну и, конечно же, из-за того, что с ней ничего не случилось.

— Да, может быть, — сказал он. — Меня как-то так колотило всю дорогу до до́ма. И я её сжёг. В камине.

Она всё равно скоро узнает про Джуди Даймент, — твердил предательский внутренний голос. — **У неё нет спутниковой тарелки ценой в двадцать тысяч долларов, но она получает «Юнион-лидер», и завтра же эта новость будет на первой полосе. Тётя умная женщина и сразу сообразит,[48] что к чему.**

Да, всё верно. Но дальнейшие объяснения могут подождать и до утра́, когда возбуждение немного спадёт… когда он, возможно, найдёт способ, как ему поразмыслить над всем, что случилось, не сходя при этом с ума… и когда он будет уверен, что всё закончилось и Дорожного Ужаса больше нет.

— *Вот и славно,* — с нажимом проговорила тётя. — И знаешь что? Ты бы и пепел развеял тоже. — Она на секунду умолкла и продолжила, понизив голос:[49]— Ты за меня волновался, да? Потому что ты мне показывал эту картину?

— Да, немножечко волновался.

— Но теперь тебе лучше?

Киннелл откинулся в кресле и закрыл глаза́. Ему действительно стало легче.

— Э, как кино?

— Замечательно. Харрисон Форд изумительно смотрится в форме. Вот если бы он ещё как-то убрал эту шишку на подбородке…

— Спокойной но́чи, тётя Труди. Завтра поговорим.

— *Поговорим*?

— Да. Я так думаю, — сказал Киннелл.

47 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
48 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
49 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он положил трубку на место, встал, подошёл к камину и ещё раз пошевелил кочергой пепел. Картина сгорела почти вся. Остался только кусок крыла чёрного автомобиля и обуглившийся клочок доро́ги. Но это, наверное, уже́ не страшно. Может быть, именно так и надо было поступить с са́мого начала? В конце концов, именно так и следует изничтожать сверхъестественных посланцев зла — жечь их огнём. Ну,[50] да. Он сам использовал этот сюжетный ход в нескольких своих книгах. В частности, в «Отбывающем поезде» — романе про железнодорожный вокзал, населённый призраками.

— Вот именно, — произнёс Киннелл вслух. — Гори, детка, гори.

Он подумал о выпивке, которую обещал себе на подъезде к дому. Выпить, конечно, стоило. Но тут Киннелл вспомнил пролитый уксус (который уже́, наверное, впитался в рассыпанные овсяные хлопья — ну,[51] и мысли иной раз приходят в голову!) и решил, что лучше сразу лечь спать. В романах ужасов — к примеру, в романах Ричарда Киннелла — герой, переживший подобное приключение, не спит до утра́. Потому что не может заснуть.

Но жизнь — это не книга. В жизни люди ложатся спать и засыпают вполне нормально.

✷ ✷ ✷

На са́мом деле он задремал уже́ в ду́ше, привалившись спиной к стене и не успев даже смыть шампунь. Вода била его по груди́. Киннеллу снился сон. В этом сне он снова попал на дворовую распродажу. В телевизоре, установленном на мусорных корзинах, показывали Джуди Даймент. Её голова была на месте, но Киннелл видел, что она пришита к телу грубыми халтурными стежками, как будто пришивал её неумелый хирург. Шов шёл вокруг шеи, точно кошмарное ожерелье.

— Вы смо́трите Новостную ленту Новой Англии, версию обновлённую и исправленную, — сказала миссис Даймент, и когда она заговорила, Киннелл, который всегда видел яркие и живые сны, на са́мом деле **увидел,** как швы у неё на шее натягиваются и расслабляются при каждом слове. — Бобби Хастингз сжёг все свои картины. **Все** до единой, включая и **вашу,** мистер Киннелл… а она **ваша,** как вы сами, я думаю, уже́ поняли. Проданные товары возврату не подлежат, вы ведь читали уведомление. Вы ещё радуйтесь, что я взяла у вас чек.

50 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
51 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сжёг все свои картины. Ну,[52] **да. Всё правильно. Он и должен был сжечь их все,** — подумал Киннелл в своём водянистом сне. — *«Мне не вынести то, что со мной происходит», вот что он написáл перед смертью. А когда человек доходит до предела и жжёт за собой все мосты, вряд ли он станет медлить и размышлять, не спасти ли от пламени что-то одно — то особенное, что достойно остаться. А ведь ты действительно что-то такое особенное вложил в свой «Дорожный Ужас прёт на север». Да, Бобби? И, наверное, сам того не желая. Просто так получилось. Случайно. Ты был очень талантливым, я это понял сразу, но талант здесь вообще ни при чём. В том, что касается этой картины.*

— Есть вещи, которые сохраняются навсегда, — говорила из телевизора Джуди Даймент. — Они возвращаются снова и снова, как бы ты ни старался от них избавиться. Они *возвращаются.* Они липнут к тебе, как зараза.

Киннелл протянул руку и переключил канал, но, как оказалось, по всему диапазону шла только одна передача: «Шоу Джуди Даймент».

— Можно сказать, он пробил брешь в основании Вселенной, — говорила она теперь. — Он, это Бобби Хастингз. И оттуда вывалилось вот **такое.** Замечательно, правда?

Нóги Киннелла поехали по скользкому кафелю. Он мгновенно проснулся. Хорошо ещё, что не упал.

Он зажмурился — мыло попало в глазá, и глазá защипало (пока он спал и видел сон, шампунь стёк на лицо густыми белыми ручьями). Он набрал воду в ладони и плеснул на лицо. А когда набирал воду снова, вдруг услышал какой-то звук. Какое-то сбивчивое тарахтение.

Не будь идиотом, — сказал он себе. — **Здесь только шум воды́ в ду́ше. И больше ты ничего не слышишь. Тебе просто кажется.**

Или нет?

Киннелл протянул руку и выключил воду.

Он по-прежнему слышал это непонятное тарахтение. Глухое и мощное. И звук доносился откуда-то с улицы.

Киннелл вылез из ду́ша и прошёл, даже не вытеревшись, к себе в спальню на втором этаже. Он так и не смыл шампунь с волóс, и впечатление было такое, что он стал седым, пока дремал в ду́ше, — как будто сон про Джуди Даймент заставил его поседеть.

И зачем я вообще останавливался на этой проклятой распродаже? — спросил он себя. Но ответа на этот вопрос он не знал. И, наверное, не знал никто.

52 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда Киннелл встал у окна́, что выходило на подъездную дорожку к дому — на ту самую дорожку, которая лунными летними ночами искрилась, как призрачные пейзажи из поэзии Алфреда Нойеса, — звук снаружи стал громче.

Он отодвинул занавеску и выглянул на улицу. Он вдруг поймал себя на том, что думает о своей бывшей жене Салли, с которой познакомился в 1978 году́ на международной встрече писателей и читателей фэнтези. О Салли, которая теперь живёт в автоприцепе и выпускает два ежемесячных журнала: «*Гости с того света*» и «*Пришельцы*». Пока Киннелл смотрел на дорогу, эти названия наложились у него в сознании, как двойная картинка в стереоскопе.

Ему явился *пришелец*, который был явно *гостем с того света.*

«Гранд-ам» с картины стоял перед домом. Из двух хромированных выхлопных труб вырывались клубы белого дыма и медленно растворялись в воздухе. Надпись на багажнике, выполненная старинным готическим шрифтом, ясно читалась при свете луны. Дверца с водительской стороны́ была открыта. Но это ещё не всё. Судя по свету, льющемуся на ступени крыльца, передняя дверь в доме Киннелла была открыта тоже.

Забыл запереть её на замо́к, — подумал Киннелл, вытирая со лба мыльную пену вдруг онемевшей и потерявшей всякую чувствительность рукой. — **Забыл поставить на сигнализацию... хотя вряд ли бы это спасло. Для этого парня не существует замко́в и сигнализаций.**

Что ж, может быть, Киннеллу и удалось направить его прочь от тётушки Труди, и это было уже́ кое-что. Но сейчас эта мысль не принесла ему облегчения.

Гости с того света.

Глухое тарахтение мощного двигателя в 442 лошадиные силы, не меньше. С баком на четыре барреля, усиленными клапанами и прямой инжекцией.

Киннелл — голый и мокрый, с головой в мыльной пене — медленно развернулся, не чувствуя под собой ног, и увидел *картину*. Именно там, где и думал увидеть: на стене над кроватью. «Гранд-ам» стоял на подъездной дорожке у его до́ма, дверца с водительской стороны́ была открыта, а из хромированных выхлопных труб валил дым. Под этим углом Киннеллу была видна дверь его до́ма, открытая нараспашку, и длинная тень человека на полу́ прихожей.

Гости с того света.

Гости с того света и **пришельцы.**

Теперь Киннелл слышал шаги. *Тяжёлые* шаги — вверх по лестнице. Он знал, что блондинистый парень носит мотоциклетные сапоги. Ему не надо было этого видеть. Люди, которые делают на руках татуировки *ЛУЧШЕ*

СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ, носят только мотоциклетные сапоги. И курят только «Кэмел» без фильтра. Подобные вещи — они как закон, обязательный к исполнению.

Да, и ещё нож. У него обязательно есть с собой нож. Большой и острый. Что-то вроде мачете. Подходящая штука для того, чтобы снести человеку голову одним размашистым ударом.

И он наверняка сейчас улыбается, обнажая свои заточенные людоедские зубы.

Киннелл всё это **знал.** Не зря же он сам навыдумывал столько ужасов.

У него было богатое и живое воображение.

— Нет, — прошептал Киннелл, вдруг осознав, что он совершенно голый. Только теперь до него дошло, что его бьёт озноб. — Нет. Пожалуйста, уходи.

Но шаги *приближались*. Конечно, они приближались. Такому парню, как этот — с картины, — нельзя просто сказать:

«*Уходи*». Потому что он всё равно *не уйдёт*. Потому что, по законам жанра, истории *так* не кончаются.

Киннелл слышал, что белобрысый ужé поднялся по лестнице. С улицы доносился рёв незаглушённого двигателя «гранд-ама».

Парень шёл по коридору. Его сбитые каблуки поскрипывали по натёртому паркету.

Киннелла как будто парализовало. Неимоверным усилием воли он скинул с себя оцепенение и бросился к двери́, чтобы запереть её, пока эта **тварь** не вошла. Но он поскользнулся на лужице мыльной воды́ и на **этот раз** не устоял на ногах. Он упал на спину и увидел, как распахнулась дверь. Увидел тяжёлые мотоциклетные сапоги. Парень с картины неторопливо направился туда, где лежал Киннелл — голый и мокрый, с головой в мыльной пене. А на стене над кроватью висела картина, и на картине «Дорожный Ужас» стоял припаркованным у его до́ма, и дверца с водительской стороны́ была открыта.

И всё переднее сиденье автомобиля было залито кровью. **Кажется, мне придётся выйти на улицу,** подумал Киннелл и закрыл глаза́.

© Стивен Кинг

Дэвид Моррелл «Готика на Рио-Гранде»

Когда Ромеро,[53] наконец,[54] заметил на дороге кроссовки, до него дошло, что он уже́ несколько дней их видел. По дороге в город вдоль Олд-Пекос, мимо глинобитных стен Женского клуба Санта-Фе, слева. Подъезжая к баптистской церкви стиля кантри справа, он доехал до гребня холма и увидел па́ру кроссовок на жёлтой разделительной полосе. Вот тогда и свернул свою полицейскую машину на грунтовую обочину.

Хмурясь, вылез он из машины и положил больши́е пальцы на ремень с кобурами, не замечая рёва проезжающих машин и разглядывая эти самые кроссовки. Связанные шнурками, сзади фирменный ярлык «Найки»[55]. Одна лежала на боку́, показывая, насколько износилась подошва. *Но вчера их на дороге не было,* сообразил Ромеро. *То была пара кожаных сандалий.* Он вроде бы их мельком отметил про себя. *А позавчера? Женские туфли на высоких каблуках? Точно не вспомнить, но какая-то пара обуви тут лежала. Что за? …*

Дождавшись перерыва в потоке машин, Ромеро подошёл к разделительной полосе и всмотрелся, будто пытаясь разрешить загадку. Какой-то пикап перевалил через гребень слишком быстро, чтобы его заметить, и ветром от него на Ромеро рвануло тренч. Он еле обратил внимание, занятый кроссовками. Но тут ещё один грузовик пронёсся через перевал, и Ромеро понял, что лучше бы отойти с доро́ги. Отцепив от по́яса дубинку, он просунул её под шнурки и поднял кроссовки. Ощущая их вес, он переждал проезжающий мини-фургон, пото́м вернулся к своей машине, отпер багажник и бросил туда кроссовки. *Наверное,* решил он, *с другими туфлями здесь было точно так же. Мусоросборщик или кто-нибудь из городских служб остановился и убрал их.* Сейчас середина мая. Скоро туристский сезон

53 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
54 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
55 В оригинале «Найк», хотя несомненно подразумевается Nike, «Найки» (часто действительно неправильно транскриптируется как Найк; в честь греческой богини победы Ники) — товарный знак популярных кроссовок и спортивной одежды производства одноимённой компании «Nike, Inc.», правление которой находится в г. Бивертон (Beaverton), шт. Орегон (Oregon). Также см. 267. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

развернётся вовсю, и нехорошо, если гости будут видеть на дороге мусор. Ромеро решил выбросить кроссовки в мусорный ящик, когда доедет до участка.

Следующий пикап, переваливший через холм, гнал не меньше пятидесяти[56]. Ромеро влез в полицейский джип, врубил сирену и остановил нарушителя, когда тот уже́ проехал на красный свет у са́мой Кордовы.

✷ ✷ ✷

Ему было со́рок два го́да, и пятнадцать из них он служил в полиции Санта-Фе, но тридцати тысяч долларов, которые он зарабатывал каждый год, не хватало на дом в Санта-Фе — слишком там высокие це́ны на недвижимость, и потому он жил в пригородном Пекосе в двадцати милях[57] к северо-востоку, где раньше жили его отцы и деды. Жил он, конечно, в том же доме, где жили родители, пока пьяный водитель, едущий не по той полосе, ударил в их машину на полной скорости. Этот скромный дом когда-то стоял в тихом районе, но полгода назад в квартале от него построили супермаркет, и всю окру́гу заполонил шум и сутолока автомобилей. Женился Ромеро в двадцать лет. Жена его работала агентом страховой компании в Пекосе. Двадцатидвухлетний сын жил с ними и работы не имел. Каждое утро Ромеро вёл с ним разговоры насчёт поиска работы. За ними следовали другие разговоры, в ходе которых жена Ромеро ему объясняла, что он слишком суров к мальчику. Как правило, они с женой уходили из дому, уже́ не разговаривая друг с дру́гом. Ромеро, когда-то подтянутый и спортивный, звезда футбольной команды школы, порядком обрюзг от чрезмерного количества еды навынос и долгих часов за рулём. Этим утром он заметил у себя на висках седину.

✷ ✷ ✷

К тому времени, как Ромеро разобрался с превысившим скорость пикапом, ограблением до́ма, куда его послали составлять протокол, и карманником, которого ему удалось поймать, он уже́ забыл о кроссовках. Пото́м его отвлекла драка между давно враждовавшими соседями — один опередил другого на автостоянке у ресторана. Пото́м он оформлял бумаги в

56 Очевидно, подразумевается 50 миль/час, а в метрической системе это — почти 80 ½ км/ч. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

57 См. 38. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

участке, присутствовал на отчётной летучке в конце дня, и его не надо было сильно уговаривать опрокинуть по пиву с коллегами, вместо того,[58] чтобы сразу мобилизоваться на двадцатимильный[59] путь к домашним сложностям. Домой он попал в десять, когда жена и сын давно уже́ поели. Сын шлялся где-то с приятелями, жена уже́ легла спать. Он поел, что осталось, глядя в телевизоре повторение старой комедии трюков, которая и при первом-то просмотре не была смешной.

✷ ✷ ✷

На следующее утро, выехав на холм у баптистской церкви, Ромеро напрягся при виде па́ры мокасин, валяющихся на разделительной полосе. Резко съехав на обочину, он открыл дверь и поднял ру́ки, останавливая движение, подобрал мокасины, вернулся к джипу и поместил их рядом с кроссовками.

— Обувь? — спросил сержант в участке. — О чём ты?

— На Олд-Пекос. Каждое утро там пара обуви.

— Упали, наверное, из мусоровоза.

— И так *каждое утро*? И только пара обуви, ничего больше? К тому же те, что я нашёл сегодня, почти новые.

— Ну, кто-то переезжал, и они с грузовика упали.

— *Каждое утро*? — повторил Ромеро. — Эта вот пара — «Коул ханс». Такие дорогие мокасины никто не бросит поверх груза.

— Какая разница? Туфли и туфли. Кто-то балуется.

— Конечно, — сказал Ромеро. — Кто-то балуется, не иначе.

— Дурацкая шутка, — решил сержант. — Чтобы люди думали, чего это туфли валяются на дороге. Ты вот задумался. Шутка сработала.

— Ага, — подтвердил Ромеро. — Дурацкая шутка.

58 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
59 См. 38. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

На следующее утро это была пара потрёпанных рабочих сапог. Когда Ромеро увидел их, въехав на гребень холма у баптистской церкви, он нисколько не удивился. На са́мом деле он только не знал, что за обувь будет сегодня лежать.

Да, если это шутка, она точно удаётся, подумалось ему. *Кто бы это ни делал, а человек это жуть до чего настойчивый. Кто?*

Эта проблема изводила его весь день. Между расследованием наезда (водитель скрылся) на Сент-Франсис-Драйв и взломом картинной галереи на Каньон-Роуд он несколько раз возвращался к холму на дороге Олд-Пекос и проверял. Пока там ничего не появилось. Насколько можно было понять, шутник бросает там обувь днём. Если так, то план, который обдумывал Ромеро, был бессмысленным. Но вернувшись на холм в восьмой раз и не увидев обуви, он сказал себе, что у него есть шанс.

План этот обладал достоинством простоты. Он требовал только целеустремлённости, а этого было навалом. Кроме того, неплохая причина отложить возвращение домой. Поэтому, прихватив с собой четвертьфунтовый[60] бургер с жареной картошкой, банку колы и па́ру больши́х контейнеров кофе из «Макдональдса», Ромеро направился на Олд-Пекос в густеющих сумерках. Поехал он на своей машине[61] — пятилетнем джипе «чероки», поскольку нет смысла привлекать внимание. Пост наблюдения он решил установить на автостоянке баптистской церкви, откуда открывался отличный вид на Олд-Пекос. Да, но ночью, когда его машина будет единственной на стоянке, это вызовет подозрения. А вот напротив церкви Олд-Пекос пересекается с Ист-Лупита-Роуд[62]. Тихий жилой район, и если поставить машину там, будут видны все проезжающие по Олд-Пекос. А сам он, наоборот, будет иметь нормальный вид в потоке проезжающих машин.

Да, это подходит. Фонари есть на Олд-Пекос, на Ист-Лупита[63] их нет. Сидя в темноте и прожёвывая бургер с картошкой, потребляя для бодрости кофеин в виде колы и кофе, он сосредоточился на освещённом гребне холма. Какое-то время фары проезжавших машин здо́рово мешали. Когда машина

60 В оригинале «четвертъфунтовый» через твёрдый знак вместо мягкого знака, а в метрической системе ¼ фунта — это примерно 113 г. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

61 В данном случае, естественно, подразумевается неслужебный автомобиль, но кого «благодарить» за эту смысловую неточность — переводчика (вероятнее всего) или всё же а́втора — не ясно (ввиду отсутствия англоязычного оригинала), но всё же это «на своей машине» следовало хотя бы уточнить словом «приватной» или прямо «неслужебной». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

62 В оригинале всюду (см. 63, 71, 98) некая «Ист-Люпита-Роуд», хотя Lupita (Лупита) и Lupe (Лупе) — производные от Guadalupe (Гваделупа или Гуадалупе), а соответственно подразумевается (дословно) дорога Восточная Лупита. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

63 В оригинале снова (см. 62) «Ист-Люпита». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

проезжала, Ромеро всматривался в интересующий участок доро́ги, но только успевали глаза́ привыкнуть, проезжали новые фары, и он опять всматривался, не выбросили ли чего из машины. Правая рука лежала на ключе зажигания — чтобы сразу повернуть ключ и врубить передачу, правая нога готова была нажать на газ. Для передышки он включал радио на пятнадцатиминутные промежутки, осторожно, чтобы не посадить аккумулятор. Теперь машины проезжали редко, следить за доро́гой стало проще. Но после одиннадцати и передачи новостей, в которой главным событием был пожар в квартале магазинов Де Варгас, он понял недостаток своего плана. Кофеин. Напряжение от наблюдения за доро́гой.

Ему нужно было в уборную.

Но он же там был, когда закупал еду.

Это было *тогда*. А с тех пор ты выпил два двойных кофе.

Ну, я же должен был, чтобы не заснуть…

Он поёжился. Напряг мышцы живота. Можно было бы облегчиться в контейнер от напитка, но он их все смял и засунул в пакет, где были раньше бургер и картошка. Пузырь ныл. Фары ехали мимо. Обуви никто не выбрасывал. Ромеро повернул ключ зажигания, включил фары и погнал к ближайшей общественной уборной на Сент-Майкл-Драйв у круглосуточной бензоколонки, поскольку почти все рестораны и закусочные закрывались в одиннадцать тридцать.

Когда он вернулся обратно, на дороге лежали два ковбойских сапога.

✷ ✷ ✷

— Час но́чи почти! Почему ты *так поздно?*

Ромеро рассказал жене насчёт обуви.

— *Обувь*? Ты с ума сошёл?!

— У тебя вообще ничего любопытства не вызывает?

— Вызывает. Сейчас мне очень любопытно, считаешь ли ты меня действительно такой дурой, чтобы я поверила, будто ты *действительно* приехал домой так поздно из-за па́ры найденных на дороге обносков. Любовницу себе завёл?

✷ ✷ ✷

— Вид у тебя неважный, — сказал сержант.

Ромеро безнадёжно пожал плечами.

— Всю ночь где-то веселился?

— Если бы.

Сержант стал серьёзным.

— Опять до́ма неприятности?

Ромеро чуть не рассказал ему всё как было, но, вспомнив безразличие, которое проявил тогда сержант, понял, что особого сочувствия здесь не получит. Скорее наоборот.

— Да, опять.

В конце концов, надо признать, его поступки этой ночью были несколько странными. *Тратить личное время на сидение в машине три часа́ в ожидании… чего? Если шутник хочет продолжать бросать ботинки на дорогу, так что? Пусть тратит на это своё время. Чего же я буду тратить своё, чтобы его поймать? Хватает настоящих преступлений, которые надо раскрывать. И что я ему предъявлю, если поймаю? Выброс мусора в неположенном месте?*

Всю свою смену Ромеро предпринимал определённые усилия, чтобы не оказаться возле Олд-Пекос. Пару раз за длинный день, допрашивая свидетелей нападения, взлома, карманной кражи или скверной аварии на Пасео-де-Перальта, он бывал близок к тому, чтобы завернуть на Олд-Пекос по пути с происшествия на происшествие, но нарочно выбирал другой путь. *Время менять привычки,* сказал он себе. *Время сосредоточиться на том, что в са́мом деле важно.*

В конце смены его сморил недосып предыдущей но́чи. С работы он ехал вымотанный. Надеясь на тихий домашний вечер, он ехал в плотном потоке сквозь пыль нескончаемого строительства на Герильос-Роуд, доехал до федеральной доро́ги 25 и свернул на север. Закат подсветил го́ры Сангре-де-Кристо[64] кровью — когда-то за этот цвет они и получили название от первых испанских колонистов. «*Через полчаса задеру но́ги вверх и открою пиво*», — подумал Ромеро. Проехал развилку с Сент-Фран-сис-Драйв. Знак подсказал ему, что следующий поворот — Олд-Пекос, через две мили[65]. Он выбросил это из головы́, продолжая любоваться закатом, представил себе предстоящее пиво и включил радио. Сводка погоды сообщила, что сегодня

64 Кровь Христова (исп.). (примеч. пер.)
65 См. 116. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

максимальная температура была семьдесят пять[66], что обычно для середины мая, но наступает холодный фронт, и ночная температура упадёт до сорока́ градусов[67] с возможными заморозками в низинах. Диктор предложил укрыть все недавно приобретённые нежные растения. Обычно морозов не бывает после 15 мая, но…

Ромеро свернул на Олд-Пекос.

А какого чёрта, в са́мом деле? Просто посмотреть и удовлетворить собственное любопытство. Кому от этого вред? Въезжая на холм, он с удивлением заметил, что сердце у него колотится чуть быстрее. Он что, рассчитывает найти ещё ботинки? Или его беспокоит, что он целый день болтался поблизости и не нашёл времени проверить? Появился гребень холма, и у Ромеро спёрло в груди́ дыхание. Он сделал глубокий вдох…

И медленно выдохнул, заметив, что на дороге ничего нет. *Вот так,* сказал он себе. *Это стоило того, чтобы сделать крюк. Я доказал себе, что зря потратил бы время, если бы заехал сюда во время дежурства. Теперь можно ехать домой, и не будет грызть неутолённое любопытство.*

Но до́ма, пока они с женой смотрели телевизор и ели жареных цыплят (сын был где-то с друзьями), Ромеро было неспокойно. Он никак не мог избавиться от мысли, что тот, кто выбрасывал ботинки, снова будет это делать. Так что же, этот паразит меня перехитрил? Тебя? Ты о чём? Он же понятия не имеет, *кто* ты такой. Ладно, тогда он думает, что перехитрил того, кто подбирал ботинки. Что в лоб, что по лбу.

Пиво, которое так предвкушал Ромеро, показалось ему водой.

✷ ✷ ✷

Конечно же, на следующее утро, чёрт бы его взял, вдоль разделительной линии валялась пара кожаных женских туфель в пяти ярдах[68] друг от друга. Хмурый Ромеро блокировал утреннее движение и сунул их в багажник к остальным. «*Так где же этот хмырь берёт всю эту обувь?* — спросил себя Ромеро. — *Туфли почти новые. И мокасины, которые я подобрал, тоже. Кто же выбросит новую обувь, даже ради дурацкой шутки?*»

В конце дня Ромеро позвонил жене и сказал:

— Сегодня задержусь на работе. У нас один человек по болезни не вышел на вечернюю смену, я его заменю.

66 По Фаренгейту (примерно 24 по Цельсию). (примеч. пер.)
67 Около 4 по Цельсию. (примеч. пер.)
68 В метрической системе 5 ярдов — это чуть более 4 ½ м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он подогнал кое-какую бумажную работу, потóм съездил в ближайшую «Пицца-хат» и купил среднего размера «пепперони»[69] с грибами и маслинами навынос. Ещё взял большу́ю колу и два больши́х кофе, но на этот раз, усвоив прошлый урок, запасся галонной[70] ёмкостью для облегчения. Кроме того, прихватил с собой транзистор с наушниками, чтобы слушать радио и не думать о подсаживании аккумулятора.

Уверенный, что ничего не забыл, он поехал к своему посту. В Санта-Фе тоже есть грунтовые доро́ги, и Ист-Лупита[71] — одна из них. Окружённая кустами сумаха и оливковыми деревьями, она шла среди редких глинобитных домов, и движение на ней было очень слабое. Припарковавшись за углом, Ромеро видел напротив себя церковь, и колокольня напоминала ему миссию в индейской деревне. За Солнечной горой и грядой Аталая[72] закат горел тем же кровавым цветом, что и в прошлый раз.

Мимо неслись машины. Рассматривая их, Ромеро надел наушники и переключил приёмник со служебной волны́ на вещание. Найдя передачу, где общались со слушателями (действительно ли угроза окружающей среде так велика, как шумят экологи?), он стал попивать колу, заедая пиццей, и следить за движением.

✷ ✷ ✷

Через час после темноты он понял, что точно забыл очень важную вещь. Накануне передавали предупреждение о понижении ночной температуры, даже о возможных заморозках, и сейчас Ромеро чувствовал, как ползёт холод вверх по ногам. Хорошо, что есть горячий кофе. Он обхватил себя руками, жалея, что не захватил куртку. Пар от дыхания оседал на ветровом стекле, и его приходилось протирать платком. Ромеро опустил окно, чтобы ветровое стекло не запотевало, но в машине стало ещё холоднее, и он качал дрожать. Лунный свет, отражённый снегом на вершинах гор, особенно на лыжной трассе, создавал ощущение ещё большего хо́лода. Ромеро включил мотор и радиатор, чтобы согреться, и всё это время не сводил глаз с проезжающих время от времени машин.

---

69 В оригинале именно таки и было «пепперони», т. е. «американизированная» форма итальянского peperoni (в англ. чаще pepperoni) — «стручковый перец», пеперони, острая копчёная колбаса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

70 В оригинале вдруг «галопной», хотя про скачки явно речь не идёт, а вот gallon, галлон (иногда и галон) — мера жидких и сыпучих тел (в Британии — 4,54 литра, в Америке — 3,78 литра). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

71 В оригинале снова (см. 62) «Ист-Люпита». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

72 В оригинале «Аталайа», хотя наверняка подразумевается Atalaya, т. е. Аталая (в Перу). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Одиннадцать часов, и ботинок пока нет. Он напомнил себе, что в позавчерашнюю ночь это случилось примерно в это время, когда ему пришлось покинуть свой пост ради похода в уборную. Вернувшись через двадцать минут, он обнаружил ковбойские сапоги. Если тот, кто это делает, работает по системе, то есть шанс проверить это в ближайшие полчаса.

Сиди и терпи, велел он себе.

Но, как и две но́чи назад, кола и кофе своё дело сделали. К счастью, он принял меры на этот случай заранее. Взяв пустой баллон, он поставил его под рулём, отвернул крышку и начал мочиться, но тут же ему пришлось прищуриться на свет приближающихся фар, отражавшихся в стекле заднего вида.

Мышцы мочевого пузыря напряглись, прервав струю. Хотя Ромеро был уверен, что водитель не разберёт, *что* он делает, всё же он быстро завернул крышку и поставил баллон на пол пассажирской стороны́.

«*Давай,*[73] *проезжай!*» — мысленно подгонял он подъезжающую машину. Ему отчаянно хотелось продолжить своё дело, и он дождаться не мог, пока машина проедет, свернёт на Олд-Пекос и скроется из виду.

Фары остановились у него за спиной.

Что ещё за? …

Замигали огни на крыше, и Ромеро понял, что позади у него — полицейская машина. Отвлекаясь от неодолимой телесной потребности, он опустил боковое стекло и положил ру́ки на руль, чтобы приближающийся полисмен успокоился, увидев их на виду.

Заскрипел гравий грунтовой доро́ги под сапогами. Слепящий свет фонаря ударил в машину Ромеро, осветив пустую коро́бку из-под пиццы, задержавшись на жёлтой жидкости в пластиковом баллоне.

— Могу я взглянуть на ваши права́ и регистрацию, сэр?

Роберто узнал голос.

— Всё путём, Тони. Это *я*.

— *Кто* я? … Гейб?

Луч фонаря ударил в лицо Ромеро.

— Гейб?

— Единственный и неповторимый.

— Какого дьявола ты *тут* делаешь? К нам поступили несколько жалоб, что сидит тут в машине какой-то подозрительный тип, будто приглядывается к окрестным домам.

73 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это всего лишь я.

— И в позапрошлую ночь тоже ты был?

— Ага.

— Тогда нам тоже жаловались, но когда мы приехали, той машины ужé не было. Чего это ты делаешь?

Стараясь не кривиться от давления в животе, Ромеро ответил:

— Веду наблюдение.

— Мне никто ничего ни про какое наблюдение не говорил. Что это всё…

Понимая, как долго придётся объяснять странно звучащую правду, Ромеро сказал:

— Тут были попытки вломиться в эту церковь. Я смотрю, не попробует ли кто-нибудь ещё раз.

— Ну и задание! Сидеть тут всю ночь — это же уссаться просто!

— Ты не представляешь себе, *как* ты прав.

— Ладно, я поехал, пока тебя не засветил. Удачной охоты.

— Спасибо.

— А в следующий раз скажи начальнику смены, чтобы нас предупредил, и мы не лезли демаскировать.

— Скажу обязательно.

Полисмен сел в свой джип, отключил мигалку, объехал машину Ромеро, помахал рукой и вырулил на Олд-Пекос. Ромеро тут же схватил свой баллон и облегчался не меньше полутора минут. Когда он, закончив, откинулся со вздохом на спинку, ощущение покоя продолжалось лишь до тех пор, пока он не глянул снова на Олд-Пекос.

Ругаясь последними словами, он выскочил и бросился на дорогу к паре мужских ботинок — на этот раз «Рокпортов[74]» — лежащих со связанными шнурками посреди доро́ги.

74 Rockport, «Рокпорт» («рокпорты») — товарный знак повседневной обуви, в т. ч. кожаных сандалий с мягкими стельками производства компании «The Rockport Co.», г. Марлборо (Marlborough), штат Массачусетс (Massachusetts); обувь этой марки выпускается с 1971 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

— *Ты* сказал Тони Ортега, что тебе *приказали* вести наблюдение за баптистской церковью? — с нажимом спросил сержант.

Ромеро неохотно кивнул.

— Что это ещё за фигня? Тебя никто ни на какое наблюдение не ставил. Сидишь там ночью в машине, действуешь подозрительно… ну, если у тебя нет на то серьёзной причины, пеняй на себя!

У Ромеро не осталось выбора.

— Ботинки.

— Чего?

— Ботинки, которые я всё время нахожу на Олд-Пекос.[75]

Сержант выслушал объяснение, вытаращив глаза́.

— Тебе мало служебного времени? Ты ещё бесплатно проработал две но́чи ради такой дурости, что…

— Ну, я понимаю, что это слегка необычно…

— *Слегка*?

— Тот, кто бросает эти ботинки, играет в какую-то игру.

— А ты хочешь составить ему компанию.

— Это как?

— Он бросает ботинки, ты их подбираешь. Он опять бросает. Ты снова подбираешь. Играешь в его игру.

— Да нет, это не так…

— А как? В общем, слушай. Хватит тебе болтаться возле той улицы. Кто-нибудь тебя подстрелит как бродягу и будет прав.

В конце смены возле шкафчика Ромеро была свалена груда старой обуви. Из столовой донеслось ржание.

75 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

— Я полицейский Ромеро, мэм; боюсь, вы нервничали из-за меня прошлую ночь и ещё две но́чи до того. Это я сидел в машине, и наблюдал за церковью на той стороне улицы. Нам поступили сведения, что туда кто-то собирается вломиться. Кажется, вы меня приняли за взломщика. Я только хотел заверить вас, что моя припаркованная там машина никому в вашей округе́ не угрожает.

— Я полицейский Ромеро, сэр; боюсь, вы нервничали из-за меня прошлую ночь и ещё две но́чи до того.

✷ ✷ ✷

На этот раз у него было всё под контролем. Всё, больше ни колы, ни кофе, хотя пластиковый баллон он прихватил на всякий случай. И куртку взял с собой, хотя опасность заморозков миновала,[76] наконец,[77] и но́чи стали теплее. И поел он заранее плотнее, умяв буррито гранде кон полло от «Фелипе» — лучшего ресторана с мексиканской едой навынос во всём городе. Сидя в машине, Ромеро слушал по полицейскому приёмнику всё ту же передачу со звонками от слушателей. Они всё никак не слезали с экологических тем.

— Когда я был пацаном, я плавал в речке. И ел рыбу, которую ловил. Сейчас для этого надо быть психом.

Недавно стемнело. Проносились фары машин. Ботинок не было. Нет ботинок — нет проблемы. Ромеро приготовился проявить терпение. Вошёл в ритм ожидания. Вряд ли что-нибудь случится до обычного времени — до одиннадцати. Наушники приёмника давили виски́. Ромеро снял их и стал регулировать, и тут пара фар пронеслась мимо, направляясь направо, из го́рода. Одновременно ещё одна пара фар пронеслась им навстречу, в город. У Ромеро было опущено стекло, и сквозь шум моторов донёсся чётко различимый стук чего-то о землю, и за ним сразу второй. Машины уехали, а Ромеро, разинув рот, смотрел на два стоя́щих на дороге туристских ботинка.

Ни фига себе…

Шевелись!

76 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
77 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он повернул ключ зажигания и рванул рычаг передач. Не переводя дыхания, бросил машину вперёд, разбрасывая задними колёсами гравий и грунт, но, выезжая на Олд-Пекос, должен был моментально решить ключевой вопрос. *Какой водитель бросил ботинки? Какая машина? Правая или левая?*

За городом у него нет власти. Тогда *левая*! Шины взвизгнули по бетону, и Ромеро рванулся за уходящими хвостовыми огнями. Доро́га уходила вниз и пото́м поднималась к светофору у Кордовы, где сейчас горел красный, и Ромеро надеялся, что он таким и останется, но пока он догонял машину — теперь было видно, что это пикап — светофор мигнул зелёным и пикап проехал перекрёсток.

Блин!

У Ромеро был с собой аварийный сигнал. Имеющий форму ку́пола, он был погружён в прикуриватель. Ромеро выставил его в окно и забросил на крышу, где он прилип магнитной подставкой. Включив сигнал — он замигал красным, — Ромеро дал газу. Пересёк перекрёсток, превышая скорость, рванулся за пикапом, дал звуковой сигнал и кивнул, когда пикап сбросил скорость, сворачивая к обочине.

Ромеро был не в мундире, но на поясе у него висела в кобуре девятимиллиметровая «беретта». Он ещё проверил, что табличка прицеплена к карману джинсовой куртки. Наведя фонарь на груз камней в багажнике пикапа, он осторожно приблизился к водителю.

— Ваши права́ и регистрацию, пожалуйста.

— А в чём дело, офицер?

Водитель был англосакс, молодой, лет двадцатитрёх[78]. Тощий. Короткие светло-русые волосы. Одет в красно-коричневую клетчатую ковбойку. Даже сидя кажется высоким.

— Вы очень быстро ехали на перевале перед церковью.

Молодой человек оглянулся, будто напоминая сам себе, что только что проехал холм.

— Права́ и регистрацию, — повторил Ромеро.

— Уверен, что не превышал разрешённой скорости, — заявил водитель. — Там же со́рок?

Он подал в окно свои права́ и извлёк регистрационный талон из-за солнцезащитного щитка.

Ромеро прочёл имя.

— Люк Парсонс.

— Да, сэр.

78 В оригинале «двадцати трех» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Пронзительный голос, но с вежливой мягкостью.

— Почтовое отделение 25, Диллон, Нью-Мексико?

— Да, сэр. Это примерно пятьдесят миль[79] к северу. Мимо Эспаньолы и Эмбудо и…

— Я знаю, *где* находится Диллон. *Что* привело вас *сюда*?

— Продаю замшелые камни в киоски на обочинах федеральной доро́ги.

Ромеро кивнул. В этой местности камни, сложенные в пикапе, ценились и использовались в оформлении ландшафта — похожий на лишайник мох приобретал после дождя приятные приглушённые цвета́. Кое-как сводящие концы с концами продавцы собирали их в горах и продавали вместе со скворечниками, самодельными потолочными балками, дровами и овощами по сезону на полянах вдоль сельских дорог, параллельных федеральной.

— Чертовски далеко от Диллона для продажи замшелых камней.

— Приходится ездить туда, где покупатели. А вообще в чём всё-таки де…

— Вы торгуете и после сумерек?

— Жду до сумерек на случаи, если люди, выезжающие от «Придорожного Гарри» или стейкхауса чуть подальше захотят что-нибудь купить. Пото́м еду к «Гарри» поесть. У него прекрасные печёные овощи.

Ромеро ожидал не такого разговора. Он-то думал, что водитель будет напряжён, потому что проиграл игру. Но вежливость этого юноши обезоруживала.

— Я хотел сказать насчёт тех ботинок, что вы бросаете из машины. За это штраф такой, что мало не пока…

— *Ботинок*?

— Вы это делаете уже́ несколько дней. Я хочу знать, почему…

— Офицер, я, честно говоря, абсолютно не понимаю, *о чём* вы говорите.

— О ботинках, которые вы бросаете на дорогу.

— Поверьте мне, я не знаю, *что* вы видели, но *это был не я*. Зачем мне бросать ботинки на дорогу?

Синие глаза́ смотрели прямо, и их невинный вид обезоруживал.

«*Чёрт побери*, — подумал Ромеро. — *Не за той машиной поехал*».

И внутренне вздохнул.

— Извините, что побеспокоил.

79 В метрической системе 50 миль — это почти 80 ½ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ничего страшного, офицер. Я понимаю, это ваша работа.

— Собираетесь сегодня проехать весь путь до Диллона?

— Да, сэр.

— Да, я уже́ говорил. Далёкий путь для продажи замшелых камней.

— Что ж, все мы делаем то[80], что должны делать.

— Это точно, — ответил Ромеро. — Что ж, счастливого пути. Езжайте аккуратно.

— Я только так и езжу, офицер. Счастливо оставаться.

— Счастливой доро́ги.

Ромеро поехал обратно к гребню[81] холма, подобрал ботинки и сунул их в багажник. Примерно в это время, без чего-то десять, погиб его сын.

✷ ✷ ✷

Место аварии он проехал по дороге домой в Пекос. Мигалки, силуэты двух машин «скорой помощи» и три полицейских автомобиля на противоположной стороне федеральной доро́ги. Он поморщился, увидев искорёженные обломки двух машин, и не мог удержаться от мысли: «*Бедняги. Помоги им Бог*». Но Бог не помог, и когда Ромеро уже́ был до́ма, медэксперт показывал полиции штата бумажник, который взял с изувеченного трупа, предположительно молодого испанца.

Ромеро с женой ссорились из-за его позднего приезда, когда зазвонил телефон.

— Сам возьми! — заорала жена. — Твоя любовница, наверное!

— Я тебе ещё раз говорю, нет у меня никакой… — Телефон зазвонил снова. — Да!

— Гейб? Это Рей Беккер из полиции штата. Ты сядь, ладно?

Ромеро слушал, и в животе у него рос холодный ком. *Такого* оцепенения у него никогда ещё не было, даже когда ему рассказали о гибели родителей.

Жена увидела его лицо.

— Что случилось?

80 В оригинале «та». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
81 В оригинале несочетаемое «с гребню». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он сумел справиться с дрожью и оцепенением настолько, чтобы ей сказать. Она закричала. И кричала, пока не упала в обморок.

✷ ✷ ✷

Через две недели, после похорон, когда жена Ромеро уехала погостить к сестре в Денвер, когда Ромеро попытался выйти на работу (сержант пытался отсоветовать, но Ромеро знал, что с ума сойдёт, если будет сидеть до́ма), диспетчер послал его на вызов, на который надо было проехать мимо баптистской церкви на Олд-Пекос. Мелькнула горькая мысль, как он был тогда поглощён той ерундой на этом са́мом месте совсем недавно. Чем болтаться тут и ломать себе голову над этими дурацкими ботинками, надо было побольше быть до́ма и уделять внимание сыну. Может, тогда не случилось бы того, что случилось.

Ботинок на дороге не было.

На следующий день и на следующий ботинок на дороге тоже не было.

Жена Ромеро так и не вернулась из Денвера.

✷ ✷ ✷

— Тебе надо больше выходить, — сказал ему сержант.

Это было через три ме́сяца, в субботу днём, в августе. В порядке подготовки к будущему соглашению о разводе и в попытке заглушить воспоминания,[82] Ромеро продал дом в Пекосе. На свою долю он переехал в Санта-Фе и рискнул купить в рассрочку скромный дом в районе Эльдорадо. Не помогло. Всё равно на плечах лежал свинцовый груз.

— Надеюсь, ты не насчёт свиданий с дамами.

— Я только сказал, что нельзя сидеть всё время в доме, как в норе. Надо выбраться и как-то отвлечься. Если подумать, тебе надо и лучше питаться. Ты только посмотри, что за дерьмо у тебя в холодильнике. Прокисшее молоко, пакет с пивными банками и объедки от цыплят.

— Мне редко хочется есть.

82 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— При таком холодильнике — ещё бы!

— Не люблю сам себе готовить.

— Неужели так трудно хотя бы сделать салат? Вот что я тебе скажу. По выходным мы с Марией ездим на рынок — на Фармерз-Маркет[83]. Завтра поедешь с нами. Там овощи — свежее не бывает. Может, если у тебя в холодильнике будет приличная еда, ты…

— То, что у меня не в порядке, Фармерз-Маркет не вылечит.

— Слушай, я из кожи вон лезу, пытаясь по-дружески помочь тебе. Ты мог бы хотя бы чуток пойти навстречу.

✷ ✷ ✷

Фармерз-Маркет был возле старого вокзала, за рельсовыми путями, на открытом месте, недавно приобретённом городом. Фермеры приезжали на нагруженных пикапах и вставали на отведённых им местах. Некоторые устанавливали столы и натягивали тенты. Другие торговали прямо с машин. Пробовать можно было всё — от пирогов до музыки: в углу играл самодеятельный оркестр. В толпе ходил человек, одетый клоуном.

— Смотри, не так всё плохо, — сказал сержант.

Ромеро апатично прошёлся вдоль рядов: сидр, лекарственные тра́вы, выращенные на воле цыплята и подсолнухи. Про себя он отстранённо признал: да, неплохо. Все годы, что он служил в полиции, он ни разу здесь не был — ещё одно[84] свидетельство, как он дал своей жизни пройти мимо. Но это сожаление вызвало в нём не желание учиться на ошибках, а лишь ещё более сильную подавленность.

— Как вам эти пирожки? — спросила жена сержанта. — Их можно держать в морозильнике и разогревать, когда хочется. В порции их всего один или два, так что не будут оставаться лишние.

— Конечно, — ответил Ромеро. Ему было всё равно. — Почему бы и нет?

Глаза́ его рассеянно скользили по толпе.

— Какие?

— Простите?

— Какие вам? С персиками или с пеканом?

83 Т. е. фермерский магазин, рынок, базар. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
84 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Без разницы. Выберите за меня.

Взгляд его упал на киоск, где продавались иконы из кукурузных листьев и волóс, выложенные по резному дереву: Мадонны, младенцы в яслях, кресты. Искусно выложенные образы были покрашены и отлакированы. Традиционное испанское народное искусство, но внимание Ромеро привлекли не сами иконы, как бы хороши они ни были, а то, что продавал их *не испанец*, а молодой англосакс, будто он сам их и сделал.

— И яблочный пирог тоже хорош на вид, — сказала жена сержанта.

— И отлично. — Разглядывая высокого, худощавого продавца икон с короткими светло-русыми волосами, Ромеро добавил: — Я этого парня откуда-то знаю.

— Что? — спросила жена сержанта.

— Ничего. Я сейчас вернусь и возьму пирожки.

Ромеро протолкался через толпу. Светлые волосы юноши были подстрижены очень коротко. На худом лице выдавались скулы, отчего вид у парня был такой, будто он постится. И тот же одухотворённый вид, что и на иконах, которые он продавал. Это не был болезненный вид — напротив. Загорелая кожа лучилась здоровьем.

И голос его тоже казался знакомым. Подходя, Ромеро услышал пронзительно-мягкий голос, которым молодой человек объяснял покупательнице, сколько труда и тщания требует изготовление икон.

Ромеро подождал, пока покупательница ушла со своей покупкой.

— Вам, сэр?

— Я вас откуда-то знаю, только никак не могу вспомнить.

— Я бы хотел вам помочь, но, мне кажется, мы не знакомы.

Ромеро заметил осколок хрусталя, который висел на шерстяной нити на шее молодого человека. В нём был намёк на светлую голубизну, будто он взял часть синевы из глаз своего хозяина.

— Наверное, вы правы. Просто вы показались мне так ужасно…

Его отвлекло движение справа — молодой человек принёс из пикапа большу́ю корзину помидоров и устанавливал её рядом с корзинами огурцов, перцев, моркови и других овощей на соседнем столе.

Но отвлекло его не только движение. Этот молодой человек был высок и худ, с короткими светло-русыми волосами и худощавым одухотворённым лицом. Прозрачные голубые глаза́, казалось, поделились своим цветом с кусочком хрусталя, висящим на шее. Одет он был в линялые джинсы и белую футболку, как и тот, с кем говорил Ромеро. Белизна футболки подчёркивала цветущий загар.

— Да, вы правы, — сказал Ромеро первому. — Мы не знакомы. Это вашего брата я видел.

Вновь подошедший был озадачен.

— Это ведь так? — спросил Ромеро. — Вы братья? Вот почему я спутал. Но не могу вспомнить, где…

— Люк Парсонс, — протянул руку второй подошедший.

— Гейб Ромеро.

Рука молодого человек была жилистой, рукопожатие крепким.

Ромеро понадобилась вся самодисциплина и тренировка, чтобы не выдать своей реакции. Мысли завертелись. *Люк Парсонс? Господи, да это же человек, с которым он говорил в тот вечер, когда погиб сын и жизнь развалилась начисто.* Чтобы отвлечься от воспоминаний, он пришёл сюда, на рынок, и тут встретил человека, напомнившего то, что так отчаянно он пытался забыть.

— А это мой брат Марк.

— Здравствуйте.

— Простите, вам плохо?

— А что? Почему вы…

— Вы вдруг сильно побледнели.

— Это ерунда. Я просто последнее время плохо питался.

— Тогда вам сто́ит попробовать *вот это.*

Люк Парсонс показал на бутылочку с коричневой жидкостью.

— А что это? — прищурился Ромеро.

— Эхинацея, выращенная в домашних условиях. Если у вас простуда, эта штука поможет. Стимулирует иммунную систему.

— Спасибо, но…

— Когда вы почувствуете, как это вам помогло…

— Вы её представляете, как лекарство.

— Лекарство от Бога. Ничего искусственного. Если она не улучшит ваше самочувствие, мы вернём вам деньги.

— Вот ты где! — сказал сержант. — Я тебя уже́ обыскался. — Он заметил бутылочку в руках Ромеро. — Это ещё что?

— Как-то это называется… выращенная в домашних условиях… — Он не мог вспомнить.

— Эхинацея, — подсказал Люк Парсонс.

— Конечно, — сказала жена сержанта. — Я ею лечу семью от простуды. Стимулирует иммунную систему. Как рукой снимает. Боже мой, какие чудесные помидоры!

Она стала покупать, а Люк сказал Ромеро:

— Если у вас нет аппетита, это может значить, что организму нужда детоксикация. Для этого хороши обыкновенная капуста,[85] цветная капуста и брокколи. Только органика. Никакие химикаты с ними никогда и рядом не лежали. А ещё можете попробовать вот это.

Он подал Ромеро бутылочку белой жидкости.

— Молочный чертополох, — сказала жена сержанта. — Очищает печень.

— Откуда ты всё это знаешь? — удивился сержант.

✷ ✷ ✷

— Роза на нашей улице интересуется траволечением, — ответила жена сержанта, когда они втроём переходили рельсы, неся мешки с овощами. — Здесь,[86] в Санта-Фе мировая столица альтернативной медицины и религий Новой Эры[87]. Что не можешь победить — присоединись.

— Да, вот этот хрусталь у каждого на шее. Они точно из Новой Эры, — сказал Ромеро. — Вы заметили, что у них ремни из пеньки? Ничего кожаного. Ничего животного происхождения.

— Эти ребята не едят жареных цыплят или бургеров навынос. — Сержант бросил многозначительный взгляд на Ромеро. — И здоровы, как никто из нас.

— Ладно, я понял.

— Ты только всё же съешь эту зелень.

85 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
86 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
87 Подразумевается New Age, New Ageism, New Ager, New Agey — квазирелигиозное движение конца 1980-х годов, характеризующееся альтернативным подходом к культуре Востока, с сильным уклоном в спиритуализм, мистицизм, холизм (учение о целостности мира) и энвайронментализм (теория, согласно которой социальное и природное окружение в большей степени предопределяет поведение людей, чем наследственность), а также верой в народную медицину, природную магию, астрологию, etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Самое странное было то, что ему действительно стало лучше. По крайней мере,[88] физически. На душе́ всё равно было чернее полночи, но, как говорила одна из прочитанных им книг насчёт помощи самому́ себе: «*Один из способов вылечить себя — передача от те́ла к душе́*». У эхинацеи (десять капель на стакан воды́, как советовал приложенный листок) был горький вкус. У молочного чертополоха — ещё хуже. Салаты его не насыщали. Всё равно тянуло к пицце. Но надо было признать, что овощи с Фармерз-Маркет были лучше, чем ему приходилось видеть. Что неудивительно. Раньше он ел овощи только из супермаркета, которые хранились там Бог знает сколько, и это не считая ещё времени на перевозку в грузовике. Их наверняка снимали до созревания, чтобы не сгнили по дороге в магазин, и ещё вопрос, сколько их поливали пестицидами и гербицидами. Он вспомнил радиопередачу, где рассуждали[89] насчёт содержания ядов в еде. Вообще эта программа занималась проблемами окружающей среды́…

Ромеро вздрогнул.

Именно её слушал он в тот вечер в машине, когда ждал, чтобы кто-то бросил ботинки,[90] и когда погиб его сын.

Да хрен с ним! Если мне так от этого плохо, буду хотя бы есть, что хочу.

Пятнадцать минут всего понадобилось, чтобы выехать из Эльдорадо и купить приличный пакет рёбрышек, жареной картошки, салата из сырой капусты с луком и от души́ кетчупа. Ещё пятнадцать минут — и он уже́ сидит до́ма, смотрит по телевизору детектив, попивая пиво и грызя рёбрышки.

Ещё до десятичасовых новостей его стошнило.

✷ ✷ ✷

— Честное слово, я держу диету. Слушай, не надо на меня *так* смотреть. Признаю́, па́ру раз я её нарушил, но это меня научило как следует. Никогда в жизни более здоровой пищи не ел.

88 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
89 В оригинале малоуместное «обсуждали». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
90 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Пятнадцать фунтов[91]. В этом клубе здоровья вес просто сжигается.

* * *

— Привет, *Марк*!

Высокий худой русоволосый юноша за овощным прилавком посмотрел на него недоумённо.

— Что случилось? — спросил Ромеро. — Я уже́ шесть недель прихожу сюда по субботам. Чего же ты меня теперь не узнаёшь?

— Вы меня спутали с моим братом. — У парня были голубые глаза́, и цвет их отзывался цветом висящего у него на шее осколка хрусталя. Джинсы, белая футболка, сияющий загар — и тонкое, одухотворённое лицо святого.

— Ну, я знаю, что вы не *Люк*. Его бы я узнал наверняка.

— Меня зовут *Джон*, — последовал ответ официальным тоном.

— Очень приятно. Я Гейб Ромеро. Мне никто не говорил, что вас три брата.

— На са́мом деле…

— Минутку, дайте-ка я догадаюсь. Если есть Марк, Люк и Джон, то должен быть и *Мэтью*[92]? Так? Ручаюсь, вас четверо.

Гу́бы Джона слегка раздвинулись, будто улыбаться ему было непривычно.

— Угадали.

— Это было нетрудно. Делать выводы — моя работа, — пошутил Ромеро.

— Вот как? Что же это за… — Джон выпрямился, и голубые глаза́ его стали холодны, как звёзды, — он смотрел на пробирающегося сквозь толпу Люка. — Тебе было сказано не отходить от прилавка.

— Извини, мне нужно было в туалет.

— Надо было зайти до начала работы.

— Я так и поступил, но я же ничего не мог…

91 В метрической системе 15 фунтов — это 6,8 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
92 Марк, Люк и Джон и Мэтью — английское произношение имён евангелистов Марка, Луки, Иоанна и Матфея. (примеч. пер.)

— Верно. Ты ничего не мог сделать полезного, пока тебя здесь не было. У нас баклажаны кончаются. Принеси ещё корзину.

— Извини, больше не повторится. Сейчас принесу.

Люк смущённо глянул на Ромеро, пото́м опять на брата и отправился за баклажанами.

— Вы собираетесь что-нибудь купить? — спросил Джон.[93]

«*Ты не слишком завоёвываешь друзей и влияешь на людей*», — подумал Ромеро.

— Да, я бы хотел па́ру этих баклажанов. А вообще с этим прогнозом ранних морозов это будут последние помидоры и перцы, нет?

Джон только смотрел и ничего не говорил.

— Так что я лучше куплю в запас, — сказал Ромеро.

✷ ✷ ✷

Он надеялся, что с течением времени оцепенение отпустит, но каждая новая дата только была напоминанием. Рождество, Новый год, Пасха[94] и *слишком сразу* после этого — середина мая. Странно, но у него никогда не ассоциировалась гибель сына и та авария на федеральной дороге. Эмоциональная связь была с тем участком доро́ги на гребне холма возле баптистской церкви. Он легко признавал, что это чистый мазохизм заставляет его ездить туда всё чаще по мере приближения годовщины смерти. Он был настолько одержим, что на миг даже убедил себя, будто просто оживляет сцену в своём сознании, что у него галлюцинации, когда впервые почти за год снова увидел на дороге па́ру ботинок.

Туристских ботинок до лодыжек, цве́та ржавчины. Это было так внезапно, что он затормозил, не в силах оторвать глаз. То, что он увидел, заставило его резко дать по тормозам, почти не слыша визга шин идущей сзади машины, которая чуть не врезалась в джип. Весь дрожа, он выскочил, пригнулся, вгляделся ещё пристальнее и бросился к рации.

В ботинках были но́ги.

93 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинаются мысли другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

94 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

С воем прилетела полицейская машина, полисмены направили движение в объезд по обочине. Ромеро стоял со своим сержантом, начальником полиции и судмедэкспертом, глядя, как делают свою работу ребята из криминалистической лаборатории. Его джип стоял там, где он его оставил, рядом с ботинками.

— Точнее скажу после лабораторного заключения, — говорил судмедэксперт, — но по гладкой поверхности среза я полагаю, что но́ги были отделены чем-то вроде мощной электро-[95] или бензопилы́.

Ромеро закусил губу.

— Что-нибудь ещё можете прямо сейчас сказать? — спросил начальник полиции.

— На дорожном покрытии нет кро́ви, а это значит, что кровь на ботинках и на ногах уже́ высохла, когда их здесь выбросили. Изменение цве́та тканей те́ла свидетельствует, что от момента преступления до избавления от улики прошло не меньше двадцати четырёх часов.

— Кто-нибудь ещё что-нибудь заметил?

— Размер ботинок, — сказал Ромеро.

Все посмотрели на него.

— У меня размер десятый. Эти, похоже, седьмого или восьмого. Я предполагаю, что жертвой была женщина.

Те же полисмены, что бросили когда-то кучу старой обуви возле шкафчика Ромеро, теперь хвалили его за чутьё. Хотя он и выбросил давно все ботинки, скопившиеся в багажнике его патрульной и своей машины, никто его за это не ругал. В конце концов, столько прошло времени и кто мог знать, что эти ботинки будут настолько важны? Всё же он помнил, *что* это была за обувь, и помнил, что стал её замечать почти год назад, где-то около пятнадцатого мая.

95 В оригинале «электро —», т. е. тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но никаких гарантий, что год назад ботинки бросало то же лицо, что выбросило сейчас отрезанные но́ги. Всё, что могла сделать следственная группа, — работать с тем немногим, что было на руках. Как и подозревал Ромеро, патологоанатом окончательно подтвердил, что жертва была женского пола. Преступник — турист, который приезжает в Санте-Фе каждый год в мае? Если да, не совершало ли это лицо аналогичных преступлений в других местах? Справки из ФБР подтвердили, что многочисленные убийства с ампутациями совершаются каждый год по всем Соединённым Штатам, но ни одно из них по почерку не совпадает с данным. А как сообщения об исчезновениях? По штату Нью-Мексико проверили и отвергли всё, но поиск ширился, и выяснилось: в Штатах каждый месяц исчезает столько тысяч людей, что следственной группе только сниться может нужное количество работников, чтобы их проверить.

Тем временем Ромеро был включён в группу наблюдения за доро́гой Олд-Пекос. Каждую ночь он с прибором ночного ви́дения наблюдал с крыши баптистской церкви. В конце концов убийца держался своей системы, он будет ещё выбрасывать ботинки, и быть может, — «*Не дай Бог*», — подумал Ромеро, в них тоже будут отрезанные но́ги. Если он заметит что-то подозрительное, он только и должен прочесть номера́ машины и по рации предупредить спрятанную у доро́ги полицейскую машину. Но ночь проходила за ночью, и сообщать было нечего.

Неделей позже был найден красный «сатурн» с Нью-Гемпширскими номерами, брошенный возле пересохшего ручья к юго-западу от Альбукерке[96]. Машина была зарегистрирована на имя тридцатилетней женщины по имени Сьюзен Кроувелл, выехавшей со своим женихом в автомобильную поездку тремя неделями раньше. За последние восемь дней ни она, ни её жених не контактировали с друзьями или родственниками.

✷ ✷ ✷

На смену маю пришёл июнь, пото́м июль. Завтрак с блинчиками по случаю Четвёртого Июля[97] на исторической площади прошёл с обычным успехом. Через три недели на том же месте открылся испанский рынок, местные художники выставили свои картины, иконы и деревянные

96 В оригинале варварское «Альбукерка», хотя несомненно подразумевается Albuquerque, т. е. Альбукерке — город в штате Нью-Мексико (New Mexico). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

97 Подразумевается Independence Day, День независимости — основной государственный праздник США, отмечаемый 4 июля в честь принятия Декларации независимости (Declaration of Independence) в этот день в 1776 году́. Один из самых популярных и любимых в стране праздников; в этот день устраиваются фейерверки (fireworks on the Fourth of July), пикники (barbecue), проводятся концерты под открытым небом, на домах вывешивают государственный флаг США (Stars and Stripes). Впервые отмечался в Филадельфии уже́ в 1777 г., в Бостоне — в 1783 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

скульптуры. Наплыв туристов был меньше, сенсационные публикации об отрезанных ногах кое-кого отпугнули. Но через месяц имел место точно такой же, только больше по размеру, индейский рынок, и воспоминания явно ужé стёрлись, поскольку на площадь собрались обычные тридцать тысяч туристов — полюбоваться ювелирными и гончарными изделиями коренных американцев.

Ромеро во время этих событий был на дежурстве, следя, чтобы соблюдался должный порядок. Но какие бы ни давали ему задания, мысли его всегда возвращались к Олд-Пекос. Иногда по ночам он не мог туда не приезжать. Тогда он выезжал на Ист-Лупита[98], смотрел на свет фар проезжающих по Олд-Пекос машин и размышлял. Ничего он не ожидал теперь, когда ужé приближалась осень, но это место помогало ему сосредоточиться,[99] собраться с мыслями, и каким-то странным образом создавало ощущение близости к сыну. Иногда церковь на той стороне улицы заставляла его обращаться к молитве.

Однажды мимо него проехал знакомый пикап, нагруженный замшелыми камнями. Ромеро помнил его по *той* нóчи, когда погиб сын, и по многим субботним дням, когда из него выгружали корзины с овощами на рынке Фармерз-Маркет. Он никогда не переставал ассоциировать его с *теми* ботинками. Да, всё это время он был уверен, что остановил не ту машину. Не было никакой причины бросаться в подозрения, что Люк Парсонс имеет хоть какое-то отношение к убийству Сьюзен Кроувелл и её жениха. Он, конечно, всё равно рассказал следственной группе о *той* нóчи в прошлом годý, и они проверили Люка Парсонса со всей возможной тщательностью. Он и трое братьев жили со своим отцом на ферме в долине Рио-Гранде к северу от Диллона. Были они трудягами, жили сами по себе и ни в какие неприятности не лезли.

У Ромеро не было причин останавливать проезжающую машину, но это не значило, что он не может за ней следовать. Он выехал на Олд-Пекос и поехал следом, не выпуская хвостовых огней машины из виду по дороге в город. Она свернула у капитолия штата и поехала по Пасео-де-Перальта до заправки на другóм конце гóрода.

Ромеро выбрал колонку рядом с пикапом, вышел из джипа и притворился удивлённым, увидев своего соседа.

— Привет, Люк, я Гейб Ромеро. Как жизнь?

Тут он и в сáмом деле удивился, поняв свою ошибку. Это был *не Люк.*

— Джон? Я вас не узнал.

98 В оригинале снова (см. 62) «Ист-Люпита». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
99 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Высокий, худой, русоволосый молодой человек смерил его взглядом. Посмотрел на кобуру с пистолетом на поясе Ромеро.[100] На рынке Фармерз-Маркет он всегда был без неё.

— Я не знал, что вы служите в полиции.

— А какая разница?

— Никакой, если не считать, что мои овощи в безопасности, когда вы рядом.

Суровые черты лица́ Джона уничтожили весь юмор его шутки.

— И ваши замшелые камни тоже. — Ромеро указал на кузов пикапа. — Продавали их на просёлке возле федеральной доро́ги? Обычно это работа Люка.

— У него сейчас есть другая работа.

— Да, теперь, когда вы сказали, я вспоминаю, что не видел его последнее время на рынке.

— Извините, у меня был трудный день, и мне ещё далеко ехать.

— Да, конечно. Не хотел вас задерживать.

✷ ✷ ✷

Люк не появился на рынке Фармерз-Маркет ни в эту субботу, ни в следующую.

✷ ✷ ✷

Конец октября. Ночью был убийственный мороз, а утром в горах лежал снег. Поскольку Фармерз-Маркет в этом году́ уже́ закрылся, и суббота у Ромеро оказалась свободной, почему бы не поехать покататься?

При ярком, холодном и ясном солнце Ромеро выехал на хайвей 285. Он перевалил гребень холма возле модернистского здания оперного театра Санта-Фе и спустился между утыканными сосной и можжевельником склонами в многоцветную пустыню, где овраги и столовые го́ры

100 В оригинале без точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

театральной декорацией уходили к снежным горам по обе сто́роны. «*Неудивительно,* — подумал он, — *что Голливуд столько вестернов здесь наснимал*». Он проехал казино «Верблюжий камень» и казино «Город золота», проехал вечное строительство развязки, которая вела на запад к Лос-Аламосу.

Но он не свернул к городу атомной бомбы, а поехал дальше на север, минуя Эспаньолу;[101] и снова переменился ландшафт, холмы теснее сошлись к дороге — узкий хайвей пролегал между стенами долины Рио-Гранде. «*СМОТРИТЕ ВНИМАТЕЛЬНО! ОБВАЛЫ*», — гласил дорожный знак. «*Вот именно, я и собираюсь смотреть внимательно*», — подумал он. Слева, частично заслонённая облетевшими деревьями, текла легендарная Рио-Гранде, неспешно наслаждаясь осенью, обтекая повороты, журча над камнями. На той стороне реки́ стояла Эмбудо, бывшая станция дилижансов. В её исторических зданиях находились теперь мини-пивоварня и ресторан.

Он миновал её, направляясь всё так же к северу, и долина стала сужаться. По обе сто́роны доро́ги появились фермы и виноградники, занявшие ущелья, где отложился плодородный ил эпохи оледенения. Ромеро остановился в Диллоне, проверил, что пистолет не виден из-под застёгнутой на молнию ветровки, и спросил в местном магазине, не знает ли кто-нибудь, где находится ферма Парсонсов.

Через пятнадцать минут ему объяснили дорогу. Но он не прямо поехал на ферму, а выехал на площадку обозрения и подождал, пока рядом не остановился патрульный автомобиль. Утром ещё по дороге он позвонил по сотовому и связался с казармами полиции штата дальше к северу, в Тахо[102]. Объяснив, *кто* он такой, он попросил диспетчера прислать на встречу с ним патрульную машину.

— Я не предвижу никаких осложнений, — сказал Ромеро мрачноватому полицейскому, стоя с ним возле машин и глядя, как бежит на дне пропасти Рио-Гранде. — Но на всякий случай.

— Так что же вы от меня хотите?

— Просто припаркуйтесь на обочине хайвея. Удостоверьтесь, что я вернулся с той фермы.

— Это вас ваш отдел сюда послал?

— Расследование по личной инициативе. Интуиция.

У полицейского выразилось на лице откровенное сомнение.

— Сколько вы там пробудете?

— Учитывая, насколько они недружелюбны, недолго. Минут пятнадцать. Мне просто нужно *ощущение* этого ме́ста.

101 В оригинале запятая вместо точки с запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

102 В оригинале всюду по тексту (также см. 107, 111, 129) вариации о «Тахосе», хотя почти наверняка (англоязычный оригинал на данный момент недоступен) подразумевается Tahoe City, Тахо-Сити (США, шт. Калифорния). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Если я получу вызов на происшествие на дороге…

— Вы должны будете поехать. Но я был бы очень благодарен, если вы вернётесь и проверите, что я нормально уехал. По дороге в Санта-Фе я заеду в магазин в Диллоне и оставлю весть, что всё в порядке.

Сомнение на лице полицейского не исчезло.

— Я давно работаю над этим делом, — сказал Ромеро. — Очень вас прошу, я действительно буду благодарен за помощь.

* * *

Грунтовая доро́га начиналась сразу за зна́ком: *ТАОС, 20 МИЛЬ*[103]. Она вела влево от хайвея и уходила вниз по склону к плодородному дну долины. К северу и западу долину обрамляли высокие склоны. Чёрную[104] плодородную почву окружали ухоженные изгороди. Да, Парсонсы точно трудяги, надо отдать им должное. Холода́ только ещё наступят, а поля́ уже́ убраны и всё готово к весне.

Доро́га уходила на запад к амбару и сараям, аккуратным, свежеокрашенным[105]. Простой бревенчатый дом, тоже белый, с остроконечной металлической крышей, сверкающей под осенним солнцем. За домом река почти тридцати футов[106] шириной и пешеходный мост, ведущий к облетевшим осинам и кустам, уходящим круто вверх.

Подъехав ближе, Ромеро увидел в амбаре движение: кто-то слезал с лестницы, ставя на землю банку с краской. Ещё кто-то появился в открытых дверях. Третий вышел из дому. Они ждали перед домом, пока Ромеро подъедет и остановится.

Впервые он увидел трёх братьев вместе, и их похожесть, светловолосая, худощавая, голубоглазая, поражала ещё больше. Все они были в одинаковых джинсовых комбинезонах поверх одинаковых синих шерстяных рубашек.

Но Ромеро уже́ знал их достаточно, чтобы отличить одного от другого. Стоя́щий слева брат, лет девятнадцати — наверное, и есть тот, кого он ещё не видел.

— Я так понимаю, что вы *Мэтью.*

Ромеро вышел из машины и направился к ним, протягивая руку.

---

103 См. 38. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
104 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
105 В оригинале «свежепокрашенным». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
106 В метрической системе 30 футов — это более 9 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Никто не протянул руку ему навстречу.

— Я не вижу Люка, — сказал Ромеро.

— Он занят, — ответил Джон. Черты его лица́ окаменели.

— Зачем вы приехали? — спросил Марк.

— Я ехал в Тахо[107], а когда оказался поблизости, решил заехать и спросить, нет ли у вас овощей на продажу.

— Ваше присутствие нежелательно.

— Слушайте, что это за отношение? Я думал, что такого хорошего покупателя, как я, вы рады были бы видеть.

— Уезжайте.

— Неужели вы ничего не хотите продать?

— Мэтью, пойди в дом и принеси мне телефон. Я вызову полицию.

Юноша кивнул и повернулся к дому.

— Ну и ладно, — сказал Ромеро. — Я уезжаю.

Полицейский появился на хайвее, когда Ромеро отъезжал.

— Спасибо за поддержку.

— Ты меня лучше не благодари. Только что дали насчёт тебя вызов. Не знаю, *что* ты там сделал, но ты их здо́рово достал. Диспетчер сказал, что, если ты появишься ещё раз, они просят тебя арестовать за нарушение границы частного владения.

— … прокурор го́рода, — представил начальник полиции.

Рукопожатие более чем лишённое энтузиазма.

107 В оригинале «Тахос» (см. 102). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А это мистер Дейли, поверенный мистера Парсонса, — сказал начальник полиции.

Ещё более холодное рукопожатие.

— С мистером Парсонсом вы определённо знакомы.

Ромеро кивнул Джону.

— Я перейду прямо к делу, — начал Дейли. — Вы преследуете моего клиента, и он требует это прекратить.

— Преследую? Погодите-ка, я никого не…

— Задержание без причины транспортного средства, принадлежащего семье моего клиента. Запугивание моего клиента и его братьев в различных местах их работы. Физическое преследование моего клиента на дороге. Конфликты с ним в общественных местах. Вторжение в частное владение и отказ покинуть его, когда это было вам предложено. Вы лезете во всё, что делает мой клиент, и он хочет, чтобы это прекратилось, иначе он подаст в суд на вас и на город. Присяжные не любят копов, работающих от себя и на себя.

— *Работающих от себя и на себя*? Послушайте, *что* вы имеете в виду?

— Я здесь не для того, чтобы *это обсуждать*. — Дейли встал, предложив жестом Джону сделать то же самое. — Мой клиент полностью в своём праве. У нас не полицейское государство. Вы лично, ваш департамент и город предупреждены. Ещё один инцидент —[108] и я собираю[109] пресс-конференцию, чтобы каждый потенциальный присяжный знал, *почему* мы подаём иск.

Бросив последний огненный взгляд, Дейли вышел из комнаты. Джон последовал за ним почти сразу, но не раньше, чем бросил на Ромеро презрительный взгляд, от которого у того лицо загорелось гневом.

В кабинете стало[110] тихо.

Прокурор го́рода прокашлялся.

— Думаю, мне не нужно вам говорить, чтобы вы держались подальше.

— Но я же ничего не сделал плохого!

— Вы за ним ехали? Являлись к нему домой? Просили поддержки полиции в Тахо[111], когда вторгались в чужие владения?

Ромеро отвёл глаза́.

— Вы находились вне своей юрисдикции и действовали полностью от своего имени.

108 В оригинале запятая вместо тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
109 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
110 В оригинале «стаю». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
111 В оригинале «Тахосе» (см. 102). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Эти братья как-то связаны с…

— Их проверили и нашли, что всё чисто.

— Я не могу объяснить. Меня всё время грызёт *такое* чувство…[112]

— У меня тоже есть своеобразное *чувство*, — сказал прокурор. — Оно подсказывает мне, что если вы не прекратите превышать власть, вы окажетесь на улице, не говоря уже́ о том, что и в суде *тоже*, где будете объяснять присяжным, *почему* преследуете братьев, которые будто сошли с плаката о пользе труда и семейных ценностей. Мэтью, Марк, Люк и Джон — Господи помилуй! Если бы это не выглядело,[113] как признание вины, я бы рекомендовал отстранить вас немедленно.

✷ ✷ ✷

Ромеро стал получать *самые гнусные задания*. Если снежная буря обрывала провода́ на перекрёстке и движение надо было регулировать вручную, он был на эту работу первым в списке. Любая работа снаружи в плохую погоду предназначалась именно для него. Начальник полиции явно намекал ему, что *неплохо бы уйти по собственному*.

Но у Ромеро была секретная защита. Жар, который обжёг лицо, когда Джон бросил на него уничтожающий взгляд, не прошёл. Он остался, разлился, овладев его телом. Регулировать движение по колено в снегу в леденящий ветер при температуре около нуля[114]? Запросто. Гнев согревал его не хуже печи́.

Джон Парсонс надменно решил, что победа за ним. Ромеро был намерен ему *отплатить*. Пятнадцатого мая. Примерно тогда появились впервые ботинки два го́да назад и отрезанные но́ги в прошлом году́. Начальник полиции намеревался понаблюдать за этим участком Олд-Пекос, но никто не верил, будто убийца будет настолько глуп, чтобы быть настолько предсказуемым. А Ромеро точно не собирался быть предсказуемым. Он не будет играть в игру Джона и рисковать своей работой, болтаясь возле Олд-Пекос, чтобы Джон проехал мимо и пото́м заявил, что его снова преследуют. Нет, Олд-Пекос его больше не интересует. Мая пятнадцатого дня он будет в *друго́м* месте.

Под Диллоном. В долине Рио-Гранде.

112 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь одного персонажа завершилась и начинается речь другого. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
113 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
114 Около 18 по Цельсию. (примеч. пер.)

* * *

Планировал он это достаточно загодя. Прежде всего — объяснить своё отсутствие. *Отпуск*. Он его в прошлом году́ не брал. Сан-Франциско. Он там ещё никогда не был. А город должен быть весной особенно красив. Начальник был доволен — наверное, думал, Ромеро хочет подыскать там работу.

Во-вторых, его объекты знают, на какой машине он ездит. И он поменял свой пятилетний зелёный джип на трёхлетний синий «форд-эксплорер».

В-третьих, нужно снаряжение. Прибор ночного ви́дения , в который он смотрел с крыши церкви на Олд-Пекос, так оживлял тьму, что он купил себе такой же в магазине, где продавали списанное военное снаряжение. Пото́м пошёл в магазин видеокамер и купил мощный объектив-насадку с увеличением для своей тридцатипятимиллиметровой. Запасы еды и воды́ на несколько дней. Одежда. Что-то, в чём всё это нести. Туристские ботинки —[115] достаточно прочные, чтобы выдержать весь этот вес.

Его отпуск начался тринадцатого мая. Когда он последний раз был в Диллоне, осень успокоила Рио-Гранде, но весеннее таяние снегов расширило её и углубило, покрыв пеной гнева. Белую воду окаймляли зелёные деревья и кусты, а туристы на плотах пролетали по клубящимся каналам, подпрыгивая на скрытых под водой камнях. Проезжая мимо въезда на ферму Парсонсов, он боялся, что кто-нибудь из братьев может случайно выехать и заметить его, но пото́м напомнил себе, что этой его машины они не знают. Он глядел на жирную чёрную землю слева, на далёкие белые строения, на сверкающую металлическую крышу до́ма. На дальнем конце фермы бурная вода вздулась так высоко, что почти поглотила пешеходный мост.

Он остановился, оставив между собой и фермой ещё па́ру миль[116]. Площадка для отдыха слева под тополями выглядела вполне подходяще. Там стояло ещё несколько машин, все пустые. *Плотовики-туристы*, решил он. К концу дня кто-нибудь приедет забрать машины. Среди приезжающих и уезжающих его машина может вполне остаться незамеченной. Чтобы никто не заинтересовался, чего это машина здесь стои́т и не утонул ли владелец, он оставил на приборной доске записку: «*Ушёл побродить вдоль реки́. Вернусь через па́ру дней*».

Открыв дверь багажника, он надел тяжёлый рюкзак, застегнул ремни, запер машину и пошёл вниз по крутому склону, скрывшись в кустах. Несколько вечеров подряд он тренировался до́ма ходить с полным рюкзаком, но кирпичные дорожки мало подготовили его к неровной земле, где теперь нужно было с трудом пробираться — камни, ды́ры , бурелом, и каждый шаг,

115 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
116 В метрической системе 2 мили — это почти 3219 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

казалось, добавляет рюкзаку веса. И к тому же он тренировался прохладными вечерами, а теперь, в полдневную жару, когда была предсказана температура далеко за восемьдесят[117], пот лил градом и одежда прилипала к телу.

Рюкзак весил шестьдесят фунтов[118]. Без него он наверняка добрался бы до реки́ за десять минут. Сейчас этот путь занял двадцать. *Не так уж плохо*, решил Ромеро, слушая рёв реки́. Вынырнув из подлеска, он поразился, как высоко поднялась вода, как быстро течёт река, как подавляет её мощь. Течение было таким быстрым, что даже создавало ветерок, за который он был благодарен, когда поставил рюкзак и расправил затёкшие плечи. Пото́м попил воды́ из фляжки. Холодная при выезде из до́ма вода стала противно тёплой и приобрела металлический привкус.

Давай,[119] *работай*, напомнил он сам себе.

Добраться до машины без рюкзака много времени не заняло. Ромеро в спешке отпер машину, вытащил ещё один мешок, запер машину снова и отнёс второй мешок на берег на пять минут быстрее, чем первый. В мешке был резиновый плотик, и когда он был надут из баллона со сжатым воздухом, в нём хватило ме́ста для Ромеро и его рюкзака. Проверив, что последний надёжно закреплён, Ромеро поглядел на бушующую воду, вдохнул, выдохнул и столкнул плот в реку.

Ледяная вода заплескалась вокруг. Если бы не ежедневная нагрузка на тренажёрах, ему никогда бы не хватило силы грести так быстро и сильно, то с одной, то с другой стороны́, не давая плоту вертеться. Но река несла быстрее, чем он думал. Он уже́ был в середине, но как он ни старался, другой берег не приближался. Непонятно, чего он больше боялся — перевернуться или что не успеет добраться до бе́рега раньше, чем река вынесет его к ферме. *Господи, если они меня увидят…*

Он заставил ру́ки работать на полную мощь. Прищуриваясь, глядя сквозь брызги, он увидел, что река поворачивает влево. У дальнего бе́рега течение было послабее. Лихорадочно работая веслом, он почувствовал, что плот несётся на берег. Десять футов. Пять[120]. Он собрался. Когда плот ударил в берег, Ромеро перевалился через передний бортик, рухнул на илистый берег, чуть не бухнулся в воду, устоял, и выволок плот на берег.

Рюкзак лежал в воде внутри плота. Ромеро быстро расстегнул державшие его ремни и вытащил на сушу. С дна рюкзака стекала вода. Ромеро только надеялся, что водонепроницаемые пакеты, в которые он упаковал еду, одежду и снаряжение, выполнили своё назначение. Видел его кто-нибудь? Он оглядел гребень склона сзади и берег впереди — кажется, никого. Он перевернул плот, вылил воду, затащил плот за кусты и спрятал.

117 Около 27 по Цельсию. (примеч. пер.)
118 В метрической системе 60 фунтов — это более 27 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
119 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
120 В метрической системе 5 и 10 футов — это примерно 1 ½ и 3 м соответственно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Пото́м положил в него несколько тяжёлых камней, чтобы его не унесло ветром, вернулся и бе́регу и проверил, что плота не видно. Но медлить некогда. Он забросил рюкзак на плечи, превозмогая боль в мышцах, и отправился в путь.

✷ ✷ ✷

Через три часа́ пути по тропе вдоль гребня, идущего параллельно реке, он закончил трудное, медленное, долгое восхождение. Поросль кустов была чахлой, камни[121] скатывались под рифлёными подошвами ботинок. В пятнадцати ярдах[122] от вершины он снял рюкзак и размял ру́ки и плечи. С лица́ капал пот. Отпив из фляжки противной тёплой воды́, Ромеро припал к скалам и пополз вверх. Осторожно выглянул из-за кра́я. Внизу виднелся белый амбар и сараи. Металлическая крыша до́ма блестела на солнце. Участки земли́ были покрыты всходами, из которых Ромеро с этого расстояния узнал только латук. Никого не было видно. Он нашёл расселину, лёг в неё и втащил за собой рюкзак. Два скальных выступа маскировали его голову, когда он выглядывал между ними. Река, поле, ферма, амбар, ещё поля́. Прекрасный наблюдательный пункт.

И всё ещё никого не видно. Наверное, кто-то из них в Санта-Фе. Пока ничего не происходит, самое время заняться обустройством. Он достал прибор ночного ви́дения , камеру и объектив с увеличением. Водонепроницаемые пакеты сработали — снаряжение было сухим. Как и еда,[123] и спальный мешок. Промокли только запасные джинсы и рубашка, которые он как раз взял на случай, если понадобится переодеться в сухое. Их он разложил на солнце, ещё раз глянул на ферму — всё спокойно — и набросился на еду. Сыр, пшеничные крекеры, морковные ломтики и на десерт, от которого слюнки потекли, — сушёные абрикосы.

✷ ✷ ✷

Пять часов. Один из братьев прошёл из до́ма к амбару. Трудно сказать,[124] кто, но Ромеро решил, что через объектив камеры разглядел Марка.

121 В оригинале «камки». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
122 В метрической системе 15 ярдов — это чуть более 13,7 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
123 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
124 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Шесть тридцать. Подъехал кажущийся отсюда крошечным пикап. Он стал больше, когда Ромеро подкрутил увеличение, и он узнал вышедшего из машины Джона. Из амбара вышел Марк. Из до́ма вышел Мэтью. Джон выглядел чем-то недовольным. Марк что-то сказал, Мэтью молчал. Все вошли в дом.

Сердце Ромеро забилось сильнее от приятного сознания, что он наблюдает за своей дичью, а они его не видят. Но радость поутихла, когда сгустились сумерки, в доме зажёгся свет и больше ничего не происходило. После заката резко похолодало. Изо рта пошёл пар, Ромеро надел куртку и перчатки.

«*Может, я просто зря время теряю*», — подумал он.

А вот и чёрта с два. Ещё не пятнадцатое.

Температура продолжала падать. Но́ги в джинсах замёрзли, и он скользнул в приятное тепло спального мешка, пожевал ещё сыра с крекерами и переключился с камеры на прибор ночного ви́дения . Прибор осветил тьму, всё стало зелёным. Огни в окнах лучились. Один из братьев вышел из дому, но разрешение прибора было слишком грубым, и Ромеро не мог определить, *кто это.* Этот человек вошёл в амбар и вернулся в дом через десять минут.

Один за другим погасли огни. Дом стал тёмным.

«*Кажется, на время спектакль окончен*», — подумал Ромеро. Ему представилась возможность вылезти из мешка, спуститься по склону и облегчиться за кустом. Когда он вернулся, дом был так же тих и неподвижен, как и когда он уходил.

Он снова напомнил себе, что сегодняшний день не важен. Завтрашний, быть может, тоже. Но после него — *пятнадцатое.*

Проверив, что до пистолета и сотового телефона можно дотянуться рукой (все домашние удобства с собой), он поглубже влез в спальник и снова навёл прибор ночного ви́дения на ферму. Ничего.

Скоро от хо́лода глаза́ стали тяжелеть.

* * *

Хлопнула дверь.

Рывком подняв голову, Ромеро заморгал на яркий утренний свет. Выскользнув из мешка, он поглядел вниз через объектив камеры. Из до́ма вышли Джон, Марк и Мэтью. Они прошагали к ближайшему полю, где рос латук. Зелёные ростки блестели отражением солнца на растаявшем инее. У Джона был тот же недовольный вид, что и накануне, и он что-то раздражённо говорил братьям. Марк что-то ответил. Мэтью промолчал.

Ромеро нахмурился. Слишком уже́ много раз не возникает Люк. Что с ним случилось? Настроив объектив, он смотрел, как все трое уходят в амбар. Ему не давал покоя ещё один вопрос. Полицейский рапорт сообщал, что братья работают на своего отца, и эта земля принадлежит ему. Но прошлой осенью, когда Ромеро приезжал на ферму, его там не было.

И вчера не было.

И сегодня утром.

Так где же его черти носят? Этот самый отец как-то замешан в истории с ботинками и…

А что, если отец и Люк не на ферме, потому что они где-то в друго́м месте и сейчас как раз…

Чем больше было вопросов, тем больше запутывались мысли.

Он напрягся, увидев отражение какого-то блеска на растаявшем инее возле двери́ амбара. Нахмурился сильнее, когда зайчик забегал, как живой. «*О Господи!*» — стукнуло ему в голову, когда он понял, *что это*, и быстро убрал камеру с гребня. Он был на западном склоне, а солнце на востоке, и оно отражалось от объектива. Если зайчик показался, когда братья были снаружи…

Холодный воздух показался ещё холоднее. Оставив камеру с насадкой под гребнем, он осторожно поднял голову и оглядел амбар. Через пять минут трое братьев вышли оттуда и принялись за работу. Наблюдая за ними, Ромеро открыл пластиковый пакет с шоколадом, пшеничными крекерами, изюмом и орехами, которые смешал до́ма, и стал жевать смесь, запивая водой. После ночного хо́лода вода снова стала прохладной, но фляжка была почти пуста. У него было с собой ещё две, и какое-то время он на них продержится. Но в конце концов придётся спуститься к реке и наполнить фляжки через фильтр, а бактерий убьют йодные таблетки.

После полудня все братья были на одном поле, Мэтью пахал на тракторе, а Джон с Марком собирали камни, которые зима выдавила на поверхность, и относили их к пикапу.

«*Я зря время теряю,* — подумал Ромеро. — *Они просто фермеры, и Бог с ними*».

А зачем тогда Джон добивался, чтобы меня уволили?

Он стиснул зубы. Теперь, когда солнце за спиной, можно снова использовать насадку. Он осмотрел ферму, пристально вглядываясь в братьев. Вечер был повторением предыдущего. К десяти дом погрузился в темноту.

«*Ещё один день,* — подумал Ромеро. — *Завтра пятнадцатое. Ради этого дня я и приехал*».

✷ ✷ ✷

Удар привёл его в сознание. Окатила волна боли, от которой завертелись мысли. От звука третьего удара глаза́ заволокло красным. Оглушённый, Ромеро пытался одолеть шок внезапного нападения и вывернуться из спального мешка. Удар по плечам отбросил его в сторону. Его окружили три силуэта на фоне звёздного неба, тяжёлое дыхание клубами пара вырывалось изо ртов, когда они снова заносили палки для удара. Он схватился за пистолет, попытался высунуть его из мешка, но тяжёлый удар выбил оружие из онемевшей сразу же руки́ за миг до того, как от удара дубиной по лбу зазвенело в ушах и глаза́ закатились под лоб.

✷ ✷ ✷

Он медленно приходил в себя. В голове пульсировала боль. На лице кровь. За́пах кро́ви. Медный. Раздражающий ноздри за́пах прелой соломы под щекой. Свет солнца сквозь щели в амбаре. Амбар. Он вертится. В животе ком.

Кислый за́пах рвоты.

— Мэтью, зови Джона, — сказал Марк.

Торопливые бегущие шаги из амбара.

Ромеро потерял сознание.

* * *

Следующий раз он очнулся, прислонённый в углу спиной к стене, с поднятыми коленями, голова болтается, на грудь капает кровь.

— Мы нашли вашу машину, — сказал Джон. — Вижу, вы меняете модели.

Отдающийся эхом голос слышался издалека, но когда Ромеро поднял мутные глаза́, Джон был прямо перед ним.

Он читал записку, оставленную Ромеро на приборной доске.

— *Ушёл побродить вдоль реки́. Вернусь через па́ру дней.*

Ромеро заметил, что его пистолет торчит у Джона за поясом.

— Что будем делать? — спросил Марк. — Полиция придёт его искать.

— Ну и что? — ответил Джон. — Мы были в своём праве. Поймали человека с пистолетом, который ночью нарушил границу наших владений. Мы защищались и скрутили его. — Джон смял записку. — Но полиция за ним не придёт. Там не знают, где он.

— Нельзя знать наверное, — возразил Марк.

Мэтью стоял молча возле закрытой двери́ амбара.

— Ещё как можно, — ответил Джон. — Если бы это была полицейская операция, не нужна была бы эта записка. Он бы не беспокоился, что кто-то найдёт его брошенную машину. На са́мом деле и машина-то ему была бы не нужна. Полиция его довезла бы до точки выброса. Он действует на свой страх и риск.

Мэтью нервно шевелил пальцами и только смотрел.

— Я прав, офицер Ромеро? — спросил Джон.

Пытаясь собрать вертящиеся мысли, Ромеро сумел заставить голос работать.

— Как вы узнали, что я там,[125] наверху? — спросил он.

Никто не ответил.

— Зайчик от объектива камеры, да?

Голос Ромеро звучал, будто горло забило галькой.

125 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Пылал, как святой дух на Пятидесятницу, — ответил Джон.

У Ромеро распух язык так, что он еле смог произнести:

— Воды́ хоть дайте.

— Мне это не нравится, — сказал Марк. — Отпусти его.

Джон повернулся к Мэтью:

— Ты слышал? Принеси ему воды́.

Мэтью замялся в нерешительности, пото́м открыл дверь и побежал к дому.

Джон снова повернулся к Ромеро.

— Почему вы не хотите прекратить? Откуда такая настойчивость?

— Где Люк?

— Вот видите, это я и имею в виду. Вы чертовски настойчивы.

— Нам нет нужды это продолжать, — предупредил Марк. — Посади его в машину. Пусть едет. Пока ничего непоправимого не случилось.

— А ты думаешь, не случилось?

— Ты только что сказал, что мы были вправе напасть на чужака с пистолетом. Когда мы поняли, *кто это*, было слишком поздно. Судья отменит обвинение в нападении.

— Он вернётся.

— Не обязательно.

— Я тебе *гарантирую*. Вернётесь ведь, офицер Ромеро? Да, вернётесь.

Ромеро вытер кровь с лица́ и не ответил.

— Конечно, вернётесь, — заключил Джон. — Такова ваша натура. И *когда-нибудь вы увидите то, что вам видеть не следует*. Если ещё не увидели.

— Ничего больше не говори, — предупредил Марк.

— Хотите знать, *что* всё это значит? — спросил Джон у Ромеро.

Ромеро снова стёр кровь с лица́.

— Думаю, вам надо дать то, что вы хотите, — сказал Джон.

— Нет! — возразил Марк. — Это надо немедленно прекратить.[126] Я не уверен, что он сам по себе. Если здесь участвует полиция… Слишком это рискованно. Прекрати.

126 В оригинале без точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

К амбару приближались торопливые шаги. Только Ромеро посмотрел на вошедшего Мэтью с кувшином воды́.

— Дай ему, — сказал Джон.

Мэтью осторожно приблизился, будто человек, опасающийся дикого зверя. Поставив кувшин у ног Ромеро, он отпрыгнул назад.

— Спасибо, — сказал Ромеро.

Мэтью не ответил.

— Почему ты всегда молчишь? — спросил Ромеро.

Мэтью ничего не сказал.

У Ромеро побежали мурашки по коже.

— Ты не можешь говорить!

Мэтью отвернулся.

— Конечно же! Когда я был тут осенью, Джон тебе велел принести телефон, чтобы позвонить в полицию. Тогда я не подумал. — Ромеро подождал, пока вертящиеся мысли чуть успокоятся. — Я решил, что он посылает са́мого слабого, чтобы если я затею свалку, он с Марком справились бы. — В лёгких у Ромеро стало пусто. Он сделал несколько глубоких вздохов. — Но всё время, что я наблюдал за домом, ты не сказал ни сло́ва.

Мэтью всё смотрел в сторону.

— Ты *немой*. Вот почему Джон послал тебя за телефоном. Потому что ты сам не мог вызвать полицию.

— Перестаньте дразнить моего брата и пейте воду.

— Я его *не дразню*. Я просто…

— Пейте!

Ромеро потянулся за кувшином, поднял его к губам и стал глотать, не обращая внимания на кислый вкус засохшей рвоты, желая только очистить рот и вымыть гальку из горла.

Джон достал из кармана ветровки чистый носовой платок и бросил его Ромеро.

— Смочите его водой и протрите лицо. Сотрите кровь. Мы не звери. Нет необходимости унижать ваше достоинство.

Не ожидая такой любезности, Ромеро сделал, как ему было сказано. Чем больше как с человеком они с ним будут обращаться, тем больше шансов выбраться отсюда. Он отчаянно пытался найти способ как-то отовраться.

— Вы ошибаетесь насчёт неучастия в этом деле полиции.

— Да?

— Конечно, это не официально. Но поддержка у меня есть. Я сказал своему сержанту, *что* собираюсь сделать. Договор таков, что, если я не буду звонить ему по сотовому каждые шесть часов, он будет знать, что что-то случилось. И тогда он с парой друзей из полиции придёт сюда меня искать.

— Ну-ну. Это факт?

— Да.

— Тогда почему вам ему не позвонить и не сказать, что у вас всё в порядке?

— Потому что у меня не всё в порядке. Я понятия не имею, *что* тут происходит, и мне вдруг стало ясно, можете мне поверить, что меньше всего мне хочется это знать. Я просто хочу отсюда убраться.

В амбаре вдруг стало очень тихо.

— Я сделал ошибку. — Ромеро с трудом встал на но́ги. — Второй раз я её не сделаю. Я уйду. Вы меня видите последний раз.

С трудом сохраняя равновесие, он сделал шаг из угла. Джон внимательно на него смотрел.

— Что касается меня, я сюда больше ни ногой. — Ромеро сделал шаг к двери́.

— Я вам не верю.

Ромеро шагнул мимо него.

— Вы лжёте и о телефоне, и о своём сержанте, — сказал Джон.

Ромеро шёл дальше.

— Если я ему в ближайшее время не позвоню…

Джон загородил ему дорогу.

— … он приедет меня искать.

— И здесь он вас найдёт.

— Удерживаемого против моей воли.

— И нас обвинят в похищении? — Джон расставил ру́ки. — Отлично. Мы расскажем присяжным, что лишь пытались вас напугать, чтобы вы больше за нами не шпионили. Я согласен рискнуть, — суд нас оправдает.

— О чём это ты говоришь? — спросил Марк.

— Посмотрим, придут ли в са́мом деле друзья ему на выручку.

«*Вот, блин!*» — подумал Ромеро. И сделал ещё один шаг к двери́.

Джон вынул из-за по́яса пистолет Ромеро.

— Нет! — сказал Марк.

— Мэтью, помоги Марку открыть люк.

— Это надо прекратить! — крикнул Марк. — Тебе мало того, *что* сталось с Мэтью и Люком?

Как вдруг срабатывает туго закрученная пружина, так Джон развернулся и ударил Марка с такой силой, что сбил с ног.

— С каких пор ты командуешь в этой семье?

Вытирая кровь с губ, Марк злобно посмотрел на него снизу вверх.

— Я не командую. Командуешь ты.

— Это правда. Я старший. Таков *закон*. Если бы тебе было предназначено командовать этой семьёй, ты бы родился первым.

Марк только смотрел.

— Ты хочешь пойти против *закона*? — спросил Джон.

Марк опустил глаза́.

— Нет.

— Тогда помоги Мэтью открыть люк.

У Ромеро мелко задрожали мышцы живота. Пока Джон держал его под прицелом, он смотрел, как Марк и Мэтью прошли в дальний левый угол, где только вдвоём смогли отодвинуть с доро́ги бочку с зерном. Они подняли люк, и Ромеро мельком успел подумать, что, *толкая снизу, нет ни одного шанса открыть люк, на котором стои́т бочка.*

— Спускайтесь, — велел Джон.

У Ромеро ещё сильнее закружилась голова. Пытаясь справиться с этим ощущением, он понимал, что должен что-то сделать, пока не ослабел ещё сильнее.

Если бы Джон хотел меня убить, он бы сделал это сейчас.

Он бросился к наружной двери́.

— Марк!

Что-то ударило Ромеро по ногам, зацепило, сбило с ног лицом на пол.

Марк бросил дубинку.

Трое братьев подняли его, бессильного, как никогда в жизни, и он обвис у них в руках, не в состоянии вырываться, а они проволокли его по пыльному по́лу и сунули в люк. Не успел бы он схватиться за лестницу, упал бы вниз.

— Вам было бы неприятно остаться без воды́. — Джон протянул ему вниз кувшин.

Снизу тянуло холодком. Охваченный ужасом Ромеро увидел, как опускается над ним люк, и услышал скрежет задвигаемой на место бочки.

«*Помоги мне Бог*», — подумал он.

✷ ✷ ✷

Но он не остался в полной темноте. Вглядевшись вниз, он увидел слабый свет и осторожно спустился по лестнице, неуклюже, из-за кувшина в руках. Внизу оказался короткий туннель, и Ромеро прошёл по нему. Влажный за́пах земли́ щекотал ноздри. Свет стал ярче, когда Ромеро приблизился к его источнику в небольшой оббитой фанерой комнате, где стояли деревянные стол и стул. Пол тоже был выстелен фанерой. Свет исходил от голой лампочки, закреплённой прямо на массивной потолочной балке. Войдя внутрь, Ромеро увидел слева лежанку, на ней лежали чистая подушка и одеяло. Справа в глубокой дыре стоял ящик, накрытый туалетным сиденьем. Ромеро решил, что сходит с ума.

Из отдушины в дальней стене шёл ветерок, теперь ставший слабее, когда люк подвала закрылся. Ромеро подумал, что вентиляционный ход должен быть длинным и с заглушкой у входа, так что, если он будет звать на помощь, никто не услышит, даже находясь близко к владениям братьев. Из отдушины шло достаточно воздуха, чтобы Ромеро мог не бояться удушья. Много чего можно было бояться, но хотя бы не этого.

Фанера на полу́ и на стенах потеряла цвет от старости. А вот подушку и одеяло принесли сюда недавно — когда Ромеро поднёс их к носу, он почувствовал за́пах свежевыстиранного белья, уже́ заглушаемый запахом глины.

Братья не могли знать, что я здесь окажусь. Они ожидали кого-то другого.

Кого?

Он почувствовал ещё какой-то *за́пах*. Попытался убедить себя, что это лишь его воображение, но избавиться от ощущения, что *сте́ны источают сладковатую вонь страха от многих, здесь побывавших*, он не мог.

У него самого́ от страха так пересохло во рту, что пришлось сделать несколько больши́х глотков воды́. Поставив кувшин на стол, он всмотрелся в находящуюся напротив дверь. Обыкновенная старая деревянная дверь, вертикальные планки, перехваченные горизонтальными досками сверху,

снизу и в середине, но эта дверь внушала *предчувствие*. Он знал, что должен её открыть, что должен узнать, нет ли там выхода на свободу, но было страшное *предчувствие*, что на *той* стороне его ждёт какой-то *несказанный ужас*. Он велел ногам двигаться. Они не подчинились. Он велел правой руке взяться за ручку. Она тоже отказалась.

Вращение в мыслях усилилось от коротких быстрых вдохов.[127] Ромеро понял, что вогнал себя в гипервентиляцию,[128] и с усилием заставил себя дышать нормально. Несмотря на прохладу подвала, с лица́ капал пот. А во рту пересохло, как никогда.

Он глотнул ещё воды́.

Открой дверь!

Тело неохотно повиновалось, дрожащие но́ги перенесли его через камеру, трясущаяся рука поднялась к ручке две́ри. Он потянул её на себя.

Ничего не произошло, и он было подумал, что дверь заперта, но когда он потянул сильнее, дверь скрипнула и медленно отворилась, и глинистый за́пах ударил в ноздри раньше, чем глаза́ привыкли к темноте.

На страшный миг ему показалось, что перед ним трупы. Он чуть не отшатнулся, беззвучно вскрикнув, пока остатки здравого смысла не велели ему всмотреться сильнее, потому что он видит только набитые джутовые мешки.

И корзины.

И полки, набитые…

Овощами.

Картофель, свекла, брюква, лук.

Боже мой, так это же просто овощехранилище под амбаром. Морщась от запаха плесени, Ромеро стал искать другую дверь. Он простучал сте́ны, надеясь услышать звук пустоты́, говорящий о другой комнате за стеной, может быть, даже выходе наружу.

Ничего обнадёживающего он не нашёл.

— Офицер Ромеро? — позвал голос со стороны́ люка.

Ромеро вышел из овощехранилища и закрыл дверь.

— Офицер Ромеро? — Голос был похож на голос Джона.

Ромеро вышел из камеры и остановился в середине коридора. Из открытого люка падал бледный свет.

— Что?

127 В оригинале без точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
128 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я принёс вам еду.

На полу́ возле лестницы стояла корзина. Очевидно, Джон спустил её на верёвке и вытащил верёвку раньше, чем позвал Ромеро.

— Я не голоден.

— На вашем месте я бы поел. В конце концов, вы же не знаете, *когда* я принесу вам еду в следующий раз.

Пустой желудок Ромеро свело судорогой.

— Кроме того, я положил вам в корзину книгу, чтобы не было скучно. Д. Г. Лоуренс. Вполне уместное чтение, поскольку он жил на ранчо чуть севернее Тахо[129]. И даже там похоронен.

— Плевать мне на него! Что вы собираетесь со мной делать?

Ромеро сам испугался, услышав, *как* дрожит его голос.

Джон не ответил.

— Если вы меня сейчас отпустите, я забуду обо всём, что здесь было. Пока ещё не сделано ничего такого, чего нельзя поправить.

Люк закрылся, луч бледного света исчез.

Заскрежетало дно задвигаемой на место бочки.

Ромеро хотелось завопить.

Он взял корзину и просмотрел её содержимое. Хлеб, сыр, нарезанная морковь, два яблока… и книга. Потрёпанный том в твёрдой обложке, которую давно уже́ содрали. Название на титуле: *Д. Г. Лоуренс, «Избранные рассказы»*. Закладка на рассказе под названием *«Та, которая уехала»*. Страницы этого куска книги так часто переворачивали, что верхние уголки почти стёрлись.

Там, куда пришлись удары по голове, было такое чувство, что туда вогнали по лому. Ромеро, часто дыша, с усилившимся головокружением, вернулся в камеру. Корзину он поставил на стол, пото́м сел на лежанку в такой слабости, что ему очень хотелось лечь, но он сказал себе, что *должен прочитать рассказ. Что можно точно сказать про Джона — это человек серьёзный. Рассказ должен быть важен.*

Ромеро открыл книгу. Зрение на миг мучительно раздвоилось. Он заставил себя сфокусировать глаза́, и проблема исчезла так же быстро, как появилась, зрение прояснилось. Не он знал, *что* это. *Сотрясение.*

Нужно в больницу…

Сосредоточься, мать твою!

«Та, которая уехала».

129 В оригинале «Тахоса» (см. 102). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Действие происходило в Мехико. Рассказывалось о женщине, жене богатого промышленника, владельца прибыльных серебряных рудников в Сьерра-Мадре. У неё были чудесные сын и дочка. Муж её обожал. У неё было всё, о чём только можно мечтать. И всё равно она задыхалась, она чувствовала себя собственностью своего мужа, будто муж и дети владели ею, как вещью. И каждый день она всё больше и больше времени сидела одна и смотрела на го́ры. *Что там? Наверное, что-то чудесное. Тайные деревни, быть может.* И однажды она поехала покататься верхо́м и не вернулась.

Ромеро бросил читать. Его изнурил травматический шок. Трудно не дать опуститься гудящей голове. И снова свело пустой желудок. «*Надо поддержать силы*», — подумал Ромеро. Заставив себя встать, он подошёл к корзине с едой, пожевал моркови и откусил кусок свежего хлеба с хрустящей коркой. Запил водой и вернулся к лежанке.

От перерыва легче не стало. Столь же изнурённый, как раньше, он снова открыл книгу.

Женщина уехала в го́ры. Она взяла с собой еды на несколько дней и ехала всё вверх и вверх, предоставив лошади выбирать дорогу. Выше и выше. Мимо сосен, осин и тополей, и наконец, когда стала реже растительность и голова кружилась от высоты́, её встретили на тропе индейцы и спросили, *куда она едет. В тайные деревни*, ответила им она. *Увидеть их до́ма и узнать их богов.* Индейцы проводили её в пышную долину, где были деревья, река и группа низких домишек, светлых на солнце. Жители деревни приняли её радушно и обещали научить.

Зрение Ромеро снова раздвоилось. Это напугало его, и он попытался свести изображения. Очевидно, сотрясение прогрессирует. От страха он стал ещё слабее. Ему хотелось лечь, но он знал, что, если заснёт, может уже́ и не проснуться. *Звать на помощь* — мелькнула паническая мысль.

Кого? Здесь никто не услышит. Даже эти братцы.

Заставив себя встать, он подошёл к столу, откусил ещё кусок хлеба, заел яблоком и сел дочитывать рассказ. Он был уверен, что этим рассказом ему что-то хотят сообщить, но пока он ещё не понял,[130] что.

У женщины было такое чувство, что всё это во сне. Жители деревни хорошо с ней обращались, приносили ей цветы и одежду, еду и напиток, сделанный из мёда. Она проводила дни в приятной апатии. Никогда она ещё не спала так долго и глубоко. Каждый вечер звучала гипнотическая песнь барабанов. Менялись времена го́да. Осень сменилась зимой. Выпал снег. *Солнце гневается*, сказали жители деревни в самый короткий День го́да. *Надо отдать солнцу луну*. Они отнесли женщину в алтарь, сняли с неё одежду и всадили ей в грудь нож.

130 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

От последней шокирующей страницы у Ромеро голова дёрнулась вверх. Смерть женщины тем сильнее потрясала, что женщина знала о её приближении и сдалась ей, не пыталась сопротивляться, почти радовалась ей. Как будто была не в себе, в трансе.

Ромеро вздрогнул. Веки снова отяжелели, и он подумал о медовых напитках, которые жители деревни ей приносили.

Наверняка они были с зельем.

«*О чёрт!*» — подумал он. Вся сила воли понадобилась ему, чтобы поднять тяжёлую голову и вглядеться в корзину и кувшин на столе.

К пище и воде было подмешано сонное зелье.

Струйка страха прошла через сознание — единственное чувство, которое он ещё мог ощутить. Голова онемела так, что перестала болеть. Ру́ки и но́ги существовали где-то отдельно. *Сейчас отрублюсь*, отстранённо мелькнула мысль.

Он начал укладываться.

Нет.

Нельзя.

Нет.

Подними задницу с этой лежанки! Заснёшь — умрёшь!

В голове крутилось колесо, но он поднялся, шатаясь, на но́ги. Качнулся к столу. Навалился на него. Чуть не перевернул. Выпрямился. Бросился к туалетному сиденью. Согнулся. Сунул палец в горло. Выблевал поглощённую пищу и воду.

Вывалился в коридор, шатнулся к лестнице, схватился, повернулся, зашатался, прошёл обратно, до двери́ в овощной погреб, коснулся, повернулся, и захромал к лестнице.

И снова.

Продолжай ходить. Ты должен ходить.

И снова.

Ты должен стоять на ногах.

Колени подгибались. Он заставил их выпрямиться.

Перед глазами серело. Он на подгибающихся ногах шёл вперёд, нащупывая дорогу руками.

Никогда в жизни не было ничего труднее. Он и не знал, что у него хватит силы воли и решимости на такое. «*Я не сдался!* — повторял он про себя. Это стало мантрой. — *Я не сдался!*»

Время неслось полосами, забытьё висело постоянной пеленой. Где-то посреди этого испытания зрение прояснилось, но́ги стали держать. Он разрешил себе надеяться, когда вернулась головная боль — это выветривалось зелье. Он уже́ не качался — ходил.

И продолжал ходить, настраивая себя. *Я должен быть готов*, повторял он. Ум прояснялся, но недоумение оставалось. Зачем Джону нужно было, чтобы он прочёл рассказ? Как предупреждение не есть и не пить?

Или, быть может, это было объяснение того, *что* происходит. Предлагаемый выбор. Избавь себя от му́ки страха. Вкуси от щедрот земных и сдайся, как та женщина.

Чёрта с два!

Ромеро вылил воду в туалетное сиденье. Она смыла туда рвоту, и теперь будет не так сразу ясно, *как* он поступил. Пото́м он оставил кусочек хлеба и несколько ломтей моркови. Пообкусал яблоки и сплюнул куски, оставив огрызки. Всё остальное от отнёс в овощной погреб и спрятал в са́мом тёмном углу за корзинами с картошкой.

Посмотрел на часы. Когда его сюда спустили, было одиннадцать часов утра́. Сейчас почти полночь. Услышав тихий скрип отодвигаемой бочки, он лёг на лежанку, закрыл глаза́, свесил руку на пол и попытался смирить частое дыхание, чтобы казалось, что он в отключке.

✷ ✷ ✷

— Осторожно. Он может и притворяться.

— Еда почти вся съедена.

— Не загораживай мне линию огня.

Его схватили руками, подняли. Он обвис мёртвым грузом, позволяя выволочь себя в коридор. Что-то бормотал, будто возражая против того, что его будят. Его обвязали верёвкой, один из братьев поднялся по лестнице и стал тянуть, а другие его подняли. В амбаре они сняли верёвку, и он снова пошевелил головой и что-то забормотал.

— Посмотрим, сможет ли он стоять, — сказал Джон.

Ромеро позволил себе заморгать глазами.

— Он приходит в себя, — заметил Марк.

— Тогда он сможет нам помочь.

Его вынесли на открытое место. Он мотал головой, будто проснувшись от ночного хóлода. Его сунули в кузов пикапа. Двое братьев сидели с ним, третий вёл машину. Ночь была такой холодной, что он позволил себе задрожать.

— Да, точно приходит в себя, — сказал Джон.

Машина остановилась. Его подняли и вынесли в поле. Позволив себе чуть разлепить веки, Ромеро поразился, как ярка луна. Поле было то самое, где накануне братья пахали и убирали камни.

Его поставили на нóги.

Он притворился, что шатается.

Сердце стучало. Он знал, что в ближайшее время придётся что-то сделать. До сих пор он был перед ними тремя беспомощным. В амбаре было слишком тесно, чтобы затевать схватку. Нужно открытое место, где можно будет бежать. Кажется, это будет именно это поле. Потому что теперь не оставалось сомнений, что его намереваются убить.

— Поставь его на колени, — сказал Джон.

— Ещё не поздно всё прекратить, — ответил Марк.

— Ты утратил веру?

— Я…

— Отвечай! *Ты утратил веру?*

— … Нет.

— Тогда поставь его на колени.

Ромеро дал опустить себя на землю. Сердце колотилось так, что он испугался, как бы оно не выскочило из рёбер. В колени больно впились острые камни. Он не мог себе позволить реагировать.

Его толкнули вперёд, на четвереньки. Как животное. Шея была открыта.

— Докажи веру свою, Марк.

Тихий скрежет — нож вынули из ножен.

Он блеснул при луне.

— Возьми, — сказал Джон.

— Но…

— Докажи веру свою.

Долгая напряжённая пауза.

— Правильно, — сказал Джон. — Господь наш, прими эту жертву за славу земли́ твоей и щедрость её. Да напоит кровь…

Ощутив ещё один острый камень, теперь под ладонью, Ромеро схватил его, извернулся и ударил ближайший силуэт изо всех сил по голове. Раздался ужасный хруст, силуэт застонал и осел, а Ромеро, вскочив на но́ги, выдернул нож из рук Марка и вогнал ему в живот. И тут же бросился на оставшегося брата, в котором узнал Джона, потому что у него был в руке пистолет. Но Ромеро не успел ударить, как Джон шагнул назад и прицелился, и Ромеро оставалось только метнуть в него нож. Он попал, но ранил Джона или нет — Ромеро не разглядел. По крайней мере,[131] он заставил Джона отшатнуться и сделать ещё шаг назад, сбив прицел, и выстрел пропахал землю, а Ромеро уже́ бежал мимо пикапа, на дорогу, к дому.

Джон выстрелил снова. Пуля ударила в пикап.

Ускоряясь, подгоняемый страхом, Ромеро увидел впереди огни до́ма и ушёл влево, чтобы не быть силуэтом мишени на светлом фоне. Третий выстрел. Пуля свистнула мимо, разбив в доме окно. Он напряг но́ги до максимума, в груди́ жгло огнём. Дом становился всё больше, и тут сзади послышался рёв мотора пикапа. Надо уйти с доро́ги. Он взял ещё левее, перелез через ограду и побежал через поле спаржи, сбивая нежные ростки.

Мелькнул свет фар, пикап остановился. Четвёртый выстрел разорвал тишину долины. Джон не без оснований считал, что в этой пустынной местности соседи вряд ли услышат. Или забеспокоятся. Кто-то стреляет по койотам.

Пятый выстрел ужалил Ромеро в левое плечо. Быстро и хрипло дыша, он побежал зигзагом. И в то же время наклонился вперёд и прибавил скорости,[132] насколько мог, только не разгибаясь. Добежал до следующей изгороди, протиснулся между брусьями —[133] и опять в поле, круша очередные всходы — *на этот раз редиска*, отметил он краем сознания.

Рёв пикапа приближался по дороге.

Ему ответил другой рёв, несущаяся мощь Рио-Гранде, к которой Ромеро бежал. Огни до́ма остались справа. Он миновал их, бросаясь в темноту за фермой. Река гремела всё громче.

Почти на месте. Если бы только…

Пылая фарами, пикап бросился наперерез.

Ещё изгородь. Ромеро бросился между брусьями с такой силой, что ударился раненым плечом, но не обратил внимания — луна освещала ему путь к пешеходному мосту. Он рванулся вперёд, слыша сзади шум мотора. Вздымающаяся река отразила свет фар, свирепость белых гребней манила. С

131 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
132 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
133 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

победным криком Ромеро достиг моста. Шаги его загрохотали по настилу. Но́ги скользили на промокших от брызг досках, мост качался, его захлёстывало водой. Ромеро оступился, качнулся, чуть не свалился в реку, но восстановил равновесие. Мимо просвистел выстрел, угодив туда, где он только что пробегал. Ромеро уже́ был за мостом и нырнул в кусты, пробираясь к темноте справа. Джон дал ещё два выстрела туда, где скрылся в кустах Ромеро, а тот припал к земле, отчаянно стараясь не шуметь и пытаясь перевести дыхание.

В горле жгло. Грудь ныла. Он коснулся левого плеча и ощутил смесь холодной жидкости с тёплой: *вода и кровь*. Его трясло. Неостановимо. Фары грузовика осветили Джона, идущего по мосту. Пистолет в правой руке. И в левой что-то. Это что-то вдруг вспыхнуло: сильный фонарь. Он обшаривал кусты. Ромеро ещё сильнее прижался к земле.

Джон пошёл по мосту.

— Я посчитал точно так же, как и вы! — крикнул он, перекрывая рёв реки́. — Восемь выстрелов! Выходя из машины, я проверил обойму! Семь патронов, и ещё один в стволе!

В любой момент фонарь мог высветить укрытие Ромеро. Он схватил камень, благодаря Бога, что ранен в левое плечо, а не в правее, и метнул. Камень отскочил от моста. Ромеро уже́ бросился вверх по течению, когда Джон выстрелил туда, где он был.

На этот раз Ромеро не стал останавливаться. Камни против пистолета — это не дело. Может, и повезёт, но он в этом сомневался. Джон знал, в каком направлении находится Ромеро, и только он рискнёт высунуться, чтобы бросить камень, Джон получит хороший шанс ослепить его фонарём и пристрелить.

Продолжай идти вверх, сказал он себе. *Заставь Джона тебя преследовать.*

Он бросил ещё камень, не целясь, но Джон не стал стрелять вслепую. *Отлично,* подумал про себя Ромеро, продираясь сквозь тёмные кусты. Пока Джон следует за ним, всё отлично.

«*Плот,* — подумал он. — *Они нашли мой лагерь. Нашли машину*».

А плот они нашли?

В темноте трудно было сориентироваться. Там был изгиб реки́. Да. И склон с одной стороны́ приближался к воде.

Ромеро бросился вперёд, стараясь как можно больше шуметь, чтобы Джон обязательно бросился за ним. Пусть думает, что Ромеро в панике. Для усиления иллюзии он бросил ещё один камень по крутой дуге, туда, где Джон его выслеживал.

Ветка хлестнула по лицу, он не обратил внимания. Только рвался вперёд, заметил изгиб бе́рега, и когда споткнулся о плот, чуть не врезался головой в один из камней, которые напихал в плот для тяжести.

Фонарь Джона мигал позади, ощупывая кусты.

Быстрее!

Ловя ртом воздух, Ромеро снял куртку, напихал её больши́ми камнями, которые уже́ были внутри плота, и стащил плот в воду. Джон внизу по течению услышал и направил на него фонарь, но Ромеро уже́ успел нырнуть в кусты, глядя, как течение подхватило плот и понесло вниз. В лунном свете и луче фонаря выпирающая куртка была очень похожа на притаившегося внутри плота человека, который рассчитывает таким образом скрыться от пуль.

Джон бросился к реке и выстрелил. Пото́м ещё раз, ярко полыхнув дульной вспышкой, но выстрелы были еле слышны за рёвом реки́, который заглушил и шум, когда Ромеро бросился из кустов и налетел на Джона, локтём раненой руки́ передавив ему горло, а здоровой рукой ухватившись за руку с оружием.

От силы удара они оба свалились в воду. Тут же их подхватило течением, ошеломляюще свирепым и холодным. Голову Джона затянуло под воду. Вцепившись в противника и стараясь удержать его внизу, Ромеро одновременно боролся с течением, уносившим его во тьму. Поток поднял его вверх и бросил вниз. Холод был так яростен, что всё тело сразу онемело. И всё равно он продолжал стискивать горло Джона и пытаться вырвать у него пистолет. Мимо мелькнуло здоровенное бревно, течение задирало его конец. Джон вырвался на поверхность, Ромеро ушёл под воду. Ру́ки Джона придавили его вниз. Ромеро судорожно стал отбиваться ногами, услышал, как вскрикнул от боли Джон и выскочил на поверхность. В пяти футах[134] от него Джон старался удержаться на поверхности и одновременно наводил пистолет. Ромеро нырнул. Услышав выстрел, Ромеро добавил к силе течения собственные усилия и вынырнул справа от Джона, схватив его за руку с пистолетом, выкручивая.

«*Сукин ты сын,* — подумал Ромеро. — *Если мне суждено здесь подохнуть, я и тебя прихвачу с собой*».

Он потянул Джона под воду. Их ударило об камень, от боли Ромеро вскрикнул под водой. Ловя ртом воздух, он выскочил на поверхность. Увидел, как стоя́щий перед ним Джон наводит пистолет. Увидел фары пикапа, освещавшие мостик. Увидел огромное дерево, застрявшее в узком промежутке между рекой и мостом. Джон не успел выстрелить, как Ромеро налетел на ветвь. Через миг в него же врезался Джон. Прижатый к веткам силой течения, Ромеро потянулся к пистолету, который Джон навёл в упор. И тут лицо Джона исказилось от неожиданной боли — огромный булыжник упал на него с моста и расколол череп.

134 См. 120. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ромеро не сразу понял, что на мостике над ним стои́т Мэтью. Его слишком парализовало ужасом при виде потока кро́ви, залившего лицо Джона. Через миг течением принесло бревно, ударившее Джона в грудь и унёсшее его под ветки. На миг в свете фар Ромеро показалось, что он видит торчащее из груди́ Джона бревно, но тут Джон, дерево и бревно оторвались от моста и скрылись в белой воде. Уносимый вместе с ними, Ромеро поднял руку, пытаясь схватиться за мост. Не смог. Пролетая в потоке под мостом, выходя с другой стороны́, он напрягся, ожидая удара камнем, который лишит его сознания, как что-то его *схватило*. Ру́ки. Мэтью лежал животом на настиле моста, вытянувшись как мог далеко, и держал Ромеро за рубашку. Ромеро стал помогать ему себя вытащить, стараясь не глядеть на разбитый лоб и правый глаз Мэтью, куда пришёлся удар камня Ромеро. Схватившись за его ру́ки и подтягиваясь, Ромеро почувствовал, как скользят какие-то осколки по правой ноге, и пото́м он и Мэтью рухнули на настил моста, хрипло дыша и пытаясь перестать дрожать.

— Ненавижу его, — сказал Мэтью.

Минуту Ромеро был уверен, что слух его обманывает, что после выстрелов и рёва реки́ он слышит звуки, которых нет.

— Ненавижу его, — повторил Мэтью.

— Боже мой, *ты говоришь!*

Как выяснилось пото́м, *впервые за двенадцать лет.*

— Ненавижу его, *ненавижуненавижуненавижуненавижуненавижуненавижуненавижуненавижу*!

✷ ✷ ✷

Освобождённый от молчания, давившего его почти две трети жизни, Мэтью безостановочно болтал всю дорогу, *когда* они шли посмотреть, *что* с Марком, и обнаружили, что он мёртв, *когда* они возвращались в дом и Ромеро вызывал полицию штата, *когда* они переодевались в сухое и тёплое и Ромеро обрабатывал раны Мэтью, и *когда* они ждали полицию, и *когда* поднялось солнце и полиция кишела повсюду на ферме. Истерическая литания Мэтью становилась всё стремительнее и визгливее, и наконец,[135] врачу пришлось ввести ему успокоительное и его увезли на машине «скорой помощи».

135 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В группе был и тот полицейский, у которого Ромеро тогда просил помощи. Узнав, *что* произошло, из Санта-Фе прибыли начальник полиции и сержант. К тому времени уже́ начали раскопки и показались тела́. Во всяком случае, то, что от них осталось, когда всю кровь выцедили на поле и разре́зали тела́ на куски.

— Боже милостивый, *сколько их*? — спросил полицейский штата, когда в почве полей стали находить всё больше и больше фрагментов тел в разных стадиях разложения.

— Это происходит столько, сколько Мэтью себя помнит, — ответил Ромеро. — Его мать умерла, когда он родился. Она лежит под землёй на одном из полей. Отец умер от сердечного приступа три го́да назад. Они его просто где-то здесь похоронили.[136] Каждый год в день средней даты последних морозов, пятнадцатого мая, *они приносили кого-нибудь в жертву*. Чаще всего бездомных, которых никто не хватится. Но в прошлом году́ это были Сьюзен Кроувелл и её жених. Их угораздило проколоть шину прямо рядом с фермой. Они пошли сюда и попросили разрешения позвонить. Когда Джон увидел номера́ не этого штата…

— Но *зачем*? — спросил начальник полиции в смятении, а в полях находили всё больше и больше фрагментов.

— *Дать жизнь земле*. Об этом и был рассказ Д. Г. Лоуренса. Плодородие зе́мли и смена времён го́да. Я думаю, что Джон *так* пытался объяснить своим жертвам, почему они должны умереть.

— А ботинки? — спросил начальник полиции. — Не понимаю, при чём здесь ботинки.

— Их выбрасывал Люк.

— Четвёртый брат?

— Да. Он лежит где-то поблизости. *Покончил с собой.*

У начальника полиции был такой вид, будто его сейчас стошнит.

— Всю весну, пока овощи вызревали до продажи, Люк разъезжал по фермам до Санта-Фе, продавая замшелые камни. Каждый день он проезжал по Олд-Пекос. Дважды в день проезжал мимо баптистской церкви. Психологически он был под тем же давлением, что и Мэтью, но Джон не подозревал, *насколько* он близок к срыву. Эта церковь стала попыткой Люка к отпущению грехов. Однажды он увидел на дороге возле церкви старые ботинки.

— Вы хотите сказать, что *первый раз их выбросил не он*?

— Нет, это кто-то решил пошутить. Но они навели его на мысль. Он увидел в них *знак Божий*. Через два го́да он стал выбрасывать там обувь жертв. Она всегда была проблемой. Одежда разлагается довольно быстро. Но

136 В оригинале без точки. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ботинки — гораздо дольше. Джон велел ему бросать их в помойку где-нибудь в Санта-Фе. Люк не мог себя заставить это делать — как не мог заставить себя войти в церковь и помолиться за свою ду́шу. Но он мог бросать обувь около церкви в надежде, что будет прощён и что жертвы его семьи́ обретут спасение.

— А на следующий год он бросил *ботинки вместе с ногами*, — сказал сержант.

— Джон не знал, что он их взял. Когда узнал, он посадил Люка под замо́к. Однажды утром Люк вырвался наружу, ушёл в поля́, встал на колени и перерезал себе горло от уха до уха.

Наступило молчание. Снаружи, у кучи свежевывернутой земли́, кто-то крикнул, что *нашли ещё фрагменты тел.*

✷ ✷ ✷

Ромеро взял отпуск по болезни. Четыре го́да он раз в неделю ходил к психиатру. Когда он слышал, как кто-нибудь объявляет себя вегетарианцем, он отвечал: «*Да, я тоже был вегетарианцем, но теперь я плотоядный*». Конечно, на одном мясе существовать он не мог. Организму человека нужны витамины и минералы, которые даёт растительная пища, и хотя Ромеро пытался заменить их витаминными таблетками, оказалось, что нельзя прожить без объёма, даваемого этой са́мой растительной пищей. И потому он мрачно ел овощи, но при этом всегда думал о тех восхитительных, неимоверно больши́х,[137] сияющих, очень здорового вида помидорах, огурцах, перцах, баклажанах, капусте, бобах, горохе, моркови и редиске, которые продавали братья Парсонсы. Вспоминая, *чем* их удобряли, он жевал, жевал, жевал, но *овощи всегда застревали у него в горле.*

© Дэвид Моррелл

137 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Нил Гейман «Сувениры и сокровища: История одной любви»

Можете назвать меня *ублюдком*, если хотите. Это верно, причём во всех смыслах. Мама родила меня через два го́да после того, как её заперли ради «*её собственной пользы*», и было это в 52-м, когда за па́ру горячих ночек с местными парнями можно было заработать диагноз: *клиническая нимфомания*, после чего вас убирали с глаз долой — «*для защиты вас самих и общества*» — всего лишь по указу «*высшей инстанции*» в лице двух врачей. Один из двоих был её отцом, моим дедом, а второй — его партнёром, с которым они делили врачебную практику в Северном Лондоне.

Так что, *кто* был мой *дед*, я знаю. А вот мой *отец*... им мог быть кто угодно, кто соблудил с матерью в здании или на участке «Приюта святого Андрея». Чудное словечко, а? **Приют.**[138] Хочешь не хочешь, подумаешь об убежище: этакое тихое местечко, где тебя укроют от полного опасностей и жестокости старого доброго большого мира. Та ещё дыра, этот приют. Я съездил поглядеть на него в конце семидесятых, перед тем как его снесли. Там всё ещё воняло мочой и сосновым дезинфицирующим средством для мытья пола. Длинные, тёмные, плохо освещённые коридоры с гроздьями крохотных, похожих на камеры комнатушек. *Если б вы искали ад, а нашли «Святого Андрея», вы б не разочаровались.*

138 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В её истории болезни говорится, что она раздвигала но́ги для кого придётся, но я в этом сомневаюсь. Она ведь тогда сидела взаперти. Так что тому, кто захотел бы ей вставить, сперва пришлось бы обзавестись ключом от её камеры.

Когда мне было восемнадцать, я последние свои летние каникулы перед университетом провёл в охоте за теми четырьмя, кто с наибольшей вероятностью мог быть моим отцом: два санитара психиатрички, врач тюремного отделения и управляющий приютом.

Маме было всего семнадцать, когда за ней закрылись две́ри. У меня есть маленькая — под размер бумажника — чёрно-белая её фотография, снятая прямо перед тем, как её заперли. Мама опирается о крыло спортивного «моргана», припаркованного на какой-то сельской дороге. Она улыбается, вроде как кокетничает с фотокамерой. Ты была просто красоткой, мама.

Я не знал, который из четверых был мой папочка, и поэтому убил всех. В конце концов, каждый её трахал: я заставил их в этом признаться, прежде чем прикончил.[139] Лучше всех был управляющий, этакий краснолицый упитанный старый Казанова, и таких, как у него,[140] подкрученных вверх усов а-ля Пуаро, я уже́ лет двадцать как не видел. Я наложил ему жгут из его же гвардейского галстука. Изо рта у него полетели пузырьки слюны, а сам он стал синий, как неварёный омар.

В «Святом Андрее» были и другие мужчины, кто мог бы оказаться моим отцом, но после этих четверых я перегорел. Я сказал себе, что разобрался с четырьмя наиболее вероятными кандидатами и что, если я перебью всех и каждого, кто мог забить матери, дело кончится бойней. Так что я завязал.

На воспитание меня отдали в соседний детдом. Если верить её истории болезни, маму стерилизовали сразу после моего рождения. Никому не хотелось, чтобы такие гадкие, мелкие, как я, происшествия помешали ещё чьему веселью.

Мне было десять, когда она покончила с собой. Это было в 64-м. Мне было десять лет от роду, и я ещё играл в «каштаны»[141] и воровал потихоньку сладости в кондитерских, когда она, сидя на линолеумном полу́ своей камеры, пилила себе запястья осколком битого стекла, который Бог знает где раздобыла. Она и пальцы себе раскроила тоже, но своего добилась. Её нашли утром — липкую, красную и холодную.

Люди мистера Элиса наткнулись на меня, когда мне было двенадцать. Замначальника детдома считал нас, мальцов, своим личным гаремом секс-рабов с исцарапанными коленками. Соглашайся и окажешься с больной попкой и шоколадкой «Баунти». Будешь трепыхаться, проведёшь па́ру дней

139 В оригинале запятая вместо точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
140 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
141 «Каштаны» — английская детская игра, в которой одним привязанным на верёвочке каштаном бьют по другим. (примеч. пер.)

взаперти с взаправду больной попкой и сотрясением мозга в придачу. Мы его прозвали Старой Соплёй, потому что он начинал ковырять в носу, как только решал, что мы не видим.

Его нашли в гараже его до́ма в его собственном синем «моррис миноре»: дверцы заперты, и кусок ярко-зелёного садового шланга идёт прямо от выхлопной трубы́ в окно спереди. Коронер постановил «*самоубийство*», и семьдесят пять мальчишек вздохнули свободней.

Но Старая Сопля за годы труда на ниве воспитания малолетних оказал па́ру услуг мистеру Элису, когда, скажем, следовало позаботиться о приезжем иностранном политике со склонностью к мальчикам или заезжал с визитом главный констебль[142]. Потому мистер Элис послал па́ру своих следователей — просто убедиться, что всё тип-топ. Когда же они сообразили, что единственно возможный преступник — двенадцатилетний мальчишка, они едва штаны не намочили со смеху.

Однако мистер Элис был заинтригован и потому послал за мной. Это было ещё в те дни, когда он гораздо чаще принимал во всём личное участие. Полагаю, он надеялся, что я окажусь хорошеньким, но тут его ждал печальный сюрприз. Я и тогда выглядел, как сейчас: худой, словно щепка, профиль — что топор, и уши — как ручки у кастрюли. Больше всего мне в нём тогдашнем запомнилось то, какой он был огромный. Тучный. Надо думать, он был в ту пору ещё довольно молод, хотя тогда мне так не казалось: он был взрослый и потому враг.

Явилась пара громил и забрала меня после школы — по дороге домой. Я поначалу едва не обделался, но от громил не пахло законом — за моей спиной уже́ было четыре го́да игры́ в прятки со Старым Билли[143], и бобби в штатском я чуял за сто ярдов[144]. Они отвезли меня в крохотную скудно обставленную серую контору в переулочке за Эджвер-роуд.

Стояла зима, и на улице было почти темно, и в конторе была полутьма, если не считать маленькой лампы, отбрасывающей круг жёлтого света на письменный стол. Необъятных размеров человек за столом царапал что-то шариковой ручкой внизу страницы телекса. Пото́м, закончив, он поднял на меня глаза́. Оглядел меня с головы́ до ног.

— Сигарету?

Я кивнул. Он протянул мне «Питер Стайвесент»[145] в мягкой пачке, и я взял одну. Он дал мне прикурить от золотой с чёрным зажигалки.

142 Главный констебль — в Великобритании начальник полиции в графстве, городе. (примеч. пер.)
143 Старый Билли (англ. сленг 50-х гг.) — полиция. (примеч. пер.)
144 В метрической системе 100 ярдов — это почти 91 ½ м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
145 Подразумевается «Peter Stuyvesant», т. е. «Питер Стайвесант» или «Питер Стайвесент» — фирменное название сигарет компании «Карриразъ» («Carreras» — крупная компания по производству сигарет и табачных изделий, основанная в 1788 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты убил Ронни Полмерстона[146], — сообщил он мне. В голосе не было и намёка на вопрос.

Я промолчал.

— Ну? Ты ничего не собираешься сказать?

— А что тут можно сказать? — сообщил я в ответ.

—[147] Я до этого дошёл, только услышав, что он был *на заднем сиденье*. Он не сел бы назад, собирайся он покончить с собой. Он сидел бы *за рулём*. Думаю, ты подсунул ему «мики»[148]. Потóм запихнул в «мини» — нелегко, наверное, пришлось, он не слабый был мужик, — а вот «мики» и «мини» —[149] это и впрямь здóрово, — потóм отвёз его домой, заехал в гараж, к тому времени он ужé крепко спал, а ты подстроил самоубийство. Ты не боялся, что тебя заметят за рулём? Двенадцатилетнего мальчишку?

— Темнеет рано, — отозвался я. — И я ехал переулками.

Он хмыкнул. Задал мне ещё пáру вопросов — о школе, о детдоме, о том, *что* мне интересно, и всё такое. Потóм вернулись громилы и отвезли меня назад в детдом.

Неделю спустя меня усыновила пара по фамилии Джексон. Он был специалистом па международному торговому праву, она — экспертом по самообороне. Думаю, они никогда не видели друг друга до тех пор, пока мистер Элис не свёл их, чтобы они меня воспитали.

Не знаю, что он во мне увидел в ту первую встречу. Должно быть, какой-то *потенциал*. Потенциальную лояльность. Я — *лояльный* человек. Не стóит ошибаться на этот счёт. Я — человек мистера Элиса, душой и телом.

Разумеется, на сáмом деле его имя не мистер Элис, но я с тем же успехом мог бы называть его и настоящим именем. Разницы никакой. Вы всё равно о нём не слышали. Мистер Элис — один из десяти самых богатых людей в мире. Скажу вам вот что: вы и о других девяти ничего не слышали. Их имена не появятся ни в одном из списков ста самых богатых людей мира. Никаких там биллов гейтсов или султанов Брунея. Я говорю о **настоящих** деньгах. На свете есть люди, которым платят больше, чем вам за всю жизнь доведётся увидеть, только за то, чтобы ни словечка не проскользнуло о мистере Элисе в газетах или по телику.

Мистер Элис любит владеть вещами. И, как я вам ужé сказал, одна из вещей, которыми он владеет, я. Он — отец, которого у меня никогда не было. Это он достал мне папки с историей болезни мамы и сведения о четырёх наиболее вероятных кандидатах на роль папочки.

---

146 В оригинале так и было «Ронни Полмерстона» (оставляю), хотя (ввиду отсутствия англоязычного оригинала) почти наверняка подразумевается Palmerston, т. е. Палмерстон. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

147 В оригинале без тире, хотя начинается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

148 «Мики» (англ. сленг 50-х гг.) — спиртной напиток с примесью наркотика. (примеч. пер.)

149 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

По окончании университета (степень с отличием в экономике и международном праве) я сделал себе подарок: поехал и отыскал моего деда-врача. До тех пор я встречу с ним всё оттягивал. Она была чем-то вроде стимула.

Ему оставался год до пенсии, этому старику с топорным лицом и в твидовом пиджаке. Год стоял 1978-й, и некоторые доктора́ ещё ездили на дом. Я следовал за ним до высотки на Мейда-Вейл. Подождал, пока он одарит кого-то там своей врачебной мудростью, и остановил, когда он выходил, помахивая чёрным саквояжем.

— Привет, дедушка, — сказал я.

Нет особого смысла[150] пытаться выдать себя за кого-то другого. Не с моей внешностью. Он был точная копия меня через со́рок лет. Та же до чёрта безобразная физиономия, только волосы поредели и стали песочно-серыми, а у меня ещё была густая и мышино-русая шевелюра. Он спросил, что мне надо.

— Ты вот так взял и запер маму, — сказал я ему. — Не больно-то хорошо это было с твоей стороны́.

Он предложил мне *убираться* или что-то в этом роде.

— Я только что получил степень, — отозвался я. — Тебе следовало бы мной гордиться.

Он сказал, что знает, кто я, и что лучше мне убраться немедленно, или он натравит на меня полицию, и меня засадят.

Я вогнал ему нож в левый глаз — прямо в мозг, и, пока он задыхался потихоньку, забрал его старый телячьей кожи бумажник, — в общем, в подарок на память и чтобы выглядело всё, как ограбление. Именно там, в бумажнике, я нашёл фотографию мамы, чёрно-белую, улыбающуюся и кокетничающую с камерой двадцать пять лет назад. Интересно, кому принадлежал «морган»?

Через парня, который меня не знал, я сбыл бумажник перекупщику, а пото́м купил его в лавке, когда за ним никто не пришёл. Аккуратный чистый след. Не один умник попался на сувенире. Иногда я спрашиваю себя, не убил ли я в тот день своего отца, не только деда?[151] Не думаю, что он бы мне сказал, даже если бы я спросил. Да и какая разница, верно?

После этого я пошёл на постоянную работу к мистеру Элису. Пару лет заведовал делами в Шри-Ланке, пото́м провёл год в Боготе на импорте-экспорте, вкалывая, как прославленный коммивояжёр. Домой в Лондон я вернулся как только смог. Последние пятнадцать лет я выступал в основном как спец по конфликтам и по сглаживанию трений в проблемных областях. *Спец по конфликтам*. Круто звучит.

150 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
151 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Как я говорил, чтобы никто и никогда о тебе не услышал, нужны *настоящие* деньги. Никаких там глупостей а-ля рупперт мердок, который ест с рук у коммерческих банков. Вам никогда не увидеть мистера Элиса в глянцевом иллюстрированном журнале, показывающим фотографу свой глянцевый новый дом.

Помимо бизнеса, основной интерес мистера Элиса — секс, вот почему я стоял тогда у входа на станцию Эрлз-Корт с сине-белыми бриллиантами на 40 миллионов американских долларов в карманах макинтоша. В особенности и чтобы быть точным, интерес мистера Элиса к сексу ограничивается отношениями с очень привлекательными молодыми людьми. Нет, не поймите меня неправильно: я не хочу, чтобы вы думали, что мистер Элис какой-то там гомик. Он и не педик, ничего такого. Он — нормальный мужик. Просто нормальный мужик, который любит трахать других мужиков, вот и всё. В мире всякой твари по паре, скажу я вам, что оставляет и мне простор и раздолье. Как в ресторане, где каждый заказывает из меню что-то другое. Chacun a son gout[152], простите мне мой французский. Так что все счастливы.

Это было в июле, па́ру лет назад. Помнится, я стоял на Эрлз-Корт-роуд, смотрел на вывеску «Эрлз-Корт стейшн» и размышлял, откуда взялся апостроф в названии станции, если его нет в названии района, а пото́м принялся смотреть на наркоту и алкашей, тусующихся на тротуаре у станции, и всё это время высматривал,[153] не появится ли «ягуар» мистера Элиса.

Бриллианты во внутреннем кармане макинтоша меня нисколько не тревожили. Я не похож на мужика, у которого есть что-то, ради чего его стоило бы грабить, и я вполне могу о себе позаботиться. Так что я пялился на наркоту и алкашей, убивая время до появления «ягуара» (надо думать, застрявшего посреди дорожных работ на Кенсингтон Хай-стрит) и спрашивал себя, почему наркоманы и алкоголики сбираются на мостовой у станции подземки «Эрлз-Корт»?[154]

Полагаю, наркоту ещё можно понять: они ждут дозы. Но что, чёрт побери, тут делают алкаши? Никто не обязан передавать тебе пинту «Гиннесса»[155] или бутылку средства для растирания. И сидеть на мостовой или прислоняться к стене здесь неудобно. Будь я алкоголиком, решил я, в такой чудесный день отправился бы в парк.

Неподалёку пакистанский паренёк лет восемнадцати-двадцати[156] оклеивал внутренность стеклянной телефонной будки визитками проституток — ТРАНССЕКСУАЛ С ФОРМАМИ, НАТУРАЛЬНАЯ БЛОНДИНКА, ГРУДАСТАЯ

152 На вкус и цвет товарищей нет. (примеч. пер.)
153 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
154 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
155 В оригинале «гинесса», т. е. с маленькой буквы и с одним «н» (также см. 181 и 183), хотя наверняка подразумевается «Guinness», т. е. «Гиннесс» — крепкое тёмное пиво производства одноимённой ирландской компании. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
156 В оригинале «восемнадцати — двадцати» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ШКОЛЬНИЦА и СТРОГАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЩЕТ МАЛЬЧИКА ДЛЯ БИТЬЯ. Заметив, что я пялюсь, он бросил на меня сердитый взгляд. Потóм, закончив, перешёл к следующей будке.

У обочины затормозил «ягуар» мистера Элиса, и, сделав несколько шагов, я открыл дверцу и сел назад. Это неплохая машина, ей всего гóда два[157]. У неё есть класс, но на улице — пройдёшь мимо и не заметишь.

Шофёр и мистер Элис сидели впереди. На заднем сиденье со мной был пухлый человечек, стриженный под ёжик и в кричащем клетчатом костюме. Он напомнил мне несостоявшегося жениха в фильме пятидесятых годов, того, которого под конец[158] бросают ради Рока Хадсона[159]. Я кивнул ему, на что он протянул руку, которую потóм убрал, когда я как будто её не заметил.

Мистер Элис нас не представил, что меня вполне устраивало, поскольку я точно знал, *кто он*. Я его нашёл, на деле я же его и поддел на крючок, хотя он этого никогда не узнает. Он был профессором древних языков в одном из университетов Северной Каролины. Он считал, его одолжил британской разведке госдепартамент США. Ему так сказали, когда вызвали в департамент. Жене профессор сказал, что едет читать доклад на конференции по хеттскому языку в Лондоне. Такая конференция действительно имела место. Я сам её организовал.

— Почему ты, чёрт побери, ездишь в подземке? — вопросил мистер Элис. — Не для того же, чтобы экономить деньги.

— Я бы думал, что тот факт, что я минут двадцать стоял на углу в ожидании вас, в точности объясняет, почему я не езжу на машине, — сообщил я ему. Ему нравится, что я не падаю тут же на спину и не виляю хвостом. Я — пёс с характером. — Средняя скорость транспортного средства по улицам Центрального Лондона в дневное время не изменилась за четыреста лет. Она попрежнему меньше десяти миль в час[160]. Если есть подземка, спасибо, поеду лучше на поезде.

— Вы не водите машину в Лондоне? — спросил профессор в крикливом костюме. Храни нас Господи от вкуса американских учёных. Назовём его Маклеодом.

— Я вожу ночью, когда улицы пусты, — сказал я ему. — После полуночи. Люблю ездить по ночам.

Опустив окно, мистер Элис закурил небольшую сигару. Я не мог не заметить, что рýки у него дрожат. От предвкушения, думаю.

157 В оригинале «Два» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
158 В оригинале чрезмерное «которого в под конец». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
159 Рок Хадсон (1925-1985 (от СПИДа)) — американский актёр, игравший по большей части героев-любовников, остался в истории кино в основном благодаря внешности. (примеч. пер.)
160 В метрической системе 10 миль/час — это чуть более 16 км/ч. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А мы всё ехали через Эрлз-Корт, мимо сотни высоких зданий красного кирпича, претендующих на роль гостиниц, и сотни ещё более жалких строений, приютивших пансионы и ночлежки, по хорошим улицам и по дурным. Иногда Эрлз-Корт напоминает мне одну из тех старух, которые ещё встречаются время от времени и которые держатся до боли благопристойно и чопорно, пока не пропустят па́ру рюмок, а тогда уже́ начинают танцевать на столах и рассказывать всем в пределах досягаемости, какими горячими штучками они были, когда отсасывали за деньги в Австралии или Кении или в какой другой экзотической стране.

Не думайте, что мне нравится это место, откровенно говоря, это далеко не так. Эрлз-Корт — слишком неустойчив, сплошной транзит. Дома́, события, люди — всё приходит и уходит чертовски быстро. Я не романтик, но в любой день предпочту Саут-Бэкнкс или Ист-Энд. Ист-Энд — вот это место, здесь, и нигде больше, всё и начинается, и хорошее, и дурное. Это — и утроба, и анус Лондона; они всегда поблизости друг от друга. А Эрлз-Корт — ну,[161] я даже не знаю,[162] что. Любая анатомическая аналогия обваливается, сто́ит вам здесь очутиться. Думаю, это потому, что Лондон безумен. Синдром расщепления личности, не иначе. Все эти мелкие городки и посёлки, которые разрослись и вдавились друг в друга, чтобы создать единую метрополию, но так и не забыли своих старых границ.

И вот шофёр тормозит на улочке, ничем не отличающейся от любой другой, перед высоким домом, стоя́щим в ряду таких же высоких стандартных домов. Отличие только в том, что этот, возможно, когда-то был гостиницей, да ещё в том, что пара окон в нём заколочены.

— Вот этот дом, — сказал шофёр.

— Верно, — отозвался мистер Эллис.

Обойдя машину, шофёр открыл дверь для мистера Элиса. Мы с профессором Маклеодом вышли без посторонней помощи. Я оглядел улицу. Беспокоиться не о чём.

Я постучал, и мы стали ждать. От нечего делать я улыбнулся и кивнул глазку в двери́. Щёки мистера Элиса побагровели, и ру́ки он держал скрещёнными перед промежностью, чтобы не осрамиться. Завёлся старикан.

Ну,[163] и со мной такое бывало. Со всеми нами. Только мистер Элис — другое дело, он может себе позволить потакать своим слабостям.

Я так на это смотрю: одни люди нуждаются в любви, другие — нет. Думаю, учитывая всех и вся, мистер Элис — на деле из тех, что «нет». И я тоже. Со временем начинаешь распознавать своих.

И мистер Элис — прежде всего гурман.

161 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
162 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
163 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

С приглушённым звяканьем отодвинулся засов, дверь открыла старуха, каких обычно описывают как «отталкивающего вида». Одета она была в бесформенную чёрную хламиду, а лицо с мешками под глазами как будто состояло из сплошных углов и морщин. Я вам скажу, *как* она выглядела. Случалось вам видеть картинки с изображениями булочек с корицей, которые, как говорят, похожи на мать Терезу? Вот так она и выглядела, как плюшка с корицей с двумя коричневыми глазами-изюминами, глядевшими с её корично-плюшечного лица́.

Старуха сказала что-то на языке, которого я даже не распознал, а профессор Маклеод, запинаясь, ответил. Оглядев подозрительно по очереди каждого из нас, карга скорчила рожу и махнула нам *заходить*. А пото́м с грохотом захлопнула за нами дверь. Я закрыл сперва один глаз, пото́м другой, давая им возможность привыкнуть к полумраку внутри до́ма.

Всё здание воняло, как распроклятая полка с пряностями. Буквально всё в этом деле мне решительно не нравилось; есть что-то в иностранцах, когда они *настолько* иностранные[164], как эта ведьма, от чего у меня мурашки ползут по коже. Проходя вслед за этой плюшечной летучей мышью, которую я начал мысленно называть *мать-настоятельница* и которая вела нас теперь всё вверх и вверх по лестнице, я видел и других черноробых женщин, выглядывающих на нас из-за дверей и поворотов коридоров. Ковровая дорожка на лестнице давно уже́ вытерлась, и подошвы моих ботинок, отрываясь от неё, издавали чавкающие звуки. По стенам осыпающимися комьями свисала старая краска. Это был истинный муравейник, он просто сводил меня с ума. Мистеру Элису не следует приезжать в *такие* места́, в дома́, где его нельзя по-настоящему защитить.

Одна за другой в полном безмолвии выглядывали на нас скрюченные карги, а мы всё поднимались пролёт за пролётом. Старая ведьма с корично-плюшечным лицом говорила с профессором Маклеодом, бросала время от времени несколько непонятных слов, а он, пыхтя и отдуваясь от отдышки, отвечал ей как мог.

— Она хочет знать, привезли ли вы бриллианты? — прохрипел профессор.

— Скажи ей, мы поговорим об этом после того, как осмотрим товар, — ответил мистер Элис. Он не задыхался, и если в его голосе и слышалась лёгкая дрожь, то это была дрожь предвкушения.

Мистер Элис, насколько мне лично известно, поимел половину подающих надежды кинозвёзд-мужчин и больше мужчин-моделей, чем те, на кого вы вообще трясли прибором; он поимел самых хорошеньких мальчиков пяти континентов. Никто из них не знал в точности, кто именно их трахает, но всем им очень хорошо заплатили за труды.

164 В оригинале «ино-странные» через дефис, хотя, возможно, таким образом делается смысловое выделение. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Под са́мой крышей до́ма, наверху последнего пролёта деревянной без дорожки лестницы оказалась дверь на чердак, а по обеим сторонам её, будто дубы-близнецы, высились две великанши в чёрных одеждах. Судя по виду, каждая их них продержалась бы па́ру раундов против борца сумо. В руках у каждой — и я не шучу — красовался скимитар[165]: они охраняли Сокровище шагинаи. И несло от них, как от па́ры дряхлых кляч. Даже в полумраке я разглядел заплаты и пя́тна на их робах.

Мать-настоятельница подступила прямо к ним, бе́лка лицом к лицу с двумя питбулями[166], а я глядел на их бесстрастные ли́ца и размышлял, *откуда они такие взялись*. Они вполне могли быть родом с Самоа или из Монголии. Или их вытащили с какой-нибудь фермы по разведению уродов в Турции, а может, в Иране или Индии.

По слову старухи стража освободила проход, и я толкнул дверь. Дверь была не заперта. Я заглянул внутрь, так, на случай неприятностей, вошёл, огляделся и кивнул: мол, *всё чисто*. Так что я стал первым мужчиной в этом поколении, кому довелось увидеть Сокровище шагинаи.

Он стоял на коленях у походной койки, голова его была опущена.

Легендарные, вот как надо бы называть шагинаи. Это значит, я никогда в жизни о них не слышал и не знал никого, кто бы слышал, а когда я начал разыскивать их, даже те, кто о них слышали, не верили в их существование.

— В конце концов, дорого́й друг, — сказал мой ручной академик из России, передавая мне свой отчёт, — вы говорите о расе людей, единственное свидетельство существования которых — полдюжины строк у Геродота, стихотворение в «Тысяче и одной но́чи» и речь в «Рукописи, найденной в Сарагосе». Едва ли это можно назвать надёжными источниками.

Но слухи дошли до мистера Элиса, и он *заинтересовался*. А если мистер Элис чего хочет, то я, чёрт побери, делаю,[167] что могу, чтобы он это получил. В данный момент, глядя на Сокровище шагинаи, мистер Элис выглядел таким довольным, что казалось, того и гляди, лопнет от счастья.

Юноша встал. Из-под кровати до половины выглядывал ночной горшок с лужицей ярко-жёлтой мочи́ на дне. Роба юноши была из белого хло́пка, тонкая и очень чистая. Ещё на нём были голубые шёлковые шлёпанцы.

В комнате было жарко. Горели с громким шипением два газовых рожка, по одному на каждой стене чердака. Мальчик жары как будто не чувствовал. Профессор Маклеод начал сильно потеть.

---

165 В оригинале так и было — «скимитар», т. е. неправильно транскриптированное (вместо перевода) слово scimitar (к тому же читается как «симитэ») — кривая сабля, ятаган. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

166 В оригинале было «питбуллями» (с двумя «лл»), хотя эту породу собак (pit bull или pit bull terrier) принято переводить как «питбуль» или «питбультерьер». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

167 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Согласно легенде, мальчик в белых одеждах — на вид лет семнадцати, не больше восемнадцати — был самым красивым мужчиной на земле. Нетрудно поверить.

Мистер Элис подошёл к юноше и принялся осматривать его, будто фермер, выбирающий на рынке телёнка: заглянул в рот, попробовал мальчика, заглянул в глаза́ и в уши, взял его за ру́ки и осмотрел пальцы и ногти, а пото́м, совершенно деловито, приподнял подол белой робы, чтобы проинспектировать его необрезанный пенис, прежде чем повернуть парня круго́м и оглядеть состояние его зада.

И всё это время глаза́ и улыбка Сокровища светились радостью и белизной.

Наконец,[168] мистер Элис притянул юношу к себе, чтобы поцеловать — медленно и мягко — в гу́бы. Пото́м отодвинулся, провёл языком по его рту, кивнул и повернулся к Маклеоду.

— Скажи ей, мы его забираем, — сказал мистер Элис.

Профессор Маклеод защёлкал и запыхтел что-то матери-настоятельнице, и лицо карги разошлось морщинами коричного счастья. Пото́м она протянула ру́ки.

— Она хочет, чтобы ей теперь заплатили, — перевёл Маклеод.

Я медленно запустил ру́ки во внутренние карманы макинтоша и вытащил сперва один, пото́м второй, два чёрных бархатных мешочка. И оба протянул карге. В каждом мешочке хранилось по пятьдесят безупречных бриллиантов D и E[169] класса, совершенной огранки, каждый — весом свыше пяти карат. Большинство их было скуплено за бесценок в России в середине девяностых. Сотня бриллиантов, со́рок миллионов долларов. Старуха вытряхнула несколько штук на ладонь, потыкала в них пальцем. Пото́м, ссыпав бриллианты назад в мешочек, кивнула.

Когда бархатные мешочки исчезли в складках её робы, она прошла к лестнице и,[170] что было сил,[171] выкрикнула что-то на своём непонятном языке.

168 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
169 В оригинале кириллицей «Е». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
170 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
171 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И по всему дому под нами поднялся вопль, будто разом взвыл цельный клан банши[172]. Под завывания мы спускались по лестницам, под завывания шли по этому мрачному лабиринту, и юноша в белых одеждах возглавлял процессию. Честное слово[173], волосы у меня на затылке вставали дыбом от этого воя, а от вони влажного гниения и пряностей я едва не давился блевотиной. Ненавижу иностранцев.

Прежде чем выпустить его из дому, женщины завернули юношу в па́ру одеял, опасаясь, что он подхватит простуду, несмотря на палящее июльское солнце. Мы запихнули его в машину.

Я проехался с ними до подземки, после чего вышел.

Следующий день, который пришёлся на среду, я провёл, разбираясь с бардаком в Москве. Слишком много самонадеянных ковбоев. Я молился, что смогу разобраться со всем этим, не выезжая на место лично: от их кормёжки у меня запор.

С возрастом я езжу всё меньше и меньше, и если уж на то пошло́, мне этот город никогда особо не нравился. Но я ещё могу применить себя в деле, когда понадобится. Мистер Элис сказал, что боится, что Максвелла придётся убрать с доски́. Я сказал, что займусь этим сам и ничего больше не желаю об этом слышать. От Максвелла всегда можно ждать,[174] чего угодно. Мелкая рыбёшка с больши́м ртом и гнилым характером.

Самый удовлетворительный всплеск, какой мне доводилось слышать.

К вечеру среды́ я был натянут, как пара вигвамов, так что позвонил знакомому мужику, и на квартиру в Барбикане[175] мне привезли Дженни. Это привело меня в сносное настроение. Хорошая она девчонка, эта Дженни. И совсем не гулящая. За словами следит и дело знает.

---

172 В оригинале «баньши» с мягким зна́ком, хотя несомненно подразумевается banshee, banshie (от Bean Si), т. е. банши, бин си — шотландская и ирландская мифология (фольклорный персонаж): привидение-плакальщица, опекает какую-либо семью и предвещает душераздирающими воплями (как правило, завывая под окнами до́ма) смерть кого-либо из её членов (иногда вообще обитателю этого до́ма). Изначально в Ирландии банши — это ду́хи умерших, которые оплакивают только членов старинных родов. Когда несколько банши собираются вместе, это предвещает смерть кого-то великого или святого. У банши длинные распущенные волосы и красные от непрестанного плача глаза́. Одета она в серый плащ поверх зелёного платья. На северо-западе Шотландии банши называется бин-ни (Bean-nighe, дух женщины, умершей при родах), или «маленькая прачка у реки́», она стирает окровавленные одежды того, кому вскоре суждено умереть (предвещает насильственную смерть одного из членов клана, саван которого стирает). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

173 В оригинале «слова». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

174 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

175 В оригинале «Барбикене» (также см. 186), т. е. неправильная транскрипция, хотя несомненно подразумевается Barbican, Барбикан — район лондонского Сити (the City of London, исторический центр Лондона), который сильно пострадал во время WW2 от воздушных налётов, а сейчас перестроен как единый жилой микрорайон, в котором расположен новый культурный центр столицы (Barbican Centre); в старину здесь находился барбакан — навесная башня стен Сити. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Я был очень-очень нежен с ней той ночью, а потóм сунул ей банкноту в двадцать фунтов.

— Но это совсем ни к чему, — пыталась возразить она. — Всё улажено.

— Купи себе что-нибудь *шальное*. — Я взъерошил ей волосы. — Это *шальные* деньги.

На что она улыбнулась, как школьница.

В четверг был звонок от секретаря мистера Элиса, мол, всё удовлетворительно и я должен заплатить профессору Маклеоду.

Мы поселили профессора в «Савое»[176]. Так вот, большинство доехало бы подземкой до Чэпинг-Кросс или Набережной Виктории и прошли до «Савоя» по Странду[177]. Не по мне. Я доехал до вокзала Ватерлоо и прогулялся на север через мост Ватерлоо. Это на пáру минут дольше, но вид ни с чем не сравнимый.

Когда я был мальчишкой, один из ребят в дортуаре[178] детдома рассказывал, что если задержать дыхание и дотянуть так до середины моста над Темзой, то там можно загадать желание и оно обязательно сбудется. Мне никогда не о чём было желать, но я проделываю это как упражнение для дыхалки.

Из телефонной будки у опоры моста Ватерлоо (ГРУДАСТУЮ ШКОЛЬНИЦУ НУЖНО НАКАЗАТЬ. СВЯЖИ МЕНЯ — ПРИВЯЖИ МЕНЯ. НОВЕНЬКАЯ БЛОНДИНКА В ГОРОДЕ) я позвонил в номер Маклеода. Сказал, чтоб спускался вниз, я встречу его на мосту.

Его костюм был, если такое возможно, в ещё более кричащую клетку, чем во вторник. Он отдал мне коричнево-жёлтый конверт, набитый компьютерными распечатками: что-то вроде самопального разговорника шагинаи-английского. **«Ты голоден?» «Пора мыться». «Открой рот».** Всё, что может потребоваться мистеру Элису.

Я убрал конверт в карман макинтоша.

— Как насчёт того, чтобы поглядеть город? — спросил я, и профессор Маклеод ответил, что всегда хорошо осматривать город с тем, кто в нём родился.

— Эта работа — филологический курьёз и лингвистическое наслаждение, — сказал Маклеод, пока мы шли по Набережной Виктории. — Шагинаи говорят на языке, у которого есть много общего и с арамейской, и с

176 Очевидно, подразумевается Savoy Hotel — одна из самых дорогих лондонских гостиниц «Савой» на улице Странд (Strand, одна из главных улиц в центральной части Лондона, также см. 177), названа в честь Савойи — исторической области во Франции. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

177 В оригинале ожидаемо великомогучая транскрипция «Стрэнду» названия улицы Strand (см. 176). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

178 Дортуар — общая спальня, спальное помещение, больничная палата, происходит от фр. dortoir, но в английском чаще искажённое dortour. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

угро-финской группой. Это — язык, на котором мог бы говорить Христос, реши он составить послание первобытным эстонцам. К тому же в нём очень мало заимствованных слов. У меня есть теория, что они, наверное, не раз и не два были вынуждены внезапно спасаться бегством. Моя оплата при вас?

Я кивнул. Достал из кармана пиджака свой старый, телячьей кожи бумажник, а оттуда узкую ярко раскрашенную картонку билета.

— Вот и он.

Мы подходили к мосту Блэкфрайарз[179].

— Он настоящий?

— Конечно. Государственная лотерея Нью-Йорка. Билет вы купили ни с того,[180] ни с сего в аэропорту перед вылетом в Англию. Результаты огласят в субботу вечером. Неделя должна выдаться неплохой. Уже́ сейчас больше двадцати миллионов долларов.

Он убрал лотерейный билет в собственный бумажник — чёрный и блестящий и вздувшийся от пластика, а бумажник убрал во внутренний карман пиджака. Его ру́ки то и дело возвращались к карману, оглаживали его — так владелец, сам того не сознавая, удостоверялся, что сокровище на месте. Он был бы великолепной добычей для любого карманника, который пожелал бы узнать, где этот лох держит ценные вещи.

— За это надо выпить, — возвестил Маклеод.

Я согласился, что да, надо, но указал, что такой день, как этот — с сияющим солнцем и свежим бризом с мо́ря, — слишком жалко терять в пабе. Так что мы отправились в винный. Я купил бутылку «Столичной», пакет с апельсиновым соком и пластиковый стаканчик ему и па́ру банок «Гиннесса»[181] себе.

— Дело в мужчинах, понимаете, — сказал профессор, когда мы уже́ сидели на деревянной скамейке лицом к Саут-Бэнку на той стороне Темзы. — Очевидно, их не так много. Один-два на поколение. Сокровище шагинаи. Женщины — хранительницы и опекунши мужчин. Они вскармливают их, лелеют, берегут от зла. Говорят, Александр Македонский купил себе

179 Blackfriars Bridge — мост через Темзу в центральной части Лондона; построен в 1865-69 гг. по названию района Лондона, в котором он находится. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
180 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
181 В оригинале «гиннеса», т. е. с маленькой буквы и с одним «с» (см. 155). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

любовника у шагинаи. И Тиберий[182] тоже, и по меньшей мере два папы римских. По слухам, один такой был у Катерины Великой, но думаю, это враки.

Я сказал ему, что думал, будто шагинаи — это из области сказок.

— Я хочу сказать, только подумайте. Целая раса людей, единственное достояние которой — красота их мужчин. Так что раз в столетие они продают одного из своих мужчин за сумму, которая позволит племени протянуть ещё сотню лет. — Я отхлебнул «Гиннесса»[183]. — Как по-вашему, женщины в том доме — это всё племя?

— Сомневаюсь.

Он долил в пластиковый стакан на палец водки, плеснул ещё сока и поднял в мою сторону стакан.

— Мистер Элис, — сказал он, — он, наверное, очень богат.

— Что да, то да.

— Я не голубой, — Маклеод был пьянее, чем думал, на лбу у него проступили капли пота, — но я трахнул бы мальчишку прямо на месте. Он —[184] самое красивое — не знаю, как даже назвать, — что я, когда-либо видел.

— Думаю, он в порядке.

— Вы не трахнули бы его?

— Не в моём вкусе, — отозвался я.

По дороге за нами проехало чёрное такси; оранжевый огонёк, означающий «*Свободно*», был отключён, хотя сзади никого и не было.

— А что же тогда в вашем вкусе? — поинтересовался профессор Маклеод.

— Маленькие девочки, — ответил я.

Он сглотнул.

— *Насколько* маленькие?

182 Tiberius, Тиберий (42 г. до РХ-37 г.) — римский император в 14-37 гг., из династии Юлиев-Клавдиев (полное имя Tiberius Julius Caesar Augustus), пасынок Августа (Augustus); опираясь на преторианцев (лат. praetoriani), проводил автократическую политику; добился улучшения финансового положения империи (стремясь упорядочить налоговую систему в провинциях, преследовал наместников и откупщиков за злоупотребления; сократил расходы на общественное строительство и зрелища, а также раздачи денег и хлéба плебсу). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

183 В оригинале «гиннеса», т. е. с маленькой буквы и с одним «с» (см. 155). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

184 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Лет девять. Десять. Быть может, одиннадцать или двенадцать. Как только у них отрастает грудь и волосы на лобке, у меня уже́ не встаёт. Меня уже́ не заводит.

Он поглядел на меня так, как если бы я сказал ему, что мне нравится трахать дохлых собак, и какое-то время молчал, только пил свою «Столичную».

— Знаете, — сказал он наконец, — там, откуда я приехал, подобного ро́да вещи *противозаконны.*

— Ну, здесь тоже к этому не слишком благосклонны.

— Думаю, мне следует возвращаться в отель, — сказал он.

Из-за угла вывернула чёрная машина, на этот раз оранжевый огонёк светился. Подозвав её жестом, я помог профессору Маклеоду сесть назад. Это — одно из наших Особых Такси. Из тех, в которые садишься и больше уже́ не выходишь.

— В «Савой», пожалуйста. — сказал я таксисту.

— *Слуш'юсь*, начальник, — отозвался он и увёз профессора Маклеода.

✷ ✷ ✷

Мистер Элис хорошо заботился о мальчике шагинаи. Когда бы я ни приходил на совещания или доклады, мальчик всегда сидел у ног мистера Элиса, а мистер Элис крутил в пальцах, и гладил, и играл его чёрными кудрями. Они *обожали* друг друга, любому было видно. Это смотрелось глупо и сентиментально, и, должен признать, даже для бессердечного ублюдка вроде меня, трогательно.

Иногда ночами мне снились женщины шагинаи, эти отдающие мертвечиной, похожие на летучих мышей карги, бьющие крылами и устраивающиеся по насестам в огромном и гниющем старом доме, который был одновременно и Историей Человечества, и «Приютом святого Андрея». Взмахивая крылами, некоторые взмывали вверх, унося в когтях мужчин. А мужчины сияли, как солнца, и ли́ца их были слишком прекрасны для людских взоров.

Я *ненавидел* эти сны. Такой сон — и весь следующий день насмарку, точно как в, чёрт побери, аптеке.

Самый красивый человек на земле, Сокровище шагинаи, протянул восемь месяцев. А пото́м подхватил грипп.

Температура у него поднялась до сорока́ четырёх, лёгкие наполнились водой, он тонул посреди суши. Мистер Элис собрал с полдюжины лучших врачей со всего света, но парнишка просто мигнул и погас, как старая лампочка, так всё и кончилось.

Думаю, они просто не слишком уж крепкие. Растили их, в конце концов, для другого, не для выносливости.

Мистер Элис взаправду принял это близко к сердцу. Он был безутешен: рыдал, как дитя, все похороны напролёт, слёзы катились у него по лицу, будто у матери, которая только что потеряла единственного сына. Небо мочилось дождём, так что, если не стоять с ним рядом, даже и не узнаешь. Мне это кладбище стоило па́ры впрямь[185] хороших ботинок, так что настроение у меня было прескверное.

Я сидел в квартире на Барбикан[186]: практиковался в метании ножа, сварил спагетти с соусом по-болонски, посмотрел футбол по телику.

Той ночью у меня была Элисон[187]. Приятного было мало.

На следующий день я взял десяток хороших парней и отправился с ними в дом в Эрлз-Корт поглядеть, не осталось ли там кого ещё из шагинаи. Должны же ещё где-то быть молодые мужчины племени. Простая логика, и ничего больше.

Но штукатурка на гниющих стенах была заклеена краденными рок-плакатами, и во всём доме пахло опиумом, а не пряностями.

Крольчатник-лабиринт был забит австралийцами и новозеландцами. Сквоттеры[188], надо думать. Мы застали их в кухне за отсасыванием наркотического дыма из горлышка разбитой бутылки «лимонада Р. Уайта».

Мы обшарили дом с подвала до чердака в поисках хоть какого-нибудь следа женщин шагинаи, хотя бы чего-нибудь, что они оставили по себе, какой-нибудь зацепки, чего угодно, чем порадовать мистера Элиса.

Мы не нашли ничего, *совершенно* ничего.

Всё, что я унёс с собой из до́ма в Эрлз-Корт, — воспоминание о груди́ девчонки, обкурившейся до забвения, спящей голой в комнате наверху. И никаких штор на окнах.

185 В оригинале великомогучее излишество «взапрямь». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
186 В оригинале вообще «Барбикэн» (см. 175). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
187 В оригинале великомогучая транскрипция «Элисон» (оставляю без изменений, пусть переводчику будет стыдно), хотя подразумевается скорее всего (наверняка сказать трудно ввиду отсутствия англоязычного оригинала) Alison (т. е. Алисон) либо, что тоже возможно, Ellison (т. е. Эллисон). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
188 Squatter, скваттер (иногда скуоттер, сквоттер) — тот, кто незаконно захватывает землю или вселяется в дом, квартиру (лицо, самовольно вселившееся в пустующий дом или отказывающееся выезжать с арендуемой жилплощади), но также и животновод, овцевод, фермер и даже просто сидящий на корточках. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Стоя в дверном проёме, я глядел на неё чуть дольше, чем следовало, и эта картинка отпечаталась у меня в мозгу: полная с чёрным соском грудь, тревожный овал в едко-жёлтом свете уличных фонарей.

© Нил Гейман

Деннис Маккирнан «Тьма»

Темно — всегда,

Свет только прячет Тьму.

Дэнниел Клен Маккиернан[189]

Такси въехало в открытые чугунные ворóта и покатило по подъездной дороге, обе стороны́ которой чернели в морозящем мраке плакучими ивами. Харлоу на заднем сиденье наклонился вперёд, чтобы лучше видеть.

У-у-ух ты!

Лунные лучи косо падали на снег, там и сям высвечивали причудливо постриженные деревья и кусты, отражались от льда декоративного пруда, ложились на снег, укрывавший восьмиугольную крышу беседки над прудом. Впереди показался дом — старинный, белый, двухэтажный, изящных пропорций.

«*По меньшей мере двадцать-двадцать пять*[190] *комнат. Может быть, по одной на каждый год моей жизни!*»

Когда такси остановилось перед крыльцом, Харлоу увидел, что в дверях, загораживая глаза́ от яркого света фар, стои́т кто-то. В обтянутой перчаткой руке поблёскивали ключи.

Харлоу вышел из машины.

— Мистер Максон?

Высокий седовласый мужчина шагнул вперёд по единственной широкой ступеньке перед дверью, снял перчатку и протянул руку, показав в улыбке крупные зубы. Он сказал:

— Мистер Уинтон, я полагаю?

Они обменялись рукопожатием. Ладонь и пальцы Максона были очень холодными.

189 Все вышеозначенные вариации (противоречивые) транскрипции оставляю без изменений — так и было (переводчик позорище). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

190 В оригинале «двадцать — двадцать пять» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Таксист извлёк из багажника дешёвый чемодан и поставил на широкую ступеньку.

— С вас шестнадцать долларов.

— Припишите к моему счёту, Родди[191], — сказал Максон.

Таксист приложил палец к козырьку фуражки и забрался в свою машину.

Когда такси отъехало, Максон побрякал ключами и негромко произнёс:

— Так,[192] приступим, — и повернулся к двери́.

Подхватив свой чемодан из искусственной кожи, Харлоу последовал за ним и переступил порог в тот момент, когда Максон щёлкнул выключателем. Этот звук повторился всюду в доме, и свет залил вестибюль и комнаты за ним, как внизу, так и наверху.

— Ах ты… — Харлоу поставил чемодан, сощурился от слепящей яркости и посмотрел на нотариуса, чьё лицо в этом сиянии выглядело бледным, землистым, почти как у трупа.

— Ваш двоюродный дед, Харлоу, был крайне своеобразным человеком, и вы — последний в его роду.

— Да, но *такое* освещение… Счёт за электричество должен быть *колоссальным.*

— Он может себе это позволить… то есть, *мог.*

Максон закрыл дверь и снял пальто.

— Как сможете и вы, если захотите. Будь дом моим, я бы отказался от этой иллюминации и вернул бы дому его изящество и уютность, что вы также можете себе позволить. Собственно говоря, в пределах разумного вы вообще можете себе ни в чём не отказывать. Завещание вашего деда ограничивает вас лишь в одном: согласно его условиям, родственник, который ему наследует, должен жить тут или лишиться всего: капитала, до́ма, ну, словом, *всего.*

— Никаких возражений, — сказал Харлоу со смехом. — Но, Господи, неужели должны гореть *все* лампы? Нельзя ли погасить часть?

— Боюсь, что нет, — ответил Максон, покачав головой. — Они либо все горят, либо все гаснут.

Харлоу поднял бровь.

— И *этот* выключатель один на них всех?

191 Roddy, Родди — мужское имя, уменьшительное от Roderick. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
192 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Нет, но *каждый* выключатель в доме зажигает или гасит их *все*. Насколько я понимаю, они все подсоединены к одному пульту, и лампочки загораются и гаснут одновременно. То же можно делать и с помощью дистанционного управления — то есть зажигать и гасить свет во всём доме разом.

— Пульт дистанционного управления, как у телевизора?

Максон кивнул.

— Дайте-ка мне вашу парку, и осмотрим дом.

Харлоу стянул куртку, отдал её Максону, и нотариус открыл дверцу в озарённый светом стенной шкаф.

Глаза́ у Харлоу полезли на лоб.

— Как? И стенные шкафы тоже?

— Даже и они, — ответил Максон, вешая пальто и куртку. Он было протянул руку к чемодану, но Харлоу сказал:

— Нет-нет, разрешите я сам. — И поставил чемодан в шкаф. Максон улыбнулся энергичному молодому человеку.

— Ну-с, приступим к осмотру.

Все комнаты, все помещения в доме освещались панелями, вделанными в потолки и сте́ны. Обставлены комнаты были очень скудно, а немногочисленные предметы меблировки были из литого стекла или прозрачной пластмассы, или сходных материалов. А там, где стояла обычная мебель, панели располагались так, чтобы свет падал и под неё. Панели сияли даже под огромной старомодной кроватью.

— Чудовищам тут негде притаиться, — заметил Харлоу. — даже чуланы от них гарантированы.

Когда они обошли комнаты первого этажа, Харлоу спросил:

— И во всём доме так?

Максон кивнул и повёл его на кухню, где панели светили и внутри шкафчиков, хотя полки и дверцы были из прозрачного стекла, как и посуда на этих полках. Прозрачными были и разные кухонные принадлежности, хранившиеся в ящиках. Освещённых изнутри. Освещены снаружи и внутри были также плита, холодильник и прочее оборудование.

— Ого-го-го! — сказал Харлоу.

— Именно, — ответил Максон и открыл дверь в ярко освещённый гараж. Внутри помещался большой работающий на бензине генератор «Хонда». Его выхлопная труба из прозрачной пластмассы вела к вентиляционному

отверстию в стене. Он не работал, однако мог быть включён в любую минуту. Ещё в гараже стоял «БМВ» — от него к стене вёл электрический кабель, и внутри машина была ярко освещена.

— Даже автомобиль?

Снова Максон кивнул.

— В багажнике стоят на подзарядке аккумуляторы, обеспечивающие внутреннее освещение.

Перчаточник, багажник, пространство под сиденьями, внутри, приборной доски́, под капотом — всё озарялось многочисленными лампочками.

Харлоу нахмурился:

— Со всем этим светом внутри машины разве мог он ездить с наступлением темноты?

— Нет, — ответил Максон. — С наступлением темноты он *никуда не ездил*. Но хотел быть готов на всякий случай.

— На случай *чего*?

Максон пожал плечами:

— На случай необходимости, я полагаю.

— Он всегда был *таким*? Я ведь ничего о нём не знаю. Я вообще не знал даже, что у меня был двоюродный дед, пока вы не нашли меня.

— Больша́я удача, — сказал Максон. — Не то всё это досталось бы штату Массачусетс. Не отыщи я вас.

— Ну, я очень этому рад. Но всё-таки: он *всегда* был таким?

— Нет. В молодости, примерно в ваши годы, он путешествовал по всему миру. Африка, Индия, Тибет, Восток, по пустыням и дебрям — ну, где хотите. Он побывал повсюду. А пото́м вдруг покончил с путешествиями. Заперся в этом доме. Нанял монтёров, чтобы осветить в нём каждый уголок. *Путеводный свет во тьме*, фигурально выражаясь. Соседи прозвали этот дом «*маяком*».

Когда они вернулись в кухню, Харлоу вздохнул.

— Да уж, что так, то так. Нигде ни единой те́ни. Он *боялся темноты*?

— Возможно, — сказал Максон, направляясь по коридору в вестибюль. — Как я упомянул, он никогда не выходил из до́ма с наступлением сумерек.

— Интересно, что он делал бы, если бы электроэнергию отключили? — сказал Харлоу, оглядываясь по сторонам.

Максон открыл стенной шкаф и ответил, надевая пальто:

— Да ничего. В этом случае включились бы аккумуляторы, потóм заработал бы генератор в гараже.

— А! — Харлоу проводил Максона до двери́, а когда нотариус вышел в снежную мглу ноябрьского ве́чера, спросил его: — Да, кстати, отчего он умер?

— Сердце не выдержало. Экономка нашла его в комнате развлечений. Он, кажется, смотрел какую-то телевизионную программу.

Харлоу ткнул больши́м пальцем через плечо.

— При *таком* бешеном свете?

Максон сделал неопределённый жест.

— Хм, — задумчиво произнёс Харлоу. — Тем не менее,[193] жаль, что я не был с ним знако́м. Возможно, он мне понравился бы.

— Вполне возможно. Он похоронен на семейном кладбище в дальнем конце участка. — Максон взглянул на часы. — Ну, меня ждут в друго́м месте. Я заеду завтра вечером, и мы займёмся всякими формальностями, в частности, вашим банковским счётом.

— А… Нельзя ли заняться ими днём? Без этого бешеного света?

— Сожалею, Харлоу. До завтрашнего ве́чера у меня просто нет ни минуты свободной.

— Я не знал… Ну, так завтра вечером. А когда точно?

— Скажем, в восемь?

— Мне подходит.

— Ах да! — сказал Максон, пошарив в кармане пиджака. — Это ваши. — Он протянул Харлоу кольцо с ключами. — Ну, я пойду. Спокойной но́чи.

— Погодите! Как вы доберётесь?

— Это недалеко, — ответил Максон. — А мне невредно размять но́ги.

Харлоу следил, как нотариус удаляется по подъездной дороге. Хотя луна по-прежнему сияла, он, казалось, растворился среди теней. Когда Максон исчез из виду, Харлоу закрыл дверь и вернулся внутрь озарённого светом до́ма.

193 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Следующие три дня Харлоу знакомился с домом и участком площадью пятьдесят четыре акра[194]. Отыскал семейное кладбище, нашёл в рощице к северу развалины старой хижины, немножко посидел в занесённой снегом беседке, озирая свой новый мир. И всё это время он размышлял о своём будущем. Впервые в жизни у Харлоу появились деньги. Нет, конечно, бродягой он не был никогда, но вот иметь — практически ничего не имел, даже родственников — ни матери, ни отца, ни приёмных родителей, и воспитывался (если тут подходит это слово) в детском приюте. И вот теперь всё это изменилось: у него появились родственники, которых, правда, он никогда не видел, но,[195] тем не менее,[196] родственники, похороненные здесь же рядом на довольно обширном семейном кладбище, где на многих могильных плитах не было ни дат, ни имён. И пусть: благодаря одному из них, прежде неведомому ему двоюродному дедушке, теперь он мог тратить деньги не считая. Ему двадцать пять, он достаточно богат, а от него требуется просто жить в этом *чудесном* доме… то есть доме, который *станет* чудесным, как только он избавится от этого бешеного света — он решил последовать совету Максона и вернуть дому его былой изысканный уют. А потóм он сможет подумать и о том, чтобы найти какое-нибудь занятие, сделать карьеру, хотя Максон и сказал, что ему больше никогда не придётся работать.

Он нанял экономку и кухарку, но они отказались оставаться в доме на ночь, жалуясь, что свет уж *слишком яркий*. Однако Харлоу подозревал, что дело *не только* в этом, — он часто замечал, как они о чём-то шепчутся, а кухарка, католичка с латиноамериканской кровью в жилах, часто осеняла себя крестным знамением.

Хотя монтёры, краснодеревщики и специалист по интерьерам трудились полные рабочие дни, потребовалось почти три мéсяца, чтобы дом Харлоу обрёл нормальный вид. Световые панели были убраны, стéны и потолки отремонтированы, нормальные розетки и выключатели установлены, бешеный свет сменился мягким сиянием изящных ламп, стеклянную мебель заменила дубовая. Жуткую пластмассовую полупрозрачную мебель, посуду и прочее Харлоу пожертвовал благотворительной организации, а их место заняли сработанные со вкусом и удобные изделия. Кроме того, «БМВ» вновь превратился в нормальный автомобиль: мощные внутренние светильники были сняты, аккумуляторы с подзарядным устройством убраны из багажника. Харлоу сохранил только генератор: электричество ведь может отключиться в любую минуту.

194 В метрической системе 54 акра — это 218530,44 кв. м, или почти 22 га, или более 0,21 кв. км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
195 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
196 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Пока шли все эти работы, Генри, один из мастеров, сообщил, что он исправил центральный пульт.

— Это же была устарелая модель «Икс-тридцать». А она с приветом.

— *Приветом*?

— Ну, с *недостатком*. Просчёт в схеме.

— Какой же?

— Ну, понимаете, в случае падения напряжения реле не срабатывает. Свет гаснет, но аварийное переключение не срабатывает потому, что «Икс-тридцать» всё ещё регистрирует напряжение, пусть совсем слабое.

— Вот как?

— Ну да. Беда-то небольшая: надо было просто нажать аварийную кнопку на пульте дистанционного управления. Аварийные лампы загорелись бы и горели, пока напряжение не восстановилось бы. — Генри перекусил ещё один проводок. — Ну, а «Икс-со́рок» такого не допустит.

— А не случилось ли это с моим дедом? Падение напряжения, имею я в виду.

Генри пожал плечами и продолжал возиться с проводками.

Тут Харлоу позвали решить, какой узор на сервизе ему больше по вкусу.

Работа продолжалась.

И продолжалась.

Пока,[197] наконец,[198] не завершилась.

Когда последний рабочий — водопроводчик — убрал чемоданчик с инструментами в свой «пикап» и укатил, Харлоу повернулся и вошёл в свой теперь уютный и удобный дом.

✷ ✷ ✷

Прокричав всему миру, что его творение живёт, ликующий Колин Клайв ухватился за край лабораторного стола и возвёл глаза́ к небу с благоговением, торжеством и недоверчивым изумлением.

«*Чёрт, до чего мне нравится старая киноклассика!*»

197 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
198 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Харлоу развалился в сделанном на заказ кресле перед телеэкраном, на котором сменялись чёрно-белые кадры. И тут…

— Какого дья…

Уголком гла́за Харлоу заметил перемещение тьмы в тускло освещённой комнате, однако, когда он обернулся, то ничего не увидел, то есть ничего, кроме сплетения теней у кушетки.

«*Хмм… мерцание экрана*».

И всё-таки у него по коже побежали мурашки от неясного дурного предчувствия. В дрожащем свете — история Франкенштейна развивалась дальше — Харлоу поднялся на но́ги и осмотрел затемнённую комнату. Ничего. Никого. Полная пустота, если не считать мерцания и теней.

Подавив смутную тревогу, Харлоу прошёл на кухню. Достал бутылку «Сэма Адамса» и сделал большой глото́к. Захватив пиво с собой, он вернулся к телевизору и начал смотреть на запуск змеев в грозовые пронизанные молниями тучи.

✷ ✷ ✷

Прошла ничем особенным не отмеченная неделя, пото́м вторая. Но на третьей Харлоу по вечерам всё чаще краешком гла́за замечал какое-то быстрое движение, однако, взглянув прямо, видел только лежащие те́ни.

И снова он ощущал неясную тревогу.

Теперь Харлоу приближался к неосвещённым комнатам с лёгким трепетом.

«*Иди же, идиот! Бояться нечего. Просто инстинктивная реакция, закодированная в генах. Отрыжка эпохи пещерных людей, а может, и времени, когда мы ещё не слезли с деревьев. Не страх темноты, а страх неизвестного*».

И всё равно он чувствовал, что нечто таится в тенях позади него или подстерегает в тенях впереди.

«*Чёрт, у меня слишком разыгралось воображение!*»

Пото́м наступила ночь, когда Харлоу в парализованном состоянии между бодрствованием и сном застонал от ужаса, потому что нечто тёмное стояло во тьме в ногах его кровати, чёрное на чёрном — нечто зловещее, нечто безмолвное, нечто следящее за ним.

Сердце у него отчаянно колотилось, он обливался пото́м, его стоны переходили в испуганные завывания, но тут Харлоу заставил себя полностью проснуться и, задыхаясь, начал нашаривать выключатель лампы на тумбочке, наконец,[199] нашёл его, включил свет и не увидел никого и ничего — вообще ничего в ногах своей кровати.

«*Господи, я начинаю пугаться теней!*»

Совсем измученный Харлоу заснул ещё очень нескоро.

На следующий день Харлоу приобрёл собаку, ротвейлера. Но пёс словно занервничал в непривычной обстановке — во всяком случае, так решил Харлоу, — и в дом его пришлось затаскивать буквально силком. При первом же представившемся ему случае пёс выскочил за дверь. Больше Харлоу его не видел.

«*Сукин сын!*»

Во время ремонта Харлоу установил в доме систему сигнализации, подключённую к каждой две́рй, к каждому окну, а несколько нижних комнат были снабжены детекторами, регистрировавшими теплоту те́ла плюс движение. Он сам несколько раз нечаянно включал систему, пока не запомнил все коды и не перестал забывать, когда её следует отключить. И чёртов вой электронной сирены заставлял его подпрыгнуть чуть не до небес. Но он был единственным человеком, вообще единственным, кто включал сигнал тревоги, поступавший в пункт охраны, а оттуда в полицию.

Как-то вечером после прогулки Харлоу, войдя в дом, открыл дверцу стенного шкафа…

— Чёрт! — завопил он и отпрыгнул, потому что в темноте нечто чёрное извернулось и исчезло. Сердце грозило выскочить у него из груди́, и он зажёг лампочку внутри шкафа. Ничего — только два костюма на вешалке. Харлоу выключил лампочку и задвигал дверцей взад-вперёд, следя за её тенью. Нет, то было что-то другое.

Дни шли за днями, и Харлоу продолжал замечать какое-то движение во тьме, а иногда кто-то или что-то маячило во мраке в ногах его кровати.

«*Чёрт, неудивительно, что мой дедушка устроил такую иллюминацию в этом до… О Господи! Но погодите!*»

Он подошёл к телефону и набрал номер.

— Говорит Харлоу Уинтон. Попроси́те его позвонить мне. Да, именно У-и-н-т-о-н. У него есть мой номер.

Вечером телефон зазвонил.

199 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Уинтон слушает… А, Артур, спасибо, что позвонили… Да-да, у меня всё прекрасно… Что? … Совершенно верно… Скажите… мой дед, в каком положении его нашли? То есть вы говорили, что он… Да, конечно. Смотрел телевизор. Но откуда вы… Ах так. Пульт дистанционного управления в руке? Телевизионного? О Господи… Нет-нет. Никакой особой причины. Чистое любопытство, — Харлоу вздохнул и посмотрел по сторонам. — Спасибо, Артур. Да-да, спасибо.

«*Чёрт! Он схватил телевизионный пульт, а не включавший свет!*»

Харлоу положил трубку и отошёл от бюро, в первый раз заметив, какой чёрной была тень под ним.

После ответного звонка Максона всё пошло́ ещё хуже. Ощущение, что нечто маячит во тьме у него за спиной или ждёт среди теней соседней комнаты, стало нестерпимым. Теперь Харлоу, прежде чем войти в тёмную комнату, просовывал руку в дверь и нащупывал выключатель, а затем таким же маневром гасил свет в комнате, из которой уходил. А иногда ему казалось, что краешком гла́за он замечает, как те́ни, извиваясь, ползут за ним.

А иногда ему казалось, что он слышит медленное дыхание. Но когда он прислушивался… тишина.

«*О Господи! Я схожу с ума или тут правда что-то прячется? А если что-то тут прячется… если здесь есть что-то, тогда мне нужно выбраться отсюда. Но погоди… Нет, я не могу уехать. Я же всё потеряю. Я должен жить здесь, в этом доме, в доме, где мой дед умер в темноте… от ужаса, я полагаю. Или, может быть, его убило “ОНО”?*»[200]

Проходили дни. Проходили но́чи. И страхи Харлоу росли и росли. И по мере того как усиливался его ужас перед тьмой, крепло и его желание избавиться от этого ОНО.

«*Мне необходимо покончить с ним. Но как? Снова установить все эти панели? Вернуть бешеный свет? Эту безобразную прозрачную мебель? Нет уж! Я отделался от чёртова хлама и ни за что его не верну. К тому же этот способ использовал мой дед и чего добился? Погиб. Был убит ужасом. Нет, я хочу, чтобы ОНО исчезло навсегда, а не просто пряталось от света*».

У него в животе словно угнездился колючий ком, и каждый день, каждую ночь впивался всё сильнее, сильнее… Харлоу почти перестал есть и начал худеть. Ру́ки у него дрожали не переставая.

И он разговаривал сам с собой. Шёпотом.

И он совсем измучился, потому что ему не удавалось уснуть днём, как он ни пытался. В приюте их отправляли спать в десять ве́чера, а утром будили в шесть, и он уже́ не мог иначе. Однако, хотя спать он ложился, как обычно, он

200 В оригинале без па́ры закрывающих кавычек после вопросительного знака, зато «ОНО» выделено парой угловых кавычек внутри аналогичного выделения мыслей персонажа (изменяю на фигурные кавычки). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

не мог заставить себя погасить свет, и спал с горящей лампой — если это можно было назвать сном. Дверь стенного шкафа была открыта, и в нём тоже горел свет.

А потóм наступила ночь, когда Харлоу прыгнул в постель с расстояния двух-трёх шагов, лишь бы не приблизиться ко тьме под кроватью.

«*Господи, что со мной? Я же не ребёнок!*»

Но он продолжал прыгать в кровать издалека. А просыпаясь даже при солнечном свете, прыгал на пол, как мог дальше.

И он начал заикаться.

А по ночам время от времени он слышал, как ОНО бродит по комнатам, по коридорам, вверх-вниз по лестнице. Он был *уверен* в этом. И да — слышал он не приглушённые, крадущиеся шаги, но змеиные шорохи, будто холодный ветер ворошил сухие листья.

И с проходящими днями и ночами Харлоу всё больше превращался в обтянутый кожей скелет, а чернота двигалась и шуршала, извиваясь среди теней, и ОНО рыскало во тьме.

А его экономка и кухарка по-прежнему отказывались ночевать в доме, теперь жалуясь, что в нём *слишком темно*. Они уходили, когда солнце ещё только касалось крáя горизонта, и возвращались, когда оно было ужé высоко в небе.

Был ветреный мартовский вечер, когда в дверь позвонили, и Харлоу, зажигая по дороге свет всюду, где проходил, вошёл в вестибюль, открыл её и увидел на пороге Максона.

— Те-те-те, Харлоу, — сказал седовласый нотариус. — Что-то вы похудели, побледнели. Плохо спите?

— Быстрее, быстрее, А-Артур, входите же. Там т-т-темно. Входите же!

✷ ✷ ✷

— Я бы не стал, Харлоу. Телохранитель, чтобы защищать вас от теней!

Харлоу захихикал. Вздрогнув при этих звуках, он хлопнул себя ладонью по губам. Потóм зашептал сквозь растопыренные пальцы:

— С-с-совсем свихнулся?

Было неясно, сказал ли он это себе или Артуру Максону.

— Вы не обращались к врачу?

— К психиатру, а?

— Нет. К *терапевту*. Вы выглядите постаревшим лет на двадцать.

И снова Харлоу захихикал.

— Вы меня тревожите, мой мальчик. Вам необходимо поднабраться сил.

— Я п-п-подумываю в-в-выбраться отсюда. Тут что-то водится. Что-то *жуткое*.

— Ах, Харлоу, не говорите *так*! Вы же потеряете огромное состояние. К тому же я многие долгие годы занимался делами этого владения и, конечно, буду и дальше служить его интересам ещё многие долгие годы. А потому, мой мальчик, я хочу, чтобы вы остались и занялись своим здоровьем. Это наилучший выход для всех.

Артур настаивал, чтобы Харлоу не сдавался, а просто занялся собой, а Харлоу зажимал рот ладонью, чтобы удержать хихиканье, на чём разговор и исчерпался.

Вечер завершился тем, что Харлоу, стоя почти в центре ярко освещённого вестибюля, смотрел, как Артур широким шагом удаляется от до́ма, чтобы раствориться во тьме но́чи.

✷ ✷ ✷

Шли недели, те́ни двигались[201], и чернота дышала, и что-то стояло во тьме за ней. И на протяжении этих недель Харлоу продолжал чахнуть, теряя последние силы в накатывающихся волнах страха. И всё чаще он принимался бессмысленно бормотать вслух, шептать сквозь хихиканье. Тем не менее,[202] он цеплялся за одну *разумную* мысль… или *казавшуюся* ему разумной.

«*Я хочу, чтобы ОНО, чем бы ОНО ни было, не просто исчезло, а нашло бы смерть*».

201 В оригинале «твигались» через «т». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
202 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Харлоу начал перебирать в уме типы оружия — пистолеты, дробовики, ружья — такое, какое убивает *наверняка*. И тут он вспомнил, как Гарри Кэллахан[203] говорил, что *револьвер со́рок четвёртого калибра — самое мощное ручное огнестрельное оружие в мире, способное напрочь отстрелить голову*.

«*Мне такое и нужно — чтобы отстрелить ему голову напрочь*».

И тут же Харлоу столкнулся с неразрешимой проблемой: как убить то, чего не видишь, то, что бежит от света?

«*Как я сумею выстрелить в это? Мне же надо знать, где ОНО. Мне нужно ясно его видеть. Но я же не способен видеть в тем…*

Погоди! Вот оно! Прибор ночного ви́дения! Или как он там называется? Неважно. То, чем пользуются в армии, чтобы видеть в темноте. Вроде очков. Надеваешь их на голову, как этот тип в "Молчании ягнят"[204]*… Баффало Билл*[205]*… Ага! Баффало Билл, — и они стократ усиливают даже самый слабый свет…*»

Голова его переполнилась мыслями, планами, и Харлоу в эту ночь почти не сомкнул глаз. Он сидел на кровати, закутавшись в одеяло под подбородок, и хихикал, радуясь своему тайному плану, а пото́м прижал ладонь к губам, чтобы не выболтать всё вслух… и следил, как бесшумные те́ни скользят вверх по ступенькам и по стенам коридора за открытой дверью спальни, сразу за пределами света.

На следующий день он купил револьвер со́рок четвёртого калибра, оружие Грязного Гарри. Продавец рекомендовал пятидесятикалиберного «Орла Пустыни», но Харлоу заявил, что ему нужен «Смит-Вессон» со́рок четвёртого калибра. Причём *немедленно*. Продавец заметил машину тощего пугала и, увидев у него в руке толстую пачку банкнот, тут же временно закрыл магазин, опустил шторы и зажёг все лампы — как потребовало пугало с проваленными глазами, пятясь от самых прозрачных теней. Тогда продавец сказал, что один-единственный раз он готов сделать исключение и продать револьвер сейчас же. Никаких проволочек. Никакого разрешения. А к тому же

---

203 Harry Callahan, Гарри Каллахан (иногда Харри Кэллахан или Хэрри Кэллехен) — полицейский по прозвищу «Грязный Гарри» в одноимённой серии фильмов («Dirty Harry», 1971 г.), роль которого исполнил всемирно известный актёр и режиссёр Клинт Иствуд (Clint Eastwood, р. 1930 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

204 В оригинале «Молчании ягнят» выделено парой угловых кавычек внутри аналогичного выделения мыслей персонажа (изменяю на фигурные кавычки). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

205 Прозвище персонажа-психопата из указанного кинофильма «Молчание ягнят», хотя изначально Баффало Билл (Buffalo Bill, 1846-1917 гг., настоящее имя Уильям Фредерик Коди, William Frederick Cody) — знаменитый следопыт и охотник на бизонов (за один сезон в 8 месяцев убил 4 280 бизонов, buffalo), который ещё при жизни стал героем дешёвых приключенческих романов (dime novel) и вскоре сам занялся шоу-бизнесом, участвуя в показательных выступлениях стрелков и наездников в организованном им же шоу «Дикий Запад» (Buffalo Bill's Wild West Show, 1883 г.), гастролировавшего по всей стране (в этом же шоу участвовала и известная наездница и стрело́к Энни Оукли, Annie Oakley, 1860-1926 гг.); опубликовал несколько книг рассказов о жизни и приключениях на Диком Западе (Wild West). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

у него оказались и очки ночного ви́дения — за хорошую цену. Лазерный прицел Харлоу отверг: хотя красный луч был и очень тонок, это,[206] тем не менее,[207] был *свет*, и он мог *вспугнуть* ОНО.

Унимая дрожь в руках, Харлоу поехал домой, внимательно следя за тем, чтобы ненароком не превысить скорость, не забыть включить сигнал поворота, и свято соблюдал все прочие правила уличного движения. Он не хотел, чтобы регулировщики остановили его машину. Нет, ни в коем случае! Они ведь могли *отобрать* пистолет!

Он изнывал от нетерпения, ожидая, чтобы экономка и кухарка,[208] наконец,[209] убрались, а тогда, слыша, как колотится сердце, сел к кухонному столу и зарядил «Смит-Вессон», вложив разрывные пули в каждую камору.

«*Будет только справедливо, если я убью ОНО в комнате развлечений. Ведь там ОНО воспользовалось падением напряжения и убило моего деда, когда реле не сработало*[210] *и свет погас. Убило его ночью, во тьме, именно так, как я его убью*».

Харлоу взял очки ночного ви́дения , надел их и приладил к голове, старательно избегая случайно включить усилитель.

«*Ни в коем случае нельзя перегрузить очки, пока ещё светло. Лучше дождаться глубокой но́чи. Да, именно глубокой но́чи. Вот, когда я это сделаю. Когда тьма заполнит все уголки и закоулки в доме. Честная игра и всё такое прочее*».

Харлоу испустил смешок, хриплый от страха, но тут же плотно сжал гу́бы, чтобы не выдать тайны.

Уже́ приближалась полночь, когда — с револьвером в руке, с очками на лбу — Харлоу вышел из кухни, зажигая лампы впереди, гася их позади.

«*Не хочу, чтобы где-то осталась горящая лампа, когда я щёлкну последним выключателем и погружу всё во тьму*».

Его сердце стучало от ужаса.

Но потные пальцы сжимали револьвер со́рок четвёртого калибра.

Наконец,[211] он вошёл в комнату развлечений.

Ловя ртом воздух, он прошёл по ней, гася все лампы, кроме одной, и те́ни прокрадывались внутрь, сгущались вокруг.

Весь скользкий от пота, ощущая сухость во рту, Харлоу вытер ладони о брюки и взвёл курок.

206 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
207 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
208 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
209 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
210 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
211 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Протянул дрожащую руку к выключателю последней лампы… и заколебался.

«*Ну, давай, Харлоу! У тебя револьвер, у тебя очки. Ты разделаешься с этой мразью*».

Еле дыша, Харлоу погасил последнюю лампу.

Чернота заполнила комнату.

«*Господи Иисусе, я не могу… ОНО…*»

Сдержав вопль, Харлоу сдёрнул очки на глаза́ и включил их. Усилитель света заработал на полную мощность, и Харлоу увидел…

«*Господи, я вижу!*»

… в конусе по́ля зрения зеленоватые прозрачные очертания предметов. Но всё равно, он же видит!

Держа перед собой тяжёлый револьвер со взведённым курком, Харлоу резко поворачивал голову туда-сюда, выглядывая, высматривая… что? Он не знал. То, что прячется там. ОНО.

— В-выходи, задница! — крикнул он пронзительным, надрывающимся голосом. — К-к-козёл трахнутый!

Налево-направо направлял он конус своего по́ля зрения.

И вдруг он понял…

«*Господи, ОНО позади меня!*»

… и стремительно обернулся, и увидел…

Харлоу пошатнулся, его ки́шки и мочевой пузырь опорожнились, револьвер выпал из его пальцев, ударился об пол, и грохот выстрела затерялся в воплях ужаса: он кричал, кричал, кричал…

✷ ✷ ✷

Когда такси скрылось в темноте холодной октябрьской но́чи, двадцатидвухлетняя Глория взяла свой дешёвый чемодан и последовала за седовласым мужчиной в красивый старинный дом. Негромкое пощёлкивание — и свет залил вестибюль и комнаты за ним, как внизу, так и наверху. Максон с хищной улыбкой на землистом лице трупа повернулся к пышущей здоровьем девушке и сказал:

— Ваш двоюродный дед, мисс Уиллоуби, был крайне своеобразным человеком, и вы последняя в его роду́.

© Деннис Маккирнан

Нэнси А. Коллинз «Блюз сомовьей девчонки»

Флайджар наш — из тех южных городишек, где ход времени не так чтоб сильно чувствуешь, может, потому это, что не особо заметна смена времён го́да — между зимой и летом разница градусов в пять, не больше. А может, потому, что ежели вы — бедняк, голь перекатная, вроде большинства местных, для вас десяток-другой лет — не ахти какая разница. Да и лет сто-двести[212] — тоже, уж коли на то пошло́.

А две вещи для Флайджара уж и вовсе не меняются — нищета и река. К Миссисипи городок цепляется, всё равно как негритёнок к матушкиной юбке, — ещё бы, ведь любые заработки местного народа — хорошие ли, нет, это уж другое дело — к старушке Миссисипи привязаны, что фартук — к поясу хозяюшки. Эх, было время, был городок портом, барки да баржи сюда заходили, плавали туда-сюда по реке. Да что говорить — дело уж прошлое:[213] всё,[214] что осталось от старых добрых деньков теперь — полусгнивший причал деревянный да пирс полуразрушенный.

И очень удобно: обломки эти заходят в реку аж на несколько сот футов, а там окуни, лини, сомы даже — хороший бесплатный приварок для любого рыбака, у кого терпения да сноровки достанет, это вам, если слушать станете, и Сэмми Херкимер подробно распишет, а уж он-то — лучший, верно, флайджарский рыболов.

Мест славных много — выбирай не хочу, но у Сэмми любимое — на Пароходной Излучине. От городка, правда, далековато — в миле[215], не меньше, а потому причал в таком состоянии, что успевай глядеть, куда ступаешь, но оно и неплохо — значит, местные не больно сюда суются, в самый раз для Сэмми. И вот сидит он однажды эдак, посиживает, чай ледяной из термоса прихлёбывает, и вдруг — глянь, а рядом — вот кого увидеть не ожидал — Хоп Армстронг!

212 В оригинале «сто — двести» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
213 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
214 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
215 См. 5. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Хоп у нас — что-то вроде пижона здешнего. Так уж его Господь создал — по части внешности не просто хорошо, а вроде и слишком, а насчёт честолюбия — извините. На гитаре там поиграть, за счёт дамочки какой поесть-попить — это он с полным удовольствием, никто не угонится, но вот поработать там или вроде того — нет, это не для Хопа.

— Хос-с-поди, Хоп! — *хопнул* Сэмми, удивлённый до крайности. — Ты что здесь забыл-то? До́ма у тебя пожар или что?

— Можно и так сказать, — ответствовал Хоп мрачно. — Баба моя говорит, *хоть раз чего на ужин в дом принеси*.

— Уж до *этого* дошло? — вскинул бро́ви Сэмми.

Нынешняя бабёнка Хопа — Люсинда Соломон, та, которая местный салон красоты держит. Красивая, и дела́ у неё идут — лучше некуда, по флайджарским[216] меркам, конечно. А уж жестка — что твой кулак, норов — круче не бывает, и, говорят в городишке, ладить с Люси для Хопа — первая в жизни его работа из тяжких.

Оглядел Сэмми, *какие* у парня снасти, и смешно ему сделалось — это ж надо додуматься:[217] гитарку свою на реку приволок, а сеть рыболовную взять и не подумал! Покачал головой да и снова на реку стал глядеть. Помолчали они этак, помолчали, а пото́м старик и заговорил.

— Знаешь, Хоп, отчего это место назвали Пароходной Излучиной?

— Я так полагаю, что река здесь излучину даёт, а по этой излучине раньше пароходы ходили, — пожал плечами Хоп.

— Ну,[218] и это, конечно, да только не так всё просто. Давно это было. Пароход один большой ходил вверх-вниз по реке. «Цветок дельты» назывался. Шикарный, в каютах — карнизы мраморные, люстры хрустальные, ручки дверные позолоченные. Весь народ-то как услышит, что «Цветок дельты» идёт, так из домов выбегает да поля́ бросает, чтоб только, значит, поглядеть. А пото́м средь бела дня вот на этом са́мом месте «Цветок дельты» и затонул, прям у всех на глазах. — И Сэмми указал на середину реки́.

— А почему затонул-то? — Хоп заинтересовался, любопытство в голосе появилось.

— По правде сказать, никто и не знает. Кто говорит — котёл взорвался, кто — пожар на борту случился. Может, бревно какое плавучее днище проломило. Столько времени прошло, кто теперь поймёт? Да только бабка моя другое говорила. Клялась, что «Цветок дельты» сомовьи девчонки сгубили.

Хоп так на старика и вытаращился.

— Шутки со мной вздумал шутить, Сэмми?

216 В оригинале чрезмерное «флайджаровским». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
217 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
218 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вот уж нет, сэр! — Сэмми даже головой затряс для верности. — Сомовьи девчонки всегда в этих местах жили — раньше чёрных, раньше белых, раньше индейцев даже. В реке и живут, на дне, где ила много. До пóяса — как есть женщины, а ниже — огромные сомы. От людей подальше держатся. Вообще-то они ничего, не злые, но люди говорили:[219] «Цветок дельты» одну из них в колесо случайно затянул, аж на куски её разорвало.

Обернулся Хоп, глянул на старика с интересом.

— А сам-то ты, Сэмми[220], хоть одну сомовью девчонку… ВИДЕЛ?

— Нет, сам не видел. Я и не искал их, по правде-то. Да и бабка моя говорила — коли не находят тех дураков, что ночью в реке купаются, сомовьих девчонок это работа. Они утопленников подбирают, в иле хоронят, пока не сгниют. Гнилое-то мясо им есть легче…

Хопа перекосило.

— Да ладно тебе! Мало того,[221] что моя бабёнка меня сюда отправила, так ещё ты здесь про сомовьих девчонок болтаешь, как они мертвяков лопают!

— Ну, извиняйте. И в мыслях не было, что такой ты у нас чувствительный.

Снова помолчали, а после Сэмми на гитару кивнул.

— Ты ж вроде на рыбалку пришёл, на кой бренчалку-то приволок?

— Человек что — одновременно два дéла делать не может, по-твоему?

— Может, сдаётся, да я бы не советовал. Рыбу распугаешь.

— Или сомовью девчонку приворожу, — ухмыльнулся Хоп.

— Да уж,[222] коли у кого получится, так это у тебя. — Сэмми вздохнул, заглянул в ведро. — Ну ладно, половил, на сегодня будет. Поплетусь-ка я домой, как раз к ужину почистить и поспею. Ежели сомовьих девчонок привораживать надумаешь, Хоп, так удачи тебе. И смотри здесь.

— Ты тоже поглядывай, Сэмми, — процедил лениво Хоп, а сам так на реку и глядит.

219 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
220 В оригинале «Семми» вдруг через «е», в отличии от остального текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
221 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
222 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Надобно признать, на реке в солнечный, вот как нынче, денёк Хопу было совсем не плохо. Жарко, да не слишком, а от воды́ — ветерок славненький… и пото́м, хоть здесь-то бабе этой чёртовой за ним не уследить.

Ох, не из тех Люсинда женщин, которым легко угодить, совсем не из тех. Когда не в духе — так и вовсе с нею не ужиться, а не в духе-то она теперь почитай всегда. Понимать начинал Хоп — верный признак, что конец приходит его сладким денёчкам безделья да житья у миз[223] Соломон, как у Христа за пазухой, да не в его манере это — соскакивать, не имея за кого теперь зацепиться. Только вот беда — на его вкусы да запросы маловато во Флайджаре подходящих дамочек, особо не покидаешься, и выходит, что как ни кинь, а придётся ему ещё с Люсиндой го́ре погоревать. Ну и ладно, Пароходная Излучина — от городка далеко, в самый раз, чтоб Люсинде понять, как он спину гнёт, трудится — или не трудится, — лишь бы на закате на столе ужин стоял. Ему ж лучше.

Размышляя этак, вынул он из коробочки со снастью свою раскладную удочку, разложил да и вставил в щель меж щербатыми досками. Крючок приладил, наживку прицепил и забросил леску подальше, в мутную реку. Одним глазом на поплавок посматривает, а сам, глядь, к деревяшке ближайшей ужé привалился и гитару к груди́ прижимает.

Было ль в жизни у Хопа такое время, когда музыка ему не легко давалась? Пожалуй, что и нет. Пешком под стол ходил — и тогда что хотел, то с гитарой и делал, в точности по задумке. Как с бабами — так и с музыкой. На гитаре играть — как дышать, как есть, это вам не хло́пок собирать, не трактором править!

Хоп пригляделся к речной глади — до чего же спокойной кажется, уж до того широка, глазами её силы, пожалуй, и не определишь. Только потому и понимаешь, до чего могуча, что видишь, как огромные брёвна плавучие в мгновение ока мимо проносятся. Иногда цельные стволы дубовые к Мексиканскому заливу несутся, друг друга обгоняют. Сегодня — поспокойнее, и брёвна, что вниз по течению плывут, — со шпалы железнодорожные, не больше.

Ну, никак не выкинуть из головы́ байку, что Сэмми рассказал. Не в сомовьих девчонках дело — слыхал он про это, брехня всё. А вот про «Цветок дельты» — да-а, это ему прямо в сердце запало. Интересно, а каково оно было-то — тогда жить, когда пароходы плавали, шиком да блеском клоповники вроде Флайджара ослепляли?

223 Слово, придуманное переводчиком. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И подумать только:[224] самый шикарный из старых добрых колёсных пароходов вот прямо тут жизнь свою и закончил, камушком добросить отсюда, где сидишь, вся эта красотища — да разом в миссисипскую грязную воду! А он-то, Хоп, только и видывал на реке, что баржи-плоскодонки да катерки случайные, редко-редко когда — яхточки залётные. Да уж, не те корабли, какие воображение потрясают да сердечко колотиться заставляют. Чтоб на баржу поглядеть, народ пятки сбивать не станет, это уж верно.

Хоп подивился — любопытно бы знать, а осталось на дне Пароходной Излучины ну хоть что от «Цветка дельты»? Да разве теперь узнаешь… Уж коли река секрет какой хранит, так раскрывать его не торопится. И всё ж таки, а славно помечтать — вот бы разглядеть сейчас в воде пароходную палубу!

Ну так прямо и видишь этот самый плавучий дворец, беленький, что твоя хлопковая головка, а тру́бы — ну точно бочки, дымят, как сигары плантаторские, и плывёт себе, катит по Миссисипи, а наверху — красотки-южанки в юбках на обручах, по верхней палубе прогуливаются, перья на шляпах дрожат, что птички в клетках, а в салоне — другая жизнь, там шулера пароходные в костюмчиках молескиновых[225], в цилиндрах беленьких серебряные доллары да золотые десятки на столы игорные мечут. И сам он среди прочих, одет — как в «Унесённых ветром», тоже мне, Кларк Гейбл, на палубу выходит, шляпу перед дамочками приподымает, а пото́м в шикарный салон, на бал вечерний. Эх, и житуха ж была в те времена!

И вот, стал-быть, танцует призрачный Хоп под хрустальными люстрами с дамочкой, которая — ну точь-в-точь Вивьен Ли, а настоящий Хоп тем временем ловкими пальцами музыку подбирает. Конечно, «Доброй но́чи, Айрин» в те времена в ходу ещё не была, но ведь он же просто мечтает и нечего придираться.

Играл Хоп, играл, да вдруг на середине реки́ вроде как шевеление наметилось. Глянул он — а с ме́ста, где он сидит, кажется, будто пловец какой посреди излучины вынырнул, в том са́мом месте, где, Сэмми болтал, «Цветок дельты» на дно ушёл.

Вынырнул пловец — да сразу и снова нырнул. Быть такого не может!

В Миссисипи купаться — для здоровья так же полезно, как зажжённым фитилём динамитным вместо нитки в зубах ковырять. Частенько случается, что дурак какой в сосиску нажрётся да и хвалится, переплыву, мол, реку.

224 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

225 В оригинале надуманное «молексиновых», хотя несомненно подразумевается молескин (англ. moleskin, от mole — крот и skin — кожа) — плотная прочная хлопчатобумажная ткань (обычно гладкокрашеная в тёмные цвета́), которая вырабатывается усиленным сатиновым переплетением (имеет на лицевой стороне плотный гладкий уточный застил, который создаётся своеобразным переплетением, а также большей плотностью нитей по утку, чем по основе); употребляется для изготовления рабочей, спортивной и специальной форменной одежды, верха обуви, переплётов, etc. Наиболее плотные сорта́ молескина иногда называют «чёртовой кожей». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Войдёт в воду — да и пропадёт футах в десяти[226] от бе́рега без следа. Коли семье повезёт, так, может, и всплывёт через па́ру дней, миль на пятьдесят[227] пониже по течению, за сучья дерева-плавуна зацепившись, а уж раздуло так, что свиньи от человека не отличить. Только не похоже было то, что Хоп увидел, на мертвяка, на поверхность всплывшего. Главное, на одном месте держалось, по течению не плыло. Прикрыл Хоп от солнца глаза́ ладонью, разглядеть получше хотел — а там уж и нет ничего. Тут поплавок у него задёргался, на крючок что-то попалось, он и стал ближе к бе́регу смотреть. Гитару отложил, тянет за удочку, вытянул, а на крючке — сом, фунтиков этак на десять[228].

Да уж, нынче вечером Люсинде придираться не к чему будет, что верно, то верно.

Стал он домой собираться, снасти на одно плечо повесил, гитару — на другое нацепил, а всё ему не по себе. Ну, прям напасть какая-то — всё мерещится, что наблюдает за ним кто-то — и не сом, что на крючке с по́яса свисает.

✷ ✷ ✷

Лежал Хоп ночью в постели — Люсинда рядышком посапывала — да и раздумался.

А может, то, что Сэмми про сомовьих девчонок говорил, и не простая байка? Помнится, сам он прочёл в журнальчике — с жёлтой обложкой, в парикмахерской листал, — рыбу вон одну тоже все сказкой считали, а па́ру лет назад в дальней стране её и поймали! И вообще, да кто он таков, чтоб решать, есть ли сомовьи девчонки, нет ли их, коли сроду никого не видел, кто б побывал на дне Миссисипи и живым оттуда вернулся? …

На следующий день Хоп сам на рыбалку идти вызвался, Люсинде и понукать не понадобилось.

Решил — а попытаю-ка я снова удачи на Пароходной Излучине! Пришёл к доку, видит — нет никого, сразу на душе́ полегчало. Забрался на док, в точности как вчера, полчаса проторчал, всё ждал, не случится ли что, а пото́м удочку отложил, а гитару подобрал — надо ж как-то время скоротать.

Только «Полночный стон» до середины доиграл — слышит, а возле пирса словно рыбина огромная плеснула. Глянул он, чтоб, значит, понять, отчего шум-то, — и *такое* увидел, ещё бы чуть — и бренчалку свою в воду б уронил.

226 См. 120. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
227 См. 79. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
228 В метрической системе 10 фунтов — это примерно 4 ½ кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Футах в ста[229] от дока голова человеческая из воды́ высунулась. Охнул Хоп от изумления, дыхание занялось, а голова-то и ушла снова в илистую воду, тихо ушла, и кругов на том месте не пошло́. Минуты не прошло — задёргалась Хопова леска, да так сильно — чуть удочку в реку не уволокло.

✷ ✷ ✷

Пятнадцатифунтового[230] сома притащил в тот вечер домой Хоп, Люсинда восхищается, а он молчит про то, *что* на реке видел. Ровно подсказал кто — что б оно такое ни было, там, на Пароходной Излучине, держи-ка ты это при себе!

На третий-то день Хоп и леску в воду забросить не позаботился. Понял уже́, что эту тварь речную всё к доку тянет. Точно не светляки, которых он как наживку использует, чёрт подери.

Подобрался он к са́мому кра́ю причала, аккуратненько, разболтанных да дырявых досок остерегаясь. Сел, но́ги с причала свесил. Поразмыслил, посомневался с минутку, а пото́м и решил — лучше «Грязных вод» тут не выбрать.

И вот в точности как тогда, только до середины песни дошёл — а оно, чудо это, и выплыло. У Хопа сердце-то колотится, аж дух захватывает, а он играть себя заставляет. Не хочет спугнуть, значит. Как первую песню закончил, не остановился, сразу на «Пони блюз» перешёл.

Сначала, пока играл, на стру́ны глядел, старался вид сделать, что, дескать, и не замечает, слушает ли его кто. Но уж на «Вокруг луны» не сдержался, рискнул, поглядел в сторону этой са́мой — а она прямо внизу, под ногами его болтающимися! На него уставилась, а глазища — огромные, чёрные, вроде как одни зрачки.

Поразился Хоп — до чего сомовья девчонка на человека походит. Сэмми-то такого нарассказал, он и вообразил незнамо что, рыбину в парике кудрявом, а тут — нетушки. Дьявол, да в церкви бабёнкам до этой — как до небес!

Губастая она, конечно, по-рыбьи, и рот огромный, жуть, а вместо носа — две щели, но если на этом не заострять — нет, ДАЛЕКО не уродина. Волосы, правда, нечёсаные — кошмар, и в кудряшках растрёпанных чего только не напутано — водоросли, моллюски живые, всё на свете. А что там ниже плеч — в воде не видать, только жабры и заметил, как они у са́мой шеи открываются да закрываются.

229 В метрической системе 100 футов — это примерно 30 ½ м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
230 См. 91. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А глядит-то сомовья девчонка на него как — Хоп только и засмеялся в душе́. Рыба она наполовину, нет ли — а уж таких вот выражений у женщин на рожицах Хоп навидался, это да. Крепко, похоже, зацепил он деваху эту, а теперь — самое, значит, время её подмаслить.

Заглянул Хоп сомовьей девчонке в самые глаза́, усмехнулся.

— Ну, привет, рыбонька. Послушать, *как* я играю, пришла?

У сомовьей девчонки мечтательность с лица́ слетела — удивилась вроде. Оглядывается, смущается, словно и как сюда попала — невдомёк, а пото́м назад метнулась, ни дать ни взять — дельфин на хвосте.

— Не уплывай! Пожалуйста! — кричит Хоп, руку протянул, чтоб её только остановить.

И ведь скажи на милость — не уплыла сомовья девчонка, назад повернула, разглядывает его с интересом, а сама плещется себе в Миссисипи, то туда, то сюда, ну точь-в-точь — малышка в бассейне на дворе.

— Нечего тебе меня бояться, рыбонька, — заулыбался Хоп по-доброму. — Уж не обижу. Может, ещё малость для тебя поиграть? — И гитару поднял, ей показал.

Девчонка сомовья *поняла*. Закивала радостно, руку мокрую вытянула, пальцем перепончатым в гитару тычет. Ещё пуще Хоп заулыбался — сделайте одолжение, с того са́мого ме́ста «Вниз по реке» начал, где раньше остановился.

Когда солнце садиться стало, у Хопа ру́ки прямо отваливались, по пальцам кровь текла. Сыграл сомовьей девчонке понемножку из всего что умел — блюзы, блюграсс[231], хонки-тонки, песни ковбойские, даже колыбельных парочку — надо ж было узнать, что сомовьей девчонке понравится, а что — нет. Оказалось — на блюзах она прямо помешанная, оно и понятно: блюз-то ведь не где-нибудь — на берегах Миссисипи рождён!

231 Bluegrass, блюграсс — традиционная музыка шотландско-ирландского происхождения, распространённая на юге Аппалачей (Appalachian Mountains) и ставшая популярной в начале 1950-х гг. в обновлённой форме. В блюграссе используются традиционные струнные инструменты горцев: мандолина, банджо (banjo) и упрощённая скрипка (fiddle). Для стиля блюграсс, выработанного Биллом Монро (Bill Monroe and his Bluegrass Boys) и Эрлом Скраггсом (Earl Scruggs), характерны быстрый темп и эмоциональное пение. Уроженец Кентукки, Монро с 1939 г. стал регулярно выступать в нашвиллской радиопрограмме «Grand Ole Opry». Хотя как отдельный стиль музыки блюграсс молод по сравнению с традиционной кантри (country and western music), он в большей степени символизирует жизнь старой деревенской глубинки. Стиль привлекателен и для многих городских исполнителей, использующих его, в частности, как элемент кантри-рока (country rock). Среди последних группы «Seldom Scene», «New Grass Revival», etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Отложил он,[232] наконец,[233] гитару, девчонка сомовья нырк — и прямо в мутную воду. И минуты не прошло — из воды́ огромаднейший сом вылетел, как из пушки выпущенный, и на причал плюхнулся. Подобрал Хоп бьющуюся рыбину, да головой-то покачал.

Сказал:

— Благодарю, конечно, только не этого мне надо. — Бросил рыбину обратно в реку, вынул из кармана доллар серебряный, двумя пальцами зажал, покрутил, чтоб под солнцем закатным заблестел. — Хочешь, чтоб ещё для тебя играл, — и мне дай чего хочу, а я, милая, вот *этого* желаю.

Тут девчонка сомовья снова на поверхность всплыла, так на монету и уставилась, а после опять нырнула. Хоп стои́т, с ноги́ на ногу переминается. Минута прошла, две — от сомовьей девчонки ни слуху,[234] ни духу. Может, пережал он малость, слишком рано давить на неё стал?

И вдруг ему что-то в самую грудь стукнуло — тяжёлое, мокрое, на до́ски упало, зазвенело металлом. Наклонился Хоп, поднял кружочек чеканный, а ру́ки так и трясутся. Грязь да ил с монеты отёр — а она не серебром отливает, блеском золотым светится!

Охнул он от радости — и тотчас озираться стал, уж не заметил ли кто его удачи, но нет, на причале он — один-одинёшенек, то есть ежели только людей, конечно, считать. Вот ведь счастье какое привалило!

И всё это — за песенку несчастную.

* * *

Лето, стало быть, шло, а Хоп на Пароходную Излучину и вовсе зачастил, на утренней заре приходил, до вечерней сидел, а уходит — в карманах мокро, да зато не пусто. Иногда, конечно, в доке Сэмми Херкимер рыбачил, тут уж хочешь,[235] не хочешь — жди, пока старый хрен уберётся, но это редко когда случалось, а обычно — не о чём печалиться.

Люсинде, ясно, поначалу ох и подозрительно стало, с чего это он вдруг рыбаком заделался, но видит — домой приходит, духа́ми от него не пахнет, воротник проверяла — в помаде не вымазан, ну,[236] и успокоилась — чем бы дитя ни тешилось. Не знала Люсинда про банку из-под «Фолджерса»[237], у гаража зарытую, золотыми да серебряными монетами набитую, и про сумку

232 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
233 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
234 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
235 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
236 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

побрякушек золотых, что в поленнице за домом спрятана, тоже не ведала. А с какой это радости Хопу ей про богатство своё тайное рассказывать — чтоб пытать начала, откуда взял да что там поделывал?

Ну да, Люсинде хоть словцо про сомовью девчонку шепни — к завтрему весь Флайджар, от стариков глухих до детишек малых, на причале выстроится, на всём на чём хошь играя, банджо ли, гармошке ли губной, — чтоб только к удаче чужой примазаться. Нетушки, коли Хопа спросить, так мало ему радости без нужды счастью своему вредить!

А как не останется у *Рыбоньки* (так он её прозвал) чем за песни платить, выкопает он свою банку кофейную, подхватит рюкзачок, от золотишка едва не лопающийся, — и вперёд, в большой город, в Джексон там или Гринвилл. Чёрт, да чего там — в Чарлстон можно податься или в сам Нью-Орлеан! Да какая разница,[238] куда, главное, чтоб дамочки были помоложе да пошикарнее, не то что во Флайджаре хреновом, и чтоб пивом по воскресеньям торговали. Судя по тому, как Рыбонька во время последних концертов себя вела, и гадать особо не надо — скоро поскрёбыши хвостом сметать станет, ежели можно так выразиться.

Дёрганая стала, нервничает, то пугается чуть что, лягушка квакнет — а она уже́ на дно, то глазищами своими уставится, поцелуйчики воздушные посылает. Он, Хоп, может, и не очень образованный, но уж в бабах-то он разбирается, чёрт подери, изучил, а Рыбонька сейчас — типичная бабёнка, у которой с монетой туговато становится.

Пошёл Хоп на Пароходную Излучину — а сам твёрдо решил: всё, последняя это его серенада для сомовьей девчонки и последний денёк во Флайджаре, в дыре проклятой. Золото у него уж есть, а впереди, в широком мире, небось где-то и слава ждёт, сто́ит только руку протянуть.

✷ ✷ ✷

Посмотрел Хоп на небо, на тучи серые поморщился. С са́мого утра́ дождик льёт, то припустит, то прекратит, а уж как тропинку развезло единственную, что к причалу на Пароходной Излучине ведёт, — жуть. Противно, конечно, в грязи́ по колено барахтаться, но, может, оно и неплохо — в такие поганые деньки можно не беспокоиться, не шныряет ли кто поблизости.

237 Folgers, Folger's, «Фолджерс» — товарный знак кофе, выпускаемого в различных вариантах: с зелёной наклейкой (green label, без кофеина, decaf); с красной наклейкой (red label, выращенный в горах, Mountain grown), etc; производится фирмой «Folgers Coffee Co.», филиалом компании «Procter and Gamble Co.». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

238 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Хоп ремень от гитары поудобнее через плечо перекинул да и пошёл поскорее к бе́регу. Ну вот, значит, и причал заброшенный, скользкий, дрянь, а что ж делать — сел поудобней на краешек, привык уже́, но́ги над водой свесил и заиграл «Посади на могилке моей цветы».

Вот сейчас Рыбонька появится. Всплывает на поверхность ярдах в пятнадцати[239], сто́ит ему заиграть, пото́м поближе подбирается, замирает, глядит, как птичка, змеёй зачарованная. Ох, знает он *такие* взгляды, навидался у дамочек, когда на танцульках играл. Ясно, скажи он слово — Рыбонька в крапиву кинется, да что там — в огонь жгучий войдёт!

Закончил он первую песню, глаза́ на воду скосил — а сомовья девчонка отчего-то ждать себя заставляет. Задумался Хоп — может, не слышит она его? Он же не знает, где она живёт — хотя сильно похоже на то, что далеко от Пароходной Излучины не заплывает. Может, мелодию сменить, чёрт её знает, мало ли, может, ей «Хлопковые поля́» не покатили? Сменил — нет, не показывается. Хоп ещё сильней призадумался — видать, точно завязывать пора. Заиграл «Подпрыгнул дьявол» — уж из самых её любимых.

Под ногами у него всплеск раздался, прямо под водой — разглядеть можно — фигура возникла, за столбом причальным прячется. Ухмыльнулся Хоп понимающе: роберт-джонсоновы блюзы — они на баб прям как колдовство действуют, но́ги там у бабы или хвост — без разницы.

Позвал:

— Что это вдруг застеснялась, лапонька[240]? Выплывай, дай хоть на личико твоё поглядеть!

Возле пирса вода просто пузырями пошла, всё равно как закипела. Хоп возьми да и наклонись. Глядит вниз, в мутную воду, но́ги в воздухе болтаются.

— Эй, Рыбонька, это ты?

Быстро всё случилось — только сердце захолонуло. Тварь чешуйчатая со ртом разинутым, зубами острыми наполненным, вылетела и челюстями, как капканом стальным, но́ги Хопа и ухватила. Всего-то раз вскрикнуть и успел, тонким звериным криком захлебнуться, когда его, с гитарой вместе, в воду ледяную поволокли.

Сошлись над Хопом грязные во́ды старушки Миссисипи, и последнее, что он, помирая уж, увидал — девчонку сомовью. Смотрит, как он тонет, а в глазах распухших, зарёванных — го́ре неизбывное.

Народ-то флайджарский[241], когда Хоп Армстронг так с рыбалки и не вернулся, на том порешил, что подружку он себе новую завёл, издалека, да и сбежал от Люсинды, лучшую долю искать. Хотя и такие были, что подумали — напился наш красавчик беспутный и по пьяной-то лавочке в дыру между

239 См. 122. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
240 Суржик. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
241 В оригинале чрезмерное «флайджаровский». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

досками свалился, утоп. Поболтали, конечно, малость — но на са́мом-то деле, кому какая, к дьяволу, разница? А пара недель прошла — и другие темы нашлись, о чём в парикмахерской судачить.

Три ме́сяца прошло, как Хоп исчез. Закинул Сэмми Херкимер удочку, а крючок у са́мого пирса вдруг за что-то и зацепись. Он сперва решил, в водорослях каких запутался. Вытащил, а на крючке — *бренчалка* Хопова!

Гитара. Та, что дамочек очаровывала, из юбок их вытряхивала, денежки последние из кошельков у них выскребала. Теперь-то на ней все стру́ны полопались, гриф растресканный, полировка вся ободрана, ровно зубами обкусана. Сэмми, инструмент изломанный с крючка снимая, только головой и покачал. Нет, не удивила его находка. Может, в том, *что* с Хопом бедным случилось, и его вины немного есть. Он ведь парню про сомовьих девчонок рассказал… рассказал, да *не всё*. Про то забыл поведать, отчего это сомовьи девчонки — ЕДИНСТВЕННЫЕ русалочки, что на Пароходной Излучине обосновались.

Ох, парни, одно про них помните — больши́е они собственницы, а уж ревнивые…

© Нэнси А. Коллинз

Бентли Литтл
«Театр»

Без десяти девять, закрываться скоро, и Патнэму отчаянно хочется в туалет. Он сдвигает но́ги, стискивает зубы. В книжном магазинчике — ни души́. Последний покупатель умотал минуту назад, два часа́ проторчал, на цент не купил, слава Богу, больше никто не пришёл. Он размышляет, решает — пора, наверно, уже́ закрывать, точнее, это мочевой пузырь за него решает. Мистер Карр узнает — повесится, а может, и нет, наверно, старик подумает — пусть уж лучше раньше запрёт, чем хоть на время бросит магазин на произвол судьбы́.

Он подцепляет с полки у кассы связку ключей, торопится к двери́, выбирает нужный ключ, находит, вставляет в замочную скважину, поворачивает с усилием, пока не раздаётся звонкий щелчок. Переворачивает знак на витрине — было «*МЫ ОТКРЫТЫ*», стало «*ИЗВИНИТЕ, МЫ ЗАКРЫТЫ*». Опрометью, галопом несётся в туалет позади магазинчика.

В самый раз,[242] вовремя.

Патнэм отправился на маленький склад, туда, где вешалка, не торопясь, в блаженном облегчении. Застёгивая ремень, поднял глаза́ и обнаружил, что глядит прямёхонько на узкую деревянную дверь напротив туалета. Офигеть можно. Почти месяц в магазине работает, как только каникулы начались, сюда пришёл, ясно ж, *видел* уже́ эту дверь, а словно бы и *не замечал*.

Напрягает это почему-то.

Подошёл, повернул почернелую металлическую ручку — ни черта. Дверь заперта. Оставил в покое ручку — а если ключом? Половину ключей из связки перепробовал на случай, вдруг какой подойдёт, а пото́м подумал — нет, наверно, лучше у мистера Карра спросить. Может, там просто чулан. А может, хранилище для особо ценных книжек, да мало ли что, нечего самому́ себе проблемы создавать.

Он засунул ключи в карман и отправился обратно в магазин.

242 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

На следующий день, когда инвентаризацию с мистером Карром[243] проводили, и правда спросил. Думал, старикашка ему просто расскажет, что там за дверью, объяснит скучающим, унылым тоном, как про всё объяснял, где что находится. Нет, ТАКОЙ реакции никак не ожидал.

Такого страха.

Такого ужаса.

Господи, ну прям как в кино, мистер Карр на глазах *побелел*. Не то что со щёк — с губ краска сбежала, глаза́ круглыми стали, смешно. В руку Патнэму вцепился, сжал, пальцы костлявые, больно — жуть.

— Ты туда случайно *не заходил*?

— *Туда*? *Заходил*? Да я, наоборот, спрашиваю, *что* там.

Мистер Карр облизнул гу́бы.

— Я сам виноват, надо было тебе раньше рассказать. — Пальцы разжал, рука безвольно повисла вдоль те́ла, только голос остался испуганным. — За дверью — лестница в *театр*. Понимаешь, эти магазинчики… — Указал пальцем, видимо, в сторону бутика и ювелирной лавочки, что за стеной. — Когда-то были связаны между собой. А наверху — театр. Первый оперный театр в этом штате, первый, который вообще у нас в стране открылся. Пото́м-то владельцы разорились, но тогда, в начале девятисотых, у них величайшие таланты выступали. Сам великий Карузо там пел, много тогдашних звёзд. Но мало было настоящих ценителей, чтоб окупать *такой* театр, вот он и перестал существовать. Здание пустовало довольно долго, а пото́м кто-то его купил — разбил первый этаж на все эти магазинчики. А второй этаж и театр, конечно, просто заброшены.

Патнэм подождал в надежде услышать ещё. Но нет — старик уже́ отворачивается, наклоняется, озирает стопки книг на полу́. Патнэм не шевелится. Смотрит на ру́ки мистера Карра, что поднимают пыльный, в кожу переплетённый фолиант. А ру́ки дрожат, и книга вот-вот упадёт. С чего бы это мистер Карр так задёргался? Хотел спросить, а пото́м поглядел на блестящую лысину на макушке старикана в венчике тонких седых воло́с — и почему-то передумал.

Опустился на колени, начал помогать.

По воскресеньям Патнэм один работает. Мистер Карр по воскресеньям книги скупает, рыщет по развалам, по гаражным распродажам, по дешёвым аукционам, а магазин на попечении Патнэма оставляет. Магазин, как все маленькие лавчонки в центре старого го́рода. По выходным в шесть закрывается, Патнэм до́ма бывает как раз к «Двадцатке самых-самых».

Но на сегодня у него другие планы.

243 В оригинале «Кар-ром» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Запер две́ри в пять минут седьмого. Проследил, как запоздалый студент волочет к машине кипу секондхэндовых учебников, перевернул знак, потушил свет в витрине и пошёл на склад. Постоял немножко перед дверью, размышляя, чем же она отличается от двери́ в туалет, может, негативные вибрации уловятся? Фиги. Нормальное такое ощущение ребячьего тайного восторга. Какое всегда бывает, когда делаешь что-нибудь запретное.

Патнэм стал пробовать ключи дальше.

На четвёртой попытке дверь отперлась как миленькая, и вот уже́ Патнэм медленно поворачивает ручку, толкает от себя. А за дверью — и вправду лестница, много-много хлипких деревянных ступенек, покрытых серой пылью. А высокие сте́ны — тоже деревянные. А на большущей балке в центре потолка — две голые лампочки, древние,[244] как незнамо что. Он всмотрелся в сумрак впереди, выше по лестнице — наверно, где-то там чёрный ход в театр, наверно, этой лестницей осветители и рабочие сцены пользовались. Пошёл наверх. Перил у лестницы нет — кажется, вот-вот равновесие потеряешь, но это проходит, если за сте́ны держаться. Один шаг — две ступеньки.

Дошёл. Остановился. Впереди тянется вдаль какой-то коридор, длинный, через всё здание, похоже, заканчивается где-то над бутиком, или над ювелирной лавчонкой, или за ней, над сувенирным магазином. В коридоре — темень, хоть глаз выколи, только и свету малость пробивается, который снизу, из книжного, а на том конце — черно. В темноте — участки темноты ещё большей, у него такое чувство, что там — выходы из коридора в другие комнаты. Но наверняка не скажешь, больно темно; он помчался вниз по лестнице, отыскал под прилавком фонарик и — бего́м назад.

Наверху он включил фонарик и посветил в коридор. Правда, проёмы дверные, а дверей нет, и он сунулся в ближайший. Жёлтая полоска света заплясала на голых стенах, на пыльной батарее, на заложенном кирпичами окне. В дальнем конце комнаты, в левой стене — ещё один проход, его шаги по паркету гулко отдаются в тишине. Направил свет в чёрный проём. Увидел низкую ванну, одинокий умывальник, старинный унитаз. Мгновение оглядывал ванную, ощущая странную неловкость, пото́м торопливо обернулся и через первую комнату вышел в коридор.

Следующий проход. И ещё один. И ещё.

И вот *это* — театр? Больше на отель смахивает. Куда из коридора ни зайдёшь — везде сплошные спальни и ванные, спланированные один к одному, каждая следующая — копия предыдущей. Он продолжал исследование, чем дальше по коридору — тем тревожней на душе́. Несколько комнат оказались совершенно пусты, во всех остальных сохранилась мебель: кровати с высокими спинками, керосиновые лампы на ночных столиках, тёмные деревянные бюро, жёсткие стулья. В каждой комнате — батарея и замурованное окно, когда-то, должно быть, выходившее на улицу.

244 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он заглянул,[245] наконец,[246] в последнюю комнату.

Увидел мертвеца, сидящего в покрытом пропылённым чехлом кресле.

Подскочил. Уронил фонарик. Чуть не закричал.

Уже́ собирался удирать — и вдруг в свете упавшего фонарика различил, что фигура — вовсе не человек. Оно не мёртвое, оно живым-то никогда не было. Просто брюки и рубашка, увенчанные старой болванкой для париков.

Он наклонился, поднял фонарик, высветил сначала фигуру, пото́м прошёлся лучом по комнате. Не спальня. У́же . Длиннее. Пол явно скошен вверх. Замурованное окно скрыто за плотным красным занавесом. Ни кроватей, ни тумбочек, только четыре кре́сла, одно, болванкой увенчанное, — лицом к двери́, остальные — к стене?

Нет, не к стене.

К СЦЕНЕ.

Патнэм шагнул в комнату.

Вот, значит, *что* от театра осталось.

Страшно ему почему-то. Думал, увидит нечто величественное, громадное, оркестровую яму, балкон, зрительный зал — гигантский, с витыми колоннами, с креслами, бархатом обитыми. Уж никак не эту унылую узкую комнату, одинокого зрителя-болванку, жалкую, простенькую, доморощенную сцену. Всё — странное, высвечиваемое неверным лучом.

ТЫ ТУДА СЛУЧАЙНО НЕ ЗАХОДИЛ?

Он направляет фонарик вверх, на сцену. А на возвышении — целый стол маленьких фигурок, с кукол размером, жуткие, уродливые твари, упакованные в тканевые и меховые прикиды. Он подходит ближе. Луч фокусируется на ближайшей фигурке. Грязная. Гнусная. Противоестественная. Голова — больше те́ла, и сделана вроде как из выдолбленной тыквы. А может, из батата? Или всё-таки из тыквы, что-то типа этого. Глаза́ — глубоко посаженные камушки. Деревянный нос торчит. А зубы — настоящие, человеческие зубы, блестят в искривлённой усмешкой дыре рта.

По спине мороз идёт, но фонарик движется, от одной фигурки — к другой, у каждой — своё выражение, свой костюм, но все одинаково жутковатые, и все, похоже, из одних и тех же материалов. Все расставлены и рассажены так, будто застыли посреди представления.

245 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
246 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Патнэм и подумать не успевает, а ужé делает шаг к сцене. Холодно, откуда-то резким сквозняком веет, но странный перепад температуры как-то скользит по крáю восприятия, у него внутри уж и так всё похолодело. Он тянется пальцем к ближайшей фигурке и осторожно дотрагивается. *Такая тёплая. И мягкая.*

Он отскочил. Даже затошнило от отвращения. Буквально отпрыгнул — лишь бы скорей от сцены подальше. Палец, которым до куклы дотронулся, чуть скользкий, и Патнэм вытягивает его перед собой, точно боится испачкаться.

Назад, к двери́, осторожно, только ни к чему не прикасаться. *Поганые куклы, поганый театр!* Возненавидел он их страстно, странной, иррациональной ненавистью, такой даже не ожидаешь, такую и по полочкам раскладывать неохота. Одного хочется — убраться от этого мéста подальше. Обратно в магазин. Не надо было ему сюда подниматься. Что-то здесь… неправильное, сначала от этого страх пробрал, а теперь — необъяснимое омерзение.

Он почти бегóм выбежал в коридор, а к тому времени как добрался до конца, до лестницы, ужé во всю мочь нёсся. Снова — по две ступеньки за раз, и вниз, и захлопнуть за собой дверь, и повернуть ключ — дрожащими руками. Неплохо бы палец помыть, да уж больно не хочется в магазине находиться, нет, только не в одиночестве, только не с этой комнатой наверху, и вместо того чтоб в туалет зайти, он торопливо выключает оставшийся свет, запирает дверь и уматывает.

Постоял немножко на улице возле магазина, пот льётся, дыхание тяжёлое. Оглядывал длинное здание. Никогда не замечал, что все лавчонки расположены в одном доме, фасады у них — совершенно разные, и уж точно бы не заметил, что есть здесь ещё и второй этаж. Но теперь-то, когда он знает, очень хорошо заметны заштукатуренные кирпичные прямоугольники, замурованные óкна наверху. Попытался было посчитать óкна от книжного магазина и дальше, интересно, а за какими кирпичами спрятан театр, попытался — и бросил. Нет, не стóит узнавать.

Дрожа, поплёлся за угол, за углом — парковка, там он машину свою оставляет.

Пять минут спустя он был ужé дóма. Первым делом — в ванную, палец мыть. Отскребал кожу сначала «Давом»[247], потóм — мало показалось — «Аяксом»[248], а ощущение скользкости так до конца и не прошло. Он полез в аптечку, вынул коробочку лейкопластырей, в несколько слоёв замотал палец и почувствовал себя малость получше.

247 Dove, «Дав» — товарный знак мыла, содержащего увлажняющий кожу крем производства компании «Unilever U. S.»; рекламный лозунг: «Дав — на четверть очищающий крем» («Dove is ¼ cleansing cream»). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

248 Ajax, «Аякс» — товарный знак моющих и чистящих средств, а также стиральных порошков производства компании «Colgate-Palmolive Co.»; рекламный лозунг: «Он-то с жиром разберётся!» («Tough on Grease»). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Патнэм! — Голос матери из кухни. — Это ты? Ты вернулся?[249]

— Да! — вопит он в ответ. — Я до́ма! — Надо же, как странно:[250] кричит — а голос тихим кажется.

— Скоро обедать будем!

Он идёт в холл.

— *Обедать*... а что у нас?

Голова матери высовывается из кухонной двери́.

— Цыплёнок с жареной тыквой.

С ТЫКВОЙ.

Он мигает. В голове картинка: мать оглаживает тыкву, надевает на неё парик, прорезает глаза́, рот, вставляет нос. Мать смотрит в холл, прямо на него. Сердце в груди́ падает. Почему она *так* на него смотрит? Что у неё за *улыбочка*, словно бы *подозрительная*?

Он отводит глаза́. Бред какой-то. Сумасшествие. И всё равно — мать возвращается в кухню, а он не может идти следом, страшно, страшно, *что* увидишь на столе у плиты. Одну из тех кукол?

Он глубоко вздыхает. Только бы ру́ки перестали дрожать. Что ж он такое, этот театр? Что за куклы такие, отчего они его так напрягают? Почему та, другая фигура, та болванка не произвела на него впечатления, а вот куклы? ... Наоборот, теперь, когда вспоминаешь то сидящее нечто, думаешь про шмотки на стуле, про болванку для париков, взирающую на дверь, чувствуешь нелепое успокоение.

— Патнэм! Зови сестру! Есть пора!

— Щас, мам! — Голос у него уже́ не заторможенный, громкий, нормальный, и он направляется в гостиную, где сидит на ковре перед телевизором Дженни.

А рядом на полу́ — кукла с тыквенной башкой, овощная физиономия в обрамлении чёрных косм, огромная пасть раз и навсегда разинута в неестественной улыбке.

У Патнэма сердце — как молоток кузнечный бьёт.

— Ты что здесь делаешь, с ЭТИМ? — рычит он.

Хватает куклу с пола, стискивает в руках, жмёт, чувствует ладонями липкую мягкость тыквенной плоти, инстинктивно отшвыривает фигурку, наступает, давя на неё ногой.

Дженни уставилась в шоке. Зарыдала. Закричала:

249 В оригинале «?.», т. е. точка после вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
250 В оригинале запятая вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты — её — убил!

Он посмотрел вниз на растерзанную игрушку. На пластиковую красоточку с малиновыми щеками и платиновыми кудрями. *Обычная* кукла, да таких тысячи, ни черта особенного.

Дженни всё всхлипывала.

— Почему ты *убил* мою куколку?

Он попытался сглотнуть. Заговорить. Рот открылся, но там — не то что слов, слюны не оказалось. Еле успел добежать до туалета и наклониться над унитазом — наизнанку вывернуло.

✷ ✷ ✷

На следующий день ему было плохо. Правда, *плохо*. Не прикидывался. Позвонил мистеру Карру, сказал старику, что не придёт, а на другóм конце прóвода — каменное молчание.

Он откашлялся.

— Завтра, наверно, я ужé смогу прийти.

Голос у мистера Карра еле слышный:

— Всё-таки побывал наверху, да? Видел театр?

Наверно, надо бы соврать, наверно, промолчать… но он смотрит на палец, замотанный лейкопластырем, и неожиданно шепчет: «*Да*».

Снова зависает молчание. Наконец,[251] мистер Карр выдавливает из себя: «*Они не могут оттуда спуститься. И никогда не смогут*».

Патнэм с сомнением качает головой — хорошо, старик его не видит.

— Я не… — пытается он.

— Я тебя предупреждал — не ходи туда.

— Я пришлю вам ключи. Я… я не могу туда вернуться.

— Вернёшься, — отвечает мистер Карр печально.

— Нет уж, — Патнэм чувствует, как в глазах закипают слёзы.

— Вернёшься, конечно.

— Нет. — А вот теперь он ужé всерьёз ревёт, слёзы по щекам сбегают.

251 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да, — мягко говорит мистер Карр.

Патнэм даёт отбой. Вешает трубку. Снова снимает.

— Да, — шипит он свободным гудкам.

Единственным местом, где он мог не думать о театре и о куклах, оказался магазин. Дóма, в супермаркетах, на улице — везде в глазах одно и то же, никак не избавиться. Всё время ждал — вот-вот появится одна из этих фигурок, та ли, другая ли, — ждал, понимая, что ждёт напрасно, ждал, почти наяву видя маленьких жутких монстров в машинах, в кустах, в туалете…

А вот на работу утром как приходишь — и будто выключатель в голове щёлкает, от мыслей, от картинок сознание отключает. Только через порог переступишь — и с тобой ужé всё нормально, ты такой, каким раньше был, о чём угодно думать можешь, о настоящем, прошедшем, будущем, и образы этих… тварей… не пристёбываются[252].

Он так и не поговорил с мистером Карром о том, *что* видел, да и старикашка про это больше не упоминал.

Иногда он думал: наверно, всё на свете предопределено, предрешено, наверно, всё может идти только как идёт, не иначе. Такой уж сценарий, по которому он должен был найти работу в книжном магазинчике, а потóм обнаружить дверь, а потóм — прокрасться наверх.

Должен был увидеть театр.

Он заставлял себя подумать о другóм — *заставлял*, потому что думать об этом страшно. Думать об этом — значит поверить в силу театра, силу его обитателей, признать их зримыми, значимыми для мира за ступеньками старой лестницы. А тогда всё, во что он всю жизнь свою верил, — фигня, спасительная, успокоительная ложь и не хрена больше.

Он убеждал себя: всё случившееся — просто стечение обстоятельств, самая обычная невезуха.

И даже пытался себе поверить.

Дóма — мамочка, которую колышут лишь политика да карьера, сестричка, которую, кроме игр да телевизора, вообще ни черта не колышет.

Он бродит по соседним улицам, раскатывает по всему городу, жутко, всё время один, а может, он именно потому себя и насилует, заставляет этим заниматься? …

252 Суржик. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Проходил однажды мимо винного, на углу Восьмой и Центральной, а навстречу — мужик, огромный, заросший, сгрёб его за плечи, сам безумным взглядом по улице шарит то туда, то сюда. Брюки и пиджак — грязные, мятые, от разных костюмов, потóм, перегаром и рвотой за милю[253] воняет. Зубы — щербатые, всех возможных оттенков желтизны.

— Где Братишка? — орет мужик.

— Какой *Братишка*?

— Собака моя, парень! Пёс мой хренов! Ты его видал?

Патнэм мотает головой, пятится назад.

— Нет, — мямлит он, — не видел. Кажется. А к-как о-он в-выгляд-дел?

Что-то изменяется, смещается толи[254] в глазах у Патнэма, толи[255] в лице мужика, а может, просто в воздухе. Мужик ухмыляется, а зубы во рту — гнилые и кажутся внезапно какими-то ИСКУССТВЕННЫМИ.

— Дюймов шесть[256] высотой, — говорит мужик, ужé не ревёт истерично, тихо говорит, уверенно, твёрдо. — Оранжевый, липкий и сделанный из *тыквы*.

Патнэм отскакивает, чуть спиной о дверь винного магазина не ударяется, чувствует, как в горле зарождается крик.

— Эй, ты. — Голос у мужика ужé снова бешеный. — Большой такой чёрный засранец, на добермана поганого похож! Видал?

— Нет, — кричит Патнэм. — Не видел я вашу собаку!

Всю дорогу домой он бежит бегóм.

Может, неделя прошла, может, больше, и его мамочка посадила в своём садике на заднем дворе кое-что новенькое.

Тыкву и ямс.

✷ ✷ ✷

Мистер Карр теперь — ещё холодней, ещё суровей, ещё отстранённей, чем раньше, только раз и показалось, что способен он реагировать — тогда по телефону, но теперь — всё, было, да сплыло. Нет,

253 См. 5. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
254 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
255 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
256 В метрической системе 6 дюймов — это чуть больше 15 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

теперь он вообще с Патнэмом не особо разговаривает, разве что па́ру слов по необходимости выдавит с презрительным отвращением. Похоже, старый сукин сын просто специально его злит. Уволиться вынуждает, так Патнэму кажется.

И ещё — чёткое, непрестанное ощущение: словно бы хозяин магазинчика *завидует* ему, почему — непонятно.

Но уволиться-то он как раз и не может, хочет, да не может. Конечно, магазинчик для него — ад, кошмар, каждый день, подъезжая, взглядывает на второй этаж — и прямо всё внутри переворачивается. Только магазинчик — ещё и единственное его убежище от мучений, от мыслей безумных, в голове намертво засевших. И лишь под защитой этих стен может он вспоминать про болванку-зрителя — не про фигурки актёров.

Мистер Карр ли, нет ли — а работать в магазинчике ему НАДО.

Воскресенье — а ехать книжки скупать мистер Карр и не подумал. Торчит в магазине, распаковывает старые коро́бки, расставляет содержимое по полкам, а Патнэм, ясно, стои́т за прилавком. Уже́ в обеденный перерыв он неожиданно понял — *старика здесь нет*. Нет ни у одной из полок, нет в каморке, служащей складом, нет в туалете.

А это значит, что может он быть только в одном месте.

Патнэм думает — может, сходить куда пообедать? Можно домой съездить, можно в «Макдоналдс». А может, остаться у прилавка, подождать мистера Карра?

Думает — а идёт наверх.

Почему он вдруг надумал вернуться в театр — и сам толком не понимал, не было для этого никакой разумной причины, понимал же — если *там* всё равно мистер Карр, то ни черта новенького в театре поглядеть не удастся, да и не хотелось, не хотелось глядеть, от одной мысли, что снова увидишь *те* фигурки, голова начинала раскалываться…

Всё так — а он идёт наверх.

Взял под прилавком фонарик. Мистер Карр, между прочим, дверь за собой забыл закрыть, Патнэм притворил её за собой и — на цыпочках — вверх по ступенькам. По коридору — тихо-тихо, осторожненько, нельзя шуметь, мимо одинаковых пустых дверных проёмов… ну вот, наконец,[257] и последний. Нервы на пределе, сердце прыгает, ладони — также мокрые, что фонарик трудно держать, — и он переводит дыхание, и переглатывает комок в горле, и направляет луч света в театр.

На мистера Карра.

Старик полулежит в са́мом дальнем от болванки кресле. *Голый*. Брюки, рубашка, туфли — всё как попало свалено у ног на пыльный пол.

257 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А по его телу в разных позах расставлены куклы.

Патнэм смотрит не отрываясь. Ведь ясно же, должен бы старик заметить фонарик, его высветивший, а — не реагирует. Касается фигурки на своём колене, пото́м — другой, на плече, дрожащими пальцами поглаживает тыквенные щёки, ерошит гнусные жёсткие патлы.

И *улыбается*.

Патнэм всё так же люто ненавидит и театр, и кукол, всё так же сатанеет от непонятного гнева и острого отвращения, но одновременно в нём вдруг пробуждается странная *зависть* к мистеру Карру. Словно бы где-то глубоко внутри ему тоже этого хочется. *Раздеться*. Опуститься в какое-нибудь из зрительских кресел. Почувствовать близость кукол.

Он выронил фонарик и бросился бежать по коридору к лестнице.

По ступенькам — бего́м. Прочь из магазина — бего́м.

На следующий день он сидел до́ма. Когда мать сказала, что мистер Карр звонил и просил его перезвонить в магазин, ответил — *для мистера Карра его никогда не будет до́ма*.

В магазинчик он вернулся. Вот так вот. Два дня прошло — и вернулся. Сделал вид, что книжку выбирает, слава Богу, мистер Карр был у прилавка по горло занят, и он долго прятался за стеллажами, но когда уже́ несколько часов спустя он уходил, держась в тени́ парочки, нагружённой рюкзаками, когда уходил… старик взглянул прямо на него. Улыбнулся и головой покачал. Печальная вышла улыбочка. Патнэм бросился к своей машине вне себя от стыда и смутного ощущения вины.

✷ ✷ ✷

… Во сне он был фермером, и во все сто́роны, на сколько глаз хватает, на мили и мили от него тянулись окружающие ферму поля́. Поля́, поля́ и поля́ поспевающих ямса и *тыквы*.

Он *убил* мистера Карра в воскресенье вечером, когда ушли последние покупатели, когда магазинчик закрылся. Размозжил старику голову гигантской *тыквой*. Обрушивал её, тяжеленную, на хрупкие ко́сти старческого че́репа снова и снова. И снова, и снова, и снова — пока не превратилось лицо в кровавое месиво, пока не исчезли черты, пока не стала тыква в его руках бесформенно-мягкой.

Постоял над бездвижным телом старика — дыхание тяжёлое, ру́ки, одежда — всё в крови́. Чувствовал усталость. Чувствовал облегчение.[258] А ещё — незавершённость, недовыполненность, словно чего-то важного не хватает. Он побрёл вдоль стеллажей туда-сюда, тыква всё ещё судорожно сжата в руках, невозможно сосредоточиться, найти недостающее стёклышко в мозаике. А пото́м взгляд его упал на нераспакованную коро́бку с книгами, на большой нож на коро́бке — и всё мгновенно встало на место.

Он срывал книги с полок, отдирал обложки, вырывал, кромсая, страницы, пока не выросла на полу́ гора бумаги. Отбежал от стеллажа к телу, снял со старика всё — туфли, носки, брюки, рубашку, бельё.

Набил одежду бумагой, связал для верности упаковочным шпагатом.

Наконец,[259] вырезал из тыквы нечто, напоминающее человеческую фигурку. Отхватил несколько прядей собственных воло́с. Прилепил при помощи кро́ви старика отрезанные волосы к мягкому тыквенному черепу.

Конечно, законченной его работу не назовёшь — не произведение искусства, так, нечто полуоформленное, полупригодное, но это — лучшее, на что он способен при подобных обстоятельствах, ладно, надежда умирает последней, может, и сойдёт. Он ухватил безголовое, набитое бумагой чучело и обнажённую, грубо вырезанную куклу — и понёс наверх.

В театре он усадил чучело в одежде мистера Карра в кресло — возле болванки. Куклу поставил на сцену. Ненависть вернулась, но не такая отчаянная, как раньше. Отвращение точно размылось изнутри. Он принялся раздеваться, срывая с себя шмотки, торопливо сбрасывая их на пол. Мгновение просто стоял, ощущая, как странный прохладный ветерок ласкает кожу, а пото́м вспрыгнул на сцену. Поднял сначала куклу, которую вырезал сам, затем остальных. Растянулся на спине на пыльных досках и стал расставлять в торжественных театральных позах на собственном теле маленькие фигурки, невольно ёжась от скользкой теплоты.

258 В оригинале без точки в конце предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
259 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Последнюю фигурку — себе на грудь. И что теперь? Сначала — абсолютно ничего. И вдруг ненависть исчезла, будто испарилась, обратилась в удовлетворение. Показалось, в тишине театра он услышал эхо отдалённого пения.

Наверно, надо бы сесть, надо бы взглянуть, *что* происходит, но нет, слишком ему спокойно, слишком большой кайф, и он остаётся лежать очень спокойно, и пение — всё громче, всё отчётливее.

Он закрывает глаза́. Он ждёт.

И в темноте на сцене его те́ла куклы начинают представление…

© Бентли Литтл

Тим Пауэрс «Путевые заметки»

За день до того, как взорвался мой дом в Санта-Ане, мне позвонили. Где-то около полудня. Я как раз возвращался из «Того», кофейни всего в трёх кварталах от до́ма, где я всегда покупаю сандвичи с тунцом. Уходя, я оставил окно гостиной открытым и поэтому услышал звонок ещё со двора. Я взбежал на крыльцо, пытаясь достать из кармана ключи и не уронить при этом пакет с сандвичами. В общем, когда я добрался до телефона в гостиной, я успел основательно запыхаться.

— Я слушаю.

В ответ — тишина. Только шипение в трубке. Была середина октября, когда жаркие ветры Санта-Аны срывают сухие стручки с рожковых деревьев, и трубка уже́ стала липкой. Это у меня вспотела ладонь. Я вообще очень сильно потею, когда жара́. Тем более, со всем этим пивом, и постоянным стрессом, и прочими радостями.

— Я слушаю, — повторил я слегка раздражённо. — У вас там что, снова короткое замыкание?

Иногда на мой номер переводят автоматические звонки со старого заброшенного нефтехранилища в Сан-Педро. Что-то у них замыкает на станции. И я уже́ было решил, что так напрягался и нёсся в дом сломя голову лишь для того, чтобы ответить на очередной мёртвый звонок.

Но мне всё же ответили. Хриплым сдавленным шёпотом. Не знаю, **как** понял, что это мужчина.

— Гантер! Господи Боже… это… Даг Орни, мы с тобой в школе учились. Ты ведь меня помнишь?

— Даг? Орни? — В последний раз я разговаривал с ним лет двадцать назад. Странный какой-то у него голос. Может, у бедняги рак горла. — Конечно, помню! Ты где сейчас? В городе? …

— Нету времени на разговоры. Я не хотел бы… ломать твои планы. — Судя по голосу, он был чем-то очень расстроен. — Слушай, сейчас тебе позвонит одна женщина. Ты её не знаешь. Скажи ей, что я был у тебя, но ужé ушёл. Буквально минуту назад ушёл, хорошо?

— Какая женщина… — начал я, но услышал отбой.

Как только я положил трубку на место, телефон зазвонил опять. Я сделал глубокий вдох.

— Слушаю.

Это действительно была женщина.

— Простите, Даг Орни сейчас не у вас?

Я помню, о чём подумал. Я подумал, что её голос очень похож на голос моей сестры, которая вышла замуж — так сказать, сочеталась гражданским браком, может быть, даже и не консуммированным[260] до сих пор, — за одного иранца, который живёт во Франции, в аэропорту Шарль-де-Голль. Впрочем, в последний раз я разговаривал со своей сестрой, когда президентом ещё был Картер.

— Он только что ушёл, — ответил я.

— Так я и думала. — В трубке раздался тяжёлый вздох. — Ладно, я сделала всё, что могла.

И снова — короткие гудки.

✷ ✷ ✷

Мы выросли в старом викторианском особняке на Лафайет-авеню в Буффало. На третьем этаже не было ни внутренних перегородок, ни стен: когда-то здесь был бальный зал. Впрочем, мы въехали в этот особняк, когда времена балов давно миновали, и зал приспособили под склад старой мебели. От стены́ до стены́, от пола до потолка высотой в двенадцать футов[261], вдоль и поперёк — всё забито мебелью. Мы с сестрой были тогда совсем маленькими и частенько забирались в это тёмное пыльное хранилище. Лазили там, словно в джунглях, по ветхим диванам и перевёрнутым столам; протискивались между свёрнутыми коврами и под высокими креслами в стиле Регентства. Света там не было никакого, и разглядеть хоть что-нибудь можно было лишь на пятачках под запылёнными окнами. Мы забирались наверх, к са́мому потолку, а пото́м

260 Очевидно, под этим выдуманным термином «не консуммированным» подразумевается непереведённое слово «незавершённым», причём написанное раздельно (оставляю, пусть переводчику будет стыдно). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

261 В метрической системе 12 футов — это примерно 3,7 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

снова спускались вниз и находили путь к выходу по направлению паркетных половиц. Для нас это было рискованное приключение. Проверка себя. А когда, покрытые с головы́ до ног пылью, мы выбирались,[262] наконец,[263] в коридор, то говорили друг другу, что, наверное, не скоро отважимся повторить подобную вылазку.

В детстве мне часто снился один и тот же кошмарный сон. Будто бы я забрался в самую сердцевину мебельных джунглей. Один, без сестры. Глубокой ночью. В кромешной тьме. Я сижу на шкафу́ — а может, на выдвижной кровати — где-то посередине между полом и потолком, и вдруг слышу приглушённое шуршание. Оно доносится из глубины́ тёмного зала, этого трёхмерного лабиринта витых ножек столов и стульев и декоративных завитков, чью форму можно определить лишь на ощупь. Во сне я знаю: где-то там, в темноте, ещё один мальчик. Грустный и одинокий мальчик, который прячется здесь уже́ много лет. Я знаю: он хочет со мной поиграть, показать мне свои сокровища: пряжки от старых туфель, карманные часы, старинные перьевые ручки, которые отрыл в здешних шкафах и комодах. Я всегда представлял его очень худым и бледным, и ещё — я был уверен, что, если бы он всё-таки вышел ко мне там, во сне, он бы никогда не приблизился к окнам, чтобы я его не увидел. И ещё я точно знал: он говорит только шёпотом.

Я всегда просыпался от этого сна, когда за окном было ещё темно. И лежал напряжённо на кровати, не шевелясь, не открывая глаз. До рассвета. Пока солнечный свет не проникал мне под веки.

✷ ✷ ✷

На следующий день, рано утром, я тихо-мирно лежал на травке у себя во дворе, потягивал пиво — баночный «Курс» — и щурился на солнце, пытаясь сфокусировать взгляд на кустах помидоров у белой садовой стены́. Свет был очень ярким, у меня слезились глаза́. И тут я услышал какой-то мелкий дробный стук — так шумит дождь в древесной листве. Я резко сел и раздвинул низко свисавшие ветви.

С неба падали осколки стекла. Я потрогал один. Он был горячим, как нагретая тарелка. За спиной что-то громыхнуло и затрещало. Я попытался вскочить, но не устоял на ногах и снова плюхнулся на траву. Сверху посыпались обломки красной глиняной черепицы, срезая ветки с кустов жасмина. Резко запахло гарью, к которой примешивался едкий за́пах раскрошившихся и обожжённых камней. Внезапный порыв обжигающе жаркого ве́тра сбил меня с ног и швырнул на пластиковый садовый столик. Я упал лицом вниз, повалив в падении столик, и так и остался лежать на

262 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
263 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

влажной траве, не в силах даже вздохнуть. А потóм раздался оглушительный грохот, похожий на срыв басовой ноты, от которого у меня волосы встали дыбом. Причём, встали конкретно — и простояли так несколько дней. Мне до сих пор не всегда удаётся пригладить их, как надо. Не то чтобы это меня напрягает, но всё-таки.

Теперь двор стал похож на поле брани. Розовые кусты были побиты комьями земли́, некоторые вырваны с корнем. Керамический утёнок, который был у нас вечно — сколько я себя помню, — разлетелся на сотни осколков. Я, помню, ещё как-то радовался за него: хорошо, что ему выпал случай совершить путешествие по Калифорнии — хоть какое-то разнообразие в его небогатой событиями жизни.

Восточное крыло до́ма, где всего па́ру минут назад была кухня, превратилось в руины. По́лосы ободранных обоев стоймя стояли над краем крыши, словно волосы у меня на черепушке, обломки дерева и куски штукатурки разлетелись чуть ли не по всему двору. В кухне вообще не осталось ничего: ни холодильника, ни стола, ни картин на стенах. Пропан тяжелее воздуха. Он заполнил всю кухню, поднимаясь от пола, пока не добрался до маленькой, постоянно включённой горелки на плите.

Мне тоже досталось от взрыва. Смяло рёбра, сожгло бро́ви, опалило горло. И я, кажется, отравился пара́ми радона, или асбеста, или чем там ещё штукатурят сте́ны. Потóм, когда я немного очухался, я решил, что мне надо поехать к дяде, в Сан-Бернардино. Так сказать, залечить раны. В общем, я целый день трясся в автобусе. Дядя обретался в нашем старом доме — древней обшарпанной развалюхе типа классического ранчо, где мы вполне счастливо прожили почти год после переезда из Нью-Йорка. А потóм мать нашла другой дом, в Санта-Ане, и купила его в рассрочку.

Керамический утёнок был, наверное, первой вещью, которую мать прикупила специально для нового до́ма. Обычно он просто стоял во дворе — никого не трогал. Но вскоре после того, как нам с сестрой исполнилось по семь лет, утёнка украли. Не сказать, чтобы мы очень расстроились. Но зато потóм… спустя примерно полгода… когда он, как ни в чём не бывало, объявился у нас на лужайке… Это действительно было что-то. Потому что рядом с керамической птичкой — прямо на влажной траве — лежал фотоальбом, весь заполненный фотками. Наш утёнок на фоне самых известных мест штата: утёнок на клумбе у входа в Диснейленд, утёнок в фуникулёре канатной доро́ги в Сан-Франциско, утёнок между отпечатками ладоней Кларка Гейбла[264]. Впрочем, там были и снимки из совершенно ничем не примечательных мест. Например, на одном наш утёнок стоял прислонённым к обычному дереву авокадо на чьём-то дворе на задах старого и обшарпанного домишки. Я так думаю, что все теперешние истории о

264 Гейбл Кларк (1901-1960). Выдающийся американский актёр кино и театра. Сыграл роль Рэта Баттлера в «Унесённых ветром». Американа, с. 352. Утёнок сидит у знаменитого голливудского кинотеатра «Китайский театр Граумана», перед входом в который в цементе на тротуаре сохраняются отпечатки почти всех звёзд Голливуда. (примеч. пер.)

садовых гномах, совершивших кругосветное путешествие, начались со скромных странствий нашего керамического утёнка ещё в пятьдесят девятом. А может, наоборот.

Дядин дом совсем не изменился с тех давних времён, когда мы с сестрой лазили здесь — на участке, задушенном сорняками, по канавам и ямам, взбираясь на высоченные клёны у задней изгороди. Я с удивлением обнаружил, что на стволе одного из клёнов до сих пор сохранились[265] вырезанные ножом наши инициалы. На высоте в один ярд[266] над землёй, как и прежде. Сестра почему-то не захотела на них смотреть. А ещё я нашёл це́лую кипу наших старых игрушек, разбросанных в сорняках: облезлые модели деревянных бревенчатых домиков и установок для запуска ракет «Найки»[267]. Я собрал их и свалил в кучу у задней стены́ гаража, где дядя, видимо, держал пиво. Но сестра даже не подошла, чтобы на них взглянуть.

В полдень на улицах Сан-Бернардино всегда можно встретить стройных длинноногих женщин в шортах и майках открытых, с голыми плечами. Со спины́ они кажутся юными и фигуристыми — вечно блондинистые волосы, стройные загорелые но́ги. Но когда проезжаешь мимо на автомобиле и оборачиваешься назад, то с ужасом видишь их ли́ца — потасканные и безнадёжно старые. А по ночам на стоянках у баров на главной улице, под редкими скоплениями огней в клочьях натриевых испарений нет свободного ме́ста — всё забито машинами. Но если проехать всю улицу из конца в конец, непременно увидишь и лошадей — штук этак пять или шесть, — привязанных к столбикам у дверей пивнушек. Дядюшка говорит, это всё из-за климата. Городок ютится под ущельем Кахон в гористой пустыне Мохаве, и *миражи* у нас не редкость.

Я не стал возражать, когда сестра предложила свозить меня в самый большой супермаркет в окру́ге. Впрочем, эта поездка не подняла ей настроения. Может быть, потому что я откровенно наворовал там фруктов, сыра и крекеров. В последнее время я только ими и питаюсь — от всего остального меня просто рвёт. Сестра прилетела из Франции, когда узнала, что я едва не убился. Она приезжает ко мне в Сан-Бернардино всякий раз, когда ей удаётся одолжить у кого-нибудь из друзей старенькую машину. Она всё пытается уговорить меня вернуться в Санта-Ану или поселиться где-нибудь ещё, лишь бы только я не застрял в дядькином доме. На са́мом деле, она хотела сразу отвезти меня в больницу — но я отказался. Почему-то мне стало страшно. И ещё я сказал сестре, чтобы она никому не говорила, где я. И вообще решил называться чужим именем. Не то чтобы это кого-то интересовало, но всё-таки…

---

265 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

266 В метрической системе 1 ярд — это почти 91 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

267 «Найки» — управляемая ракета класса «земля-воздух». Американа, с. 665. (примеч. пер.) — Nike, «Найки» (в честь греческой богини победы Ники) — управляемая ракета класса «земля-воздух»; выпускалась в нескольких вариантах («Ника-Аякс» Nike-Ajax, «Ника-Геркулес» Nike-Hercules, «Ника-Зевс» Nike-Zeus); вес 997 кг; радиус действия 128 км; с помощью радара может быть использована как противоракетное средство. Также см. 55. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Надо признать, семейная жизнь у моей сестрёнки получилась не самая радостная. Её муж родился в той части Ирана, которая была под юрисдикцией Великобритании, и когда он попытался вернуться домой после учёбы в Англии, иранцы объявили его врагом шаха; у него отобрали паспорт, а взамен дали какие-то непонятные бумаги, по которым он мог выехать из страны́, но вернуться обратно — никак. Он решил ехать во Францию, добрался до аэропорта Шарль-де-Голль и там застрял: французские пограничники не впускали его без паспорта в страну, а таможенники не давали сесть на другой самолёт. Так он и жил все эти годы — десятки лет — в торговом центре первого терминала. Спал на пластиковой кушетке и смотрел телевизор в зале ожидания. Сердобольные стюардессы снабжали его туалетными принадлежностями из наборов для пассажиров дальних рейсов, чтобы он брился и чистил зубы. Сестра познакомилась с ним, когда шаталась по аэропорту, пытаясь убить время. (Она ездила в тур по Европе, который матушка ей подарила на окончание школы, и её рейс задержали.) Сестра подыскала себе работу в Руасси и сняла там квартиру, чтобы быть поближе к мужу.

Я уже́ устал втолковывать упрямой сестрице, что ей пора возвращаться во Францию, не то она потеряет работу. Но она говорит, у неё нет выбора. Потому что теперь ко мне может пробиться только она — и больше никто. Она говорит, я почти за чертой.

Всякий раз, когда она приезжает к нам на очередной старой развалюхе, дядя норовит потихонечку улизнуть. И не он один. Когда я вывалился из автобуса у покосившихся дядюшкиных воро́т — весь обожжённый, глаза́ слезятся, горло саднит, и вообще несколько не в себе от отравления радоном, — дядя уже́ поджидал меня на крыльце в своей неизменной соломенной шляпе, надвинутой чуть ли не до бровей: из-под широких полей видны только роскошные седые усы. Дом был в запустении, и не дом уже́, а так,[268] пустая коро́бка: гулкие пустые комнаты с выдранными выключателями, на месте которых торчат оголённые провода́. С прежних времён только и остался старенький телефон — чёрный допотопный с вертящимся диском, он стои́т прямо на полу́ в кухне. Дядя сказал, что я могу спать в моей старой детской. Я приволок туда кипу газет и устроил себе «гнездо» в дальнем углу. Теперь я подумываю о том, чтобы перетащить своё гнездышко в кладовую.

«*Если ты здесь кого встретишь, в доме, не обращай внимания,* — сказал мне дядя ещё в первый день. — *И не спрашивай, что они тут забыли. Вообще к ним не лезь. Может, они тут живут, я не знаю*».

И я действительно натыкался несколько раз на какого-то древнего старикашку в таком, знаете, комбинезоне, который застёгивается на «молнию» от лодыжек до горла. Почему-то всегда только на кухне, — он стоял в уголке у раковины и тихонько плакал. Обычно я только киваю ему и прохожу мимо, шаркая по пыльному линолеуму. Нам с ним не о чём говорить. Всё равно мы не скажем друг другу ничего нового. И ещё па́ру раз я наблюдал, как в

268 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

дальнем конце двора, на задах до́ма играют двое детишек. Пусть себе играют, решил я. Никому они не мешают. Дядя целыми днями ходил кругами за гаражом, пытаясь отыскать своё пиво. Здесь у нас тоже бывают миражи. Вернее, один неизменный *мираж*. Если сойти с подъездной дорожки в заросли сорняков и идти от до́ма — по прямой, никуда не сворачивая, — то обязательно выйдешь к дому.

«*Так было всегда,* — как-то раз сказал мне дядя, уставши шарить по сорнякам и присев отдохнуть на капот своего старого ветхого грузовичка. — *Но как-то зимой, го́да два назад, я тут ходил во дворе. Темно уже́ было, поздно. И вроде бы всё ничего, вот только в тот раз я к дому* **не вышел**, *да. А вышел я прямиком к розовому кусту. Помнишь, у матушки твоей были розы? Так вот… это были* **те самые** *розы. Цвели пышным цветом, как будто летом на дворе. И листья у них были тёплые, да. В миражах время стои́т — это все знают. Оно там не движется, застывает. И я, не будь дурак, сбегал к грузовичку, взял там из холодильника парочку упаковок “*[269]*Будвайзера”*[270] *и припрятал их под кусточком. Назавтра всё стало по-прежнему: всё тот же наш старый мираж “*[271]*разверни́сь круго́м”*[272]*. Но когда он пропадает… а он иногда пропадает, да… я точно знаю, где можно добыть холодного пива.*»[273]

Я кивнул па́ру раз, дядька кивнул тоже. Как раз после этого разговора я и собрал все наши старые игрушки и оттащил их туда, за гараж.

✷ ✷ ✷

Вчера сестра прикатила к нам в блестящем зелёном «эдселе». Когда она резко затормозила в облаке пы́ли и открыла дверцу, готовясь выйти, я сразу заметил, что глаза́ у неё красные, заплаканные. Ехать ей было неблизко. Каждый раз она выматывалась до предела.

При взрыве мне обожгло горло, и у меня пропал голос — поэтому я подошёл совсем близко к сестре, чтобы она меня слышала.

— Пойдём в дом. Там… вода, — проскрежетал я, пряча глаза́. Мне было неловко, что она так напрягается из-за меня. Стаканов и чашек у нас в доме не было, но она бы могла попить из-под крана. — И печенье, — добавил я.

269 В оригинале угловые кавычки вместо фигурных в середине цитаты. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
270 В оригинале угловые кавычки вместо фигурных в середине цитаты. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
271 В оригинале угловые кавычки вместо фигурных в середине цитаты. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
272 В оригинале угловые кавычки вместо фигурных в середине цитаты. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
273 В оригинале без закрывающей па́ры кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не хочу входить в дом. Мне страшно смотреть, во что он превратился, — раздражённо проговорила она. — А ведь нам было здесь так хорошо, когда мы все тут жили. — Сощурившись на солнце, она указала взглядом на бескрайний пустырь из рытвин и побуревших кочек, в который теперь превратился наш задний двор. — Пойдём лучше *там* поговорим.

— Какая-то ты раздражительная сегодня, — заметил я, но покорно поплёлся следом по подъездной дорожке. Мимо кизилового дерева, мимо до́ма. Сегодня сестра надела синий сарафан, который лип к её мокрой от пота спине.

— Почему всё *так* вышло, Гантер? Почему именно *так*?

Я быстро огляделся по сторонам, но рядом не было ни единой живой души́. Даже птицы — и те не парили в пустом безоблачном небе.

— *Даг*, — напомнил я ей хриплым шёпотом, пытаясь не напрягать голос. Имя мне подсказал телефонный звонок за день до взрыва. Я подумал, что *настоящий* Даг Орни, где бы он сейчас ни был, всё равно никогда ничего не узнает. — Ты обещала.

Мы с ней уже́ сошли с подъездной дорожки и углубились в буйные заросли репейника. Сестра устало пожала плечами:

— Почему всё так вышло… мистер *Орни*?

Я ускорил шаг, чтобы нагнать её. Я был босиком, но к моим ногам не прилипло ни единого репья. Наверное, сто́пы у меня мозолистые и жёсткие.

— Дорого, наверное, брать на прокат классический «эдсел»? — сменил я тему.

— Дорого, да. — Её голос был тусклым, резким. — Особенно летом, когда начинаются все эти мексиканские свадьбы. Он пятьдесят седьмого го́да, но в нём, должно быть, стои́т новый двигатель или что там ещё бывает… сегодня я даже указателей не различала на старом шоссе номер шестьдесят шесть. Всю дорогу — один Футхилл-бульвар[274]. Не знаю, смогу ли я снова приехать *сюда*, к тебе. Смогу ли *пробиться* к тебе ещё раз. Даже я, твоя **сестра-близняшка,** которая **жила** здесь, **с тобой!** Даже на автомобиле из *тех* времён. И пото́м, я ведь нужна и Хакиму. — Она обернулась ко мне и топнула ногой. — Если бы он хотел, он бы нашёл способ выбраться из аэропорта! И ты посмотри на себя! Чёрт возьми… Даг… вот скажи мне. Сколько времени будет **жить** тело в глубокой коме, даже в такой распрекрасной больнице, как Вестерн-Медикал, если его душа́ прячется где-то **инкогнито?**

— Ну, **душа́…**

274 В оригинале некий «Футхил-бульвар» (с одним «л»), хотя несомненно подразумевается название бульвара от английского сло́ва foothill, т. е. предгорье. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это явно неосвящённая земля. Это что, какой-нибудь перекрёсток? Что ты забыл в этих репьях-сорняках?! Своё **искупление,** может быть?! — Она снова расплакалась. — **Утечка пропана.** Тогда почему тебя нашли во дворе, рядом с утёнком? Ты передумал, правда? Ты пытался уйти, спастись. Замечательно! Вот и спасайся. Иди. Не зависай… на вокзале. В нигде — между *здесь* и *там*. Иди прямо сейчас. К этой дурацкой старой машине. Дай мне тебя увезти в Вестерн-Медикал, пока я ещё могу. Пока ты ещё можешь уехать отсюда. Ты ещё можешь **проснуться.**

Я улыбнулся и покачал головой. Теперь я понял, *чего* боялся. Нет, не мальчика в тёмном бальном зале. Я боялся *рассветов*. Каждый рассвет, предвещающий очередной новый день, отзывался во мне напряжённым страхом. Страхом неизвестного. Тот мальчик из моих снов… он нашёл способ, *как* спрятаться от рассветов. Но я этого не умел, и каждое утро солнечный свет безжалостно и неизбежно проникал под плотно закрытые веки, предвещая начало нового дня. Я хотел сказать сестре что-нибудь ободряющее, но она смотрела куда-то мимо меня совершенно пустыми глазами.

— Господи, — выдохнула она с благоговением, причём сейчас её голос был почти таким же хриплым, как мой. — Это же *здесь* снимали, *отсюда*. Ну, та фотография… с утёнком у дерева авокадо. В фотоальбоме, помнишь? — Она указала глазами на дом. — Сейчас там нет никакого дерева, но ты посмотри… под тем же углом вид на дом, эти о́кна… точно, как на фотографии. Тогда мы его не узнали, дом… потому что мы его помнили новым, недавно покрашенным, а не таким облупленным и облезлым, каким он *стал* теперь… каким он *был* на фотографии. И ещё на фотографии было большое дерево на переднем плане. Оно тоже нас сбило.

Я встал рядом с сестрой и посмотрел на дом, щурясь на солнце. Свет был очень ярким, и у меня жутко слезились глаза́. Похоже, сестрёнка была права́. Если представить дерево справа, а рядом с деревом — керамического утёнка, то этот вид очень напоминал вид на снимке из старого фотоальбома.

— Человек, который это снимал, стоял прямо *здесь*, — тихо проговорила сестра. — На этом са́мом месте.

Или **будет** *стоять,* подумал я.

Но вслух сказал совсем другое:

— Свозишь меня в супермаркет?

Когда сестрёнка уехала, я ещё несколько раз ходил на то место и смотрел. Похоже, конечно… но я до сих пор не уверен, что это **тот самый** вид. Дело в том, что я плохо помню то фото. Может, это действительно тот же дом. Может быть, нет. Оставалось только ждать.

Я не думаю, что попаду в супермаркет в ближайшее время. Если вообще когда-нибудь попаду. Меня раздражает сама доро́га. Слишком много на ней *миражей* — сгустков виде́ний в разрывах пространства, залитого резким солнечным светом, который режет глаза́. Можно подумать, что в Сан-Бернардино нет ничего, кроме ходячих скелетов и одноконных фаэтонов. В тот раз вместе с крекерами и сыром я прихватил и плод авокадо. А сестра оставила мне коро́бку со старой отцовской одеждой, потому что мне было даже не во что переодеться — я так и ходил в опаленных брюках и прожжённой рубашке. Перед отъездом она сказала, что у неё сердце кровью обливается, когда она меня видит таким ободранным и неприкаянным. Я ещё не заглядывал в эту коро́бку, но всякому здравомыслящему человеку понятно, что там обязательно должен быть такой, знаете, старческий комбинезон, который застёгивается на «молнию» от лодыжек до горла.

Теперь я знаю, что сестра,[275] наконец,[276] возвращается во Францию — к своему бедному Хакиму, застрявшему в аэропорту в Руасси. Я ей звонил. Я уже́ говорил, у нас на кухне стои́т телефон.

— Я еду в больницу, — сказал я ей. — Так что можешь спокойно лететь во Францию.

— Гант… то есть, **Даг…** ты *откуда* звонишь?

— Из Санта-Аны. Я прямо сейчас сажусь на автобус и еду в больницу. Мне только надо переодеться. И ещё я попробую всё-таки причесаться нормально.

— Ты в Санта-Ане?! Какой у тебя там номер? Я сейчас перезвоню.

Я испугался и запаниковал. И назвал ей первый же номер, который пришёл мне на ум, — мой собственный старый номер в Санта-Ане.

— Но я не хотел отнимать у тебя время, — пробормотал я. — Я просто хотел сказать…

— Но это же наш *старый* номер, — оборвала меня сестра. — Как могло получиться, что ты звонишь с нашего *старого* но́мера?!

275 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
276 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Он… его оставили в том же доме. — Если бы я ещё мог потеть, я бы точно вспотел. — И те люди, которые теперь здесь живут… они разрешили мне позвонить. — Ложь давалась мне без труда. Я даже зачем-то добавил: — По-моему, я им понравился. Они меня сандвичами накормили.

— Ну,[277] ещё бы! Ладно, не отходи от телефона.

Она бросила трубку. Я знал, что сейчас будет гонка — кто быстрее наберёт наш старый номер. Наверное, у неё тоже был аппарат с вертящимся диском, потому что я, кажется, всё-таки успел первым. В трубке раздались длинные гудки. Один, второй, третий. После четвёртого я уже́ не сомневался, что наш старый номер всё-таки снова работает. Потому что, если бы он не работал, после третьего гудка я бы услышал записанный электронный голос с уведомлением об отключении. **Ну давай же, давай,** шептал я одними губами. Я очень надеялся, что человек, который поднимет трубку на *том* конце линии, дослушает меня до конца и сделает то, о чём я его попрошу.

Наконец,[278] трубку взяли, и запыхавшийся голос выдохнул мне в ухо:

— Я слушаю.

Конечно, я сразу *узнал* этот голос, и у меня в горле встал ком.

— Я слушаю, — повторил он слегка раздражённо. — У вас что, там снова короткое замыкание?

Да, подумал я.

Это старое нефтехранилище в Сан-Педро закрылось уже́ много лет назад, но когда-то там стоял переключатель набора но́мера, который автоматически связывал базу с головной конторой, когда топливо подходило к концу. Пото́м всю систему вырубили, но где-то, видимо, произошло короткое замыкание, и резкий скачок напряжения в сети́ снова включил автоматический набор но́мера. Но к тому времени бывший «пожарный» номер уже́ передали нам. Я так думаю, что на этом заброшенном нефтехранилище топлива нету давно, но система автоматического контроля сбоит и замечает это лишь время от времени. Конечно, нас раздражало, когда телефон начинал трезвонить совсем не по делу. Но исправить это мы были не в силах.

— *Гантер*! — у меня даже зубы свело, когда я произнёс *это* имя. — Господи Боже… это… *Даг Орни,* мы с тобой в школе учились. Ты ведь меня помнишь?

— Даг? — проговорил полупьяный мужчина, что называется, средних лет, на том конце линии. Он был явно сбит с толку. И наверное, думал, что у меня с голосом что-то не то. Может быть, даже рак горла. — Орни? Конечно, помню! Ты где сейчас? В городе? …

277 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
278 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Нету времени на разговоры, — выдавил я, изо всех сил стараясь не кашлять. А что если Даг Орни, **настоящий** Даг Орни, и вправду был бы в городе? Что бы тогда стал делать этот несчастный неудачник? Пригласил бы пообедать вместе и вспомнить былые денёчки? — Я не хотел бы… — *Тебя останавливать*, но этого я вслух не сказал. *Спасать тебя, чёрт побери.* Но и этого я не сказал. А сказал я совсем другое: —[279] … ломать твои планы. — У меня жутко слезились глаза́. Даже в сумрачной кухне. — Слушай, сейчас тебе позвонит одна женщина. Ты её *не знаешь*, — проговорил я с нажимом. Мне совсем не хотелось, чтобы он пусть даже на па́ру секунд задумался о том, что *может знать* эту женщину. — Скажи ей, что я был у тебя, но уже́ ушёл. Буквально минуту назад ушёл, хорошо?

— Какая женщина…

Я бросил трубку. *Сейчас узнаешь*, подумал я.

Сегодня на заднем дворе появилось дядюшкино пиво — две упаковки холодного пива, прямо из холодильника в грузовичке. Розы по-прежнему свежие. Я смотрел на обрезанные стебли и пытался уразуметь, что мама срезала эти цветы всего па́ру часов назад. Конечно, по времени розового куста. Может быть, эти смазанные пя́тна белесой пы́ли на боках некоторых бутонов[280] остались после прикосновения её рук. Мы с дядей сидели прямо на земле — на пыльной подъездной дорожке — под жарким полуденным солнцем. Нас обоих пробило на слёзы и сантименты. Мы пили холодный «Будвайзер», банку за банкой. Пили за тех, кого любим и кого нет сейчас с нами. Хотя в доме, весьма вероятно, уже́ не было никого. А двое детишек давно покинули наш запущенный двор.

Я закопал в землю косточку авокадо. В *том* са́мом месте, где на фотографии было дерево — если это и вправду была фотография именно *этого* до́ма. Пройдёт время, и здесь вырастет дерево. И быть может, однажды под этим деревом появится забавный керамический утёнок — заглянет по пути из Диснейленда и «Китайского театра Граумана»[281], по пути в тот дом, где нам с сестрой по-прежнему по семь лет. Я думаю составить ему компанию. Если он меня примет.

© Тим Пауэрс

279 В оригинале без пробела после дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
280 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
281 Знаменитый кинотеатр в Голливуде. Назван по имени владельца. (примеч. пер.)

Джо Р. Лэнсдейл «Лето бешеного пса»

Новости, в отличие от слухов, не путешествовали так, как сейчас. *Тогда*. Без радио или газет. В Восточном Техасе. *Тогда* было по-другому. Что произошло в другой стране, часто там и оставалось.

Мировые новости — это было только вот то, что важно для всех нас. Нам не надо было знать ужасов, которые не касались нас, в Билджуотере, штат Орегон, или даже за границей штата в Эль-Пасо, или в северную сторону в забытом богом Амарилло.

Всё, что нам теперь нужно знать, — яркие детали какого-нибудь убийства, из-за которого оно ужасно, а иначе это медленные еженедельные новости. И так повсюду, даже если убили какого-нибудь продавца бакалейной лавки в штате Мэн, который нас ни сном,[282] ни духом не касается.

Тогда, в тридцатые, в далёких странах могло случиться убийство, и вы о нём даже не узнали бы, если только оно вас не касается, потому что, как я уже́ сказал, новости путешествовали тогда медленнее и полиция старалась сама справиться.

С другой стороны́, бывали времена, когда было бы лучше, если бы плохие новости расходились быстрее — или вообще расходились. Знай мы в те времена кое-что, быть может, некоторых ужасных переживаний, выпавших на долю моей семьи́, удалось бы избежать.

Но что было, то было, и даже теперь, когда мне за восемьдесят, я, валяясь здесь в доме престарелых, в комнате, пропитанной запахом моего разлагающегося те́ла, ожидая, когда дадут еду, протёртую и безвкусную, или ещё чего-нибудь ожидая, со штырём в бедренной кости́, а по телевизору какое-нибудь ток-шоу, набитое идиотами, я вспоминаю те времена, почти восемьдесят лет назад, и воспоминания так же свежи, как *тогда*.

Всё это случилось в тридцать первом — тридцать втором году́.

282 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Я полагаю, что тогда были люди с деньгами, но мы в их число не входили. Была Великая Депрессия, и даже будь мы из тех, что с деньгами, покупать было бы мало что, если не считать поросят, цыплят, овощей и штапеля, а поскольку первые три продукта мы выращивали, нам оставался бы только штапель.

Папа малость фермерствовал, держал парикмахерскую, где работал почти все дни, кроме субботы и воскресенья, а ещё был городским констеблем.

Мы жили в лесной глуши возле реки́ Сабин в трёхкомнатном белом доме, который отец построил, когда нас ещё не было. Крыша текла, электричества не было, дровяная печка дымила, амбар был сбит из досточек, а вокруг было полно́ змей.

Мы пользовались керосиновыми лампами, воду таскали из колодца, а свой стол обогащали охотой и рыбалкой. У нас было четыре акра[283] сведённого ле́са и ещё двадцать пять акров[284] строевого ле́са и сосны́. Фермерствовать и очищать наши четыре акра[285] нам помогал мул по кличке Салли Редбэк[286]. Была у нас машина, но папа ею пользовался только по своим констебльским делам и для воскресных поездок в церковь. Остальное время мы ходили пешком, или мы с сестрой ездили верхо́м на Салли Редбэк[287].

Принадлежащий нам лес и сотни акров его вокруг нашей земли́ кишели дичью, мошкой и клещами. В те времена в Восточном Техасе ещё не весь строевой лес повырубили, и не все участки ле́са кому-нибудь принадлежали. Были ещё мощные деревья, и много, были глухие места́ в лесу и вдоль реки́, куда забредали только звери.

Там водились дикие кабаны, кролики, еноты, опоссумы, броненосцы, всех видов птицы и полчища змей. Иногда можно было заметить этих чёртовых водяных щитомордников[288], плывущих косяком по реке, и злобные морды покачиваются, как наросты на брёвнах. Го́ре тому несчастному, кто попадёт между ними, и благослови господь сердце того дурака, который

283 В метрической системе 4 акра — это 16187,44 кв. м, или более 16 га, или более 0,16 кв. км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

284 В метрической системе 25 акров — это 101171,5 кв. м, или более 10 га, или более 0,10 кв. км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

285 См. 283. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

286 Очевидно, всюду по тексту подразумевается непереведённое прозвище «Красноспинная Салли», возможно, от redback или redback spider, т. е. красноспинный паук — крайне ядовитый австралазийский паук (близкородственный американской «чёрной вдове»), который имеет длинные тонкие лапки и (у самок) ярко-красные по́лосы на задней стороне шарообразного брюшка. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

287 См. 286. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

288 Щитомордник — ядовитая змея́ семейства гремучих с крупными щитками на голове. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

верит, что если пронырнуть под ними, то ничего не будет, потому что щитомордники не могут кусаться под водой. Они не только могли, но и кусались.

И олени тоже в лесах бродили. Может, меньше, чем сейчас, когда их выращивают, как посевы, и собирают жатву на трёхдневной пьянке у водопоя с помощью снайперских винтовок. Олени, которых кормят кукурузой и приучают ласкаться, как собачек, так что по ним стреляют, как в тире, и ещё считают себя охотниками. Им дороже выходит застрелить оленя, привезти его труп и повесить голову на стену, чем сходить в магазин и купить столько же по весу бифштекса. Ещё они любят после убоя вымазать лицо кровью и так сфотографироваться, будто считают себя воинами после этого.

Ладно, а то меня занесло в проповедь. Я рассказывал, *как* мы жили. И говорил, что вокруг было полно́ дичи. А ещё там был *Козлоног*. Наполовину козёл, наполовину человек, и он любил болтаться возле ме́ста, которое мы называли «*висячий мост*». Я его никогда не видел, но иногда, по вечерам, охотясь на опоссума, кажется, его слышал. Он выл и стонал возле тросового моста, который нахально висел над рекой, качаясь на ветру в лунном свете, и лучи играли на металлических тросах, будто феи пляшут на канате.

Считалось, что он крадёт скотину и детей, и хотя я не знал никого из детей, кого съели бы, кое-кто из фермеров говорил, что Козлоног крадёт у них живность, и кое-кто из знакомых ребятишек клялся, что у них кого-нибудь из двоюродных унёс Козлоног, и больше их не видели.

Говорили, что он не заходит дальше главной доро́ги, потому что там регулярно пешком и на машинах разъезжают баптистские проповедники и молятся, а потому доро́га освящённая. Говорили, что он не выходит из лесов, выстилающих дно долины Сабина. Не выносит возвышенностей. Ему нужно, чтобы под ногами была влажная толстая лиственная подстилка, а но́ги у него с копытами.

Папа говорил, что никакого Козлонога на свете нет. Это бабьи сказки, которые по всему Югу бродят. Он говорил, что я слышал только крики зверей и шум воды́, но я вам скажу: от таких звуков мороз пробирал по коже, и они были похожи на крик раненой козы. Мистер Сесил Чэмберс, который вместе с папой работал в парикмахерской, говорил, что это могла быть пантера. Они, говорил он, иногда появляются в лесной глуши, а вопит она, как женщина.

Мы с моей сестрой Томом — вообще-то она была *Томазина*, но мы её все называли *Томом* — бродили в лесу с утра́ до ве́чера. У нас была собака Тоби, помесь гончей с терьером и ещё чем-то.

Тоби был настоящий подружейный сукин сын. Но однажды летом тысяча девятьсот тридцать первого го́да, когда он облаивал загнанную им на дуб бе́лку, гнилая ветка на этом дубе подломилась и стукнула его так, что он не мог шевельнуть задними ногами и хвостом. Я отнёс его домой на руках. Он скулил, а мы с Томом плакали.

Отец, увидев нас, перестал пахать, снял упряжь с плеч и бросил её на землю, а Салли Редбэк[289] оставил стоять посреди по́ля, прицепленную к плугу. Он встретил нас на полдороге, мы поднесли к нему Тоби, положили на мягкую вспаханную землю, и папа на него посмотрел. Он пошевелил но́ги пса, попытался выпрямить ему спину, но Тоби только дико завывал при этих попытках.

Рассмотрев все варианты, отец велел мне и Тому взять ружьё, отнести бедного Тоби в лес и избавить от мучений.

— Это не то, что я хочу, чтобы вы сделали, — сказал папа. — Но это то, что *надо* сделать.

— Да, сэр, — сказал я.

В наши дни это звучит жестоко, но тогда ветеринары в окру́ге были редки, да и если бы мы захотели повезти пса к ветеринару, так денег не было. Да и любой ветеринар сделал бы то же, что предстояло сделать нам.

Что ещё было по-другому: о таких вещах, как смерть, ты узнавал совсем молодым. От этого было некуда деться. Ты сам выращивал и резал цыплят и поросят, охотился и рыбачил, так что с ней ты сталкивался регулярно. Вот потому-то, думаю я, мы уважали жизнь больше, чем некоторые теперь, и ненужные страдания не должно было терпеть.

А в таких случаях, как с Тоби, от тебя часто ожидалось, что ты сделаешь дело сам, не перекладывая ответственность. Это не было произнесено вслух, но отлично всеми понималось, что Тоби — наша собака и потому это наше дело. Такие вещи считались частью познания жизни.

Мы поплакали, пото́м взяли тачку и положили в неё Тоби. У меня уже́ было с собой моё ружьё двадцать второго калибра на бе́лок, но для этого я вошёл в дом и сменял его на одноствольный дробовик шестнадцатого калибра, чтобы он уж точно не мучился. Мысль застрелить Тоби в затылок, разметав его череп по всему мирозданию, —[290] не та мысль, которая вызвала у меня радостное предвкушение.

Наша там ответственность или чья, а мне было тринадцать, а Тому — всего девять. Я ей сказал, что может остаться до́ма, но она отказалась. Сказала, что пойдёт со мной. Она знала, что кто-нибудь должен мне помочь быть сильным.

Том взяла с собой лопату, чтобы похоронить Тоби, закинула её на плечо, и мы повезли старину Тоби, он при этом скулил поначалу, но пото́м затих. Просто лежал в тачке, пока мы его везли, спина у него подёргивалась, и он то и дело поднимал голову и нюхал воздух.

289 См. 286. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
290 В оригинале после запятой без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вскоре он стал нюхать сильнее, и мы поняли, что он учуял бе́лку. Тоби всегда, когда чуял бе́лку, поворачивался к тебе, а пото́м тыкал головой туда, куда хотел идти, и тут же бросался в бег, заливаясь лаем. Папа говорил, что он нам так показывает, откуда за́пах, пока не скроется из виду. Ну вот, он именно так и повернул голову, и я знал, *что* мне полагается сделать, но я решил продлить это, дав Тоби последний раз покомандовать.

Мы свернули туда, куда он хотел, и почти сразу оказались на узкой тропе, усыпанной сосновыми иголками, а Тоби лаял,[291] как сумасшедший. Кончилось тем, что тачка уткнулась в корень гикори.

На верхних ветвях играли две жирные бе́лки, будто дразнили нас. Я пристрелил обеих и бросил их в тачку к Тоби, и будь я проклят, если он не залаял снова, взяв след.

Тяжёлая работа — катить тачку по неровному лесу и усыпанной хвоей и листвой земле, но мы именно это и делали, совсем забыв, *что* нам полагается сделать с Тоби.

Когда Тоби перестал брать след бе́лок, уже́ близилась ночь, и мы были глубоко в лесу с шестью подстреленными бе́лками — не хилая добыча — и полностью вымотались.

И с нами был Тоби, несчастный инвалид, и я никогда не видел, чтобы он так хорошо работал по бе́лке. Будто Тоби знал, *что* должно случиться, и старался оттянуть событие, загоняя бе́лок на дерево.

Мы сели под больши́м амбровым деревом и оставили Тоби в тачке с бе́лками. Солнечный закатный свет разбивался в ветвях на части, как большой пирог. Те́ни вокруг нас вставали, как чёрные люди. Охотничьего фонаря у нас с собой не было. Была только луна, а она ещё недостаточно хорошо светила.

— Гарри, — спросила Том, — что будем делать с Тоби?

Я как раз об этом думал.

— Вроде бы ему уже́ не больно, — сказал я. — И он загнал на дерево шесть бе́лок.

— Ага, — согласилась Том, — но у него спина сломана.

— Это точно.

— Может, мы его здесь спрячем и будем каждый день носить ему еду и воду?

— Вряд ли. Это значит бросить его на милость всякого, кто тут пройдёт. Его мошки с клещами заедят заживо.

291 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Об этом я подумал, потому что сам был ужé всюду покусан, и я знал, что сегодня буду сам сидеть возле лампы с пинцетом, вытаскивая их отовсюду, купаясь в керосине с последующим полосканием. Летом мы с Томом делали это чуть ли не каждый вечер.

— Темнеет, — сказала Том.

— Знаю.

— Кажется, Тоби ужé не так больно.

— С виду ему лучше, — согласился я. — Но всё равно у него спина сломана.

— Папа хотел, чтобы мы его пристрелили, чтобы не мучился. По-моему, он сейчас не мучается. Это ведь неправильно — застрелить его, если он не мучается?

Я посмотрел на Тоби. Сейчас он лежал неразличимым комом в тачке, накрытый тьмой. Когда я посмотрел на него, он поднял голову и пáру раз стукнул хвостом по деревянному дну тачки.

— Думаю, я не смогу этого сделать. Мы вот что сделаем: отвезём его к папе и покажем, насколько ему лучше. Может, у него спина и сломана, но ужé не так болит, как было. Он шевелит головой и даже хвостом, так что тело его не мертво, и[292] его не надо убивать.

— Папа может не согласиться.

— Может, и нет, но не могу я его пристрелить, даже не попытавшись дать шанс. Слушай, он же шесть бéлок на дерево загнал! Мама обрадуется, когда их увидит. Мы везём его домой.

Мы поднялись, чтобы идти, и туг до нас *дошло*. Мы *заблудились*. Увлеклись погоней за бéлками, бежали, куда показывал Тоби, и зашли глубоко в лес и не узнавали теперь ничего знакомого. Конечно, мы не испугались — по крайней мере,[293] в тот момент. В этих лесах мы бродили всё время, но сейчас было темно, и это место было нам незнакомо.

Луна чуть поднялась, и я сориентировался по ней.

— Нам сюда, — сказал я. — Так мы выйдем либо к дому, либо к дороге.

Мы тронулись в путь, спотыкаясь на корнях, обломанных сучьях и ветках, натыкаясь на деревья то тачкой, то собственным телом. Вокруг возилась какая-то лесная живность, и я вспомнил, что говорил мистер Чэмберс про пантер, и подумал насчёт диких кабанов: а что если мы напоремся на кабана, который ищет жёлуди, и вспомнил, что мистер Чэмберс ещё говорил,

292 В оригинале «И», т. е. заглавная буква в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
293 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

что сейчас плохой год по бешенству и много зверей болеют, и от всех этих мыслей так занервничал, что стал нащупывать в кармане патроны. Их оставалось три штуки.

И чем дальше мы шли, тем сильнее становилось вокруг нас движение, и я начал думать, что *это* держится с нами вровень. Мы замедлялись — оно замедлялось. Мы шли быстрее — оно не отставало. И не так, как это делает зверь, и даже не так, как змея́, которая иногда крадётся, чтобы напасть. Это было *больше* змеи́. Оно нас скрадывало, как *пантера*. Или как *человек*.

Тоби рычал, подняв голову, и шерсть у него на шее стояла дыбом.

Я посмотрел на Тома, и при свете луны, пробивавшемся сквозь ветви, увидел, как она боится. Я знал, что она пришла к тем же выводам, что и я.

Я хотел что-то сказать, крикнуть что-нибудь тому, что было в кустах, но боялся, что это выйдет вроде сигнала, от которого оно на нас нападёт.

Раньше я для страховки открыл ружьё и положил его в тележку, толкая перед собой его, Тоби и бе́лок. Теперь я остановился, вынул ружьё, проверил, что в стволе есть патрон, закрыл ружьё и положил палец на курок.

Тоби начал шуметь всерьёз, переходя от рычания к лаю.

Я посмотрел на Тома, и она взяла у меня тачку. Ей, конечно, было трудно катить тачку по мягкой земле, но у меня не было выбора — надо было держать ружьё, а бросить Тоби мы не могли — после всего, *что* он пережил.

То, что шумело в кустах, какое-то время не отставало, пото́м затихло. Мы набрали скорость и больше его не слышали. И присутствия его больше не ощущали. А раньше было так, будто за нами крадётся *дьявол*.

Наконец,[294] я достаточно осмелел, чтобы разломить ружьё, положить его в тачку и снова взяться за ручки.

— Что это было? — спросила Том.

— Не знаю, — ответил я.

— Что-то большое.

— Ага.

— Козлоног?

— Папа говорит, что Козлонога на свете нет.

— Да, но иногда ведь он ошибается?

— Вряд ли, — ответил я.

294 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мы прошли ещё немного, нашли сужение реки́ и переправились, с трудом толкая тачку. Нам не надо было её пересекать, но здесь было подходящее место, а кто-то или что-то за нами кралось и меня напугало, и я просто хотел оставить побольше расстояния между нами и *этим*.

Мы шли ещё довольно долго и дошли,[295] наконец,[296] до зарослей, обвивавших деревья и кусты и стоявших колючей стеной. Это была стена диких роз и ежевики. Некоторые побеги были толщиной с колодезную верёвку, колючки, как гвозди, а цветы пахли сильно и сладко в ночном воздухе, почти так же сладко, как когда варится сорговый сироп.

Заросли ежевики тянулись во все сто́роны и окружали нас отовсюду. Мы забрели в лабиринт слишком широкий и глубокий, чтобы его обойти, и слишком высокий и колючий, чтобы перелезать; к тому же колючие стебли переплелись с низкими ветвями и нависали,[297] как потолок. Я вспомнил Братца Кролика и терновый куст, но я, в отличие от Братца Кролика, не родился и не вырос в зарослях ежевики, и ещё, в отличие от Братца Кролика, не мечтал в этот куст попасть.

Я откопал в кармане спичку, оставшуюся от того случая, когда мы с Томом пытались курить сигареты из кукурузных воло́с и виноградных лоз. Я зажёг спичку о большой палец, посветил ею, увидел широкий проход в ежевике, и не требовалось высшего образования, чтобы углядеть прорезанный в зарослях проход. Я наклонился, сунул спичку перед собой и понял, что ежевика образовывала что-то вроде туннеля футов шесть[298] в высоту и столько же в ширину. Как далеко он тянется, я не видел, но прилично далеко.

Загасив спичку, пока она не обожгла мне руку, я сказал Тому:

— Можем вернуться назад, а можем пойти по этому туннелю.

Том посмотрела налево, увидела толстые твёрдые стебли ежевики, а перед нами тоже они стояли стеной.

— Назад возвращаться я не хочу из-за того, *что* там было. И по туннелю тоже не хочу. Мы там будем, как крысы в трубе.[299] Может, то, что было сзади, знало, что загонит нас сюда, и ждёт нас на друго́м конце этой ежевичной западни, как папа нам читал про этого — помнишь? Который был наполовину человек, а наполовину корова.

— Наполовину человек, наполовину бык, — поправил я. — *Минотавр*.

— Ага, *минотварь*. Может, он там и ждёт, Гарри.

Я, конечно, тоже об этом подумал.

295 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
296 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
297 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
298 В метрической системе 6 футов — это примерно 1,8 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
299 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я думаю, надо идти в туннель. Тогда он ни с одной стороны́ не сможет к нам подступиться. Ему придётся нападать спереди или сзади.

— А других туннелей здесь быть не может?

Об этом я не подумал. Такие просеки могут быть прорезаны в любом месте.

— У меня ружьё, — сказал я. — Если сможешь толкать тележку, Тоби нас вроде будет сторожить. Даст знать, если кто-нибудь приблизится. А если что-то на нас бросится, я его развалю пополам.

— Мне ни один твой выбор не нравится.

Я взял ружьё, закрыл его и взвёл курок. Том взялась за рукояти тачки. Я пошёл вперёд, Том за мной.

* * *

За́пах роз одурял. От него кружилась голова. Кое-где торчали плети с колючками, невидимые в темноте. Они рвали мою старую рубашку, царапали мне лицо и ру́ки. Я слышал, как ругается себе под нос Том, когда её царапают колючки. Меня радовало, что Тоби молчит — это до некоторой степени успокаивало.

Туннель в ежевике вёл нас довольно долго, пото́м я услышал шум, туннель стал шире, и мы вышли на берег ревущего Сабина. Среди нависших деревьев появились просветы, лунный свет стал ярче и освещал всё жёлто и густо, как цвет скисшего молока. Что там нас преследовало — не было ни видно, ни слышно.

Я минуту смотрел на луну, пото́м повернулся к реке.

— Мы сбились с доро́ги, — сказал я. — Но теперь я знаю, как быть дальше. Можно пройти по реке, но она сильно петляет, а я думаю, тут недалеко от висячего моста. Мы его перейдём, выйдем на главную дорогу, а по ней вернёмся домой.

— Висячий мост?

— Ну,[300] да, — сказал я.

— Как думаешь, мама с папой волнуются? — спросила Том.

— Это можешь не сомневаться. Дай Бог, чтобы они так обрадовались бе́лкам, как я рассчитываю.

300 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А как будет с Тоби?

— Поживём — увидим.

Берег круто спускался к воде, и вдоль са́мого уреза шла едва заметная тропа.

— Так я думаю, надо будет снести Тоби и пото́м скатить тачку. Ты будешь её толкать, а я пойду впереди и придержу её снизу.

Я осторожно поднял Тоби, который жалобно взвизгнул, а Том, покачнувшись вперёд, толкнула тачку. Тачка, бе́лки, ружьё и лопата перевалились через край и упали возле ручья.

— Чёрт тебя побери, Том!

— Я не виноватая! — пискнула она. — Она у меня вырвалась! Я маме скажу, что ты *ругался*!

— Только попробуй, я с тебя шкуру спущу. И ты сама всю дорогу ругалась.

Я отдал Тоби Тому подержать, пока я спущусь, найду опору для ног, и тогда она мне его передаст.

Соскользнув с обрыва, я оказался возле большого дуба у са́мой воды́. Стебли ежевики спускались к воде и охватывали дерево. Меня пронесло мимо дерева, я выставил руку, чтобы удержаться, и тут же её отдёрнул. Я коснулся не ствола дерева, даже не колючек, а чего-то *мягкого*.

Поглядев, я увидел в лозах ежевики серую кашу, и светившая через реку луна падала на *лицо* — или на то, что было лицом, а сейчас больше походило на маску повешенного, распухшее и круглое с чёрными дырами глазниц. Пучок воло́с на голове казался клоком тёмной овечьей шерсти, а тело было распухшим, изломанным и без одежды. *Женщина*.

Я видал па́ру игральных карт с голыми женщинами, которые показывал Джейк Стерлинг. У него всегда что-нибудь такое было, поскольку его отец был коммивояжёром и торговал не только нюхательным табаком, но и тем, что называл «*сопутствующий товар*».

Но это было не похоже на те открытки. Те меня волновали каким-то *непонятным* образом, но радостно и приятно. А это меня взволновало очень *понятным* образом. *Страхом и ужасом*.

Её гру́ди лопнули, как гнилые дыни на солнце. Ежевичные стебли опутали распухшее тело, и кожа была серой, как сигарный пепел. Но́ги её не касались земли́. Она была привязана к дереву стеблями ежевики. В лунном свете она была как жирная колдунья, привязанная колючей проволокой к массивному столбу в ожидании костра.

— Боже мой! — сказал я.

— А ты опять ругаешься, — заметила Том.[301]

Я чуть поднялся по обрыву, взял Тоби у Тома, положил его на мягкую землю возле воды́ и ещё раз посмотрел на тело. Том слезла вниз и увидела то, что видел я.

— Это Козлоног? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — Это мёртвая женщина.

— Она совсем без одежды.

— Том, не смотри на неё.

— Не могу.

— Надо добраться домой и сказать папе.

— Зажги спичку, Гарри. Надо рассмотреть.

Я обдумал это и полез в карман.

— У меня только одна осталась.

— Всё равно зажги.

Я зажёг спичку и поднял повыше. Пламя заметалось, когда у меня задрожала рука. Подойдя поближе, я всмотрелся. Было ещё ужаснее, чем без света.

— Кажется, это *цветная* женщина, — сказал я.

Спичка погасла. Я поставил тачку на тропу, вытряхнул грязь из дула ружья, положил его, бе́лок и Тоби обратно в тачку. Лопату я найти не смог и решил, что она упала в реку. Это мне дорого обойдётся.

— Надо идти, — сказал я.

Том стояла на берегу́, пялясь на тело. Не могла глаз оторвать.

— Идём, тебе говорят!

Том оторвалась от зрелища. Мы шли вдоль бе́рега, я толкал эту тачку изо всех своих сил, увязая в мягкой земле, пока не понял, что больше не могу. Тогда я связал но́ги бе́лок верёвкой, которая нашлась у Тома, и обвязал себе вокруг по́яса.

— Том, ты понесёшь ружьё, а я понесу Тоби.

Том взяла ружьё, я подобрал Тоби, и мы двинулись к висячему мосту, где, по слухам, и жил Козлоног.

301 Мягко говоря, неудачный перевод, наверняка подразумевается нечто вроде «поминаешь имя Го́спода всуе» или «богохульствуешь», но ввиду отсутствия англоязычного оригинала про это можно лишь догадываться. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мы с друзьями обычно держались подальше от висячего моста — все мы, кроме Джейка. Джейк ничего не боялся. Ну, надо сказать, ума у него было маловато, чтобы чего-то бояться. Что он, что его старик — отрежь им го́ловы, они не стали бы намного глупее.

Джейк говорил, что все рассказы насчёт висячего моста придумали родители, чтобы мы туда не лезли, потому что там *опасно*. Может быть, это было правдой.

Мост представлял собой несколько тросов, перекинутых через Сабин с бе́рега на берег на высоком месте. К тросам крепились ржавыми металлическими зажимами и гнилыми верёвками длинные до́ски перекладин. Не знаю, кто его строил, и, быть может, когда-то это был отличный мост, но теперь многих досок недоставало, а другие сгнили и потрескались, а тросы были закреплены на высоких берегах ржавыми рельсами, глубоко вкопанными в землю. Местами, там, где вода подмывала берег, рельсы выглядывали из земли́. Пройдёт достаточно времени, и весь мост рухнет в реку.

Когда дул ветер, мост качался, а в сильный ветер это было что-то. Я его переходил только один раз, днём, в полном безветрии, и то было достаточно страшно. На каждом шаге он пружинил, угрожая сбросить тебя в воду. Доски трещали и стонали, как от боли. Иногда отделялся кусок гнилого дерева и падал в воду. Надо только ещё добавить, что внизу было глубоко, течение здесь ускорялось, пото́м разбивалось о камни и падало с уступов в широкую и глубокую воду.

И вот мы стоим здесь ночью, смотрим на длинный мост, думаем про Козлонога, про найденное нами тело, про Тоби, про то,[302] что уже́ поздно и что родители волнуются.

— Надо переходить, Гарри? — спросила Том.

— Ага, — ответил я. — Думаю, да. Я пойду вперёд, а ты смотри, куда я шагаю. Если доска меня выдержит, должна выдержать и тебя.

Мост поскрипывал сквозь рёв реки́, покачиваясь на тросах,[303] как змея́, переползающая через высокую траву.

Трудно было его переходить даже тогда, когда я мог держаться за тросы двумя руками, но нести Тоби, и ночью, и Том со мной, и она ещё пытается нести ружьё… Да, дело не выглядело заманчивым.

302 В оригинале после запятой ещё и тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
303 В оригинале «)», т. е. закрывающая скобка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А какой другой выбор? Вернуться назад по той дороге, по которой пришли, или попробовать пройти ниже по реке, где она мелеет, перейти там и вернуться к дороге и к нашему дому?[304] Но мелеет река только через несколько миль, а по лесу идти трудно, а Тоби тяжёл, и там сзади что-то за нами гонится. Я не видел другого пути — только через мост.

✷ ✷ ✷

Я сделал глубокий вдох, ухватил Тоби покрепче и шагнул на первую перекладину.

Мост сразу сильно качнулся влево, пото́м обратно — ещё сильнее. В руках у меня был Тоби, и потому я мог только согнуть колени и попытаться поймать качания. Качающийся мост успокаивался долго, и я сделал следующий шаг — уже́ осторожнее. На этот раз он качнулся не так сильно. Я вроде поймал ритм шагов, и позвал Тома:

— Наступать надо на середину перекладины. Тогда качается не так сильно.

— Гарри, я боюсь!

— Ничего страшного, — сказал я. — Переберёмся.

Я наступил на очередную перекладину, она треснула. Я успел отдёрнуть ногу. Кусок доски́ отвалился и медленно полетел в реку. Упал с сильным всплеском, течение подхватило его, он блеснул в лунном свете, и его унесло прочь. Он закружился в чёрной воде, перевалился через водопадик и скрылся из виду.

А я стоял и чувствовал, будто у меня дно от живота отвалилось. Пото́м сжал покрепче Тоби и переступил через провалившуюся перекладину на следующую. Мне это удалось, но мост затрясся, и я услышал, как вскрикнула Том. Обернувшись, я увидел, что она выпустила ружьё и вцепилась в трос. Ружьё упало вниз и повисло между двумя нижними тросами. Мост дико качался, бросая меня то на тросы, то от них, и я уже́ решил, что не миновать мне падения.

Когда мост успокоился, я опустился на колено, повернулся и посмотрел на Тома.

— Легче, — сказал я.

— Не могу отпустить ру́ки, боюсь!

304 В оригинале «!», т. е. восклицательный знак вместо вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Должна отпустить. И ружьё должна подобрать.

Много времени прошло, пока Том,[305] наконец,[306] смогла нагнуться и подобрать ружьё. Чуть отдышавшись, мы пошли дальше. Вот тогда мы и услышали этот шум внизу и увидели эту тварь в тени́.

Она шла вдоль бе́рега по той стороне, рядом с водой, под мостом. Её трудно было рассмотреть как следует, потому что она держалась те́ни, не выходя на свет луны. Голова у неё была больша́я, и что-то было вроде рогов, а остальное всё было тёмным, как угольная кладовая. Она чуть подалась вперёд, будто рассматривая нас, и я увидел белки́ глаз и меловые зубы, сверкнувшие при луне.

— Боже мой, Гарри! — шепнула Том. — Это Козлоног! Что нам делать?

Я подумал насчёт вернуться. Тогда нас будет от него отделять река, но снова придётся идти через лес, и не одну милю[307]. А если он где-нибудь переберётся, то снова за нами погонится, потому что теперь я был уверен — это он преследовал нас в ежевике.

Если же мы перейдём мост, мы окажемся над ним на высоком берегу́, и до доро́ги будет близко. Здесь его укрытие. Он заперт здесь между лесами и берегами Сабина, потому что проповедники закрыли ему выход к дороге.

— Надо идти вперёд, — сказал я.

Ещё раз посмотрев на белизну глаз и зубов, я стал двигаться дальше. Мост качался, но теперь у меня были более веские причины идти, и у Тома тоже.

Когда мы приблизились к той стороне, я глянул вниз, но Козлонога больше не видел. Толи[308] смотрел не под тем углом, толи[309] он скрылся. И всё мне думалось, что, когда я доберусь до другой стороны́, он уже́ будет ждать, взобравшись наверх.

Но когда мы перебрались, увидели только тропу, пересекавшую густой лес, озарённый луной. И на ней — никого.

Мы пошли по тропе. Тоби был тяжёл, и я старался не слишком его трясти, но так был напуган, что вряд ли с этим справлялся. Он время от времени поскуливал.

Когда мы прошли уже́ прилично, тропа свернула в тень, где ветви деревьев вытягивались и скрывали землю от лунного света, будто обнимая её тьмой.

— Я так думаю, если он хочет напасть, — сказал я, — то здесь самое место.

305 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
306 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
307 См. 5. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
308 В оригинале «То ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
309 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Так давай туда не пойдём.

— Ты хочешь вернуться обратно через мост?

— Ой, нет!

— Тогда вперёд. Мы даже не знаем, идёт он за нами или нет.

— Ты видел у него на голове рога́?

— Что-то видел. Знаешь, что сделаем? Поменяемся. Пока не выйдем снова на открытую тропу, ты понесёшь Тоби, а я — ружьё.

— Мне с ружьём лучше.

— Это да, но я могу из него выстрелить, чтобы оно не свалило меня отдачей. И у меня есть патроны.

Том подумала и сказала:

— Ладно.

Она положила ружьё на землю, и я дал ей Тоби. Пото́м подобрал ружьё, и мы пошли по тёмному закруглению тропы́.

Днём я много раз ходил по этой тропе. До са́мого моста, но, кроме того одного раза, я никогда через этот мост не ходил. И ночью в лесу я тоже бывал, но никогда так далеко, и обычно с папой.

Когда мы углубились по тропе в тень, никто на нас не прыгнул, но, приближаясь вновь к освещённому месту, мы услышали в лесу какое-то *движение*. То же самое, которое слышалось в зарослях ежевики. Рассчитанное. Идущее точно за нами.

Выйдя,[310] наконец,[311] на освещённую тропу, мы стали бояться меньше. Разумной причины для этого не было — просто ощущение. Лунный свет ничего не менял. Я оглянулся через плечо в только что пройденную нами темноту, и посередине тропы́, в тени́, увидел *его*. Он стоял и смотрел.

Тому я этого не сообщил, только сказал:

— Теперь возьми ружьё, а я возьму Тоби. А пото́м беги со всех ног туда, где доро́га.

Том тупицей не была, и меня, наверное, выдали глаза́, так что она повернулась и оглянулась на тень. И тоже увидела *его*. Он уходил в чащу. Она повернулась и отдала мне Тоби, взяла ружьё и рванула вперёд, как молния. Я побежал за ней, тряся беднягу Тоби, бе́лки хлопали меня сзади по ногам. Тоби визжал, выл и скулил. Тропа стала шире, лунный свет — ярче, показалась красная глина доро́ги, мы выбежали на неё и оглянулись.

Никто за нами не гнался. И движения в лесу слышно не было.

310 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
311 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Всё в порядке? — спросила Том.

— Я так думаю. Говорят, он на дорогу выходить не может.

— А что, если может?

— Да нет, не может… в общем, я так думаю.

— Это он убил ту женщину.

— Думаю, да.

— А почему у неё *такой* вид?

— Иногда мёртвые так *распухают*.

— А как он её так *изрезал*? Рогами?

— Не знаю, Том.

Мы пошли по дороге — шли очень долго, — с привалами для отдыха, а ещё мы помогали Тоби справить свои делá, придерживая ему нóги и хвост. Пришли мы домой ужé глубокой ночью.

✷ ✷ ✷

Нельзя сказать, что это была идеальная картина счастливого возвращения. Небо заволокло тучами, луны больше не было. Слышался стрекот цикад и кваканье лягушек где-то в низинах. Когда мы вошли во двор с Тоби на руках, папа окликнул нас, и вспугнутая сова взлетела с дуба, мелькнув чёрным силуэтом на фоне светлеющего неба.

— Надо бы с вас шкуру спустить, — сказал папа.

— Да, сэр, — ответил я.

Отец сидел во дворе под дубом. Этот дуб был что-то вроде нашего дерева собраний, где мы летом сидели, разговаривали и лущили горох. Отец сидел и курил трубку — привычка, которая его потóм и убила. Трубка разгорелась, когда он затянул в неё пламя поднесённой спички. Зáпах трубки показался мне деревянным и кислым.

Мы подошли и остановились под дубом перед его креслом.

— Мать с ума сходит, — сказал отец. — Гарри, ты знаешь, что нельзя так поздно шататься, да ещё с сестрой. Тебе полагается о ней заботиться.

— Да, сэр.

— Я вижу, Тоби всё ещё с вами.

— Да, сэр. Мне кажется, ему лучше.

— Не бывает лучше, если спина сломана.

— Он загнал шесть бе́лок, — сказал я. Вынув карманный нож, я срезал их с по́яса и подал отцу. Он в темноте взял их и положил рядом с креслом.

— У тебя есть *оправдание*?[312] — сказал он, и это был *вопрос*.

— Да, сэр.

— Тогда ладно. Том, ты сейчас пойдёшь в дом и начнёшь носить воду в лохань. Она тёплая, так что греть её не надо. Ты вымоешься, после этого керосином уничтожишь всё, что на тебя наползло, прополощешься — и в кровать.

— Да, сэр, — ответила она. — Только, папа…

— В дом, — велел отец.

Том поглядела на меня, положила ружьё на землю и направилась в дом.

Отец пыхнул трубкой.

— Ты сказал, что у тебя есть *оправдание*.

— Да, сэр. Нам пришлось пострелять бе́лок, но это не всё. Там у реки́ тело.

— *Что*? — Он привстал в кресле.

Я ему рассказал всё, как было. Как за нами что-то гналось, про ежевику, тело, Козлонога. Когда я договорил, отец сказал:

— Никакого Козлонога нет, Гарри. Но тот, кого ты видел — возможно, это убийца. Если будете так бродить, это можешь оказаться ты или Том.

— Да, сэр.

— Надо будет пойти посмотреть с утра́ пораньше. Как ты думаешь, найдёшь ты это место?

— Да, сэр, но мне не хотелось бы.

— Знаю, но мне понадобится твоя помощь. Теперь иди домой, и когда Том закончит, вымойся и собери с себя клещей — их на тебе должно быть полно́. Дай мне ружьё, и я сделаю с Тоби то, что надо.

[313]Я попытался что-то сказать, но не знал,[314] что. Отец поднялся, взял Тоби на ру́ки, и я дал ему ружьё.

312 В оригинале запятая вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
313 В оригинале предваряющие тире и пробел, хотя речь а́втора, а не персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
314 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Чертовски не повезло хорошему псу, — сказал он.

Отец направился к сарайчику, который у нас стоял за домом возле по́ля.

— Папа, — сказал я. — Не мог я. Тоби — не мог.

— Ничего, сын, — сказал он и пошёл к сараю.

Когда я вошёл в дом, Том сидела на заднем крыльце в лохани и мама при свете висящей на балке керосиновой лампы свирепо её оттирала. Когда я подошёл, мама, не вставая с колен, обернулась ко мне через плечо. Светлые волосы её были собраны в пучок, и выбившаяся прядь падала на лоб, закрывая глаз. Мама отвела её в сторону мыльной рукой.

— Нечего было шататься так поздно, да ещё пугать Тома рассказами про мёртвое тело!

— Это не рассказ, мама.

И я пересказал ей всё то же, но вкратце.

Когда я договорил, она долго молчала.

— А где твой папа?

— Он понёс Тоби в сарай. У него спина сломана.

— Да, я слыхала. Жалко.

Я прислушивался, ожидая выстрела из ружья, но прошло пятнадцать минут, а выстрела всё не было. Пото́м я услышал папины шаги, и вскоре он вышел из те́ни в круг света от лампы с ружьём в руках.

— Не думаю, что его надо убивать, — сказал папа. У меня сердце подпрыгнуло от радости, и я поглядел на Тома, которая пыталась выглянуть из-под рук мамы, мылившей ей голову щёлоковым мылом. — Он слегка шевелит задними ногами, поднимает хвост. Может, ты прав, Гарри. Он может поправиться. Кроме того, сынок, я не лучше тебя мог это сделать. Если ему станет хуже или останется так же, то… А пока что он на вашем с Томом попечении. Кормите его и поите, и как-то помогайте ему справить свои дела́.

— Да, сэр, — ответил я. — Спасибо, папа!

Папа присел на крыльце, держа на коленях ружьё.

— Ты говоришь, это была *цветная*?

— Да, сэр.

Папа вздохнул.

— Это малость затрудняет дело, — сказал он.

* * *

Наутро я отвёл папу туда по дороге до са́мого моста. Переходить его снова мне не хотелось. Я показал ему место на той стороне вниз по реке, где должно было быть тело.

— Ладно, — сказал папа. — Дальше я найду. Ты иди домой. А того лучше — сходи в город и открой парикмахерскую. Сесил будет гадать, куда я девался.

Я пошёл домой, зашёл в сарай проведать Тоби. Он ползал на брюхе, дёргая задними ногами. Велев Тому за ним присматривать и как следует его кормить, я взял ключ от парикмахерской, оседлал Салли Редбэк[315] и отправился в пятимильный[316] путь до го́рода.

Марвел-Крик был тогда не слишком больши́м городишком, как и теперь, но тогда там вообще было всего две улицы. Главная и Западная. На Западной находился ряд домов, на Главной — магазин, суд, почта, кабинет до́ктора, парикмахерская, которой владел мой отец, ещё пара контор, а иногда — стадо бродячих свиней старика Криттендона.

Парикмахерская представляла собой однокомнатный белый дом, построенный под двумя старыми дубами. В ней хватало ме́ста на одно настоящее парикмахерское кресло и на ещё одно обыкновенное с подушкой на сиденье и другой подушкой, привязанной к спинке. Папа стриг в парикмахерском кресле, а другим пользовался Сесил.

Летом дверь всегда была открыта, и от мух защищал только марлевый полог. Мухи любили на нём собираться и висеть гроздьями. Часто задувал горячий ветер.

Когда я подъехал, Сесил сидел на ступенях и читал газету. Я привязал Салли к дубу, пошёл открывать дверь, а по дороге дал Сесилу краткое описание событий, сообщив, чем сейчас занят папа.

Сесил выслушал, покачал головой, щёлкнул языком, и мы вошли.

Мне нравилось, как пахнет в парикмахерской. Спиртом, дезинфекцией и мазями для воло́с. На стене за креслом парикмахера в ряд стояли бутылки, и в них были жидкости разных цветов, жёлтые, красные и синие, которые слегка пахли кокосом.

315 См. 286. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
316 См. 386. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вдоль стены́ у двери́ стояла длинная скамейка, а перед ней —[317] стол с журналами в ярких обложках. Почти во всех были детективные рассказы. Я их читал при первой возможности, а иногда папа мне приносил те, которые истрепались.

Когда не было клиентов, Сесил тоже их читал, сидя на скамейке с самокруткой во рту, и был похож на персонажа из этих журналов. Крутого, беспечного, умелого.

Сесил был крупным мужчиной, и, как было мне известно из разговоров в городе и косвенно — от папы, дамы находили его красивым. Копна ухоженных рыжеватых воло́с, яркие глаза́ и приятное лицо с чуть нависшими бровями. Он приехал в Марвел-Крик ме́сяца два назад. Папа, поняв, что он может стать конкурентом, поставил для него ещё одно кресло и выделил процент.

С тех пор папа вроде как жалел об этом. Не то чтобы Сесил был плохим работником, и не то чтобы папа его недолюбливал. Дело было в том, что Сесил оказался *слишком* хорош. Он действительно умел стричь, и довольно быстро всё больше и больше папиных клиентов стали пропускать очередь, ожидая, чтобы Сесил освободился. Всё больше матерей приводили сыновей и ждали, пока Сесил их пострижёт, поболтает с ними, ущипнёт малыша за щёку и рассмешит его. Вот такой был Сесил. Он мог за минуту подружиться с кем угодно.

Хотя папа никогда не сознался бы, это его злило, заставляло слегка *завидовать*. И ещё имел место факт, что когда мама приходила в парикмахерскую, она всегда смущалась под взглядом Сесила, краснела. И смеялась, когда он говорил что-нибудь, даже не смешное.

Сесил несколько раз стриг и меня, когда папа был занят, и, правду сказать, это впечатляло. Сесил любил поговорить и рассказывал разные истории о местах, где он бывал. По всем Соединённым Штатам, по всему миру. Он воевал в Первую мировую, видел самые страшные сражения. Но помимо само́го факта, об этом он мало что рассказывал. Кажется, ему это было *больно*. Однажды он мне показал французскую монету, которую носил на шее на цепочке. Она была зазубрена от попадания пули. Она тогда была у него в кармане рубашки, и Сесил говорил, что она спасла ему жизнь.

Но если про войну он молчал, то насчёт всего остального он был просто болтун. Поддразнивал меня насчёт девчонок — с точки зрения папы, слишком рискованно, и папа кидал на Сесила недовольный взгляд, и я видел их обоих в зеркале над скамейкой — в которое клиент смотрит, пока парикмахер стрижёт. Сесил перехватывал взгляд, подмигивал папе и менял тему. Но как-то снова подходил к ней близко, неподдельно интересуясь любой подружкой, которая у меня может быть, хотя на са́мом деле у меня ни одной не было. От этого у меня было чувство, будто я взрослею, принимаю участие в ритуалах и рассуждениях мужчин.

317 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Том его тоже любила и иногда приходила в парикмахерскую просто послушать, как он будет её развлекать и поддразнивать. Он любил сажать её к себе на колено и рассказывать истории обо всём на свете, а были ли они Тому интересны — не знаю, но ей был интересен Сесил, который с ней и со мной обращался, как беспутный дядюшка.

Но что куда более было интересно в Сесиле — это как он умел стричь. Ножницы были будто продолжением его руки́. Они мелькали, щёлкали, поворачивались и отрезали при легчайшем повороте запястья. Когда я сидел в его кресле, вокруг в солнечных лучах летали ореолом волосы и моя голова становилась скульптурой, превращаясь из нечёсаной массы в произведение искусства. Сесил никогда ни на во́лос не промахивался, не тыкал тебе в кожу ножницами — чего папа не мог бы о себе сказать, — и когда он заканчивал стричь, когда втирал тебе в кожу ароматное масло и расчёсывал волосы, когда он тебя разворачивал, чтобы ты посмотрел в зеркало у себя за спиной, ты уже́ не был прежним. Я чувствовал, что выгляжу старше, мужественней… Может, даже слегка похожим на этих ребят из журналов.

Когда папа заканчивал работу, причёсывал, намазывал мазью и выпускал меня из кре́сла (он никогда меня не поворачивал посмотреть, как взрослых клиентов), я был всё тем же пацаном. Только стриженым.

Поскольку в этот день папы не было, а для меня стрижка была бесплатной, я спросил Сесила, не согласится ли он меня постричь, а когда он это сделал, рукой нанёс крем для бритья и прошёлся бритвой возле моих ушей, снимая концы воло́с, которые не поддаются ножницам. Пото́м он руками нанёс масло мне на волосы, втёр пальцами в кожу затылка и шеи. Масло было тёплое и приятное, и от него захотелось спать.

Не успел я слезть с кре́сла, как появился старик Нейшн в своём запряжённом мулом фургоне, и вошёл внутрь со своими двумя ребятами. Мистер Этан Нейшн был крупным мужчиной в рабочем комбинезоне, с кочками воло́с над ушами и в носу. Его ребята были здоровенными, рыжими его копиями с оттопыренными ушами. Все они жевали табак, имели жёлтые зубы и плевались, когда говорили. В основном их разговор крутился вокруг ругательств, в это время дня произносимых не часто. Стричься они не приходили никогда. Стриглись сами под горшок. Они просто любили посидеть в креслах и почитать знакомые слова́ в журналах, а ещё — поговорить, как теперь всё плохо.

Сесил, хотя и не был им дру́гом, всегда сохранял вежливость, и, как говорил папа, *он всегда любил разговаривать, даже если разговор этот с дьяволом.*

Когда старик Нейшн сел, Сесил сказал:

— Гарри говорит, что *произошло убийство.*

Как будто он был горд распространить такую новость, но поскольку я сам поторопился ему рассказать и сам рвался выложить новости, я не мог его за это упрекнуть.

Когда слово было сказано, мне ничего не оставалось, как выложить всё,[318] как есть. Ну, *почти* всё. Почему-то я промолчал про Козлонога. Не знаю почему, но *промолчал*.

Когда я всё рассказал, мистер Нейшн произнёс:

— Оттого, что одной ниггерской шлюхой стало меньше, мир не перевернётся. Был бы я в низинах, набрёл бы на одну из этих баб с войлоком на голове… Не знаю, может, мне бы и самому́ захотелось её сделать. Плодятся, как вши. Мечут ублюдков, как мы срём. Только, может, я бы сначала заставил её поработать. Ну, понимаете. В том смысле, что ниггеры-то они ниггеры, но на пять минут важно только,[319] что внутри они розовые.

Его ребята заухмылялись. Сесил сказал:

— Поаккуратнее выражайтесь, — и кивнул в мою сторону.

— Извини, сынок, — сказал мистер Нейшн. — Твой па в этом копается сейчас?

— Да, сэр, — ответил я.

— Да, его это небось расстроило. Он всегда за ниггеров беспокоится. А это просто гуталины друг друга мочат, пацан, и нам надо на них плюнуть. Пусть мочат, тогда нам меньше работы будет.

В этот момент что-то для меня изменилось. Я никогда не думал о личных убеждениях отца, но вдруг мне открылось, что они *совсем* другие, чем у мистера Нейшна, и что мистер Нейшн, хотя любит бездельничать у нас в парикмахерской, излагая свои идеи и читая наши журналы, на са́мом деле папу не любит. И тот факт, что этот человек папу не любит и что у папы совсем другие воззрения, чем у него, вызвал у меня *гордость*.

В своё обычное время пришёл мистер Джонсон, проповедник, и мистер Нейшн, почувствовав себя неловко в его присутствии, запаковал себя и своих ребят в фургон и поехал дальше по дороге докучать кому-нибудь другому. После полудня вернулся папа и, когда Сесил его спросил насчёт убийства, посмотрел на меня, и я понял, что надо было держать язык за зубами.

Папа рассказал Сесилу то, что я ему рассказал, и ещё немного — что он считает, будто женщина не была принесена высокой водой, а была привязана ежевичными стеблями, как выставлена на витрине. Папа считал, что это сделал убийца.

318 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
319 В оригинале точка с запятой вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Той ночью, лёжа в кровати, приставив ухо к стене (Том давно уже́ спала), я *слушал*. Сте́ны у нас тонкие, и когда было тихо и спокойно, я мог слышать разговоры мамы с папой.

— Доктор в городе даже смотреть её не стал, — сказал папа.

— Потому что она *цветная*?

— Ага. Пришлось ехать в цветной квартал Мишн-Крик к тамошнему доктору.

— Она была в нашей машине?

— Ничего страшного. Когда мне Гарри показал, *где* она, я вернулся и поехал к дому Билли Голда. Они с братом поехали со мной, помогли мне завернуть её в брезент, перенесли и положили в машину.

— И что сказал доктор?

— Он думает, что она была изнасилована. Гру́ди разрезаны сверху донизу.

— О Боже мой!

— Ага. И ещё кое-что похуже. Доктор не был уверен, но когда он её всю осмотрел, вскрыл, проверил лёгкие, он сказал, что её, может, утопили в реке ещё живой, её унесло течением, а через день примерно — почти наверняка сам убийца — прошёл по бе́регу, нашёл её толи[320] случайно, толи[321] намеренно и привязал к дереву ежевикой.

— *Кто* мог *такое* сделать?

— Не знаю. Даже понятия не имею.

— А доктор её знал?

— Нет, но он привёз цветного проповедника, мистера Бэйла. Тот её знал. Звали её Джельда Мэй Сайкс. Он сказал, что она была местной проституткой. То и дело она приходила к нему в церковь поговорить насчёт бросить это дело. Он сказал, что *она обретала спасение душ примерно раз в месяц, а остальное время его теряла*. Работала в негритянской забегаловке выше по реке. Иногда и белого клиента подцепляла.

— Так что,[322] никто не догадывается, кто мог это сделать?

— Никому до этого ни малейшего де́ла нет, Мэрилин. Никому. Среди цветных она мало кому интересна, а белые силы охраны правопорядка быстро дали мне понять, что я *вышел за пределы своей юрисдикции*. Или, как они это сформулировали: «*О своих ниггерах мы заботимся сами*». То есть *не заботятся о них вообще*.

320 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
321 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
322 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Если это вне твоей юрисдикции, тебе придётся это дело оставить.

— Привезти её в Мишн-Крик — это было вне моей юрисдикции, а место, где её нашли, — вполне в моей юрисдикции. Тамошняя полиция считает, что сюда проездом заскочили железнодорожные бродяги, поразвлеклись с нею, сбросили в реку и вспрыгнули на следующий поезд. Может, они и правы. Но если так, зачем привязывать её к дереву?

— А не мог это сделать кто-то другой?

— Может быть, но мне сильно не нравится мысль, что в мире есть *такая* жестокость. А кроме того, я не верю. Я думаю, что её убил и выставил на обозрение один и тот же человек. Я малость порыскал, пока был в Мишн-Крик. У меня там есть знакомый газетчик, Кэл Филдс.

— Это тот пожилой, у которого жена молодая? Такая горячая красотка?

— Он самый. Хороший мужик. Кстати, жена его сбежала с барабанщиком. А Кэлу всё равно. У него уже́ новая подружка. Но вот то, что он мне рассказал, было интересно. А рассказал он, что *это за полтора го́да третье убийство в окру́ге*. Он в газетах о них не писа́л, главным образом потому что убийства были *зверские*, но ещё и потому, что убивали оба раза *цветных*, а *его читателям на убийство цветных наплевать*. Одно случилось здесь,[323] в Мишн-Крик. Тело женщины нашли в большой сухой дренажной трубе возле реки́. У неё но́ги были сломаны, загнуты вверх и привязаны к голове.

— Боже мой!

— Кэл сказал, что о друго́м до него дошли только слухи. Он дал мне имя редактора газеты для цветных. Я к нему пошёл и поговорил — зовут его Макс Грин. Они дали отчёт о происшествии. Он мне показал номер с той статьёй. Первая была убита[324] в январе прошлого го́да, чуть выше по реке от Мишн-Крик. Её тоже нашли в реке. У неё были вырезаны половые о́рганы и вставлены ей в рот.

— Боже мой! Но ведь между этими убийствами прошли *месяцы*. Это же не может быть один и тот же человек?

— Надеюсь, что может. Не хочется мне думать, что тут бродят два или три *таких*. Выставляет тела́ на обозрение и совершает с ними что-нибудь невыносимо позорное. Думаю, это один и тот же человек. Грин высказал мнение, что убийца любит с ними кончать, топя в реке. Даже та, которую нашли в дренажной трубе, лежала в воде. А полиция тамошняя, наверное, права́ насчёт того, что этот тип ездит по железной дороге. Каждое такое место было возле рельсов, поблизости к полустаночкам с забегаловкой и рабочими девицами. Но это не значит, что это бродяга или вообще человек, который много ездит. Может, он на поездах ездит только на место убийства.

323 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
324 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А что с тем телом, которое нашёл Гарри? Кто его взял?

— Никто. Лапонька, я заплатил, чтобы её там похоронили на цветном кладбище. Я знаю, что денег у нас нет, но…

— Ш-ш! Ты всё правильно сделал.

Они затихли, я перекатился на спину и стал смотреть в потолок. Стоило мне закрыть глаза́, и я видел тело женщины, разваленное и распухшее, привязанное стеблями и колючками. И видел яркие глаза́ и белые зубы на тёмном лице рогатого Козлонога. Вспоминал, как обернулся через плечо и увидел Козлонога, стоя́щего в тени́ посередине лесной тропы́, глядящего мне вслед.

Наконец,[325] в мыслях я добрался до доро́ги и тогда заснул.

* * *

Через какое-то время наша с Томом жизнь вернулась к норме. Время — оно такое. Особенно в молодости. Оно много что может вылечить; а чего не может, то забывается, или хотя бы отодвигается назад и только иногда всплывает — это вот когда мне время от времени по ночам вспоминалось, как раз перед тем, как заснуть. И наконец,[326] всё это стало просто давним воспоминанием.

Папа немножко поискал Козлонога, но,[327] кроме нескольких следов под берегом и признаков, что кто-то там бродил, ничего не нашёл. Но я слышал, как он рассказывал маме про ощущение, будто за ним кто-то *следит*, и он решил, что этот *кто-то* знает лес не хуже зверя.

Но необходимость зарабатывать на жизнь отменила все расследования, да и всё равно мой папа был следователь никакой. Он был всего лишь констебль маленького городка, доставляющий судебные повестки и выезжающий к мёртвым телам с мировым судьёй. А если тела́ цветные, то без мирового судьи́. Так что со временем убийство и Козлоног ушли в прошлое.

К осени Тоби уже́ начал снова ходить. Спина у него оказалась не сломанной, но были поражены нервы конечностей. Полностью он так и не оправился, но ходил, хотя и скованно, лишь по временам по непонятной причине задние но́ги у него отнимались, и он их волочил. А вообще он почти всё время ходить мог и даже бегал, прихрамывая и не быстро. Зато всё равно оставался лучшей собакой по бе́лке в наших местах.

325 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
326 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
327 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В конце октября, за неделю до Хэллоуина, когда в воздухе стало прохладно, но́чи прояснились и подморозились, а луна висела в небе тыквой, мы с Томом заигрались допоздна, гоняясь за светлячками и друг за дру́гом. Папа уехал по своим констебльским делам, мама шила в доме, а когда мы с Томом наигрались, мы сели под деревом и стали болтать о том,[328] о сём и вдруг замолкли от ощущения какого-то хо́лода. Не знаю, есть ли вообще у человека *такое* чувство. Может быть, просто какие-то мелочи, которые замечаешь, не осознавая. Что-то, услышанное за словами разговора. Но на са́мом деле это было то чувство, о котором говорил папа, — чувство, будто *за тобой следят*.

Я перестал слушать, *что* говорила Том, которая о чём-то тараторила, и медленно повернулся к лесу, а там, между двумя деревьями, в тени́, но чётко очерченная светом, стояла, глядя на нас, рогатая фигура.

Том, заметив, что я не слушаю, обиделась:

— Эй…

— Том, — сказал я ей, — помолчи минутку и посмотри, *куда* я смотрю.

— Я ничего не… — Тут она затихла, и пото́м прошептала: — Это *он*… Козлоног.

Тень резко повернулась, хрустнула сухая ветка, зашуршали листья, и она исчезла. Ни папе, ни маме мы не сказали, *что* видели. Это было между Томом и мной, и на следующий день мы вряд ли об этом вспомнили.

Через неделю была убита Джейнис Джейн Уиллмен.

✷ ✷ ✷

Мы услышали об этом в ночь Хеллоуина. В городе была небольшая вечеринка для детей и всех, кто захочет прийти. Приглашения не рассылались. Каждый год подразумевалось, что вечеринка будет и можешь туда заявиться. Женщины приносили тарелки под крышкой, а мужчины — малость самогона, чтобы добавить себе в питьё.

Вечеринка была у миссис Канертон. Она была вдова и держала у себя до́ма книги, как вроде в библиотеке. Нам разрешалось брать их на время, или можно было сидеть и читать у неё в доме, и у неё всегда бывали печенье или лимонад, и она не была против выслушивать наши рассказы и проблемы. Она была женщиной с милым лицом и большой грудью, и многие мужчины го́рода находили её привлекательной.

328 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Каждый год в Хэллоуин она устраивала небольшую вечеринку для детей. Яблоки, тыквенный пирог — всё, что полагается. Каждый, кто мог себе позволить пожертвовать наволочкой, делал себе костюм привидения. Кое-кто из старших ребят ускользал на Западную улицу намылить о́кна, вот и весь Хэллоуин. Но в те времена это было чудесно.

Папа отвёз нас на вечеринку. Был прекрасный прохладный вечер, летала масса светлячков и трещали сверчки, а мы с Томом вступили в игру в прятки, и пока тот, кому выпало водить, считал, мы разбежались прятаться. Я заполз под дом миссис Канертон, под переднюю веранду. И не успел я устроиться, как ко мне залезла Том.

— Эй! — прошипел я. — Сама найди себе место!

— Я же не знала, что ты *здесь*! И уже́ поздно бежать.

— Тогда сиди тихо, — сказал я.

Сидя там, мы увидели, как к ступеням веранды идут ботинки и брюки. Это были мужчины, которые до того стояли и курили во дворе. На крыльцо они собрались поговорить. Я узнал папины ботинки, и над нами на веранде началось какое-то движение, скрип кресел, а пото́м я услышал голос Сесила:

— Давно она мертва?

— Я так думаю, где-то с неделю, — ответил папа.

— А кто она? Мы её знаем?

— Проститутка, — сказал папа. — Джейнис Джейн Уиллмен. Околачивается около дорожных забегаловок возле Мишн-Крик. Подцепила не того клиента и оказалась в реке.

— Утонула? — спросил кто-то ещё.

— Полагаю, да. Но перед этим помучилась.

— Ты знаешь, *кто* это сделал? — спросил Сесил. — Ниточки есть?

— Да нет, по-настоящему нет ничего.

— Ниггеры! — Этот голос я знал. Старик Нейшн. Он выныривал всюду, где давали еду или где возможна выпивка, и никогда сам ничего не приносил. — Коль ниггеры найдут в низине белую женщину, они её используют.

— Ага, — возразил другой голос. — А чего это белая женщина будет *там* околачиваться?

— Да небось он её и притащил, — сказал мистер Нейшн. — Ниггер прихватит белую женщину при первом случае. Вот ты, если бы был ниггером, разве бы так не сделал? Что у тебя до́ма есть? Ниггерская баба. Не, белая

женщина — это для них первое дело. А потóм, ежели ты ниггер и *такое* с ней сделал, тебе придётся её убить, чтобы никто не знал. Да вообще,[329] уважающая себя белая женщина после такого жить не захочет.

— Хватит! — сказал папа.

— Ты мне грозишь, что ли? — спросил мистер Нейшн.

— Я говорю, *хватит этих разговоров*, — ответил папа. — Убийца может быть и белым, и чёрным.

— А *окажется* ниггером, — сказал мистер Нейшн. — Помянёшь моё слово.

— Я слышал, у тебя есть подозреваемый, — сказал Сесил.

— На сáмом деле нет, — ответил папа.

— Какой-то цветной, — продолжал Сесил.

— Я ж так и знал, — сказал Нейшн. — Какой-нибудь проклятый ниггер.

— Я задержал человека для допроса, вот и всё.

— И где он? — спросил Нейшн.

— А знаете что? — сказал папа. — Я бы от куска пирога не отказался.

Заскрипело крыльцо, открылась марлевая дверь, и мы услышали уходящие в дом шаги.

— Обожатель ниггерский, — сказал Нейшн.

— Хватит этого! — обрезал его Сесил.

— Это ты *мне*, парнишка?

— *Тебе*. И я сказал, *хватит*.

На веранде началась возня, движение, потóм вдруг что-то шмякнуло, и мистер Нейшн полетел на землю прямо перед нами. Мы его видели в щéли между ступенями. Он смотрел в нашу сторону, но вряд ли нас видел. Под домом было темно, и он был занят другим. Вскочил он быстро, бросился к ступеням, но тут на веранде снова послышалось движение и папин голос:

— Этан, не поднимайся на веранду. Иди домой.

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать?

— Сейчас я констебль, и если ты сюда поднимешься или[330] будешь мне хоть сколько-нибудь надоедать, я тебя *арестую*.

— Ты — и кто *ещё*?

329 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
330 В оригинале “ил»”, т. е. с закрывающей парой кавычек вместо «и». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я и *только* я.

— А *его*? Он меня *ударил*. Ты на его стороне, потому что он за тебя!

— Я на его стороне,[331] потому что у тебя не пасть, а помойка и ты всем портишь удовольствие. Слишком много ты выпил. Иди домой и проспись, Этан. Давай по-хорошему.

Рука мистера Нейшна спустилась вниз и подобрала шляпу.

— Ты такой высокопотсав… поставленный, да?

— Просто нет смысла драться из-за ерунды, — ответил папа.

— Ладно, ты у меня посмотришь, любитель ниггерский!

— Не приходи больше в парикмахерскую, — сказал папа.

— Ноги́ моей не будет в твоей помойке, любитель ниггерский!

Мистер Нейшн повернулся и зашагал прочь.

— Сесил, ты слишком много говоришь, — сказал папа.

— Это я знаю, — ответил Сесил.

— Ладно, я хотел пирога, — сменил тему папа. — Войду в дом и попробую ещё раз. А когда я вернусь, нельзя ли, чтобы разговор шёл о чём-нибудь *совсем* друго́м?

— Меня устраивает, — сказал чей-то голос, и снова послышался звук открываемой двери́. Сначала я подумал, что все ушли внутрь, но пото́м я понял, что папа и Сесил остались на веранде, и папа что-то говорит Сесилу.

— Извини, я не должен был *так* тебя осаживать.

— Ничего, — ответил Сесил. — Ты был прав. Я слишком много говорю.

— Ладно, забудем.

— Конечно! Кстати, Джейкоб, подозреваемый… ты думаешь, это он?

— Нет, не думаю.

— А ему ничего не грозит?

— Пока нет. Я могу просто его отпустить, и никто и знать не будет, *кто* это был. Пока что мне с ним помогает Билл Смут.

— Ну ладно, ещё раз прости, Джейкоб.

— Всё путём. Пошли,[332] наконец,[333] пирога попробуем.

331 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
332 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
333 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Мы ехали на машине домой с набитыми животами — яблоки, пирог, лимонад. Окна были опущены, октябрьский ветер свеж и насыщен запахами леса. Мы ехали по извилистой лесной дороге, ведущей к нашему дому, и меня начало клонить в сон.

Том уже́ спала, уронив голову на грудь. Я привалился к стенке машины и тоже стал дремать. Потом я услышал, что мама разговаривает с папой.

— У него был её кошелёк? — спрашивала мама.

— Да, и он оттуда деньги вынул.

— Так это, может быть, он?

— Он говорит, что рыбачил, увидел кошелёк и плавающее платье и вытащил кошелёк удочкой. Увидел там деньги и взял. Он говорит, будто понимал, что кошельки из реки́ не вылавливают, а на нём не было имени, и всего пять долларов, которые бы всё равно пропали. Он говорит, будто даже не думал, что кого-то убили. Так вполне могло быть. Лично я ему верю. Старого Моуза я знаю всю жизнь. Он меня учил рыбу ловить. Сам он вообще чуть ли не живёт на реке в лодке. Мухи не обидит. К тому же ему семьдесят лет, и здоровье у него не очень. Жизнь он прожил тяжёлую. Жена у него сбежала сорок лет назад, и он так этого и не пережил. Сын у него пропал, когда был подростком. Тот, кто изнасиловал эту женщину, должен быть *очень* силён. Она была молода, и, судя по виду тела́, схватка была нешуточная. У человека, который это сделал, должно было хватить сил, чтобы… в общем, она здо́рово изрезана. Как и та, другая. Распороты гру́ди. Рука отрезана у запястья. Мы её так и не нашли.

— Боже мой!

— Извини, родная. Не хотел тебя расстраивать.

— А как ты нашёл кошелёк?

— Зашёл навестить Моуза. Как всегда, когда бывал на реке. Кошелёк лежал у него на столе в хижине. Пришлось его арестовать. Не знаю, надо ли было. Может, надо было просто взять кошелёк и сказать, что я его нашёл. Понимаешь, я ему верю. Но у меня нет доказательств ни «*за*», ни «*против*».

— А раньше Моуз ни в чём не был замешан?

— Когда сбежала его жена, кое-кто думал, что *он её убил*. Она много себе позволяла. Таков был *слух*. Ничего не выяснилось.

— Но могло быть, что *он это сделал*?

— Наверное, могло быть.

— А что там было с его сыном?

— Парнишку звали Телли. Он был с детства не в себе. Моуз говорит, что потому жена от него и сбежала. Не могла вынести помешанного мальчишку. Парень пропал через четыре или пять лет после этого, и Моуз никогда об этом не говорил. Кое-кто думал, что *его он тоже убил*, но это тоже только *слухи*. Белые говорят про чёрных… так, как говорят. Я лично верю, что жена у него сбежала. Парень был не особо умён, и тоже мог сбежать. Он любил бродить по лесам и у реки́. Мог утонуть, мог свалиться в какую-нибудь дыру и не выбраться.

— Но всё равно все эти истории Моуза не красят?

— Не красят.

— И что ты будешь делать, Джейкоб?

— Не знаю. Запирать его в суде я опасаюсь. Это ведь не настоящая тюрьма, и разойдись весть, что тут замешан чёрный, дальше никто особо рассуждать не станет. Я уговорил Билла Смута разрешить мне держать Моуза в его сарае для наживки.

— А Моуз может убежать?

— Вообще-то мог бы. Но у него не то здоровье, родная. И он верит мне, что я расследую это дело и докажу, что он невиновен. Вот оттого я и нервничаю. Я же не знаю,[334] как. Думал обратиться в полицию Мишн-Крик, потому что у них опыта больше, но у них, знаешь, тоже *эмоциональное* отношение. Ходит слух, что тамошний шериф из Клана или был там когда-то. Честно говоря, я не знаю, что делать.

Я снова начал уплывать в сон. И думал про Моуза. Это был старый цветной, который ходил по бе́регу с тростью. В нём была примесь белой кро́ви. Волосы рыжие, а глаза́ зелёные, как весенние листья. Обычно он рыбачил с вёсельной лодки. Жил он в хижине у бе́рега милях в трёх[335] от нас. Жил на пойманную рыбу и подстреленных бе́лок. Иногда, когда у нас бывал удачный день на охоте или на рыбалке, папа заходил к Моузу и давал ему бе́лку или немного рыбы. Моуз всегда был рад нас видеть, или так казалось. Ещё год назад я с ним рыбачил, пока Джейк не сказал мне, что *так не делают. Нехорошо, чтобы тебя всё время видели с ниггером.*

Когда я это вспомнил, мне стало стыдно, даже живот свело. Моуз учил ещё папу ловить рыбу, и я с ним ходил рыбачить, и вдруг я бросил его только из-за того, *что* сказал Джейк.

Я снова вспомнил Козлонога. Вспомнил, *как* он стоял под висячим мостом, глядя на меня вверх из те́ни. Вспомнил, *как* он стоял возле до́ма и смотрел. Это Козлоног убил тех женщин — я это *знал*. А отвечать за это придётся Моузу.

334 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
335 В метрической системе 3 мили — это чуть больше 4,8 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И вот тогда, в машине, овеваемой прохладным октябрьским ветром, у меня и начал вырабатываться план, как найти Козлонога и освободить Моуза. И ещё несколько дней после того я его обдумывал и, кажется, набрёл на то, что казалось мне хорошей идеей. Наверняка оно таковой не было. Просто понятие тринадцатилетнего мальчишки о плане. Но всё это не имело значения. Очень скоро делá повернулись к худшему.

✷ ✷ ✷

Был понедельник, и в этот день папа не ходил в парикмахерскую. Он ужé поднялся и покормил скотину, и рассвет ужé виднелся среди деревьев, и папа позвал меня помочь поднести воду от колодца к дому. Мама в кухне готовила овсянку, бисквиты и жарила шпик на завтрак.

Мы с папой взяли по ведру воды́ и понесли к дому, когда я вдруг спросил:

— Папа, ты ещё не придумал, что будешь делать со старым Моузом?

Он ответил не сразу.

— Откуда ты про это знаешь?

— Я слышал, как вы с мамой говорили.

Он кивнул, и мы пошли дальше.

— Навсегда я его там оставить не могу. Кто-нибудь на него наткнётся. Думаю, его придётся перевести в здание суда или отпустить. Против него нет улик — так, косвенная шелуха. Но цветной, белая женщина, и тень подозрения… Он до честного суда не доживёт. Я должен быть сам уверен, что он этого не делал.

— А ты уверен?

Мы были ужé на заднем крыльце, и папа поставил ведро на землю и моё рядом с ним.

— Ты знаешь, думаю, что да. Если никто не узнает, кого это я арестовал, он сможет и дальше жить, как жил. У меня ничего на него нет. Ничего реального. Всплывёт ещё что-нибудь, настоящая улика — я буду знать, где его найти.

— Моуз не мог убить этих женщин. Он сам-то еле ходит, папа.

Я увидел, как он *покраснел*.

— Да, ты прав.

Он поднял оба ведра и занёс их в дом. Мама уже́ поставила еду на стол, и Том уже́ сидела за ним, щуря глаза́, будто готовая в любой момент уронить голову в овсянку. Обычно надо было бы идти в школу, но сейчас учитель уволился, а другого ещё не успели нанять, так что идти нам с Томом в этот день было некуда.

Наверное, ещё и поэтому папа попросил меня после завтрака пойти с ним. И ещё — я думаю, ему не хотелось быть одному. Он мне сказал, что решил пойти и выпустить Моуза.

Мы поехали к Биллу Смуту. У Билла был *ледник* возле реки́. Это была просто больша́я комната, набитая опилками и льдом; и люди приезжали за ним на машинах и на лодках по реке. Он успешно этим льдом торговал. Сразу за ледником стоял домишко, где жил Билл с женой и двумя дочерьми. У дочек был такой вид, будто они свалились с дерева, стукаясь по дороге лицом о каждую ветку, а пото́м воткнулись головой в землю. Они всегда мне улыбались, и я от этого нервничал.

За домом мистера Смута стоял сарай — на са́мом деле продето большой старый навес. Тут, по словам папы, и держали Моуза. Подъезжая к дому мистера Смута вдоль реки́, мы увидели, что двор полон машин, фургонов, лошадей, людей и мулов. Всё ещё было раннее утро, и солнце светило сквозь деревья, как рождественская иллюминация, и река была красна от утреннего солнца, и такими же красными были люди во дворе.

Сначала я подумал, что у мистера Смута большой наплыв покупателей, но когда мы подъехали, я увидел выходящую из сарая группу. Она состояла из мистера Нейшна, его двоих сыновей, и ещё одного, которого я видал в городе, но не знал, как[336] зовут. Между ними шёл Моуз. На са́мом деле не шёл — его *тащили*, и слышно было, как мистер Нейшн поминает «*проклятого ниггера*», и тут папа вышел из машины и стал проталкиваться сквозь толпу.

Коренастая женщина в цветастом платье и квадратных ботинках, с заколотым на голове пучком воло́с, заорала ему:

— Будь ты проклят, Джейкоб, что прятал тут этого ниггера после того, *что* он сделал!

Тут я понял, что мы в середине толпы́, и она смыкается вокруг, оставляя только просвет для Нейшна с его шайкой, которые тащили Моуза.

Он выглядел древним, сухим и узловатым, как старая коровья шкура в рассоле. Голова была окровавлена, глаза́ вылезали из орбит, гу́бы рассечены. Ему уже́ прилично досталось.

Когда Моуз увидел папу, его зелёные глаза́ вспыхнули:

— Мистер Джейкоб, не[337] давайте им ничего делать, я же никому ничего не сделал!

336 В оригинале тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
337 В оригинале «Не», т. е. с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Всё в порядке, Моуз, — сказал папа, и повернулся к мистеру Нейшну: — Нейшн, не лезь не в своё дело!

— Это *наше* дело, — ответил мистер Нейшн. — Когда *наши* женщины[338] не могут ходить спокойно, чтобы их какой-нибудь ниггер не уволок, тогда это *наше* дело.

Из толпы́ раздался согласный гул.

— Я задержал его только потому, что он может *навести* на убийцу, — сказал папа. — Я сюда пришёл его *выпустить*. Мне ясно, что он ничего не знает.

— А вот Билл говорит, что у него был кошелёк этой женщины, — сказал Нейшн.

Папа повернулся к мистеру Смуту, который не выдержал его взгляда и отвёл глаза́. И только тихо сказал:

— Джейкоб, я им не говорил, что он здесь. Они сами *знали*. Я только сказал, *почему* ты его сюда посадил. Я хотел объяснить, но они не слушали.

Папа только посмотрел на мистера Смута долгим взглядом. Пото́м повернулся к мистеру Нейшну.

— Отпусти его.

— В наше время мы умели обращаться с плохими ниггерами, — сказал мистер Нейшн. — И очень просто. Тронет ниггер белого — и ты его вешаешь, и больше он никого не тронет. Ниггерскую проблему надо решать быстро, а то каждый ниггер будет думать, что может насиловать и убивать белых женщин, когда захочет.

Отец спокойно произнёс:

— Он заслуживает честного суда. Мы не можем никого карать.

— Чёрта с два — *не можем*! — крикнул кто-то.

Толпа сомкнулась теснее. Я повернулся к мистеру Смуту, но его уже́ не было видно.

— А теперь ты уже́ не такой высокопоставленный, а, Джейкоб? — спросил мистер Нейшн. — Так что перди отсюда с твоей любовью к ниггерам!

— Отдай его мне, — ответил отец. — Я его возьму. Чтобы его судили честно.

— Ты говорил, что его *отпустишь*, — сказал Нейшн.

— Я это обдумал. Да.

338 В оригинале «Женщины», т. е. с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Никто его никуда не отпустит, разве что на конце верёвки!

— Вы его не повесите.

— *Заба-авно*, — протянул Нейшн. — А я думал, мы именно это и сделаем.

— Тут не дикий запад, — сказал отец.

— Это точно, — согласился Нейшн. — Тут берег реки́ с деревьями, а у нас есть верёвка и плохой ниггер.

Во время разговора папы с мистером Нейшном один из ребят Нейшна куда-то исчез, а теперь появился снова, держа в руках верёвку с петлёй. Петлю он накинул на голову Моуза.

Папа шагнул к ним, схватил верёвку и сдёрнул её с Моуза. Толпа заревела, как раненный зверь, и все навалились на отца, колотя руками и ногами. Я попытался броситься в драку, но мне тоже досталось, и я помню дальше только, как лежал на земле, видел бьющие но́ги и слышал, как Моуз кричит и зовёт отца, а когда я посмотрел в ту сторону, его волокли по земле с верёвкой на шее.

Кто-то схватил конец верёвки и перебросил через толстую[339] ветку дуба, и толпа дружно стала выбирать верёвку, вздёргивая Моуза. Он схватился за верёвку руками, и но́ги его задёргались.

Папа поднялся, шатнулся вперёд, схватил но́ги Моуза и поднял вверх. Но мистер Нейшн ударил его ногой в рёбра, и папа упал, и Моуз рухнул вниз с хрустом, и снова забил ногами, сплёвывая пену. Папа попытался подняться, но на него набросились и стали бить. Я встал и побежал к нему. Кто-то сзади ударил меня по шее, и когда я очнулся, никого уже́ не было, кроме меня и папы, который всё ещё был без сознания, и над нами висел Моуз, вывалив язык, длинный и чёрный, как набитый бумагой носок. Глаза́ его выкатились, как две зелёные хурмы.

Я встал на четвереньки, и меня стало рвать, пока внутри ничего не осталось. Меня схватили за бока чьи-то ру́ки, и я подумал, что опять будут бить, но тут я услышал голос мистера Смута:

— Спокойней, парень. Спокойней.

Он попытался меня поднять, но я не мог стоять. Тогда он оставил меня сидеть на земле и подошёл к папе. Повернув его лицом вверх, он оттянул веко.

Я спросил:

— Он…

— Нет, всё в порядке. Ему просто досталось несколько хороших ударов.

339 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Папа зашевелился. Мистер Смут помог ему сесть. Папа поднял глаза́ на Моуза. И сказал:

— Христа ради, Билл, срежь ты его оттуда.

✷ ✷ ✷

Моуза похоронили у нас во дворе, между амбаром и полем. Папа сделал ему деревянный крест, и вырезал на нём «*МОУЗ*», и поклялся, что раздобудет денег на надгробный камень.

После этого папа уже́ не был таким, как раньше. Он хотел бросить работу констебля, но те небольшие деньги, что он получал, были нам нужны, и потому он остался, хотя божился, что ещё раз что-нибудь такое — и он это дело бросит.

Осень сменилась зимой, и убийств больше не было. Те, кто помогал линчевать Моуза, утешали себя сознанием собственной правоты. *Плохого ниггера убрали. Женщины больше не будут погибать — особенно белые женщины.*

Из них многие были папиными клиентами, и больше они в парикмахерской не появлялись. А остальных почти всех стриг Сесил, и папе доставалось очень мало работы, так что он в конце концов дал Сесилу ключ и увеличил ему пай, а сам приходил только изредка. Переключился на работу на ферме, на рыбалку и охоту.

Когда настала весна, папа, как всегда, начал посадки, но о всходах говорил мало, и я мало слышал его разговоров с мамой, но иногда, поздно ночью, через стену, я слыхал, как он плачет. Не объяснить вам, как это больно — когда плачет твой отец.

В школе весной появился новый учитель, но решили, что занятия до осени не начнутся, пока идёт посадка растений. Сесил начал учить меня стричь, и я даже уже́ мог кое-что делать в парикмахерской — в основном стричь ребят моего возраста, которым нравилась сама идея, что я это делаю. Деньги я приносил домой маме, и когда я ей их отдавал, она чуть не плакала.

Впервые в моей жизни Депрессия стала ощущаться мною как Депрессия. Мы с Томом всё ещё ходили на охоту и рыбалку, но возрастной разрыв между нами становился заметнее. Мне должно было исполниться четырнадцать, и я ощущал себя таким старым, как Моуз.

Пришла и ушла весна, и она была приятна, но лето навалилось мстителем — горячее, как адская сковорода, и река обмелела, и рыба не хотела клевать, и бе́лки с кроликами в это время го́да были *червивыми*, так что

пользы от них было мало. Всходы сгорели, а чтобы мало не показалось, в середине июля[340] возникла большáя вспышка бешенства. Лесные звери, домашние собаки и кошки падали её жертвами. Ужасно было. Люди стали стрелять бездомных собак на месте. Мы держали Тоби поближе к дому и в прохладе, поскольку считалось, что бешенство собака может подцепить не только от укуса больного зверя, но и просто от жары.

В общем, люди стали называть это лето *летом бешеного пса*, и оказалось, что они *были правы* не только в том смысле, в котором думали.

✷ ✷ ✷

Клем[341] Сумшн жил от нас в десяти милях[342] по дороге — там, где[343] отходил просёлок от тогдашнего главного хайвея. В наше время это не назвали бы *хайвеем*, но это была главная дорóга, и если с неё свернуть, стараясь пересечь наш лесной перешеек и выехать к Тайлеру, проедешь мимо дóма Клема, который стоял у реки́.

Дом Клема выходил задней стеной на реку и устроен был так, что всё исходящее из Клема и его семьи́ попадало прямо в реку. Так делали многие, хотя некоторым, вроде моего отца, это не нравилось. Такое было в том месте в то время понятие о *канализации*. Отходы вываливались сквозь дыру на речной берег, а когда вода поднималась, она уносила всё это безобразие. Когда не поднималась, в кучах жили мухи, покрывая её своими телами, блестя,[344] как драгоценности в протухшем шоколаде.

У Клема был придорожный киоск, где он продавал кое-какие овощи, и в тот жаркий день, о котором я говорю, ему вдруг понадобилось отойти по случаю лёгкого расстройства желудка и оставить в киоске сына Вильсона.

Сделав своё дело, Клем свернул самокрутку и вышел посмотреть на кишащую мухами кучу — быть может, в надежде, что река её унесла хоть частично. Но было сухо, куча была больше, а вода ниже обычного, и что-то бледное и тёмное валялось на[345] куче лицом[346] вниз.

Клем с первого взгляда решил, что это здоровенная распухшая всплывшая кверху брюхом зубатка. Из огромных придонных обитателей, о которых ходят слухи, что они хватают маленьких собак и детей.

340 В оригинале «середине-июля» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
341 Clem, Клем — мужское имя (уменьшительное от Clement). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
342 В метрической системе 10 миль — это чуть более 16 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
343 В оригинале «Где», т. е. с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
344 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
345 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
346 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но *у зубаток нет ног.*

Клем пото́м рассказывал, что, даже заметив но́ги, он не сообразил, что это *человек*. Слишком оно было непривычное, *распухшее* для человека.

Но, осторожно спустившись по склону холма, думая только, как бы не вступить в *продукт*, который он со своей семьёй всё лето *наваливали* на берег, он уже́ понял, что это точно *разбухшее тело женщины*, лежащей лицом вниз во влажной черноте, и мухи в таком же восторге от трупа, как и от кучи отбросов.

Клем сел на лошадь и приехал к нашему двору вскоре после этого. Тогда было не так, как сейчас, когда тут же приезжают медэксперты, а копы бегают и меряют так и сяк и снимают отпечатки пальцев. Отец и Клем стащили тело с кучи и сунули в реку прополоскать, и тогда папа увидел лицо Марлы Канертон, похороненное под массой вспухшей плоти, и один холодный мёртвый глаз открыт, будто она подмигивает.

Тело прибыло к нашему дому, завёрнутое в брезент. Папа с Клемом вынули его из машины и оттащили в сарай. Когда они прошли мимо нас с Томом — а мы играли в какую-то игру под большим деревом, — от брезента ударило страшной вонью, а ве́тра не было, и вонь была сухая и резкая, от которой меня затошнило.

Когда папа вышел из сарая вместе с Клемом, у него в руке было топорище. Он резкими шагами шёл к машине, и слышно было, как Клем ему пытается втолковать:

— Не надо, Джейкоб! Не сто́ит оно того.

Мы подбежали к машине, когда из до́ма вышла мама. Папа спокойно положил топорище на переднее сиденье, а Клем стоял, и качал головой. Мама прыгнула в машину и набросилась на папу:

— Я знаю, Джейкоб, *что* ты задумал! И не думай даже!

Папа включил мотор.

— Дети! — завопила мама. — Залезайте немедленно! Я вас тут не оставлю!

Мы так и сделали, и с рёвом умчались, оставив Клема озадаченно стоять во дворе. Мама пыхала огнём, вопила и умоляла всю дорогу до до́ма мистера Нейшна, но папа ни сло́ва не произнёс. Когда он заехал во двор Нейшна, жена мистера Нейшна была снаружи, пропалывая жалкий огородик, а мистер Нейшн и двое его ребят сидели под деревом на соломенных стульях.

Папа вышел из машины с топорищем в руке и направился к мистеру Нейшну. Мама повисла у него на руке, но он выдернул руку. Миновал миссис Нейшн, которая посмотрела на него с удивлением.

Мистер Нейшн и его сыновья заметили папу, и мистер Нейшн медленно встал со стула.

— На кой чёрт тебе топорище? — спросил юн.

Папа не ответил, но в следующее мгновение стало ясно, *на кой чёрт* оно ему было нужно. Оно свистнуло в горячем утреннем воздухе,[347] как огненная стрела,[348] и ударило мистера Нейшна по голове сбоку, примерно где челюсть подходит к уху, и звук был, мягко говоря, как винтовочный выстрел.

Мистер Нейшн свалился, как пугало под ветром, а папа стоял над ним, размахивая топорищем, а мистер Нейшн вопил и самым жалким образом прикрывался руками, а двое его ребят бросились на папу, а папа обернулся и свалил одного из них, а второй сбил его. Я тут же инстинктивно стал лупить его ногами, и он оставил папу и навалился на меня, но папа уже́ поднялся, и свистнуло топорище, и парнишка отключился, как свет, а второй, который был ещё в сознании, пополз на четвереньках по земле, как изувеченная сороконожка. Пото́м кое-как встал и побежал к дому.

Мистер Нейшн несколько раз пытался встать, но каждый раз топорище прорезало воздух, и он падал обратно. Папа обрабатывал спину и бока мистера Нейшна, пока не выдохся, и ему не пришлось отступить и на что-нибудь опереться.

Нейшн, побитый, наверняка с переломанными рёбрами, с распухшими губами, смотрел снизу вверх на папу, сплёвывая зубы, но встать не пытался. Папа, когда перевёл дыхание, сказал:

— Марту Канертон нашли у реки́. Мёртвую. Изрезанную точно так же. Ты, твои парни и вся твоя толпа линчевателей только и сделали, что повесили невинного.

— Ты у нас вроде блюститель закона? — спросил Нейшн.

— Был бы у нас хоть какой-то закон, я бы тебя арестовал за то, *что* ты сделал с Моузом, но в этом толку нет. Здесь тебя никто не приговорит, Нейшн. Все тебя *боятся*. Но я не боюсь. Ты понял? *Не боюсь*. И если ты ещё хоть раз встанешь на моей дороге, Господом клянусь, я тебя убью.

Папа отшвырнул топорище, сказал «*пошли*», и мы все двинулись к машине. Когда мы проходили мимо миссис Нейшн, она подняла глаза́, опираясь на мотыгу. У неё был подбит глаз и распухла губа, и на щеке старые кровоподтёки. И она нам *улыбнулась*.

347 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
348 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

На похоронах миссис Канертон были все. Моя семья вместе со мной стояла в первом ряду. Сесил тоже был. Были почти все, кроме Нейшнов и ещё некоторых, которые были в толпе линчевателей.

В течение недели в парикмахерскую вернулись все папины клиенты, и среди них линчеватели, и все они просили, чтобы он их *стриг*. Он снова начал регулярно работать. Я не знаю, *что* он по этому по́воду чувствовал, подстригая тех, кто бил его в тот день, кто убил Моуза, но он их *стриг* и брал с них деньги. Может быть, для него это было что-то вроде реванша. А может, просто нужны были деньги.

Мама нашла работу в городе в суде. Школы не было, и на моём попечении осталась Том, и хотя считалось, что в это лето нам надо держаться подальше от ле́са, особенно учитывая, что убийца гуляет на свободе, мы были детьми, мы скучали, и нас тянуло к приключениям.

Как-то утром мы с Томом и с Тоби спустились к реке и стали искать брода вблизи висячего моста. Через мост мы ходить не хотели под тем предлогом, что Тоби через него не перейдёт, но это был всего лишь *предлог*.

Нам хотелось посмотреть на колючий туннель, где мы заблудились в ту ночь, но переходить через мост, чтобы туда добраться, нам не хотелось. Мы шли долго и дошли в конце концов до того сарая, где жил Моуз, и остановились, глядя на него. Это была лачуга из дерева, жести и толя. Моуз обычно сидел снаружи под нависавшей над рекой ивой.

Дверь была широко открыта, и мы, заглянув, увидели, что здесь вовсю похозяйничала лесная живность. Жестянка с мукóй была опрокинута и обсажена жуками. Всю прочую еду трудно было определить. Просто месиво, вбитое в земляной пол. Кое-где валялось жалкое имущество Моуза. Деревянная игрушка на полке, а рядом с ней — выцветшая фотография смуглой негритянки, может быть, жены Моуза.

Всё это произвело на меня гнетущее впечатление. Тоби вошёл, понюхал и стал копаться в мукé, пока мы его не отозвали.

Мы обошли дом, подошли к стулу, и там, оглянувшись на дом, заметили *её*. Цепочка висела на стене, на гвозде, и на ней болтались несколько рыбьих скелетов и одна *свежепойманная* рыба.

Мы подошли посмотреть. Свежая рыба была *очень* свежей, даже ещё *сырой*. Кто-то её недавно здесь повесил, и по скелетам других рыб было видно, что этот *кто-то* делает это регулярно и довольно давно, как приношение Моузу. Приношение, которое больше некому брать.

На друго́м гвозде, связанная шнурками, висела пара старых ботинок, скорее всего,[349] выловленных из реки́, а над ними — покорёженный от воды́ ремень. На земле, прислонённая к стенке с гвоздём, на котором висели ботинки, стояла жестяная тарелка, яркий синий речной камень и каменный кувшин. Всё это лежало как дары.

Я не знаю почему, но я снял мёртвую рыбу, все старые ко́сти, сбросил их в реку и повесил цепь обратно на гвоздь. Ботинки, тарелку, камень и кувшин я тоже бросил в реку. Не ради злой шалости, а чтобы казалось, *будто дары приняли*.

Старая лодка Моуза так и была возле до́ма — она лежала на камнях, чтобы не гнила на сырой земле. И там лежало весло. Мы решили взять её и проплыть по реке вверх до шиповниковых туннелей. Погрузили Тоби в лодку, столкнули её в воду и поплыли. Долго плыли до висячего моста, прошли под ним, высматривая Козлонога.

В тени́ под мостом было тёмное углубление, как пещера. Я подумал, что там и живёт Козлоног, там и подстерегает добычу.

Мы медленно подгребли к бе́регу, где нашли тогда привязанную к дереву женщину. Её, конечно, давно уже́ не было, и плетей ежевики, которые её держали, тоже.

Вытащив лодку на глинисто-галечный берег, мы её там оставили и поднялись выше по обрыву, мимо дерева, где была женщина, в заросли шиповника. Туннель был тот же самый, и при свете дня стало ясно, что он и в са́мом деле *прорезан*. Он был не так широк и длинен, как казалось ночью, и выходил в туннель пошире, а тот тоже был короче и меньше, чем мы тогда думали. На шипах висели клочки цветной материи, и картинки из каталога Зирса с женщинами в одном белье, и игральные карты —[350] вроде тех, что я видел. Ночью мы их не видели, но они, наверное, были и тогда.

В середине туннеля кто-то устроил кострище, а над ним ветви шиповника так густо переплетались с низкими ветвями деревьев, что можно было себе представить, как это место остаётся почти сухим даже под ливнем.

Тоби нюхал и бегал вокруг, как только позволяли ему повреждённые но́ги.

— Это вроде гнезда, — сказала Том. — *Гнездо Козлонога.*

Тут меня слегка пробрало холодком, когда я понял, что так оно и есть, и здесь, а не под мостом, его логово или одно из его логовищ, и он может в любой момент вернуться домой. Я сообщил это Тому, и мы позвали Тоби и быстро убрались, пото́м попытались подняться на лодке обратно вверх по реке, но не смогли.

349 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
350 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В конце концов мы вылезли и попытались пронести лодку по бе́регу, но она была слишком тяжёлой. Мы сдались и оставили её на берегу́. Пото́м прошли под висячим мостом и ещё далеко шли, пока нашли песчаную отмель. По ней мы перешли реку вброд, вернулись домой, быстро доделали всё, что нам было поручено, отчистили себя и Тоби и успели всё это до того, как мама с папой на машине вернулись с работы.

На следующее утро, когда мама с папой уехали в город на работу, мы с Томом и Тоби отправились опять туда же. Что-то в старой лачуге Моуза не давало мне покоя, и я хотел в этом разобраться. Ничего нового не висело на гвоздях и не стояло у стены́. Но кое-что любопытное было. *Лодка, которую мы бросили на берегу́, стояла на месте, и весло лежало в ней.*

✷ ✷ ✷

Той ночью, лёжа в кровати, я услышал разговор папы с мамой. После того как папа отлупил топорищем мистера Нейшна и его ребят, дух его восстановился. Я услышал, как он говорит маме:

— Вот об этом я и сам подумал, милая. Что если убийца *хотел*, чтобы подумали на старого Моуза, и потому поднял такой шум — просто *скрыть*, что это сделал он. Может быть, *он хотел это бросить, но не смог.* Понимаешь, как такая *болезнь*: ты[351] думаешь, она уже́ прошла, а она вдруг возвращается.

— Ты имеешь в виду мистера Нейшна? — спросила мама.

— Об этом я и думал. И мне пришло в голову, что это может быть кто-то из его ребят, Изо или Урия. С Урией всё не так просто. Много поговаривали, что он мучает мелких животных, топчет на берегу́ пойманных рыб без всякой причины.

— Это ещё не значит, что он убил тех женщин.

— Нет. Но *он любит убивать живое и резать на части*. А второй, Изо, всё время поджигает огонь, и не так, как другие дети, а *регулярно*. У него уже́ были за это неприятности. Меня такие люди *тревожат*.

— И это всё равно не значит, что они убийцы.

— Нет. Но если Нейшн на *такое* способен, вполне в его духе свалить это на цветных. В наших местах народ запросто такое проглотит. Слыхал я па́ру раз, как полицейские говорили: когда не знаешь, кто это сделал, хватаешь какого-нибудь ниггера. И людям спокойнее, и одним ниггером меньше.

351 В оригинале «Ты», т. е. с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это ужасно!

— Конечно, ужасно. Но так оно здесь делается. Если Нейшн этого не делал, но знает, что это сделали один или оба его бездельника, он мог сделать им такое прикрытие.

— Ты в са́мом деле думаешь, что это возможно, Джейкоб?

— Думаю, что возможно. Не знаю, насколько, но буду за ними присматривать.

Папа относился к мистеру Нейшну и его ребятам настороженно. Я видел мистера Нейшна па́ру раз после того дня, как папа его отлупил, и когда он меня видел, глядел на меня так, что камень задымился бы, и шёл дальше своей доро́гой. Изо однажды даже шёл за мной по Главной улице и корчил зверские гримасы, но когда я дошёл до парикмахерской, свернул за па́ру домов до меня.

Но я, несмотря на всё это, по-прежнему думал на Козлонога. Он был возле того ме́ста, где мы с Томом нашли тело, и он шёл за нами до доро́ги, будто мы должны были стать его следующими жертвами. И ещё я думал, что надо быть не совсем человеком, чтобы *так* поступить, как с *теми* женщинами.

Бедная миссис Канертон всегда была такая хорошая! Книги, вечеринки на Хэллоуин. И улыбалась она хорошо.

Засыпая, я подумал, что надо папе рассказать насчёт картинок из каталога Зирса, кусочков материи и вообще что мы видели в шиповниковом туннеле, но в мои годы я боялся, что мне влетит за то, что оказался там, где мне не полагалось. И потому я промолчал. Оглядываясь назад, можно теперь сказать, что это ничего не изменило бы.

✷ ✷ ✷

Тем летом мы с Томом время от времени убегали к хижине старого Моуза. Там иногда появлялись свежие рыбы на гвозде, или случайные находки из реки́, так что моя интуиция меня не подвела. Кто-то приносил подарки Моузу, наверное, не зная, что он мёртв. А может быть, оставлял их тут по какой-то другой причине.

Мы аккуратно снимали их и возвращали в реку, гадая, уж не Козлоног ли оставляет здесь подарки. Но, выискивая его следы, мы видели только отпечатки больши́х ботинок. И никаких копыт.

Лето становилось всё жарче и жарче, воздух стал вроде одеяла, обмотанного вокруг головы́ в два сло́я. Так жарко, что в полдень не хотелось шевелиться, и мы на время бросили бегать к реке и держались вблизи до́ма.

На Четвёртое Июля[352] наш городок решил устроить праздник. Мы с Томом очень радовались, потому что ожидались фейерверки и римские све́чи и прочая пиротехника — а ещё, конечно, изобилие домашней еды.

Народ не терял настороженности, думая, что убийца может где-то ещё таиться, и общее мнение сменилось — теперь считалось, что это не какой-то проезжий, а кто-то среди нас.

На са́мом деле никто здесь ничего подобного не видел и не слышал, кроме истории с Джеком-потрошителем, и все раньше думали, что такие убийства могут быть только где-то далеко,[353] в больши́х городах.

Город собрался перед сумерками. Движение на Главной перекрыли, что не имело значения, потому что всё равно машины по ней редко ездили, поставили столы с накрытыми блюдами и арбузами, проповедник произнёс несколько слов, каждый взял себе тарелку и пошёл вдоль столов, накладывая еду. Я помню, как ходил и ел всего понемногу — картофельное пюре, подливка, пироги с изюмом, яблоками и грушами. Том ела только пироги и ничего больше — только ещё кусок арбуза, который положил ей Сесил.

Между столами стояли в круг стулья, а за стульями — импровизированная сцена, а на ней по краям группы народу с гитарами и скрипками, кто-то играл и пел, а в середине танцевали. Мама с папой тоже пошли танцевать, а Том сидела на колене Сесила и хлопала в такт в ладоши, подпрыгивая.

Я всё думал, что покажется мистер Нейшн со своими ребятами, как они всегда делали, если была бесплатная еда или возможность выпить, но они не появились. Я решил, что это из-за папы. Может, мистер Нейшн был страшен с виду и на словах, но папино топорище его смирило.

Ночь начинала выдыхаться, музыка прекратилась и устроили фейерверк. Шутихи прыгали, римские све́чи вертелись и разбрасывали пламя по Главной улице, вспыхивая всеми цветами на чёрном фоне но́чи, пото́м пламя стало шире, тоньше и погасло. Помню, оставалась одна яркая полоса, которая погасла не сразу, но опускалась на землю, как падучая звезда, и мои глаза́, провожая её, упали на Тома и Сесила, и в последней вспышке шутихи я увидел Тома, её улыбающееся лицо, и Сесила, держащего ру́ки у неё на плечах, лицо его чуть обвисло и покрылось испариной, и колено его ещё её подбрасывало, хотя музыка кончилась, и они оба смотрели в небо, ожидая ярких взрывов.

Тревога из-за убийств, из-за того, что убийца среди нас, отступила. В этот миг казалось, что всё в мире хорошо.

352 См. 97. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
353 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Когда мы добрались домой, никому ещё не хотелось спать, и мы сели ненадолго под большим дубом выпить яблочного сидра. Это было здорово, но я не мог избавиться от ощущения, что за мной следят. Я оглядывал лес, но ничего не видел. Том, кажется, ничего не заметила, и родители тоже. Чуть позже из лесу выскочил опоссум, поглядел на наше празднество и снова исчез в темноте.

Папа принёс старую гитару, и они с мамой спели несколько песен, потом стали рассказывать истории, и пара среди них была страшноватых, потом все по очереди пошли в дальнее строение — и спать.

Мы с Томом ещё немножко поговорили, потом я помог ей открыть окно возле кровати, и тёплый воздух пахнул зарождающимся дождём.

В эту ночь, прижимая ухо к стене, я услышал, как мама говорит:

— Милый, дети услышат. Стены-то у нас тоньше бумаги.

— Разве ты не хочешь?

— Хочу, конечно.

— Стены всегда были тоньше бумаги.

— Ты не всегда такой, как сегодня. Ты знаешь, какой ты бываешь, когда вот так.

— Какой?

— Громкий, — засмеялась мама.

— Послушай, милая, мне на самом деле *очень* надо. И я хочу быть громким. Что ты скажешь, если мы сядем в машину и чуть прокатимся? Я знаю одно местечко.

— Джейкоб, а что, если кто-нибудь пройдёт мимо?

— Я знаю такое место, где *никто* не пройдёт мимо. По-настоящему *уединённое*.

— Ну что ты, не надо. Можно и здесь. Только надо будет *тихо*.

— А я не хочу тихо. И даже если бы хотел, всё равно это прекрасная ночь. И спать не хочется.

— А дети?

— Это очень близко, милая. И будет здóрово.

— Ну, ладно… ладно.

Я лежал и ломал голову, *что* это стукнуло в голову моим родителям, и потóм услышал, как завелась машина и выехала на дорогу.

Куда это они?

И зачем?

Только через несколько лет до меня дошло, *что* всё это значило. В то время это было загадкой. И я ещё какое-то время погадал, потóм бросил. Ветер из тёплого стал прохладным от приближающегося дождя.

Чуть позже меня разбудил лай Тоби, но он перестал, и я снова заснул. Потóм я услыхал постукивание. Будто птица склёвывает зерно с твёрдой поверхности. Я медленно открыл глазá, повернулся в кровати и увидел в открытом окне *силуэт*. Когда ветром отбросило шторы, я разглядел стоя́щую фигуру — она заглядывала внутрь. Тёмный силуэт с рогами на голове, и одна рука постукивала по подоконнику длинными ногтями. Козлоног что-то отрывисто мычал.

Я сел, как на пружине, прижавшись спиной к стене.

— Убирайся!

Но тень осталась, и её мычание перешло в скулёж. Потóм шторы занесло ветром внутрь, вынесло обратно, и тень исчезла. Тут я и заметил, что кровать Тома прямо под окном пуста.

Это я помог открыть это окно.

Перегнувшись через её кровать, я выглянул наружу. На фоне лéса был виден Козлоног. Он поднял руку и поманил меня.

Я не знал, что делать. Бросился в комнату родителей, но их не было. Кажется, вспомнилось мне, они уехали, как раз когда я засыпáл, Бог знает зачем. Вернулся в нашу с Томом каморку и убедился, что не сплю. Том исчезла, почти наверняка её украл Козлоног, и теперь он зовёт меня за собой. Будто дразнит. Будто играет.

Я снова выглянул в окно, и Козлоног стоял на месте. Я взял дробовик и патроны, натянул штаны, заправил в них рубашку и надел ботинки. Подойдя к окну, снова выглянул. Козлоног всё так же стоял у лéса неподвижно. Я выпрыгнул из окнá и пошёл за ним. Увидев ружьё, он нырнул в тень.

На бегу я звал маму, папу и Тома. Но никто не отозвался. Потóм я обо что-то споткнулся и упал. Поднявшись на колени, я увидел, что споткнулся об *Тоби*. Он лежал на земле *неподвижно*. Отложив ружьё, я поднял его, но он свалился на бок. У него была сломана шея.

Боже мой, Тоби убили! После всего, что с ним было, его убили! Он же лаял, предупреждая меня о Козлоноге, а теперь его убили, и Том пропала, и папа с мамой Бог знает где в машине, и Козлонога больше не видно.

Я положил Тоби на землю, подавил слёзы, подхватил дробовик и бросился в лес наобум по той дорожке, по которой ушёл Козлоног, ожидая в любой момент наткнуться на тело Тома со сломанной шеей, как у Тоби.

Но этого не случилось.

Луны хватало, чтобы видеть, куда идёшь, но не хватало, чтобы не видеть в каждой тени́ притаившегося Козлонога, готового к прыжку. Ветер вздыхал в ветвях, уже́ неся капли дождя, и дождь был прохладным.

Не знаю, может, надо было вернуться и попытаться найти маму с папой. Я чувствовал, что я, что бы ни делал, теряю драгоценное время. Откуда я мог знать, *что* сейчас делает Козлоног с бедняжкой Томом? Может, он её связал и оставил на опушке, а пото́м пришёл дразнить меня через окно? Может, я ему тоже был нужен. Я вспомнил, *что* случилось со всеми теми женщинами, и подумал о Томе, и меня вроде как замутило, и я побежал быстрее, решив, что лучше бежать вперёд, надеясь, что догоню чудовище и смогу его застрелить и спасти Тома.

И вот тогда я заметил этот странный предмет посередине тропы́. Отрезанную ветку, вдавленную в землю, и сверху она была изогнута направо и сложена как указатель. Как стре́лка, *указывающая путь*.

Козлоног надо мной *смеялся*. Я решил, что мне остаётся только идти, куда указывает стрела, — по тропинке, ещё более узкой, чем та, на которой я стоял.

Я пошёл по ней, и увидел *другую* ветку, уложенную поспешно — просто обломанную и сунутую в землю, перегнутую и опять-таки *указывающую вправо*.

То, на что она показывала, едва ли даже можно было назвать тропой — так, просветы между деревьями то там, то тут. Я пошёл в ту сторону. Паутина пугалась в волосах, ветки хлестали по лицу, и не успел я сообразить, *что* случилось, но́ги поехали и я соскользнул с какой-то насыпи. Стукнувшись задом, я огляделся и увидел, что сижу на дороге — той, по которой ездили проповедники. Козлоног привёл меня к дороге прямым путём и пошёл по ней, потому что прямо передо мной, нарисованная на дорожной пыли́, лежала *стрела*. Если он может переходить дорогу и ходить по ней, значит, он может попадать,[354] куда хочет. *Нигде нет укрытия от Козлонога.*

Я побежал по дороге, и больше уже́ не искал указателей. Я знал, что иду к висячему мосту, а оттуда — к шиповниковым туннелям, куда, как я понял, унёс её Козлоног. Значит, там и есть его жильё. Туннели. И я понял, что эти туннели им были сделаны, когда он мучил этих женщин перед тем, как

354 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

бросить их в реку. Повесив там ту *цветную*, он бросил вызов нам всем, показав место не только этого убийства, но и всех остальных убийств. Место, где он мог не торопясь делать,[355] что хочет и сколько хочет.

Когда я оказался у висячего моста, ветер стал сильнее и дождь пошёл гуще. Мост качался туда-сюда, и я решил, что лучше будет спуститься к лачуге Моуза и пересечь реку на его лодке.

Я побежал изо всех сил, и когда я оказался у лачуги, рёбра у меня болели от бе́га. Бросив в лодку ружьё, я столкнул её с деревянных блоков, и она соскользнула к воде. Но там она застряла в песке, и мне было её не вытолкнуть. Она увязла как следует. Тянул я и толкал изо всех сил, но без толку. И я заплакал. Надо было идти по мосту.

Забрав из лодки ружьё, я побежал обратно, но тут, пробегая мимо лачуги, увидел на стене *такое*, что вздрогнул.

На гвозде висела цепочка, а на цепочке — *рука*, отделённая у запястья. Меня замутило. *Том! О Боже ты мой!*

Я медленно подошёл, нагнулся, и увидел, что для Тома рука слишком больша́я, и она почти уже́ разложилась, остался только кусочек плоти. Только в темноте она показалась мне целой, а на са́мом деле давно уже́ такой не была. И цепочка не была привязана к руке, а просто рука была сжата в кулак, и цепь продета между пальцами, но рука наполовину раскрылась, и я увидел, что она держит *монету*. Французскую монету с зазубриной. Монету *Сесила*.

Я знал, что надо спешить, но меня вроде как палкой огрели. Убийца отрезал руку жертвы. Это я помнил. Я решил, что женщина схватила убийцу, и он ударил её чем-то больши́м и острым, и отхватил руку.

Больше вопросов, чем ответов. Как оказалась в этой руке монета Сесила, и как она оказалась *здесь*? Кто всё это здесь оставлял и зачем? Козлоног?

Вот тут я и почувствовал руку у себя на плече.

✷ ✷ ✷

Дёрнув головой, я попытался вскинуть ружьё, но тут же другая рука вырвала его у меня, и я взглянул прямо в лицо Козлонога.

Из-за тучи выглянула луна, и свет её упал на лицо Козлонога, и глаза́ его блеснули, и я увидел, что они *зелёные*. Зелёные, как глаза́ старого Моуза.

355 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Козлоног тихо мычал и потрёпывал меня по плечу. Тут я увидел, что рога́ у него — вовсе не рога́, а старая соломенная шляпа, которая давно сгнила, оставив посередине дыру, будто кто-то выкусил из неё перёд, и потому была похожа на рога́. *Соломенная шляпа. Старая соломенная шляпа. Не рога́. И глаза́. Глаза́ старого Моуза.*

И тут до меня *дошло*. Козлоног вовсе не козлоног. Это *сын* старого Моуза, тот, у которого была голова не в порядке и которого считали мёртвым. Он жил в лесу всё это время, и старый Моуз о нём заботился, и сын в ответ заботился о Моузе, принося ему дары, которые находил в реке, и теперь старого Моуза больше нет, а он всё равно это делает. Это был просто большой умственно отсталый ребёнок в теле мужчины, и он бродил по местным лесам в истлевшей одежде и ботинках, которые просят каши.

Козлоног повернулся и показал вверх по реке. Я знал, что он никого не убивал и Тома не похищал. Он пришёл меня предупредить, сказать, что Тома украли, и теперь он показывал дорогу. Я просто это знал. Я не знал, *как* он нашёл руку с монетой и цепочкой Сесила, но я знал, что *Козлоног не убивал никого*. Он следил за нашим домом, он видел, *что* случилось, а теперь он пытался мне *помочь*.

Я вывернулся из его руки́ и побежал к лодке, попытался снова вытащить её из песка. Козлоног подошёл, положил ружьё в лодку, схватился за неё, вытащил из песка, сбросил в воду и помог мне в неё влезть, прошлёпал по воде, толкая лодку, пока она не оказалась на хорошем течении. Я видел, как он прошлёпал обратно к бе́регу и лачуге. Взяв весло, я стал грести, стараясь не слишком думать, что могло случиться с Томом.

Время от времени луну скрывали тёмные тучи, капли дождя стали гуще и ветер сильнее, прохладный от влаги. Я грёб так, что спина и плечи заныли, но мне помогало течение. Я миновал целый косяк водяных щитомордников и испугался, как бы они не залезли в лодку, как это они любят, принимая её за бревно и желая отдохнуть.

Я стал грести быстрее, распугав при этом косяк, и один действительно попытался залезть в лодку, но я как следует дал ему веслом, и он рухнул в воду, живой или мёртвый — не знаю.

Миновав излучину, я увидел заросли шиповника, и тут на меня накатило какое-то гнетущее чувство. Не только страх перед тем, *что* я могу найти в этих туннелях, но и страх ничего не найти. Страх, что я ошибся. Или что Козлоног действительно украл Тома. Может быть, она в лачуге Моуза, и там он её держал, ожидая, пока я скроюсь из глаз. Но если так, зачем он отдал мне ружьё? Так он вообще не сильно умный. Он — лесной житель, как енот или опоссум. Он не умеет думать, как нормальные люди.

Всё это летело у меня в голове, кружилось и путалось с моими страхами и мыслью о том, чтобы по-настоящему убить человека из ружья. Это было как во сне, вроде тех, что были у меня, когда я болел гриппом год назад, и всё в голове кружилось, и голоса́ мамы с папой отдавались эхом, а вокруг стелились те́ни, пытаясь меня схватить и утащить никто не знает куда.

Я подгрёб к бе́регу, вылез, вытащил лодку так далеко, как смог. Вытащить её из воды́ совсем было не в моих силах — я выдохся на гребле. Оставалось только надеяться, что её не унесёт.

Вытащив ружьё, я пошёл по склону, стараясь не шуметь, и увидел прямо перед собой вход в туннель, куда мы с Тоби и с Томом вышли той ночью.

В кустах было темно, и луна скрылась за облаками, и ветер шевелил кусты, постукивая веточками, и капельки дождя пробивались через листву и смешивались с по́том у меня в волосах, сбегали по лицу, и меня пробирала дрожь. Четвёртое июля[356], а я *мёрз*.

Пробираясь по туннелю, я заметил впереди прыгающее оранжевое сияние и услышал треск. Я вздрогнул, осторожно подался вперёд, вышел к концу туннеля — и застыл. И не мог заставить себя свернуть в другой туннель. Будто но́ги приросли к земле.

Я взвёл курок, высунул голову за край кустов и посмотрел.

В середине туннеля, там, где мы с Томом нашли кострище, горел огонь, и там на земле лежала Том, без одежды, разостланная на земле, и над ней стоял человек, возя туда-сюда руками, и издавал звуки, как долго голодавшее животное, дорвавшееся,[357] наконец,[358] до еды. Ру́ки его порхали над ней, будто он играл на пианино. Рядом с головой Тома в землю было воткнуто массивное мачете, и лицо Тома было повёрнуто ко мне. Глаза́ её были полны слёз, а рот завязан больши́м платком, а ру́ки и но́ги связаны верёвками, а пока я смотрел, человек встал, и я увидел, что штаны у него спущены, и он держится за себя, и ходит перед огнём и глядит на Тома и орёт:

— Я не хочу этого делать, это *ты меня заставляешь*! Ты понимаешь, что это *ты виновата*? Ты стала какая надо. *Какая надо*!

Голос был громким, но *такого* го́лоса я никогда раньше не слышал. В нём была вся сырость и тьма речного дна, и вся грязь *оттуда*, и всё, что может ещё *там* собраться.

Лица́ мужчины я рассмотреть не мог, но по его сложению, по отблеску огня на волосах я узнал сына мистера Нейшна, Урию.

Но тут он повернулся, и это был *не* Урия. Я его принял за Урию, потому что он был так же сложен, но ошибся.

Я вошёл в туннель и сказал:

356 См. 97. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
357 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
358 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Сесил?

Слово сорвалось у меня с губ, хотя я даже не собирался говорить. Сесил повернулся ко мне, и лицо его было совсем таким, как раньше, когда он подбрасывал Тома на колене, а за спиной у него взрывались фейерверки. То же самое расслабленное выражение, та же испарина на лбу.

Он выпустил свои о́рганы, будто показывая их мне, будто он гордился ими, и я тоже должен разделить эту гордость.

— Ух ты чёрт! — сказал он всё тем же хриплым и животным голосом. — Всё не так. Я не хотел, чтобы это была Том[359]. Но она созревала, Боже мой, прямо у меня на глазах. Каждый раз, как я её видел, я себе говорил, *нет, нельзя, нельзя гадить, где ешь*, но она зрела, Боже ты мой, и я думал, я просто поеду к вам, гляну на неё, если выйдет, а там она лежала, и так легко было её взять, и я знал, что сегодня ночью *я должен*. И ничего больше.

— Почему?

— Сынок, здесь не бывает «*почему*». Должен — и всё. Я должен их всех. Я сказал себе, что не буду, но делаю. Делаю.

Он чуть двинулся ко мне.

Я поднял ружьё.

— Ну, парень, — сказал он. — Ты же не хочешь меня убивать.

— Нет, сэр, *хочу*.

— Я ничего не могу поделать. Ты послушай. Я её отпущу, и мы просто всё забудем. Когда ты придешь домой, меня уже́ здесь не будет. У меня тут спрятана лодчонка, я спущусь по реке, а там сяду на поезд. Это я умею. Я смоюсь раньше, чем ты это будешь знать.

— А ты *опал*, — сказал я.

Его пиписька[360] поникла.

Он глянул вниз.

— Так и есть. — Он натянул штаны и застегнул их, при этом продолжая говорить. — Послушай. Я не собирался причинять ей вреда. Я только хотел пальчик окунуть. Я уйду, и всё будет хорошо.

— Ты уйдёшь вниз по реке и сделаешь это снова, — сказал я. — Как ты пришёл к нам по реке и сделал это у нас. Ты ведь не остановишься?

— Тут нечего сказать, Гарри. Иногда я собой не владею.

— Где твоя цепочка и монета, Сесил?

359 В оригинале невразумительное излишество «Я не хотел, чтобы надо было, чтобы это была Том». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

360 В оригинале «пиписка» без мягкого знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он потрогал шею.

— Потерял.

— Та женщина, с отрубленной рукой — она за неё схватилась?

— Вроде так и было.

— Отойди влево, Сесил.

Он отошёл влево, показал на *мачете*.

— Она меня схватила, я рубанул её *вот этим*, и рука отвалилась. Проклятие! Я её сюда притащил, она вырвалась, и я за ней погнался. И она меня схватила, она отбивалась. Я ей отхватил руку и бросил в реку. Ты можешь себе представить… А как ты узнал?

— Козлоног вылавливает из реки́, что попадётся, и вешает на хижину Моуза.

— Козлоног?

— Настоящий Козлоног — это ты.

— Какую-то ты чушь несёшь, парень.

— Отойди на *ту* сторону.

Я хотел, чтобы он отошёл от выхода с той стороны́ — того, в который вошли мы с Томом в ту ночь, когда нашли тело.

Сесил пошёл налево от меня, я двинулся направо. Как будто мы кружили друг вокруг друга. Я оказался рядом с Томом и присел около неё, не отводя ствола ружья от Сесила.

— Я мог бы исчезнуть навсегда, — сказал Сесил. — Ты только отпусти меня.

Я протянул руку, нащупал узел на платке и развязал его.

— Убей его! — завопила Том. — Убей! Он в меня пальцами тыкал! Застрели его! Он меня вытащил через окно и тыкал в меня пальцами!

— Тише, Том! — сказал я ей. — Спокойнее.

— Развяжи меня! Дай мне ружьё —[361] и я его застрелю!

— И это сюда ты притаскивал тех женщин, чтобы убить? — спросил я.

— Отличное место. Его уже́ оборудовали бродяги. Когда я выбирал женщину — ну, я с ними легко управляюсь. У меня лодка всегда была наготове, и можешь по реке попасть, куда хочешь. Железная доро́га тоже недалеко. И поездов много — легко добраться,[362] куда угодно. Иногда я брал

361 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
362 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

машину — знаешь чью? Миссис Канертон. Однажды она мне её одолжила, и я спросил, не хочет ли она поехать покататься со мной, пока я еду по делу. Я ей нравился, парень, и просто не смог сдержаться. Мне только и надо было притащить её сюда, а когда я кончил дело, выбросил остатки в реку.

— Папа тебе верил, а это ты выдал, где Моуз. Ты мистеру Нейшну сказал.

— Парень, это же был всего только ниггер. Мне надо было замести след. Ты ж понимаешь. Это ж не то, что мир потерял сто́ящего гражданина.

— Мы думали, что ты наш друг, — сказал я.

— Так и есть, парень. Так и есть. Иногда же друзья тебя доводят, правда? Делают то, что делать не надо. Но я же не хотел!

— Тут разговор не о том, чтобы украсть у друга жвачку. Ты хуже бешеного зверя, потому что они безмозглые. Они не владеют собой.

— Я тоже.

Трещал костёр, на лице Сесила играли отблески. Редкие капли дождя просачивались сквозь навес ветвей, листьев и лиан, падали в костёр и шипели.

— Ты вроде своего папы, знаешь? Такой весь *праведный*.

— Вроде.

Придерживая одной рукой наставленное на Сесила ружьё, я присел и попытался развязать узлы на руках Тома. Это мне не удалось, и я достал карманный нож и разрезал верёвки у неё на руках, пото́м на ногах.

Я встал, поднял ружьё, и он чуть вздрогнул, но я *не мог* его застрелить. Не было во мне того, что для этого нужно, — разве что он бы на нас набросился.

И я не знал, *что* с ним делать. Я решил, что у меня нет другого выбора, кроме как его отпустить, сказать папе, и пусть они его поймают. Томми натягивала одежду, когда я сказал:

— В конце концов ты своё получишь.

— Вот это уже́ разговор, парень.

— Ты стой там, мы уходим.

Он поднял ру́ки:

— Наконец-то ты дело говоришь.

— Если ты не можешь его застрелить, я могу! — сказала Том.

— Пойдём, Том.

Ей это не понравилось, но она нырнула в туннель и пошла вперёд.

— Не забывай, парень, были у нас хорошие минуты, — сказал Сесил.

— Ничего у нас не было. Ничего ты мне не делал, только стриг, и ты всё равно не знаешь, как стричь мальчиков. — Я повернулся и пошёл в туннель. — И вообще надо было тебе ногу прострелить за то, что ты с Тоби сделал.

Мы не пошли через выход, который вёл в лес, потому что я хотел выйти тем путём, которым пришёл, к лодке. Если мы пойдём по реке, ему трудно будет нас выследить — если у него это было на уме.

Когда мы пришли к реке, лодку, которую я не смог вытащить как следует, уже́ унесло водой, и она плавала в течении.

— Чёрт! — сказал я.

— Это лодка Моуза? — спросила Том.

— Придётся идти по бе́регу до висячего моста.

— Далёкая доро́га, — сказал голос Сесила.

Я резко обернулся, и там он стоял на высоком берегу́ рядом с деревом, где мы с Томом нашли тело. Как больша́я тень совсем рядом с деревом, и мне подумалось о восставшем из земли́[363] Дьяволе, тёмном, полном зла и лжи.

— Далеко вам идти, дети. Далёкая доро́га.

Я навёл на него ружьё, и он скользнул за дерево со словами:

— Далёкая доро́га.

Я знал, что надо было убить его. Без лодки нас очень легко проследить, пробираясь по лесу, и я даже не буду его видеть.

Мы с Томом пошли вроде как перебежками по бе́регу, и слышали, как над нами в лесу по обрыву идёт Сесил, но пото́м перестали его слышать. Совсем как в ту ночь, когда мы слышали звуки в туннеле и рядом. Я решил, что это тогда был он, может, пришёл полюбоваться на свою работу на том дереве; может, она ему нравилась и он хотел, чтобы её увидели. Он крался за нами — а может быть, за Томом. Он уже́ и тогда её хотел.

Мы шли быстро, и Том почти всю дорогу ругалась, рассказывая, *что* там делал Сесил пальцами, и меня от всего этого затошнило.

— Слушай, Том, заткнись. *Заткнись*!

Она заплакала. Я остановился, встал на колено, опустив рядом ружьё, и взял её обеими руками за плечи.

363 В оригинале некое «демли». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Том, прости меня, ради Бога. Я просто боюсь. Мы должны держаться друг друга, понимаешь?

— Понимаю.

— Надо идти этой доро́гой. У меня есть ружьё, у него нет. Может, он уже́ отстал.

— Он не отстанет, и ты это знаешь.

— Надо идти.

Том кивнула, и мы пошли дальше, и вскоре над рекой показалась длинная тёмная тень висячего моста, и ветер был силён, и мост качался, скрипел и стонал, как пе́тли ржавой двери́.

— Можно идти разными дорогами, Том, но я думаю, надо через мост. Это быстрее, и раньше попадём домой.

— Гарри, я боюсь.

— Я тоже. Ты сможешь?

Том прикусила верхнюю губу и кивнула:

— Смогу.

Мы взобрались на обрыв к началу моста и посмотрели на него. Он качался взад-вперёд. Я посмотрел на реку. С чёрной воды́ поднималась белая пена, она уносилась прочь и разбивалась на водопадиках, сливаясь в более широкий, глубокий и медленный плес. Нас поливало дождём, и ветер стал пронизывающим, и вокруг в лесу всё было тихо, но лес казался полон *чего-то*, для чего у меня не было названия. Время от времени облака́, несмотря на дождь, открывались, и нас освещало луной, будто покрытой жиром.

Я решил идти первым, чтобы, если какая доска подломится, Том об этом знала. Когда я ступил на мост, он под ветром да ещё и под моим весом подпрыгнул так, что я чуть не вылетел за перила в реку. Инстинктивно дёрнувшись руками к перилам, я выронил ружьё. Оно упало в воду без звука и тут же пропало.

— Гарри, ты его потерял! — завопила с бе́рега Том.

— Иди сюда, просто держись за тросы!

Том ступила на мост, он сильно качнулся и чуть не сбросил и её.

— Надо идти тихонько, — сказал я, — и вроде как вместе. Когда я делаю шаг, ты тоже делай, но если упадёт доска или я, ты увидишь вовремя.

— А если ты упадёшь, что мне делать?

— Тебе надо перейти на *ту* сторону, Том.

Мы пошли[364] и, кажется, двигались правильно, потому что нас больше так не бросало, и вскоре мы прошли мост до половины.

Я повернулся и посмотрел мимо Тома на *ту* сторону. И не увидел, чтобы кто-нибудь шёл за нами.

Мы шли медленно, но через недолгое время оказались в шести футах[365] от другого бе́рега. Я было собрался испустить вздох облегчения, но вспомнил, что ещё надо выйти на широкую тропу, пото́м на дорогу, а я теперь знал, что доро́га не остановит ни Сесила, ни кого-нибудь другого. Доро́га как доро́га. Если мы *туда* доберёмся, ещё надо пройти довольно прилично, и Сесил знает, *куда* мы идём, а папы с мамой ещё может даже не быть до́ма.

Я решил, что если мы доберёмся до доро́ги, можно попытаться его обмануть и пойти в другую сторону, но так будет ещё дальше до чьего-нибудь до́ма, а если он догадается, *что* мы сделали, будет ещё хуже.

Так что я подумал, что нам остаётся только идти домой и быть настороже. Но пока я всё это обдумывал и мы уже́ собирались выйти на *тот* берег, от кустов и земли́ отделилась тень и превратилась в Сесила.

У него в руке было мачете. Он улыбнулся и воткнул его в глину, оставаясь на твёрдой почве, но взялся за обе сто́роны тросов, которые поддерживали висячий мост. Он сказал:

— Я тебя обогнал, мальчик, и ждал здесь. Теперь тебе и малышке Тому придётся искупаться. Я такого не хотел, но так вышло. Ты же понимаешь? Я хотел только Тома. Ты мне её дашь, чтобы я сделал,[366] что хочу, и можешь идти. Когда ты доберёшься домой, мы с ней уже́ будем в дороге.

— У тебя мозги набок съехали, — ответил я. — Долго думал?

Сесил схватился за тросы и встряхнул. Мост дёрнулся из-под меня, и оказалось, что у меня но́ги висят в воздухе. Удержали меня только ру́ки, которыми я обхватил тросы. Я видел, что Том упала и схватилась за перекладину доски́, и видно было, как отлетают гнилые щепки. Доска и Том вместе с ней должны были вот-вот оторваться.

Сесил снова тряхнул тросы, но я держался крепко, и доска, за которую цеплялась Том, тоже не поддалась. Я глянул на Сесила и увидел, как из те́ни выходит ещё одна фигура. Больша́я, и вроде с козлиными рогами на голове.

Сын Моуза, *Телли*.

Он ухватил Сесила за шею и дёрнул назад, а Сесил вывернулся и ударил его в живот, и они на миг переплелись, пото́м Сесил ухватил мачете и полоснул Телли поперёк живота. Телли издал вопль вроде бычьего рёва, напрыгнул на Сесила, и оба они полетели на мост. Они хлопнулись на настил, до́ски раскололись, мост качнулся вверх и в сторону, и раздался хлёсткий щелчок

364 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
365 См. 298. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
366 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

лопнувшего троса, и концы его упали в воду. Телли и Сесил пролетели мимо нас в Сабин. Мы с Томом ещё цеплялись за оставшийся трос, и тут он тоже лопнул, и мы полетели в воду вслед за ними.

Я ушёл глубоко под воду, а когда вынырнул, ткнулся головой в Тома. Она заорала, и я заорал, хватая её. Вода снова нас завертела и утащила вниз, и я рвался вверх, одной рукой при этом держа Тома за воротник. Вынырнув, я увидел сцепившихся Телли и Сесила. Их несла пенная вода к водопадам, втекающим в глубокие спокойные во́ды.

Пото́м я помню, как мы тоже падаем с водопада в спокойную воду. Я не выпускал Тома и попытался плыть к бе́регу. В мокрой одежде это было трудно, да ещё мы страшно устали, а я старался держаться и тащить Тома, а она никак не помогала, и от этого не было ни на капельку легче.

Наконец,[367] я смог стать ногами на галечное дно, и я выбрался на берег, волоча за собой Тома. Она повалилась на гальку и рыгнула.

Я оглянулся на воду. Дождь перестал, и небо тут же очистилось, и луна, хотя и неяркая, бросала на Сабин свой свет — будто жир блестел на горячей сковородке. Сесил и Телли не отпускали друг друга, только иногда взлетала для удара рука, и тут я увидел вокруг них что-то ещё, и это что-то поднималось десятками серебристых узлов, блестящих при луне, а пото́м *оно* быстро вытянулось и стало ударять в эту па́ру раз за разом.

Сесила и Телли занесло в косяк водяных щитомордников или чего-то вроде этого, и косяк этот клубился вокруг них, и теперь будто плети вылетали из воды́, ударяя в этих двоих раз за разом.

Их вместе со змеями унесло за излучину, и они скрылись из виду.

Я,[368] наконец,[369] смог встать, и заметил, что потерял ботинок. Ухватив Тома покрепче, я вытащил её на берег. Вокруг земля была колючей, и ещё рос шиповник, и моей босой ноге здо́рово досталось. Но мы пошли, дошли до доро́ги и,[370] наконец,[371] до до́ма, где мама и папа уже́ стояли во дворе и громко звали нас по имени.

367 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
368 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
369 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
370 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
371 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

✷ ✷ ✷

Сесила нашли на песчаной отмели на следующее утро. Он распух от воды́ и змеиных укусов. Папа сказал, что у него шея сломана. Телли с ним расправился ещё раньше змей.

А рядом с ним, запутавшись в прибрежных корнях и лианах, нашли Телли. Рана от мачете зияла у него в животе и в боку́. Папа сказал, что эта глупая шляпа всё ещё была у него на голове, и оказалось, что она как-то перепуталась с волосами Телли. Ещё он сказал, что поля́, похожие на рога́, размякли в воде и закрыли ему глаза́ как больши́е веки.

Я гадал, что же было такого в Телли, Козлоноге. Он повёл меня туда, чтобы спасти Тома, но сам не хотел трогать Сесила. Может быть, он *боялся*. Но когда мы были на мосту в полной власти Сесила, *он на него бросился*.

Хотел он нас спасти или просто он оказался на месте и перепугался? Этого я уже́ не узнаю. Я думал о том, *как* бедняга Телли всё время жил в лесу, и только его папа знал, что он *там*, и, быть может, держал это в тайне, чтобы люди не обидели дурачка.

Под конец вся эта история была одним страшным переживанием. Я в основном помню, как лежал в кровати ещё два дня, залечивая раны в ноге от всех колючек, восстанавливая силы, слабея от ужасных мыслей о том, *что* чуть было не случилось с Томом.

Мама два дня была при нас, отходя только, чтобы сварить суп. Папа оставался с нами ночью. Когда я просыпался перепуганный и мне казалось, что я опять на висячем мосту, он был рядом, и улыбался, и протягивал руку, и трогал мою голову, и я ложился и засыпа́л снова.

За последующие годы, ловя слово то здесь, то там, мы узнали, что в нашей округе́ были ещё такие же убийства — до са́мого Арканзаса и дальше в Оклахоме и кое-где в Северном Техасе. Там никто не приписывал их одному убийце. В те времена полиция просто думала не так, как сейчас. Истинной природы серийных убийц не знали. Будь тогда лучше связь, знали бы в те времена больше — быть может, некоторых, а то и всех этих убийств можно было не допустить.

А может, и нет. Всё это теперь быльём поросло, те дальние события годов тридцать первого и тридцать второго.

Вот я лежу здесь, уже́ ненадолго в этом мире, без всякого желания продлить свою жизнь ещё и на следующий миг, просто лежу со штырём в бедре, ожидая, пока протёртые горох и кукуруза и та мерзость, которая здесь

сходит за мясо,[372] будут скормлены мне чьими-то руками, и вспоминаю *те* времена, и как я *тогда* лежал в кровати в нашем домике возле ле́са, и как, когда я просыпался, мама с папой оказывались рядом, и как это было хорошо.

И сейчас я закрываю глаза́ и вспоминаю *те* два го́да и *то* потрясающее и ужасное *лето бешеного пса* и надеюсь, что, когда проснусь, я уже́ не буду в этом мире и *там* меня будут ждать мама с папой и даже бедняжка Том, безвременно погибшая в автомобильной аварии, а может быть, даже Моуз, и Козлоног, и добрый старый Тоби.

© Джо Р. Лэнсдейл

372 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Джойс Кэрол Оутс «Руины Контракта»

1. Первое появление: Нечто-Без-Лица́

Случилось это в июне в са́мом начале нашего изгнания в Контракт. В смертной тишине мраморно-лунной но́чи. Менее чем через десять дней после крушения наших жизней, когда папа, опозоренный, побеждённый, выкорчевал свою семью из столицы штата и поселил в развалинах Крест-Хилла, поместья его деда в предгорьях хребта Шато. «*Простите меня, дети. Верьте в меня! Я буду очищен. Я очищу себя*». Мой тринадцатилетний брат Грэм, мучимый бессонницей, несчастный, мечется по первому этажу тёмного старого до́ма, точно леопард в клетке. В пижаме, босой, равнодушный к возможности расшибить пальцы о невидимые ножки стульев, столов, равнодушный к тому, что наверху в их спальне его младший брат Нийл, всхлипывавший, скрипевший зубами во сне, может внезапно проснуться, увидеть пустую кровать Грэма и перепугаться.

Равнодушный к тому, как его вызывающее поведение может расстроить наших родителей, только-только оправляющихся после явившегося таким ударом переезда в Крест-Хилл и унизительности их новой жизни. И днём, и ночью Грэм изливал своё негодование в словах — и высказанных, и невысказанных. «*Мне здесь не нравится! Почему мы здесь? Я хочу домой*». Грэм — бледный, избалованный, капризный, инфантильный даже для своего юного возраста: слёзы злости и жалости к себе щипали ему глаза́. Худенький, щуплый. До́ма он почти всё своё время проводил в киберпространстве[373] и в

373 В оригинале «кибер пространстве» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

частной школе, где учился, дружил только с двумя-тремя такими же завзятыми компьютерщиками, как и он; и никогда не был физически развитым, или напористым, или смелым, как его старший брат Стивен. И вот теперь, дрожа от хóлода в своей тонкой бумажной пижаме, он бродит по комнатам обширного непривычного дóма, унаследованного его отцом, бродит по этому полному сквозняков и высоких потолков старому дому, долго стоявшему[374] заброшенным, будто это склеп, в котором сын своего отца, дитя изгнанника, он несправедливо заточён. В этот вечер наша мать пришла в наши комнаты поцеловать нас на сон грядущий, мама в светлом шёлковом халате, ставшем очень свободным, так как она похудела, а её чудесные волосы, прежде пышные, золотисто-пепельные, теперь подёрнуты сединой и неряшливо падают на плечи; она касается наших лиц худыми пальцами и шепчет: «*Дети, пожалуйста, не будьте так несчастны, помните, мы любим вас, ваши отец и мать любят вас, так постарайтесь быть счастливыми здесь, в Крест-Хилле, постарайтесь уснуть в этих непривычных новых постелях ради нас*». Грэм принял мамин поцелуй, но несколько часов пролежал без сна, и в его мыслях мешались обида и страх за отца. Наконец,[375] возбуждённо спрыгнул с постели, которая не была, как он сказал себе, его собственной постелью, но временной — неудобной, пахнущей сырыми простынями и плесенью. «*Не могу спать! Не буду спать! Больше никогда!*»

Ни на единую минуту любого чáса любого дня и даже нóчи мы, дети опозоренного, побеждённого отца, не переставали восставать против бедствия, обрушившегося на нас.

«*Почему? Почему это случилось с нами?*»

Грэм спустился по лестнице, ступеньки которой пошатывались даже под его скромным весом — восемьдесят девять фунтов[376]. Он воображал, что зрачки его глаз расширились в темноте, глаз всевидящих и светящихся, как у совы́. Мёртвая тишина заполуночных[377] часов. Лунный свет, косо падающий сквозь частые переплёты окон в восточной стене дóма. Где-то близко крики ночных птиц, неясыти, гагар на озере; и ропот вéтра. Грэм задрожал — в старом полном сквозняков доме словно бы всё время дул лёгкий холодный бриз с озера Нуар дальше к северу. «*Почему меня принудили увидеть то, чего я не хотел видеть? Почему меня, Грэма?*» Мгновение растерянности из-за обширности вестибюля — днём он выглядел меньше, и мраморного, в ржавых пятнах мраморного пола, обжигавшего холодом его босые подошвы, и колоссальности комнаты за вестибюлем, одной из парадных комнат, как их называют, почти без мебели, а немногая оставшаяся закутана в призрачно-белые простыни; комната с насквозь пропылёнными восточными коврами; и повсюду кислый зáпах плесени, гнили, высохших дохлых мышей в стенах. Потолок комнаты был таким неестественно высоким, что словно тонул в тени́, из которой свисали закутанные люстры, словно плавающие во мгле; комната настолько огромная, что у неё, казалось, не было стен, будто она

374 В оригинале несоответствие падежных окончаний «стоявшего». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
375 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
376 В метрической системе 89 фунтов — это чуть более 40 ⅓ кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
377 Надуманный термин. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

плавно сливалась с тенями запущенного сада. Грэм верил, что днём эта комната была много меньше. Или он забрёл в незнакомую часть до́ма? Ведь в Крест-Хилле мы всё ещё оставались практически посторонними, занимая лишь несколько комнат обширного до́ма.

И вот тогда-то Грэм заметил какое-то движение снаружи на бывшем газоне.

Сначала полная уверенность, что это какое-то животное. Ведь Контракер был лесной глушью; повсюду там водились олени, еноты, лисицы, даже рыси и чёрные медведи — весной, по слухам, чёрные медведи даже бродили по улицам Контракера. *Судя по почти вертикальному положению туловища, существо, медленно проходящее мимо окон, на террасу, скорее всего,*[378] *было медведем*, подумал Грэм, и сердце у него забилось чаще. «*Нас предупреждали о медведях в Крест-Хилле, но ни один ещё не появился*». А потому Грэм застыл у окна́ на террасу, возбуждённо наблюдая за таинственным существом с расстояния примерно тридцать футов[379]. За террасой, выложенной потрескавшимися, крошащимися плитами, вставала рощица вязов, сильно пострадавших от буранов прошлой зимы́; за вязами тянулась подъездная доро́га, называвшаяся «*Аллея Акаций*», которая разделялась надвое, огибая фонтан справа и слева. Вертикальное существо двигалось по этой аллее в лунном свете по направлению к озеру, удаляясь от до́ма; осанка у него была прямой без намёка на сутулость — *слишком прямая для медведя*, решил Грэм. И его походка была ритмичной и неторопливой, совсем непохожей на неуклюжую перевалку медведя.

И тут Грэм поступил не похоже на себя: он бесшумно отпер дверь террасы, открыл её нажатием плеча и вышел, затаивая дыхание, наружу в холодный свежий воздух; и присел на корточки у балюстрады, следя за удаляющейся фигурой. Непрошеный гость в Крест-Хилле? Так далеко от го́рода и от ближайших соседей? Охотник? (Но ружья у фигуры не было, насколько мог судить Грэм.) Не могла эта фигура быть и седовласым приходящим садовником, который жил в городе. И не наш отец — маловероятно. И не шестнадцатилетний Стивен. Фигура была выше и более плотного сложения, чем любой из них: *выше,* со страхом подумал Грэм, *чем любой мужчина*, каких он видел прежде.

Грэм продолжал выглядывать из своего ненадёжного убежища под балюстрадой, как вдруг фигура резко остановилась, будто почувствовав его присутствие; словно бы посмотрела в сторону Грэма, наклонив голову набок, будто нюхая воздух; и в ярком лунном пятне явилась… существом без лица́.

Не человек, *нечто*. Нечто-Без-Лица́.

378 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
379 См. 106. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Грэм прижал кулак ко рту, чтобы сдержать крик ужаса. У него подогнулись колени; он с трудом преодолел инстинктивное желание повернуться и слепо кинуться в дом, что привлекло бы к нему внимание этого нечто.

По форме голова фигуры напоминала человеческую, хотя была крупнее и более продолговатой, с нижней челюстью, выдающейся вперёд больше, чем обычно для человеческого лица́. Волосы казались тёмными, жёсткими, непричёсанными. Её окостенело-прямая осанка была как у человека, гордящегося своей военной выправкой. Однако на месте лица́ — ничего.

Пустое пространство кожи, как будто грубо разглаженное мастерком. Еле заметные ямки, где полагалось быть глазам, и ноздрям, и рту; возможно, в ямках были дырочки, но на таком расстоянии Грэм не разглядел бы их. Он не решался смотреть, он прильнул к плитам террасы, чтобы спрятаться за балюстрадой, точно перепуганный ребёнок.

Он дышал часто, неглубоко. Думая: «*Нет! Нет! Я ничего не видел! Я же просто ребёнок, не делайте мне больно!*»

* * *

Попозже очнулся, оглушённый, всё ещё полный страха: тошнотный кислый вкус желчи в глубине рта. Наверное, он потерял сознание — должно быть, упал в обморок. До того испугался, что не мог дышать. И испуг не прошёл.

Осмелился поднять голову — медленно. Осторожно. По диску луны проносились прядки облаков, точно смутные мечущиеся мысли. Вязы застыли в неподвижности; заросший бурьяном, весь в рытвинах просёлок, который назывался «*Аллея Акаций*», был пуст; нигде не движения, только ветер беспокойно и нескончаемо перебирал стебли трав. Вся природа притихла, будто под гнётом страшного виде́ния.

Нечто-Без-Лица́ исчезло в ночи́.

2. Изгнание

В Крест-Хилле нескончаемый дразнящий бриз с озера Нуар уносился и уносился на юг через наши жизни.

Куда в изгнании, и позоре, и опасении за свою жизнь наш отец привёз свою семью — жену и пятерых детей, чтобы жить в разваливающемся доме своего деда среди девяноста акров[380] заброшенной земли́ в сельском Контракере у более низких восточных отрогов гор Шатокуа.

Гора Морайя в двенадцати милях[381] прямо на запад. Гора Провенанс в двадцати милях[382] к югу.

Где миллионы лет назад гигантские ледники ползли,[383] будто живые хищные существа из Арктики, выдавливая, выцарапывая кошмарные формы — горные пики, бездонные пропасти, зубчатые хребты, кряжи, ущелья с крутыми стенами и узкие долины и речные низины. Где в Пасхальное воскресенье в середине мая может пойти снег, а в середине августа ночной воздух уже́ может пахнуть осенью, неминуемым приходом зимы́.

Крест-Хилл, построенный в 1909 году́ Мозесом Адамсом Мейтсоном, богатым владельцем текстильных фабрик, на гребне ледниковой морены в трёх милях[384] от озера Нуар (получившем такое название[385] из-за своей воды́: родниковая чистая, например, в стакане, она в озере казалась необъяснимо тёмной, матовой, как вар) и в пяти милях[386] к востоку от Контракера (тихого городка примерно с 8500 жителей) на берегу́ Блэк-ривер. Название Крест-Хилл объяснялось тем, что дом неоклассического стиля был построен в форме укороченного креста из розового известняка и гранита; теперь, после долгих лет запустения (сын Мозеса Адамса Мейтсона, его единственный наследник, не пожелал жить там), угрюмый, как старый разбитый корабль, дрейфующий в море некошеной травы́, бурьяна и молодой поросли.

Потребовалось бы минимум сто тысяч долларов, мрачно подсчитал папа, чтобы сделать Крест-Хилл «*пригодным для человеческого обитания*», и почти столько же, чтобы вернуть былую красоту садам. (Которые папа видел только на фотографиях.) У нас не было сотен тысяч долларов. Мы были «*ввергнуты в бедность — в нищету*». Нам придётся жить, как «*беженцам*», в нескольких комнатах Крест-Хилла, а бóльшая часть огромного дóма будет заперта, комнаты останутся пустыми. И *мы должны быть благодарны*, предупредил нас папа, за то, что у нас есть «*наследство, которое дедушка оставил мне. Убежище*».

Временное убежище, имел он в виду. Ибо Родрик Мейтсон намеревался очистить своё имя и вернуться в столицу. Со временем.

380 В метрической системе 90 акров — это 364217,4 кв. м, или более 36 га, или более 0,36 кв. км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
381 В метрической системе 12 миль — это почти 19 ⅓ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
382 См. 38. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
383 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
384 См. 335. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
385 Нуар (фр.) — чёрный. (примеч. пер.)
386 В метрической системе 5 миль — это чуть больше 8 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Увидев развалины Крест-Хилла в тот первый день под проливным дождём, пока колёса нашей машины бесплодно вращались в заросших травой рытвинах подъездной доро́ги, мама расплакалась, горько восклицая: «*Я умру здесь! Как ты мог завести меня сюда? Я не выживу*». Младшие дети, Нийл и Эллен, тут же тоже расплакались. Но папа быстро протянул руку, чтобы сжать запястье мамы, утешить её или успокоить; мы услышали, как мама судорожно вздохнула; папа сказал более тихим, мягким голосом: «*Нет, Вероника, ты не умрёшь. Никто из нас, Мейтсонов, не умрёт. Это ведь только порадует их — моих врагов*».

Враги. Некоторые — бывшие коллеги папы, даже друзья его и мамы, которые предали его по политическим соображениям; давали ложные показания под присягой с целью очернить его, уничтожить его карьеру; принимали участие в выписке ордера на его арест.

* * *

Вот факты. Мы, дети, мало что знали о них тогда, нам пришлось по кусочкам восстанавливать их позже. Так как многое было нам неизвестно. Многое было запретным знанием.

В апреле *того* го́да, вскоре после его со́рок четвёртого дня рождения, судья Родрик Мейтсон, наш отец, был арестован в своём кабинете в здании Апелляционного суда штата.

В момент своего сенсационного ареста — самый младший из одиннадцати судей этого суда и тот, кому предсказывалось самое блестящее будущее.

Родрик Мейтсон двенадцать дней находился «*в заключении для допроса*» в пенитенциарном заведении штата в миле[387] от Апелляционного суда штата. Ему разрешали свидания только с его адвокатами и обезумевшей от горя женой.

Затем внезапно он был освобождён.

И вынужден отказаться от должности судьи́. И вынужден отдать штату почти все свои накопленные сбережения и акции. Так что семья осталась вся в долгах. Буквально за одну ночь — в долгах. А потому он и мама оказались перед необходимостью продать их дом в са́мом престижном пригороде столицы штата, и их летний коттедж на Атлантическом побережье в Кеннебанк-порте, в Мэне; и все свои многочисленные машины, кроме одной; и их яхту; и несколько маминых меховых манто, и часть её драгоценностей, и

387 См. 5. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

другое дорогостоящее имущество. «*Почему?*» — спросили мы, дети, и мама сказала с горечью: «*Потому что враги вашего отца ему всегда завидовали. Бессовестные люди, сговорившиеся уничтожить его*».

Задавать ещё вопросы нам запретили. Нам запретили заглядывать в газеты и еженедельные журналы, смотреть телевизор или слушать радио. Сразу же после ареста папы мама забрала нас из наших частных школ и запретила общаться с нашими друзьями — и по телефону,[388] и по е-мейл[389]. Мама требовала, чтобы мы не выходили из до́ма; мама хотела знать точно, где мы находимся в любую минуту, впадала в истерику, если не досчитывалась кого-нибудь из нас, а когда мы возвращались, бывала вне себя от ярости. До́ма она запиралась от нас и часами говорила по телефону. (С папой? С адвокатами папы? С собственными адвокатами? Ведь одно время казалось: они могут развестись, разъехаться.) Высокий,[390] пронзительный,[391] требовательный,[392] дрожащий от недоверия мамин голос никогда прежде не срывался на *такой* крик. «*Как подобное может происходить со мной! Бога ради, я ведь заслуживаю лучшего! Я же ни в чём не виновна, Бога ради! А мои дети — какой теперь станет их жизнь?*»

Мы были избалованными детьми, ни в чём не знавшими отказа. Тогда мы этого не знали, даже Грэм тогда этого не знал; конечно, мы были избалованы и ни в чём не знали отказа — дети богатых влиятельных родителей, стремящихся занимать видное положение в обществе. Даже десятилетние близнецы Нийл и Эллен с их милыми невинными личиками и изумлёнными глазами. Наши привилегированные жизни, полные всяческой одежды, и компьютеров, и частных уроков (теннис, балет, верховая езда), наша гордость от сознания, что мы — дети судьи́ Родрика Мейтсона, о котором столько писа́ли; наши жизни, словно с экрана или сцены, совершенно не настоящие жизни; и внезапно необратимо изменившиеся, точно жизни детей, мелькнувших на телеэкране, жертв естественных катастроф — землетрясений, голода, войны́. И точно так же выглядел папа, когда вернулся к нам, — шок от серебра в его светло-каштановых волосах надо лбом, провалившихся щёк, остекленевших глаз, а рот, прежде красивый, — будто что-то размазанное; в прошлом принц, уцелевший, но еле-еле, в естественной катастрофе.

Мы сторонились его и мамы. Нас пугал круговорот маминых настроений. Она могла смотреть сквозь нас взглядом оледеневшего ужаса либо отчаяния; её прежде такие красивые зелёно-карие глаза́, опухшие от слёз; а то она бросалась обнимать нас с лёгким стоном боли: «*О-о! О, что мы будем делать?*» В такие моменты от мамы исходило благоухание сладких духо́в с примесью пота; её дыхание пахло… чем? Вином? Ви́ски ? Иногда это были мы, дети, кого она хотела утешить; а иногда, казалось, утешить она хотела себя;

388 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
389 В оригинале всюду по тексте вдруг «Е-мейл», т. е. с заглавной первой буквой «е», хотя подразумевается простая электронная почта. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
390 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
391 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
392 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

иногда она сердилась на папу, а иногда на врагов папы; иногда, без какой-либо понятной нам причины, сердилась она на нас. Особенно на Розалинду, которая в четырнадцать с половиной, долговязая худышка с сумеречными глазами, взяла упрямую манеру словно бы думать о своём, морща лоб и посасывая гу́бы, хмуро безмолвная в том замкнутом пространстве, куда не было доступа даже матери. И если Розалинда застывала в маминых объятиях, теперь уже́ почти одного роста с мамой, мама иногда откидывалась, чтобы уставиться ей в лицо, впиваясь в плечи красно-сверкающими, острыми, как когти, ногтями, и оттолкнуть Розалинду от себя. «*Что с тобой? Почему ты на меня так смотришь? Как ты смеешь смотреть на меня, твою мать, такими глазами!*»

Красивое лицо мамы было как маска. Фарфорово-косметическая маска. Маска, которая могла внезапно разбиться, как стеклянная, если кровь в её сосудах начинала биться слишком бешено.

Поэтому Розалинда избегала её и незаметно исчезала, чтобы спрятаться в каком-нибудь укромном уголке Крест-Хилла.

Думая: *ни за что, ни за что, ни за что она не вырастет в такую красивую и рассерженную женщину*.

Но особенно пугал нас папа, *так* изменившийся. Прежде судья Родрик Мейтсон был безупречно элегантен, не позволяя видеть себя иначе, как в только что выглаженном костюме и свежей рубашке, причёсанным волосок к волоску, а теперь он часто ходил в мятой одежде, свирепо запускал пальцы в волосы, брился нарочно (решили мы) так, чтобы кожа краснела от раздражения; он был папа — всё ещё, и его лицо было папино, тысячи раз сфотографированное, и всё же словно что-то более старое, грубое, жёсткое старалось пробиться наружу. Карие живые глаза́, обычно тёплые, ласковые, потускнели, остекленели, гу́бы двигались, будто он спорил сам с собой.

Папа был страдальцем, невинным. Тем, кого предали, затравили и продолжали преследовать его враги и «*алчные, ненасытные, недобросовестные средства массовой информации*» — вот почему нам не позволяли читать газеты и смотреть телевизор. Папа был рассерженным человеком, а иногда (вынуждены мы были признать), и *опасным* человеком. Как у мамы, его настроения постоянно менялись: то угнетён, то в ярости, то полон оптимизма, то погружён в апатию, то скорбит о своей семье, то скорбит о себе и о своей рухнувшей карьере, то исполнен юношеской энергии, то озлобленный стареющий человек.

За столом своим ораторским голосом он мог провозгласить, будто слушали его не только мы: «*Милая жена, милые дети! Потерпите ради меня! Очень скоро наша жизнь станет такой, какая принадлежит нам по праву. Я спасу имя Мейтсонов, спасу нас всех. Вот моя клятва. Я скреплю её… своей кровью*».

Красный от вина, проказливо щуря глаза́, папа хватал вилку и, прежде чем мама успевала ему помешать, поражал себя в тыльную сторону ладони, будто пронзая какую-то безволосую тварь, которая неведомо как подобралась к его тарелке.

Мы вздрагивали, но не вскрикивали, не плакали. От нас требовался мягкий шёпот: «*Да, да, папа*». Ведь слёзы в такой момент обычно коробили папу, означая, что, мы, дети, быстро шепча «*да, да, папа*», в действительности *не верили* нашим собственным словам.

* * *

— Он словно бы всё-таки *умер*, верно? В тюрьме? Его глаза́…

Это сказал Стивен тягучим голосом, совсем другим, чем его нормальный, после одной из странных упоённых вспышек за обеденным столом; Стивен, чья жизнь до ареста папы состояла из футбола, бейсбола, баскетбола, спортивных видеоигр и бурных стремительно меняющихся дружб одноклассника с одноклассницами в его школе; Стивен, красивый, как Родрик Мейтсон в его возрасте, с отцовским широким лицом и чеканными скулами.

Грэм пожал плечами и ушёл.

Розалинда сказала Стивену что-то быстрое и обидное, назвала его *безмозглой жопой* и ушла.

И пролежала без сна, тоскуя, почти всю ночь. Вжимаясь мокрым лицом в подушку. Думая: «*Могут глаза́ умереть? Глаза́ человека — умереть? А всё остальное в нём продолжало бы жить?*» На протяжении нескончаемой постанывающей ветром но́чи — такой же, как все но́чи в этом жутком месте, которое она ненавидела: такое одинокое, такое далёкое от её подруг и той жизни Розалинды Мейтсон, которую она любила; засыпа́ла и тут же просыпалась посмотреть, не пригнулся ли он над её кроватью, не сверкают ли на неё из темноты остекленевшие в кровавых прожилках глаза́ нашего отца.

«*Господи, помоги ему доказать, что он ни в чём не виновен. Восстановить своё доброе имя. Помоги ему вернуть всё, что он потерял. Сделай нас снова счастливыми, сделай нас снова самими собой, верни нас в наш настоящий дом и сделай фамилию Мейтсон снова достойной гордости*».

3. У Овального пруда

Солнечное ветреное утро! Одно из грязных окон утренней столовой разбежалось паутиной трещин, на террасе валялись сучья, обломки веток, листья. И шуршали, будто живые раненые существа.

— Где Грэм? — спрашивали мы друг друга.

— Где Грэм? — спросила мама; сердитые, встревоженные глаза́.

Грэм не пришёл завтракать. *Он проснулся раньше нас, и оделся, и ушёл.* Так с грустной завистью сказал малыш Нийл.

Однако Грэм был где-то в доме. Упрямый в своём сопротивлении, когда мы звали: «*Грэ-эм! Где ты?*»

После нашего переезда в Крест-Хилл, когда его прежняя жизнь осталась позади, Грэм погрузился в яростную меланхолию. Его дорогое компьютерное оборудование не могло функционировать в этом разваливающемся доме — проводка никуда не годилась. В большой спальне наших родителей в дальнем конце второго этажа, куда нам, детям, доступ был запрещён, в одну из ламп как будто была вкручена шестидесятиваттная лампочка; а в кабинете папы на третьем этаже был телефон, факс и одна-две лампочки низкого напряжения; напряжение часто падало, лампочки мигали, и папа старался пользоваться ими экономно. (Тем не менее,[393] папа часто работал всю ночь напролёт. Он занимался подготовкой подробных юридических документов, опровергающих выдвинутые против него обвинения, чтобы со временем послать их окружному прокурору; и он часто разговаривал по телефону с единственным адвокатом, которого сохранил.) Но компьютер Грэма, новейшей модели, включённый в одну из примитивных розеток Крест-Хилла, демонстрировал пятнисто-серый экран без намёка на чёткость. Большинство его программ и видеоигр не включались. Кибер-пространство Крест-Хилла напоминало бездну, вакуум, пустоту атома, который, говорят, состоит почти из ничего; медленно движущиеся частицы вроде чёрных точек в уголке вашего гла́за. Грэм думал, что такой феномен, как «киберпространство», существует везде. Он,[394] вопреки маминому предупреждению,[395] возобновил связь по е-мейлу[396] с некоторыми своими друзьями, но ответы, которые он получал, были странными, спутанными. Как-то Стивен вошёл в комнату Грэма, где тот сидел, сгорбившись над клавиатурой своего компьютера, быстро печатая команды, которые вновь и вновь получали ответ будто в жестоко-комичном[397] кошмаре «*ОШИБКА! ПОСЫЛАЮЩИЙ НЕ ОБНАРУЖЕН*» на мерцающем, гаснущем экране. Стивена потрясло го́ре на лице брата.

393 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
394 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
395 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
396 В оригинале «Е-мейлу» (см. 389). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
397 В оригинале «комич-ном» через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Эй! Почему бы тебе на время не бросить *это*? Мы же можем заняться чем-нибудь *другим*. Поехать на велосипедах… в город…

Но Грэм не слышал. Он ещё больше ссутулил худые острые плечи над клавиатурой, стремительно выстукивая другой сложный набор команд. Светящиеся буквы и значки на экране медленно уплывали вверх, словно направленные туда с неизмеримого расстояния в пространстве и времени. В бледном неясном свете пасмурного июньского у́тра мальчишеская кожа Грэма отливала нездоровой зеленоватостью, будто потускневший металл; глаза́ блестели горьким недоумением. Он с отвращением сказал Стивену:

— Посмотри.

Стивен посмотрел на то, что выдавала е-мейл[398] Грэма, но в каждом ответе было что-то *не так*, будто неуклюжий перевод с какого-то иностранного языка или код:

graememat + @poorshit. ///

howzit 2b ded!

— Они думают, я *умер*, — сказал Грэм, давясь всхлипами. — Ребята говорят обо мне, будто я *покойник*.

— Просто ошибки. Когда у нас будет лучше с электричеством… — поспешно сказал Стивен.

Грэм сердито стукнул по клавише, его е-мейл[399] исчез.

— Может, я покойник. Может, мы все умерли и похоронены в Крест-Хилле.

Стивен, вздрогнув, попятился. В такие моменты настроения брата его пугали. Ему не хотелось думать: «*Он знает куда больше меня, он куда сообразительней меня*». И пошёл сообщить остальным:

— Грэм совсем сдвинулся на своём компьютерном дерьме. По-моему, надо бы его *отключить*.

Затем настало это утро, когда они хватились Грэма, звали его и внизу до́ма,[400] и вверху, звали его из окон, из дверей террасы, выходящей на рощицу потрёпанных ветрами вязов и заросшую бурьяном сквозь гравий подъездную дорогу, называвшуюся *Аллеей Акаций* (хотя почти все акации захирели и погибли). Мама — серебристо-пепельные волосы падают ей на лицо, девичий лоб наморщен от раздражения и тревоги — приложила ладони рупором ко рту и[401] кричала:

398 В оригинале «E-мейл» (см. 389). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
399 В оригинале «E-мейл» (см. 389). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
400 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
401 В оригинале без «и», из-за чего теряется связность. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Грэ-эм, Грэм! Где ты прячешься? Иди сюда, слышишь? *Немедленно*!

Будто это была игра в прятки, которой она могла сразу положить конец. Но, как и папа, который почти всё время бодрствования проводил на третьем этаже, мама неохотно выходила из до́ма. Приложив ладонь козырьком к глазам, она прищурилась на службы: старый каретный сарай, и конюшню, и амбары с прогнившими от дождей, провалившимися крышами, — и в сторону мутного Овального пруда у подножия холма по ту сторону Аллеи Акаций; однако толи[402] робость, толи[403] просто страх мешали ей искать Грэма во всех этих самых подходящих местах.

После десяти дней в Крест-Хилле, во время которых она не видела никого, кроме мужа и детей, если не считать прислугу, нанятую в Контракере, мама всё ещё носила дорогую модную городскую одежду:[404] платья, юбки и свитера, не джинсы (возможно, их у неё вообще не было?), но шёлковые брючки с рубашками в тон, непрактичные итальянские босоножки на очень высоких каблуках. Каждое утро, даже самые гнетущие утра́, она мужественно превращала овальное сердечко своего лица́ в тугую красивую маску; хотя кожа горла отливала землистой бледностью, начиная выдавать её возраст. Она носила свои обручальное и венчальное ко́льца, кольцо с изумрудом на правой руке, на тонком запястье вспыхивали драгоценные камешки браслета наручных часов. Прерывистым, почти кокетливым голосом мама пожаловалась:

— Этот мальчишка! Грэм! Он всё это устраивает, чтобы *досадить* мне.

Мы искали Грэма всё утро. К полудню в небе царило яростное бледное солнце. Каким обширным был Крест-Хилл; историческое «поместье», пришедшее в полное запустение; сколько там было ме́ста, чтобы спрятаться — в красивых старинных амбарах, в обветшалых беседках, обвитых диким виноградом и глицинией, в лавровых кустах, и в разросшихся травах парка, окружавшего дом, — некоторые почти в человеческий рост; в заброшенных оранжереях, из разбитых рам которых при нашем приближении торопливо выпархивали чёрные птицы (скворцы, трупиалы[405], вороны?), будто отлетающие ду́ши умерших.

— Где Грэм? — кричала им вслед Розалинда. — Где он прячется?

Случайно именно Розалинда в конце концов нашла Грэма на дальнем берегу́ Овального пруда, на корточках среди осоки и высохших стеблей бамбука, заворожённо уставившегося на тёмную поверхность пруда, исчерчиваемую водомерками.

402 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
403 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
404 В оригинале точка с запятой вместо двоеточия. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
405 Troupial, трупиал — американская иволга (icterid, трупиаловые — Icteridae). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Грэм, мы тебя повсюду искали! Ты не слышал, *как* мы тебя звали? — крикнула Розалинда вне себя. Она махнула Стивену, подзывая его, бредя между лезвиями осоки, почти достигавшей по́яса. Осунувшееся белое лицо Грэма напугало её, а потому она продолжала отчитывать его. — Заставил нас всех искать тебя. Заставил нас всех переволноваться. Надеюсь, ты доволен.

Тяжело дыша, подбежал Стивен. На нём была обтрепавшаяся майка, джинсы, заляпанные грязью цвета́ свежего навоза. Розалинда заметила чуть кровоточащую царапину над его левой бровью. Наверное, острый сучок.

— Эй, малыш? Ты в норме? — спросил Стивен.

Увидев, что его тайник обнаружен, Грэм пробурчал что-то неопределённое. Он встал, пошатнулся, наверное, очень долго просидел на корточках. Его серо-зелёные шорты и майка были все в репьях. Мягкие каштановые волнистые волосы, неровно падающие ниже ушей, все спутались. Он сказал, сглатывая:

— Я… увидел *что-то*. Вчера ночью.

— Да? Что?

Они ждали.

— Не знаю. Я *его* увидел, но я… не уверен. То есть разглядел ли я, *что* это было. Или… — Голос Грэма тоскливо замер. Было ясно, что он чем-то напуган и не знает, *как* об этом сказать. Он не хотел рисковать, что его высмеют, и всё же…

— Да? Что? Грэм, да говори же…

— Это был… человек, мне кажется. Шёл по дороге *вон там*. Часов около двух. Я не мог заснуть, и спустился вниз, и увидел что-то в окно. — Грэм говорил медленно, с трудом; небрежно утёр рукавом рот. — Я вышел на террасу. Увидел *его… это…* в лунных лучах.

— Кто-то забрался к нам в парк? — сказал Стивен.

— Ты уверен, что это не был кто-то из нас? — попробовала пошутить Розалинда и осеклась, увидев выражение глаз Грэма. Грэм сказал, тщательно подбирая слова́:

— Это было что-то, что-то вроде человека… человека без лица́. — Он внезапно ухмыльнулся. — *Нечто-Без-Лица́*.

Стивен сказал поспешно, словно не расслышав:

— Охотник скорее всего, забрался к нам в парк. Кто-то из живущих по соседству.

Грэм отчаянно замотал головой:

— Нет. Он… *оно*… у него не было ружья. Оно просто… шло. Но не как ходят обыкновенные люди. Сначала по дороге, а потóм по траве — вот в этом направлении. Будто знало, *куда* идёт, и не торопилось. Нечто-Без-Лицá.

— Как так — *без лицá*? — скептически спросил Стивен. — В природе всё, всё живущее, должно иметь какое-то лицо. Наверное, тебе приснилось.

— Не приснилось! — возбуждённо возразил Грэм. — Я умею отличать настоящее, и Нечто-Без-Лицá было *настоящим*.

Стивен засмеялся нервно, насмешливо. Он начал пятиться, отталкиваясь ладонями от воздуха отмахивающимся жестом. Царапина у него на лбу блестела кровью.

— Как может что-то быть без лицá?[406] Тебе приснилось.

Розалинда внезапно потрясённо сказала:

— Нет. Это *мне* приснилось. Я тоже видела *это*… его. Мужчину, вроде бы мужчина, без лицá… стоял над моей кроватью. — Она зажала глазá пальцами, вспоминая, а братья смотрели на неё в ужасе.

«*Над моей кроватью, ночью; в лунном свете; фигура мужчины, голова мужчины, и всё-таки там, где должно быть лицо, — ни единой черты, только гладкая пустая кожа*».

4. Другие люди

Наши дни в Крест-Хилле были напряжёнными и непредсказуемыми, как небо над Контракером. Из-за близости гор, из-за неутихающих ветров, которые дули над холодным озером Нуар, небо непрерывно менялось: сейчас ясная прозрачная голубизна, как промытое стекло, и тут же всё в пятнах клубящихся туч цвéта раздавленных слив. Перед грозой,[407] в зависимости от направления и скорости ветрá,[408] температура падала за несколько минут на десяток градусов. Иногда — и это особенно сбивало с толку младших детей — сумерки начинали сгущаться в разгаре дня, когда солнце исчезало среди мохнатых туч. Грóзы бывали такими сильными, что земля и небо словно бились в единой судороге; молнии раздирали небо, обнажая его недра, мрачные и зловещие, как погреб Крест-Хилла (который был официально запрещён для исследований). Изъеденные мхом крыши и плохо пригнанные рамы ветхого дóма протекали, на когда-то красивых мраморных и паркетных полах растекались лужи; мама плакала и проклинала

406 В оригинале восклицательный знак вместо вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
407 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
408 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

врагов нашего отца: «*Как могли они быть такими жестокими, такими злопамятными? Если бы они только знали, как мы несчастны!*» Мама упорно верила, что, узнай враги отца, среди которых были его прежние коллеги и друзья, как нам тяжело в этом ужасном месте, они бы сжалились над нами, и полностью очистили бы Родрика Мейтсона от всех поклёпов, и вернули бы его в столицу штата. «*Если бы они только знали!*»

Папа держался особняком, бóльшую часть времени укрываясь в своих рабочих комнатах на третьем этаже. Даже в самые жаркие, самые влажные и душные летние дни папа продолжал работать; мама говорила, что он работает по двенадцать часов в сутки, не меньше, и не ослабит усилий, пока не будет полностью очищен от обвинений. Иногда мы на мгновение видели его с безопасного расстояния — например, бродя в высокой траве, кто-нибудь из нас поднимал глазá и видел мелькнувшую белизну привычной папиной рубашки в окне третьего этажа; мы никогда не махали ему, так как папа мог истолковать такой жест как глупое легкомыслие или — хуже того — как насмешку. Видели мы его за обедом, если вообще видели. И когда он ужé сидел во главе стола, тогда нас звала в столовую мама, улыбающаяся, окрылённая надеждой, как выздоравливающие после тяжёлой болезни. Он ел медленно, с притворным аппетитом, и говорил мало, словно берёг свой голос; он не любил слушать нашу болтовню, но ему не нравилось, если мы хранили молчание — «*Как на похоронах*». (Хотя папа выглядел усталым, он был способен на прежние едкие сарказмы и взрывы гнева, обращённые главным образом на Стивена, его неуклюжие попытки бодриться, которые папа превратно истолковывал как «*наглость*».) Однако было много вечеров, когда папа ел наверху в одиночестве то, что приготовила ему женщина из Контракера, миссис Далн, которую мама наняла как приходящую кухарку и уборщицу и чей муж, мистер Далн, тоже работал у нас, как мастер на все рýки и садовник. (Далны были очень приятными, хотя сдержанными и несколько осторожными людьми, которые по возрасту могли быть нам дедушкой и бабушкой.) Еду ему относила мама на узорчатом потемневшем серебряном подносе, тревожась и настаивая, что ему надо есть, «*чтобы поддерживать силы*». Ибо все наши жизни, даже наше будущее зависело от «*сил*» нашего отца.

Иногда, начиная с конца июня, в Крест-Хилл к отцу приезжали люди. Их длинные тёмные сверкающие машины появлялись будто ниоткуда, неуверенно двигаясь по ухабистой подъездной дороге. Возможно, посетители эти были адвокатами. Возможно, они были следователями. По меньшей мере в одном тревожном случае они оказались телевизионной бригадой и журналисткой; мама не пустила журналистку в дом, но оказалась бессильной перед телевизионщиками, которые просто снимали её, пока она стояла, прижавшись к дверному косяку, и сердито кричала: «*Убирайтесь! Неужели вам мало? Оставьте нас в покое!*» Нам не разрешалось говорить с посетителями, не рекомендовалось интересоваться ими и даже не рекомендовалось вспоминать, что они нас заинтересовали. Когда один из приглашённых посетителей папы под вечер вышел из дóма, хотя он поздоровался со Стивеном (который работал с мистером Далном в высокой траве рядом с дорожкой, выпалывая сорняки,

голый по пояс на солнце), мама сделала вид, что вообще никто не приезжал; то есть *никто*, кого бы Стивен мог знать. А Стивен не сомневался, что *узнал* отцовского посетителя; он несколько раз видел его в нашем городском доме; один из школьных товарищей Стивена был сыном этого человека; и тем не менее, к изумлению Стивена, он не мог вспомнить его фамилию. А когда он спросил про него у мамы, мама притворилась, что ничего не знает. «*Кто? Я не заметила. Я прилегла отдохнуть. Эта жара́...*» Стивен спросил, скоро ли папа подаст в суд свою апелляцию, и мама сказала нервно: «*Стивен, откуда мне знать? Это меня не касается. Но, пожалуйста, милый, не спрашивай у папы. Обещай!*» Будто кто-то из нас, а особенно Стивен, нуждался в подобном предупреждении.

А потому дни — и но́чи — были напряжёнными и непредсказуемыми. Впервые в своей жизни нам, мейтсоновым[409] детям, было нечего «*делать*» — ни встреч с друзьями и ни частных уроков, ни школьных занятий, ни телевизора, ни VCR[410], ни видеоигр, ни компьютеров (кроме компьютера Грэма, всё больше выходившего из строя), ни кино, ни супермаркетов; некоторым из нас разрешалось поехать с мамой и — реже — с папой в Контракер за необходимыми покупками; но нам запрещалось бродить по улицам городка, а главное — нам было *категорически запрещено вступать в разговоры с незнакомыми людьми*. К нашему изумлению, каждому из нас были вменены те или иные обязанности по дому — мы же никогда в жизни *такой* работы не делали, с нашими щедрыми карманными деньгами и кредитными карточками. Здесь, в Крест-Хилле — до чего несправедливо! — нам поручили работу, лишив каких бы то ни было карманных денег! Даже десятилетний Нийл и Эллен должны были работать! Мама строго сказала нам, что *на время нам нужно смириться с тем, что мы не те люди, какими были*. Она сказала, понизив голос, точно цитируя услышанные от кого-то слова́:

— Мы временно стали *другими* людьми.

Другими людьми! Мы были растеряны, смущены. Мы чувствовали себя обманутыми. Вспоминая, как мама грустно, с жалостью улыбалась, когда говорила о «*Бедных*», о тех, кто обитал в трущобах США или в странно названном «*третьем мире*», когда видела гнетущие повторяющиеся по телевизору съёмки голодающих или искалеченных войнами людей в Африке, Индии, Боснии, например. Папа и мама сочувствовали этим трагичным людям, но брезгливо презирали других, очень похожих на нас, у кого денег и престижа было меньше, чем у Мейтсонов; мужчин-неудачников папиной профессии, не преуспевших в ней, как он, и женщин-неудачниц, не занявших видного положения в обществе —[411] в отличие от мамы с её бесчисленными приятельницами, клубами, благотворительными мероприятиями — всех тех, кто пытался достичь статуса Мейтсонов и потерпевших неудачу, потерпевших неудачу из-за каких-то нравственных своих изъянов и потому *заслуживающих презрения*.

409 В оригинале чрезмерное «мейтсоновским». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
410 VCR — сокращение Video Cassette Recorder, т. е. кассетный видеомагнитофон. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
411 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Только вот: значит, *мы сами стали этими презираемыми другими людьми*?

* * *

Тем не менее,[412] Крест-Хилл и вид с холма на окрестности были *красивы* или постепенно начали *казаться* красивыми.

Когда мы этого не ждали. Когда мы внезапно обернулись, и наши глаза́ увидели — прежде чем мы успели подумать.

Го́ры были красивы, выступая из туманов поутру. Закаты были красивы: западный край неба за отрогом — огромный котёл пламени, пожирающего себя, медленно-медленно сгущаясь в ночь. Вдали, в ясные дни — дома́ и шпили Контракера, будто игрушечный город на Блэк-ривер. И озеро Нуар, словно бы непрерывно меняющее размеры — наиболее широкое и бурное, когда ветер был особенно крепким — точно волнистое зеркало, всосавшее в себя весь свет и потому кажущееся,[413] вопреки любым законам природы,[414] абсолютно чёрным. Грэм опускал глаза́, чтобы не смотреть в окно своей комнаты: он предпочитал думать, что ненавидит Крест-Хилл и хочет одного: вернуться домой. (Но не были ли мы уже́ до́ма, теперь, когда красивый особняк в пригороде был продан? Их имущество отнято у них? Теперь, когда немногие друзья забыли его; больше не посылали ему е-мейл[415], хотя бы даже, чтобы поговорить о нём, как о мёртвом?) Стивен, злясь, что он пленник в Крест-Хилле, готовясь вырваться оттуда, тем не менее,[416] испытывал теперь удовольствие, работая руками — во всяком случае, на воздухе в хорошую погоду; он мудро думал: «*Того до́ма не вернуть, теперь этот — наш дом*». В городе его любили, им восхищались, и он не сомневался, что когда-нибудь его снова будут любить, восхищаться им, скажем, в Контракере; как только его узнают получше.

Словно чудный сон в своей красоте, парящий и парящий в перламутровом влажном воздухе! — вид из окна́ Розалинды, выходившего на запад к горе́ Морайя, словно бы притягивал к себе её глаза́, и у Розалинды не было сил сопротивляться. Вопреки своему юному ожесточившемуся сердцу она поймала себя на мысли: «*Если бы мы только были тут свои! Мы могли бы быть счастливы*».

412 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
413 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
414 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
415 В оригинале «Е-мейл» (см. 389). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
416 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

5. Велосипеды

Многие вещи, перевезённые вместе с нами в Крест-Хилл, необъяснимым образом *пропали*. Например, много недель мы искали и искали наши велосипеды. А затем в один прекрасный день нашли их — или то, что от них осталось. Недоверчиво вглядываясь в загромождённый хламом сумрак каретного сарая, недоумевая, *что* произошло с нашими велосипедами. Нашими велосипедами, такими сверкающими, такими красивыми, такими дорогими.

— Чёрт возьми, не могу поверить, — сказал Стивен. Для Стивена первоклассный дорожный велосипед был самым высшим символом престижа.

Не то чтобы Стивен был таким уж заядлым велосипедистом, но ему непременно надо было иметь самый лучший. И конечно, наши родители исполнили его желание.

Стивен, Грэм и Розалинда, борясь со слезами гнева и обиды, кое-как сумели отделить пять велосипедов друг от друга и вытащили их на свет. Какая неожиданность! Какой шок! Вот итальянский дорожный велосипед Стивена с двадцатью передачами, стоивший более восьмиста долларов, вот «Американский орёл» Грэма с одиннадцатью передачами, вот туристический велосипед Розалинды с пятью передачами, «Пежо», когда-то очаровательно серебристый с золотым отливом, вот детские «швинны» близнецов с пухлыми горными шинами — все поржавевшие, искорёженные, в лохмах паутины, обсыпанные крысиным или мышиным помётом. Велосипед Стивена уже́ не выделялся среди остальных своим совершенством; вы не сумели бы отличить прежде глянцево-красный «швинны» маленького Нийла[417] от «швинна» маленькой Эллен, нежно-голубого цве́та — то есть *прежде*. Мы смотрели на наши велосипеды ошеломлённым взглядом, словно перед нами была загадка, которую мы должны были разгадать и не могли.

Стивен снова прошептал, утирая глаза́:

— Не могу поверить. Это… *варварство*.

Грэм, ставший в Крест-Хилле философом, первый оправился от потрясения. Он засмеялся, ударил кулаком по пыльному седлу «Американского орла», смахнул паутину с руля, говоря:

— Будто время прошло. Года́. Вот, что время делает с материальными предметами.

— *Время*? — повторил Стивен. — Но ведь мы тут всего несколько недель.

417 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Розалинда не обращала внимания на своих заспоривших братьев. Она испытывала боль от того, *что* претерпел её велосипед, будто ей само́й пришлось перенести подобное. Ведь это же был ЕЁ велосипед, ведь правда? До́ма она на нём ездила мало, времени не хватало, и в Крест-Хилле более или менее забыла про него; но теперь она остро ощущала его утрату и на коленях извлекала мусор, застрявший между спицами, смахивала паутину и пыль. Если бы не заржавевший знак «*Пежо*» на раме, она бы, наверное, не узнала свой велосипед. Она сказала встревоженно:

— Может быть, это какое-то *испытание*. Если мы не сдадимся…

Стивен гневно усмехнулся:

— Я не сдаюсь. И *никогда* не сдамся.

Знай наши родители, что мы искали наши велосипеды с намерением прокатиться от Крест-Хилла до озера Нуар или в городок Контракер, они, разумеется, запретили бы это, но они не знали — ни он, ни она. Разве что папа увидел нас из своих комнат на третьем этаже. (Нас частично заслонял каретный сарай, во всяком случае, так нам казалось. Собственно, мы толком не знали, какие о́кна третьего этажа — папины; он мог иметь доступ к ним всем, что обеспечивало обзор Крест-Хилла и его окрестностей на триста шестьдесят градусов.)

Все велосипедные шины были спущены. Но, как ни удивительно, они словно бы не прогнили и не были разорваны. Стивен, полный решимости, отыскал насос, тоже сильно заржавевший, но работающий, и энергично накачал воздух во все шины; и мы быстро попробовали наши велосипеды на Аллее[418] Акаций, пока воздух ещё оставался в шинах. Мы возбуждённо смеялись. В нашей забаве пряталось какое-то *безумие*. Мы были точно дети с самодельными, примитивными, неказистыми и, возможно, опасными игрушками — игрушками, которые могли взорваться у нас в руках. Близнецы подбодряли друг друга, но их «швинны» до того заржавели, что им удалось проехать только несколько шагов, и на первой же рытвине они свалились. Долговязый, длинноногий Грэм, который никогда особенно не любил ездить на велосипеде, так как был не в ладах с собственным телом, взгромоздился на свой велосипед и закрутил педали в обратную сторону; проверил ручные тормоза́, которые вроде работали (а вдруг нет?); тщетно попытался выпрямить ручки руля, которые были забавно перекошены, и двинулся в путь, с пыхтением нажимая на педали, еле-еле, но продвигаясь вперёд. Розалинде повезло больше, несмотря на жалкое состояние её велосипеда; испуганно хихикая, пытаясь удерживать равновесие, точно пьяная, когда её велосипед накренялся, качался, дёргался и почти падал. Стивен обогнал её, яростно сжимая кривые ручки своего велосипеда; он тоже покачивался, как пьяный, но твёрдо решил не упасть; в тот момент, когда уже́ казалось, что его велосипед вот-вот опрокинется, бесславно увлекая его на землю, он каким-то образом выравнивал его, двигался вперёд, вкладывая в это все силы.

418 В оригинале вдруг «Атлее». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я не сдамся! — кричал Стивен со смехом. — Никогда.

Мы смотрели, как наш старший брат отчаянными усилиями продвигался вперёд на своём искалеченном велосипеде, а спина его майки уже́ намокла от пота, будто он гнал велосипед вверх по крутому подъёму, а не ехал слегка под уклон по направлению к воро́там и шоссе. Ярко-оранжевые с чёрными разводами, вокруг него зигзагами кружили бабочки-данаиды, будто восклицательные знаки.

Стивен ехал к воро́там: нам было запрещено покидать Крест-Хилл без разрешения.

Чугунные воро́та с пышными завитушками, конечно, были открыты; *навсегда* открыты; створки обросли ежевикой, плющом и мхом.

— Эй! — крикнул Грэм вслед брату и сестре, которые удалялись, отчаянно крутя педали. Он надеялся их догнать, но проржавелая цепь его велосипеда внезапно лопнула, и он растянулся в траве. Позади него хныкали близнецы. Впереди Стивен и Розалинда с усилием продолжали катить вперёд, не оглядываясь. Грэм, тяжело дыша, смотрел им вслед. Ныло ушибленное колено. Он перестал улыбаться. Игра окончилась. Хотя летний день был залит светом, почти слепил светом, ему внезапно вспомнилось Нечто-Без-Лица́, которое перешло Аллею Акаций в лунных лучах, двигаясь в сторону воро́т. Внезапно он ощутил слабость в ногах. Ведь ходили слухи о зверском убийстве девушки, не то девочки в Контракере; слухи о других случаях, даже в отдалённой деревне на озере Нуар, которую Грэм никогда не видел. Эти слухи приносили в Крест-Хилл Далны, и им не было подтверждения. Теперь Грэм вспомнил их, вспомнил *тот ужас*, который почувствовал, глядя на Нечто-Без-Лица́ в лунных лучах, своё убеждение: «*Это настоящее! Даже если этого не может быть, оно есть!*» Он не видел Нечто-Без-Лица́ с *той* но́чи полмесяца назад, но у него было ощущение, что каким-то образом Нечто-Без-Лица́ знает про него, знает про них всех, про Мейтсонов; оно следит за ними, всегда. «*И теперь. Даже теперь. При дневном свете*». Он сложил ладони рупором и закричал с внезапным испугом:

— Стивен! Розалинда! Вернитесь!

Но они не услышали и бесшабашно скрылись вдали.

* * *

Едва он оставил позади открытые воро́та и выехал на шоссе, Стивен почувствовал себя на удивление легче, свободнее, будто каким-то чудом сила тяжести заметно ослабела; то же странное ощущение испытываешь, входя в воду, когда она начинает тебя поддерживать. Его покалеченный велосипед продолжал качаться, дёргаться, содрогаться под ним,

седло было неудобно низким, будто для мальчика заметно меньше ростом, раздавалось стаккато «клик-клик-клик», словно цепь готовилась лопнуть, но Стивен продолжал крутить педали; ему удалось поставить более высокую передачу; постепенно он набрал скорость. И Розалинда, старавшаяся держаться наравне с ним, испытала почти такое же чувство внезапной воздушности, лёгкости, полёта, едва выехала на шоссе — узкую асфальтированную дорогу, где едва могли разъехаться две машины. Душистый ветер освежил её разгорячённое лицо, осушил слёзы обиды и разочарования на её глазах.

— Видишь? Что я тебе говорил! — крикнул Стивен, улыбаясь. Своей удивительной солнечной улыбкой, которая озарила ей сердце. Его улыбка, похожая на улыбку их отца, с той разницей, что её юношеский задор был неподдельным, искренним, не пронизанным иронией. Они смеялись вместе. Как беззаботные дети. Они — свободны! Дети бывшего судьи́ Апелляционного суда штата и всё-таки — свободны!

У них голова шла кру́гом от собственной смелости. Они знали, что, возможно, будут наказаны. И всё же не думали об этом — об отце, о наказании, — не думали ни о чём, кроме душистого летнего воздуха, изумительного узора солнечных лучей, пробивающихся сквозь ветви деревьев сбоку от доро́ги; здесь,[419] среди совсем неизвестных им крутых холмов, волнами уходящими вдаль, в окружении густых тёмных сосновых боров, разделённых луговинами в разноцветных узорах множества цветов, — голубизна горечавок и цикория, яркая желтизна миниатюрных подсолнечников. Совсем рядом с шоссе по камням бежали стремительные ручейки; и казались совсем близкими го́ры Шатокуа — всегда сурово-задумчивые, заросшие соснами, над которыми высились их туманные пики. Сердце Розалинды наполняла странная запретная радость. Её разрумянившееся хорошенькое личико сияло весёлым волнением, её пальцы порыжели от ржавчины на руле. В ошеломлении от холмов и сосен она крикнула:

— Стивен, подожди меня!

Они ехали в направлении Контракера — ведь так? Или в направлении озера Нуар,[420] в глубь лесов? Они, наверное, проехали две… три мили[421] — но всё выглядело по-прежнему непривычным. Ни домов, ни ферм, ни знакомых ориентиров. И — так странно! — никакого движения по шоссе. Розалинда поделилась бы этими наблюдениями со Стивеном, но он был далеко впереди[422] и,[423] сам того не замечая, всё увеличивал расстояние между ними; майка на спине потемнела от пота, крепкие мускулистые но́ги мощно крутили педали. Розалинду вдруг охватило тревожное предчувствие, нет, не страх, но

419 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
420 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
421 В метрической системе 2-3 мили — это примерно 3,2-4,8 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
422 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
423 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

предчувствие, она думала, не сознавая, что думает[424] о жутком Нечто-Без-Лица́, которое неделю назад приснилось ей[425] и которое Грэм, по его утверждению, видел своими глазами. Возможно ли такое? В подобный летний день среди подобной красоты Розалинде было трудно этому поверить.

«*Но*[426] *да, ты знаешь, это так*».

Ещё полмили[427] — и появился едущий ей навстречу Стивен, озабоченный тем, что его задняя шина теряет воздух; а потому с большой неохотой они с Розалиндой поехали назад в Крест-Хилл, до которого было примерно три мили[428], хотя показались они много длиннее, так как доро́га теперь почти всё время шла вверх и выбоины в асфальте, видимо, не чинившемся уже́ много лет, заставляли их лязгать зубами. Когда изъеденная ржавчиной, частично повалившаяся ограда, окружавшая Крест-Хилл, замаячила впереди, почти скрытая густыми зарослями, небо заметно затянули тяжёлые пористые тучи, которые гнал со стороны́ озера Нуар тёплый, отдающий серой ветер. *Что-то не так?* На Розалинду нахлынула тревога, а с ней и дурные предчувствия. Сквозь просветы в ветвях возник величественный старый дом на холме, в форме креста, его известняковые сте́ны угрюмо розово-серые; дом из сказки, и казалось, конечно же, приют особенных людей, хотя был ли он красив или откровенно безобразен, Розалинда, задыхающаяся, уставшая до ошеломления, решить не могла бы. *Что* мы, дети, знали об истории Крест-Хилла, *что* нам рассказывали о дедушке нашего отца? Только что этот давным-давно скончавшийся человек носил имя с библейскими отзвуками: Мозес[429] Адамс[430] Мейтсон. Он нажил состояние, как говорили, владея текстильной фабрикой в Уинтертерн-Сити в сорока́ милях[431] к югу, и удалился на покой среди предгорий Шатокуа вблизи от Контракера. Однако в Крест-Хилле не было его портрета. Вообще никаких фамильных портретов, да и ничего другого не висело там на стенах —[432] кроме полос отклеившихся штофных обоев; почти все комнаты в правом и левом крыле до́ма были лишены не только мебели, но даже воспоминая, даже намёка на мебель. «*Будто сама история была изгнана, стёрта. Словно сама история была слишком болезненной, чтобы её сохранять*».

Когда Стивен и Розалинда,[433] наконец,[434] въехали в открытые воро́та Крест-Хилла, посыпались первые капли дождя, будто расплавленный свинец, шипя и жаля. И какой это был подъём! Холм Крест-Хилл никогда ещё не был так крут. А ухабистая Аллея Акаций в травах заросшего парка была настоящей полосой препятствий. К тому времени, когда Стивен и Розалинда

424 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
425 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
426 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
427 В метрической системе ½ мили — это примерно 804 ½ м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
428 См. 421. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
429 Английский вариант имени Моисей. (примеч. пер.)
430 В оригинале «Адам», в отличии от остального текста. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
431 См. 44. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
432 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
433 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
434 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

добрались до до́ма, они совсем запыхались и обливались по́том: их никак нельзя было назвать привлекательными, от них исходил тяжёлый за́пах пота; тонкая блузка Розалинды и шорты прилипли к её тоненькой фигуре, к её маленьким упругим грудям, вызывая у неё отвращение. И, к их отчаянию, и отец,[435] и мать —[436] оба ждали их на каменной террасе, где бурьян пробивался между растрескавшимися плитами; остальных детей нигде не было видно, словно им было велено не выходить из своих комнат. На отце была мятая, уже́ не совсем белая полотняная куртка и спортивные брюки; он явно был очень рассержен, однако пытался держать себя в руках; в какой-то мере вернулось его прежнее ироническое обаяние, будто он выступал в суде или по телевидению. Глаза́ у него были плоскими и тусклыми, но он сумел улыбнуться вполне непринуждённо; мама чуть позади него в бледно-зелёных шёлковых брючках и кимоно в тон, похожем на шёлковую тунику, даже не попыталась улыбнуться, — её густо накрашенное лицо опухло от обиды и гнева; глаза́ заплыли от слёз; ведь ей, матери, конечно, пришлось выслушать упрёки за недопустимое поведение двух её старших детей. Отец сказал грозно:

— Стивен, Розалинда, как вы посмели ослушаться меня? Вы отсутствовали без разрешения, даже не поставив в известность ни свою мать, ни меня, о своём намерении покинуть Крест-Хилл, почти на восемь часов! Такое поведение переходит все границы!

Восемь часов! Стивен и Розалинда испуганно переглянулись. Они возразили:

— Но ведь прошло не больше ча́са! Мы просто попробовали наши велосипеды…

Однако казалось несомненным, что они отсутствовали гораздо, гораздо дольше, чем один час. Небо, всё в клубящихся безобразных тучах, потемнело почти до вечернего; температура понизилась чуть ли не на десять градусов, жалящий дождь хлестал всё сильнее, неся за́пах но́чи. Точно провинившийся ребёнок,[437] Розалинда разразилась слезами:

— Папа, прости! Прости!

Отец сказал возмущённо:

— *Прости*! После того, как мы чуть с ума не сошли, тревожась за вас! Отправляйтесь в свои комнаты немедленно! Я поговорю с вами по отдельности.

Опустив голову от стыда, Розалинда бросилась в дом, но Стивен вызывающе остался на террасе, упрямо доказывая, что они никак не могли отсутствовать восемь часов, он уверен, что они не отсутствовали восемь часов, ну и в любом случае у них есть право ездить на своих велосипедах…

435 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
436 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
437 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты не можешь держать нас тут как *заключённых*, отец, из-за того что *сам такой*.

Наступило мгновение тишины. Слышно было только, как дождь с шипением хлещет по плитам террасы.

Быстро, однако с достоинством, папа шагнул вперёд[438] и,[439] прежде чем мама успела ухватить его руку, ударил Стивена ладонью по пылающему потному юному лицу.

6. Бедная мама

Бедная мама — «*Вероника Мейтсон*». Мелодичное имя, когда-то звучавшее так часто, а теперь так редко. Ведь для нас, конечно, наша мать была «*мама*», а для Далнов она была миссис Мейтсон или, чаще, «*мэм*». Из всех нас только папа имел прерогативу называть её этим красивым именем, данным ей при крещении; однако, когда он обращался к ней, за обедом например, то обычно тоном мягкого мученического упрёка:

«*Вероника, что это за еда? Словно во рту… земля*».

«*Вероника, почему дети являются к обеденному столу такими оборванцами? И пахнут так, будто неделю не мылись*».

«*Вероника, почему воздух такой… тяжёлый в этой комнате? Такой сырой? Или это наши тяжёлые сырые сердца́?*»

Мама сидела на мамином месте напротив папы во главе стола, улыбаясь своей красивой ослепительной улыбкой. Может быть, она слышала, может быть, нет.

Такая к этому времени знакомая история, рассказывавшаяся и перерассказывавшаяся нам — и миссис Далн, которая только покачивала головой и сочувственно прищёлкивала языком, — как тогда в городе, едва пошли слухи о неминуемом падении судьи́ Родрика Мейтсона, мамин телефон перестал звонить. В одно прекрасное утро, внезапно — в доме воцарилась *тишина*. Где прежде элегантнейшая Вероника Мейтсон была ослеплена собственной популярностью: она во всех списках гостей, в бешеной карусели званых завтраков, благотворительных мероприятий, открытия музеев, и приёмов, и официальных банкетов, теперь её, как судью Мейтсона, внезапно вычеркнули, стёрли резинкой. «*Будто я была в карантине с какой-нибудь омерзительной болезнью*, — с горечью говорила мама. — *Мы все, Мейтсоны,*

438 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
439 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

даже вы, дети, — “[440]*виновны, пока не будет доказана наша невиновность”*»[441]. Её нежное, тщательно накрашенное лицо начинало напоминать смазанную акварель; её глаза́, зелёно-карие, прежде сверкавшие жизнерадостностью, теперь были пронизаны красными жилками от нескончаемых слёз; дыхание, иногда ненароком обдававшее ли́ца детей, пахло кислым, словно внутренность старого холодильника на кухне. «*Мама пьёт?* — перешёптывались мы. —[442] [443]*Мама пьяна?*» Мы *любили* маму, но мы *ненавидели* маму. Мы *боялись* мамы. Розалинда сказала:

— Я никогда её не знала прежде, а вы?

И Грэм вздрогнул, и помотал головой, а Стивен, который пытался всё представлять в лучшем свете, даже обдумывая (как мы подозревали) своё бегство, сказал:

— Мама просто претерпевает *метаморфозу*, как бабочка.

— Бабочка в *обратном* направлении, — сказал Грэм с ухмылкой.

В городе у мамы для нас почти не было времени, теперь в Крест-Хилле в бесконечные летние дни, когда бледно-горящее солнце, казалось, еле волоклось по небу, а минутные стре́лки часов, которые ещё ходили, казалось, иногда отползали назад на дюйм, времени у неё было слишком много. Хотя папа вставал на заре, чтобы продолжать работу над своей защитой, мама вставала поздно — как можно позднее, её страшил новый день изгнания; она мылась в нескольких еле натёкших дюймах чуть тёплой воды́ в допотопной ванне с пятнистой эмалью; она накладывала на лицо маску макияжа со всем тщанием и пыталась что-то сделать со своими волосами; скользила по дому, точно привидение в своей теперь мятой городской одежде, словно ожидая, что за ней заедет подруга и они отправятся завтракать в каком-нибудь загородном клубе или новейшем модном ресторане. «*Мама сегодня пьёт? Бедная мама*». Она начала относиться с подозрением, даже с ревностью к Розалинде, которая быстро вырастала в красивую, физически крепкую, способную и умную девушку с длинными кудрявящимися волосами червонного золота, выбеленными солнцем; она без конца допрашивала Стивена и Грэма в убеждении, что они при каждом удобном случае ускользают в Контракер или куда-нибудь ещё дальше, она поручала старшим детям разные хозяйственные обязанности, но очень редко проверяла их. Если прежде она сосредотачивала внимание на близнецах, одевая их с маниакальной заботливостью — «*наших последних малюток*», то теперь она откровенно *тяготилась* ими, предоставляя добросердечной миссис Дали опекать их и слушать их несмолкаемую болтовню. Маленький Нийл, умный сообразительный мальчик, который в городе был очаровательно непосредственным, вдали от го́рода стал

440 В оригинале открываются угловые кавычки вместо фигурных (цитата в цитате). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

441 В оригинале закрываются только угловые кавычки, без фигурных (цитата в цитате). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

442 В оригинале после точки без тире, хотя цитата речи персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

443 В оригинале открываются угловые кавычки (см. 442). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

болезненно нервным; тéни вызывали у него дрожь, заставляли ёжиться, даже если тень была его собственной; он всё время дёргал маму за руку, точно малыш, моля и хныча: «*Оно здесь, оно приходит сюда, когда мы не смотрим, и оно прячется, а если зажечь свет, превращается в тень, и если обернуться, она обернётся с тобой, так что его нельзя увидеть…*» — путанно говорил Нийл о ком-то или о чём-то, которое, он был убеждён, жило в Крест-Хилле вместе с нами. Мама раздражённо смеялась, говоря: «*У меня нет времени для детских игр. Я не могу быть “*[444]*круглосуточной матерью”*[445]*!*» Маленькая Эллен, зеркальное отражение своего брата, хотя чуть уменьшенное, с широко распахнутыми наивными карими глазами и привычкой сосать пальцы, тоже верила, что кто-то или что-то живёт с ними в Крест-Хилле, но только днём оно невидимо. Эллен редко спокойно спала всю ночь; бедняжка плакала и металась в постели, но мама наотрез не позволяла ей спать с горящей лампой, и не только из-за того, что свет будет мешать спать Розалинде, с которой Эллен делила спальню на втором этаже, но из-за риска, что он привлечёт внимание к нам в темноте: «*Крест-Хилл виден на мили вокруг. Мы осветим путь до самых наших кроватей*».

Как-то раз Эллен совсем расплакалась, слёзы градом катились по её нездорово покрасневшим щекам, и мама в досаде[446] опустилась перед ней на колени, крепко сжала её худенькие плечи и слегка встряхнула девочку:

— Радость моя, не плачь, пожалуйста! На нас всех слёз не хватит.

* * *

Особенно маму волновала и тревожила еженедельная газета «Контракер вэлли уикли», которую папа запретил нам читать — и ей тоже, но миссис Дaлн —[447] по маминой просьбе —[448] тайком приносила газету в Крест-Хилл. Бóльшая часть газеты посвящалась обычным местным новостям; но первую страницу последнюю неделю заполняли всё более и более пугающие заголовки: «*ШЕСТИЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА ПРОПАЛА, ОБЫСКИВАЕТСЯ БОЛОТО*»,[449] «*ДЕВУШКА СЕМНАДЦАТИ ЛЕТ НАЙДЕНА ИЗУРОДОВАННОЙ И ЗАДУШЕННОЙ В ПУСТОМ АМБАРЕ*»,[450] «*ТРУП ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНЕГО ЮНОШИ ОБНАРУЖЕН НА ПОЖАРИЩЕ ПОСЛЕ ПОДЖОГА*». Местные полицейские вели расследование этих преступлений, а также и других, которые могли иметь

444 В оригинале открываются угловые кавычки вместо фигурных (цитата в цитате). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
445 В оригинале закрываются угловые кавычки вместо фигурных (цитата в цитате). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
446 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
447 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
448 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
449 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
450 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

связь с этими; были задержаны несколько подозреваемых; мама читала газеты с увлечением и ужасом, не отрываясь, а пото́м говорила нам слабым взволнованным голосом: «*Теперь вы понимаете, почему ваш отец и я не хотим, чтобы вы, дети, отправлялись в город одни? Почему вы не должны покидать Крест-Хилл, если нас нет с вами?*»[451]

Будто наши родители часто отлучались из Крест-Хилла — не чаще раза-двух в неделю. Пятимильная[452] поездка до Контракера! Где, если нам выпадала удача, мы могли получить дозволение сопровождать маму, например, в супермаркет за какими-нибудь деликатесами, или в скверно пахнущую аптеку, где нас встречали грубые, любопытные взгляды, или в «Сире», или «Кей-март»[453]. Мы, Мейтсоны, те, которые никогда прежде не переступали порога таких серых и скучных мест. Стивен презирал эти жалкие прогулки, но Грэм и Розалинда —[454] в жажде хоть какой-то перемены —[455] обычно сопровождали маму. Они были строго предупреждены никуда от неё не отходить — не смешиваться с толпой незнакомых людей, но, разумеется,[456] они нарушали этот запрет, едва мамино внимание бывало чем-либо отвлечено. И они умоляли о разрешении посетить небольшую городскую библиотеку, и оно неохотно, но было им дано. Там, пока Грэм увлечённо пасся среди полок физической и математической секций, Розалинда, истосковавшаяся по общению со сверстницами, застенчиво разговаривала с девочками своего возраста; называла себя, объясняла, что она и её семья здесь недавно и живут в Крест-Хилле. Контракерские девочки смотрели на неё с изумлением. Одна из них со смело малиновыми губами, грубовато привлекательная, сказала:

— Вы живёте в Крест-Хилле? Там *никто* не живёт.

* * *

Разгар лета. Тёплый сернистый воздух, приносимый ветром с озера Нуар, обрёк бедную маму на мигрени, всё более жестокие.

Разгар лета. Пронзительный звон цикад на деревьях, когда температура дошла до тридцати градусов, натянул нервы бедной мамы,[457] как стру́ны.

451 В оригинале без закрывающих кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
452 См. 386. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
453 К Mart, «Кей-март» — сеть универсальных магазинов (department store) корпорации Kmart Corp., продающих товары по сниженным ценам (discount store). Рекламный девиз: «Вас устроят и качество, и цена» («The quality you need, the price you want»). Символ недорогих товаров и услуг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
454 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
455 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
456 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
457 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И были обманчивые звуки, как называла их мама — «*жестокие обманчивые звуки*» — странные вибрации, приглушённые голоса́ и смех в дальних комнатах Крест-Хилла; звонки телефона там, где не могло быть ни звонков, ни телефона. «*Вероника? Вер-он-ика?*» В знойный полдень на исходе июля на ухабистой дороге возник, подпрыгивая по рытвинам, серебристо-зелёный красавец «мерседес», который расплылся в воздухе, приближаясь к площадке перед домом, а перед тем ввергнул бедную маму в безумное волнение и панику. Она верила, что это, конечно, самая близкая подруга, которая не общалась с ней уже́ много месяцев, приехала, чтобы увезти её позавтракать в загородном клубе…

— А я не одета. Не приняла ванны. И поглядите на мои волосы!

Мама пришла в такое расстройство, что миссис Дали пришлось схватить её и удержать в своих утешительных объятиях.

Не было никаких «мерседесов» перед домом, и не было никаких «мерседесов» на подъездной дороге. Однако Грэм упрямо утверждал, что тоже его *видел*. Он видел что-то серебристо-зелёное, неровно движущееся, имеющее форму машины; и стремительно исчезавшее при приближении к дому.

* * *

Бедная мама. После фальшивой тревоги, вызванной её подругой в «мерседесе», она несколько дней была совсем больна, совсем без сил. Затем сразу восстала со своего одра, полная энергии, когда папа сообщил ей, что через неделю ожидает в Крест-Хилле важных гостей, которые будут совещаться с ним о новом представлении его де́ла генеральному прокурору. (*Он собрал новые данные, новые доказательства*, сказал папа. *Неопровержимые доказательства, что главные свидетели-доносчики в суде давали против него ложные показания. Неопровержимые доказательства того, что первоначальные обвинения, представленные против него предубеждённым большим жюри, были абсолютно беспочвенными.*) Мама вскричала:

— Нельзя, чтобы они увидели эти постыдные комнаты! Мы должны что-то сделать!

Конечно, она бы хотела заново отделать нижние комнаты, которыми мы пользовались, но на это не было денег. Вместо этого, повязав волосы весёленьким шарфом, в широких бумажных брючках и старой рубашке Стивена, мама провела домашнюю бригаду из миссис Дали и детей через несколько комнат, сосредоточив усилия для практических целей на утренней столовой с стеклянной стеной, выходящей на Овальный пруд: в ней папа намеревался принять своих коллег. Никто из нас уже́ много месяцев не видел

маму полной такого молодого задора и энтузиазма, да нет — уже́ *годы*! Её глаза́, хотя и слегка налитые кровью, сияли. Цвет лица́ под коркой макияжа был свежим, юным. К концу двух дней заросшие грязью стёкла в частых переплётах окон утренней столовой были протёрты так, что солнечные лучи лились сквозь них без помех; паркетный пол был более или менее отчищен от многослойной пы́ли и натёрт; длинный антикварный стол вишнёвого дерева был отполирован, а вокруг него расставлены десять красивых стульев, не одного гарнитура, но в хорошем состоянии. Старые ветхие шёлковые гардины были сняты, и мама с миссис Дален, искусной швеёй, ловко приладили на их место гардины, снятые с окон в другой части до́ма — из индийского ситца с ярким узором. Когда папа увидел, *чего* добилась мама и все мы, он оглядывал плоды нашего труда с искренним удивлением и благодарностью. Его глаза́ наполнились слезами.

— Вероника, как могу я тебя отблагодарить? И всех-всех! Вы сотворили *волшебство*.

В мальчишеском восторге он схватил ру́ки мамы, чтобы расцеловать, и лишь на секунду помедлил, увидев, какие они белесые, какие худые и сморщенные, будто у старой женщины, от долгой возни с детергентами.

— Значит, ты меня *любишь*, Родрик? — спросила мама с тревогой, тоном, который нам, её детям, внушил *стыд*. — Я хорошая жена тебе, несмотря ни на что?

Но, — бедная мама! — не прошло и нескольких дней, как все её труды пропали даром.

Каким-то образом пылинки, частицы гря́зи и сажи снова проникли в углы утренней столовой. В ней повис кислый за́пах гнильцы. Лесные птицы, обманутые прозрачностью стекол, не воспринимали их, как препятствие, летели прямо в окно, ломая шеи; они лежали на полу́ скорбными кучками перьев. Дождь, проникавший в разбитые о́кна, загрязнил паркет, который к тому же вздулся, промочил и испачкал мягкие сиденья стульев. Даже яркие гардины из индийского ситца выглядели грязными и истрёпанными, будто провисели тут многие годы. Мама металась, рвала на себе волосы, плакала. «*Но… что произошло? Кто это сделал? Кто мог быть настолько жесток?*» Мы, дети, тоже были ошеломлены и расстроены; десятилетние Нийл и Эллен в ужасе жались друг к другу, твёрдо веря, что *невидимое нечто, живущее в доме с нами, исчезающее, когда вихрем оборачиваешься, чтобы изловить его, злорадно устроило разгром*. Розалинда была глубоко огорчена и рассержена, потому что она работала чертовски усердно, она гордилась результатами своей работы, помогая маме ради благой цели. Стивен молчал, думал, грыз нижнюю губу, будто приходил к какому-то решению. Грэм, с ухмылкой на худом капризном лице — ухмылкой притворного удовлетворения,[458] — сказал:

— Мама, такова судьба материальной вселенной — снашиваться, сходить на нет. Ты думала, что мы *исключение*?

458 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Мама обернулась к нему и закричала:

— Я тебя *ненавижу*! Всех вас *ненавижу*!

Но ударила она только Грэма, оцарапав ему кожу под левым глазом острым краем изумруда в своём кольце.

Потóм мама пошатнулась и упала. Глазá у неё закатились. Её тело ударилось о грязный пол мягко, будто небрежно уроненный узел с одеждой. Мы, дети, глядя в ужасе на распростёртую женщину, казалось, знали, что мама ужé никогда не будет той, которой была раньше.

7. Жертвы

Местное мнение разделилось: рыскающий убийца был медведь, обезумевший от вкуса человеческой крóви, едва её попробовав; или же убийца был человек, просто обезумевший и подражающий поведению взбесившегося медведя.

На исходе июля нашли ещё одну жертву: одиннадцатилетнюю девочку, задушенную и изуродованную в глухом лесу неподалёку от деревни на озере Нуар. А в начале августа семнадцатилетний парень, убитый страшными ударами по голове, с частично содранным лицом, был найден на краю́ кладбища в Контракере. Вся дрожа, мама бросала только один взгляд на газету с её жуткими заголовками. «*Одно и тоже, одно и тоже. Как погода*». Не выразила она особого удивления или интереса, когда однажды утром местный шериф с двумя помощниками приехал *допросить* нас, *неофициально*, как они объяснили: *опрашиваются все, проживающие в этих местах*. Они почти всё время провели с папой, который произвёл на них сильное впечатление своим умом и мягкой обходительностью. Ничего не знать о профессиональных неприятностях Родрика Мейтсона они не могли и,[459] тем не менее,[460] называли его «*судья*», «*ваша честь*»[461] и «*сэр*» весьма почтительно; ведь до столицы штата было триста миль[462], и тамошние скандалы, и борьба за власть для Контракера никакого интереса не представляли.

Со своей стороны́ папа был очень любезен с представителями закона. У них не было ордера на обыск, но он дал им разрешение обыскать парк и лес вокруг до́ма. Все мы, даже мама и близнецы, напуганные появлением полицейских машин, следили за ними из окон верхнего этажа. Мама сказала тоном, каким задают не имеющий ответа вопрос:

459 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
460 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
461 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
462 В метрической системе 300 миль — это почти 483 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Что они думают найти? Какие глупые люди!

А папа сказал с лёгкой улыбкой:

— Что же, пусть ищут. В моих интересах быть хорошим гражданином. А в результате им незачем будет возвращаться и снова нас беспокоить.

8. Второе появление: Нечто-Без-Лица́

«*Что я потерял: моё имя пользователя, мой пароль, мою ду́шу.*

Куда я должен бежать? Не ВРЖ. Её не существует».

Такой будет прощальная записка Грэма, сначала напечатанная на его барахлящем компьютере, сливавшем слова́ в сплошные блоки бреда, букв, цифр и компьютерных значков; а затем написанная дюймовыми заглавными буквами с таким гневом, что кончик грэмового[463] маркера продырявливал бумагу.

Он перестал думать о себе, как о *Грэме Мейтсоне*. Имя и фамилия внушали ему отвращение. «*Грэм*» — имя, данное ему, словно подарок, не принять который он не мог. «*Мейтсон*» — родовое имя, унаследованное, как судьба, не принять которую он не мог.

Семья считала, что он изменился, стал мрачным, даже ещё более молчаливым и замкнутым с тех пор, как мама ударила его по щеке так унизительно на глазах у всех; с тех пор, как его лицо, юное, ошеломлённое, закровоточило; с тех пор, как узкая рваная ранка запеклась в царапину, похожую на застёжку-молнию, которая казалась — так странно, так противоестественно — всегда совсем свежей. (Сдирал ли Грэм струп, чтобы она оставалась такой? Если да, то машинально или когда ненадолго засыпа́л беспокойным сном.) Собственно, только Грэм знал, что *причина была гораздо глубже*.

В городской библиотеке Контракера он обнаружил в отделе «*История долины Контракер*» несколько старых переплетённых в кожу томов, десятилетия никем не открывавшихся, и из любопытства прочёл страницы, на которых фигурировал знаменитый Мозес Адамс[464] Мейтсон «*текстильный фабрикант — борец за сохранение дикой природы*», который

463 В оригинале чрезмерное «грэмовского». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
464 В оригинале «Адаме». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

построил Крест-Хилл, «*одну из архитектурных достопримечательностей этой области*»; он с изумлением узнал, что его прадед переплыл Атлантический океан четвёртым классом из Ливерпуля (Англия) в возрасте 13 лет, не сопровождаемый хотя бы одним взрослым, в 1873-м; что он стал учеником на верфи в Марблхеде (Массачусетс), но вскоре перебрался на север штата Нью-Йорк, где в Уинтертерн-Сити построил первую из нескольких мейтсоновых[465] текстильных фабрик; за десять лет он стал богатым человеком, на рубеже веков — мультимиллионером, в той эре, в которой такие агрессивные капиталисты, как Дж. Пирпонт Морган, Джон Д. Рокфеллер, Эдвард Гарриман и Эндрю Карнеги сколотили свои колоссальные состояния через монополии и тресты и благодаря систематической эксплуатации неорганизованных рабочих, в основном иммигрантов. Мозес Адамс[466] Мейтсон никогда не был *так* богат, как *эти* люди, и не приобрёл такой недоброй славы; тем не менее, как узнал Грэм, быстро проглядывая эти страницы, его прадед жестоко эксплуатировал своих рабочих; на его фабриках работали женщины, молоденькие девушки, даже дети за жалкие 2,50 доллара в неделю; многим его работницам было меньше двенадцати, а девочки шести-семи лет работали по тринадцать часов в день. Грэм прошептал вслух: «*Тринадцать часов!*» Ему ни разу не приходилось работать сколько-нибудь долго до безумств в утренней столовой под маминым руководством; да и тогда он трудился не больше двух часов, причём не слишком усердно. Он не мог вообразить: *работать… тринадцать часов! Маленькая девочка среди грохочущего шума, в жаркой духоте или замерзая.*

Грэм с ужасом прочёл о «*Пожаре в Южном Уинтертерне 8 февраля 1911 го́да*» — одна из текстильных фабрик Мейтсона сгорела дотла, в огне погибло более тридцати человек, включая детей; в процессе следствия выяснилось, что фабрику не обеспечили достаточным числом выходов на случай пожара, и даже имевшиеся две́ри необъяснимым образом были почти все заперты. Грэм уставился на коричневую фотографию дымящихся развалин; возле стояли пожарные и разные другие люди, а на снегу рядами лежали укрытые брезентом *трупы — так много! — а некоторые такие маленькие!* Многие жертвы обгорели настолько, их ли́ца настолько обуглились, что достоверно опознать их оказалось невозможно. **Тела́ без лиц.**

Грэм слепо поставил книгу назад на по́лку. Семейной истории ему было более чем достаточно. Значит, недаром его мучил болезненный стыд, что он Мейтсон и живёт в разрушающемся Крест-Хилле; построенном, как он только теперь узнал, на костях *таких невинных жертв*.

Он решил ничего не говорить Розалинде и Стивену. Во всяком случае, *не сейчас*. Слишком омерзительным, слишком постыдным было это открытие. Грэм лелеял свой подростковый цинизм, но не хотел разделить его со своими более энергичными, более привлекательными сестрой и братом. Кто-то же должен оберегать ни в чём не повинных: им незачем знать слишком много.

465 В оригинале чрезмерное «мейтсоновских». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
466 В оригинале «Адаме». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Знала ли мама про Мозеса Адамса Мейтсона? Возможно, нет.

Конечно, нет.

А отец? Конечно, да.

* * *

Быть помеченным судьбой, быть проклятым — разве это также не значит быть особенным?

С той июньской но́чи, в начале лета нашего изгнания, когда он увидел существо, которое назвал Нечто-Без-Лица́, Грэм редко спал больше одного-двух часов подряд; часто он не раздевался и вообще не ложился в постель, потому что она стала для него местом мук и отчаяния. И теперь сон одолевал его днём парализующими припадками; не в силах его побороть, он впадал в глубокое кататоническое забытьё, как новорождённый; пото́м внезапно просыпался, моргая, задыхаясь, а сердце бешено колотилось. (Он мог оказаться на грязном полу́ одной из запертых комнат Крест-Хилла, или в штыковидной траве газона, не в силах вспомнить, *как* он оказался там. Иногда над ним наклонялся кто-нибудь из нас, крича: «*Грэм, проснись же! Грэм, проснись же!*»[467]) Бессонница Грэма всё ухудшалась, и всё возрастала извращённая гордость, которую она в нём вызывала. Он не мог довериться но́чи, чтобы уснуть; он не мог довериться дню. Как он жалел, что не может сесть за компьютер и похвастать перед своими невидимыми друзьями в киберпространстве, что он,[468] в отличие от них всех, больше вообще не спит. Он упивался тем, что мама, погрузившаяся в себя, теперь совсем равнодушная к своим детям, понятия не имеет о его патологическом состоянии; и папа, казалось, нисколько этим не интересовался, если не считать ироничных окликов за обеденным столом, когда он клевал носом или не отвечал на обращённый к нему вопрос. («*Сын, я с тобой говорю. Где витает твоё сознание?*» — спрашивал папа; и Грэм пытался вернуть своё сознание, своё мышление, как маленький мальчик может робко дёргать нитку любимого зме́я, который унёс высоко в небо непредсказуемый ветер, достаточно сильный, чтобы разорвать его в клочья. «*Моё сознание! Моё сознание! Отец, вот оно!*»[469]).

467 В оригинале без закрывающих кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
468 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
469 В оригинале без закрывающих кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Быть помеченным судьбой, быть проклятым — это значит понять, что ты особенный.

Грэм перестал верить, что наш отец может быть «*спасён*», что «*справедливость*» восторжествует. Он утратил веру в то, что мы когда-нибудь вернёмся к нашей прежней жизни в городе; он перестал верить в то, что наша «*прежняя жизнь*» вообще когда-либо существовала. Как киберпространство, в котором он провёл столько часов своей юной жизни, существует везде, но также и нигде. И *нигде должно преобладать*. **Это финальный закон природы.**

Теперь, когда маму Крест-Хилл сломал, теперь, когда папа со всё большей маниакальностью уединялся у себя на верхнем этаже (запретном, как была запретна и спальня, для нас, детей: даже близко подходить воспрещалось), в доме воцарилось тихое смятение; будто последствия шока, но бесшумного, неопределённого шока, как бывает после того, как над тобой пролетит мощный реактивный самолёт. Был август, пора жгучего, душного зноя; пора колеблющегося, дрожащего зноя; и частых гроз и зарниц; пора частых перерывов в подаче электричества, когда скверная проводка Крест-Хилла вообще выходила из строя и темнота длилась часами. Настал день, когда мы поняли, что мистер и миссис Дални перестали приезжать; мы словно бы знали, что им не платили много недель и они отчаялись получить вознаграждение за свою работу. Мама объясняла пустым, равнодушным голосом, словно говоря о погоде: «*Они получат всё, что им причитается. Папа выпишет им чек. Со временем*». Мы спросили: *но когда?* (Нам было стыдно, что эта добрая пожилая пара, так заботившаяся о нас, будет обманута.) Мама только улыбнулась и пожала плечами. После «*предательства*», как она начала называть случившееся с утренней столовой, всякие эмоции её покинули. «*Теперь это не мама*, — с горечью думал Грэм. — *Но тогда, кто же?*»

По воле судеб важные посетители папы так и не приехали в то утро. Он ждал их весь день, и это был один из длиннейших августовских дней. Сначала он ждал спокойно в свежеотглаженном голубом в полоску летнем костюме, белой рубашке и галстуке, проглядывая документы в аккуратных стопках на столе вишнёвого дерева; затем со всё более возрастающим волнением у парадного входа в Крест-Хилл,[470] под мшистыми,[471] в разводах сырости неоклассическим портиком; по мере того как проходили часы и белесое дымчатое солнце летаргически сползало с небосклона, он снова обрёл спокойствие с видом иронической покорности судьбе, глядя через заросшее травами пространство в направлении въездных ворóт, как человек, слышащий дальнюю музыку, неслышную никому другому и, наконец, неслышную ему самому́.

470 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
471 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Ночь середины августа, дымчатый лунный свет; Грэм решил выследить своего брата Стивена, спрятаться в ожидании Стивена в болотистых травах в конце подъездной доро́ги. Он словно бы знал, что Стивен по ночам тайно уезжает из Крест-Хилла на своём велосипеде, не считаясь с требованием папы, чтобы больше никто из нас на велосипеде или пешком не смел туда отправляться без его разрешения. Грэма до дрожи восхищало, что его брат так своевольно не слушается нашего отца, но его одолевала зависть. «*Куда он ездит? Кто его друзья? Это нечестно!*» Стивен прятал свой велосипед в одном из амбаров, тайком смазывая его, отчищая от новой и новой ржавчины, производя починки; итальянский дорожный велосипед, хотя лёгкий и изящный, оказался на удивление прочным. Цепь грэмового[472] велосипеда скрепить не удалось, и ездить на нём было нельзя, но Грэм думал, что мог бы взять велосипед Розалинды; они со Стивеном могли бы поехать вместе… в Контракер?

И вот Грэм ждал Стивена, притаившись в высокой траве. Со всех сторон ночь полнилась шипящим жужжанием ночных насекомых. Одни звенели в унисон, другие испускали отдельные пронзительные звуки, как визг пилы́. Бессонницу Грэма, считал он, особенно усиливал лунный свет. Луна! Безжалостный глаз дразнит, подмигивает, зловеще светит на него — так далеко внизу. «*И всё-таки это талант — никогда не спать. Никогда не опасаться быть застигнутым врасплох*». Грэм не сомневался, что будет бодрствовать, однако его заставил очнуться звук шагов, вибрация земли́; он сел прямее, ошалело, на миг ничего не соображая, и увидел тогда, что мимо совсем близко проходит Стивен[473] или фигура, которую он принял за Стивена — думая, каким высоким, каким взрослым стал Стивен; все замечали, каким мускулистым стал Стивен за это лето, работая на воздухе с мистером Далном, окашивая и содержа в порядке огромный газон, который неотвратимо через несколько дней вновь зарастал травой по плечо и яркими лесными и полевыми цветами в буйстве плодородия. Грэм пробормотал:

— Стивен? … Это я.

На него обрушилась мысль, что брат может отвергнуть его. Грэм бо́льшую часть лета угрюмо замыкался в себе, уклоняясь от частых дружеских попыток Стивена его развлечь. Грэм сказал:

— Стивен? Подожди. Можно мне с тобой? Пожалуйста…

472 В оригинале «грэ-мовского» не просто чрезмерно, но и через дефис. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

473 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ему показалось странным, что Стивен, зная теперь, *кто* он, ничего не ответил. Странно, что он остановился так внезапно примерно в семи шагах от Грэма, ру́ки приподняты у боков, поза напряжённая, настороженная; лицо погружено в тень, неподвижно.

— Стивен? … — Грэм бездумно шагнул вперёд.

Увидев в этот миг, что фигура перед ним была не его братом Стивеном, но… Нечто-Без-Лица́.

Грэм застыл, парализованный. Ведь ему могло казаться, что это был всего лишь симптом бессонницы, которой он столь роковым образом возгордился; кошмарная фигура перед ним — плод его воображения, его бред, «*нереальная*», а если и «*реальная*», как были реальны зверства, о которых сообщалось в еженедельной контракерской газете, то не имеющая отношения к нему. У него не было времени позвать на помощь: существо ринулось на него, взмахивая руками, как может бить лапами медведь — свирепо и слепо; настолько тяжелее, настолько сильнее, чем Грэм, и Грэм был повален на землю, словно несмышлёный малыш, а не тринадцатилетний мальчик.

Если не считать звуков ночных насекомых, всё было погружено в тишину, потому что существо молчало, а Грэм не мог закричать, его дыхание оборвалось, едва Нечто-Без-Лица́ скорчилось над ним[474] там,[475] где он упал, осыпая ударами его незащищённую голову, царапая и терзая его лицо, срывая плоть с его лица́, пока Грэм падал и падал в землю под буйными травами Крест-Хилла.

9. Сын-предатель

Второй раз за это лето нашего изгнания в Контракер, проснувшись утром, мы обнаружили, что наш брат Грэм исчез. И опять мы звали его, кричали его имя и искали; Розалинда сразу же повела нас на дальний берег Овального пруда — который к началу августа так обмелел, что превратился в чёрную, затхлую лужу гря́зи среди осоки и высохшего бамбука. Но, конечно, там никого не было. Никаких отпечатков в мягкой земле. Мы нетерпеливо кричали: «*Грэм? Грэ-эм!*», так как нам уже́ давно претило детское эгоцентричное поведение Грэма, которое всех нас выводило из равновесия. (За исключением мамы, которая спустилась вниз поздно утром в своём засаленном шёлковом халатике[476] и неподвижно сидела в утренней столовой,

474 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
475 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
476 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

слишком апатичная, чтобы хотя бы заварить чай, так что теперь за неё это делала Розалинда; её выцветший водянистый взгляд был невозмутимо обращён в нашу сторону.)

Сначала папа оставался относительно спокойным, хотя и был недоволен, что его рабочий распорядок оказался нарушен; затем, когда стало ясно, что[477] Грэм действительно пропал, он присоединился к нашим поискам — двигаясь неуклюже, неуверенной походкой выздоравливающего, моргая от резкого летнего солнечного света, пока бродил по пояс в траве и отмахивался от комаров. Мы слышали его голос повсюду:

— Грэм! Я *приказываю* тебе вернуться! Сын, это зовёт твой отец!

Он попеременно приходил в бешенство и пугался; его бешенство нас не удивляло, но его страх леденил нас ужасом, так как наш отец крайне редко проявлял эмоции, свидетельствующие о слабости.

Наконец,[478] Стивен обыскал заваленный стол Грэма, где наткнулся на загадочную записку, которую его брат так старательно вывел печатными буквами.

«*Что я потерял: моё имя пользователя, мой пароль, мою ду́шу.*

Куда я должен бежать: не ВРЖ. Её не существует».

Папу эти слова́ удивили, словно он не знал, что его тринадцатилетний сын способен на подобное красноречие. Недоумевающим голосом он спросил у Стивена, что означает «*ВРЖ*», и Стивен ответил неуверенно:

— Думаю, это означает «*В Реальную Жизнь*», папа.

А папа сказал:

— «*В Реальную Жизнь*» … но что это значит?

И Стивен сказал неохотно:

— «*ВРЖ*» — это киберпространственный термин, означающий… ну, всё то, что *есть*, что *не киберпространство*.

Долгий напряжённый момент папа обдумывал это пугающее объяснение; его бледные гу́бы — края́ раны, — беззвучно шевелились. Пото́м он сказал:

— Так, значит, Грэм нас покинул. Он *убежал*. Отрёкся от меня. Он утратил веру в меня, *меня*!

— Но Грэм мог заблудиться, — возразил Стивен. — И даже если он убежал, он ведь ещё ребёнок. Возможно, ему нужна помощь; надо сообщить в полицию.

А папа сказал категорично:

477 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
478 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Грэм — сын-предатель. И больше он мне не сын. Я никогда его не прощу, а вам остальным я запрещаю простить его или вступать с ним в контакт. Он отрёкся от нас всех, от Мейтсонов. Мы должны исторгнуть его из наших сердец.

Прежде чем Стивен мог ему помешать, папа выхватил записку из его пальцев и энергично разорвал её в клочки.

10. Пропавший брат

Вот так наш брат Грэм исчез из Крест-Хилла на исходе лета нашего изгнания в Крест-Хилл, и в полицию не было сообщено о его исчезновении, и никаких его следов не было найдено в разваливающемся старом доме или парке; хотя, не сознавая того, Розалинда часто высматривала его — или кого-то — слыша слабый, полный упрёка голос, звавший «*Розалинда! Стивен!*», который, когда она замирала, напрягая слух, сливался с вечно дующим ветром. Розалинда бродила по дальним коридорам и комнатам старого до́ма, обнаруживая коридоры и комнаты, в которых никогда раньше не бывала; поднималась по скрипучим узким лестницам, заглядывала в чуланы, всматривалась в тёмные затянутые паутиной углы, где домашний хлам скапливался, будто мусор, выбрасываемый волнами на берег. А вне до́ма её тянуло в старые обветшалые амбары, гнилые беседки, обвитые диким виноградом и глицинией, словно говорившие об ушедших романтических мгновениях, в высокие шуршащие тра́вы парка, который расстилался на акры и акры, будто внутреннее море. «*Роза-линда! Сти-вен! Помогите мне!*» Однако облик Грэма уже́ бледнел в её памяти, точно полароидный снимок на слишком ярком солнечном свете. А в доме не нашлось ни фотографий, ни снимков Грэма; оказалось, что почти весь семейный архив, сохранявшийся в альбомах, которыми с маниакальной ревностью занималась мама, пропал при переезде из го́рода. И значит, если бы отец согласился сообщить в полицию об исчезновении своего сына, они оказались бы в очень неловком положении, поскольку не могли бы найти для полиции ни единой фотографии Грэма.

Розалинда тревожно рассматривала себя в мутных, пятнистых зеркалах Крест-Хилла. За длинное лето она выросла на дюйм[479] или больше, её стройная фигура округлялась, её но́ги были длинными, красивыми и неброско мускулистыми; она покрывалась золотистым загаром; в преддверии своего пятнадцатого дня рождения незаурядная, всё более полагающаяся на себя девушка — но в этих старых зеркалах её отражение выглядело бледным, дрожащим, испуганным, как отражение в подёрнутой рябью воде. *И она исчезает? Или это всего лишь дефекты зеркал?* Она заметила, что и Стивен в некоторых зеркалах тоже кажется неясным, расплывчатым, а близнецы, Нийл

479 В метрической системе 1 дюйм — это чуть больше 2 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

и Эллен, которые не только не подросли за лето, но словно бы съёжились на дюйм-другой[480], почти не видны в них — только как колеблющиеся растворённые образы, точно плохо нарисованные акварели. Смывать грязь с зе́ркала, полировать его стекло не имело большого смысла, потому что амальгама осы́палась ; как сказала однажды миссис Далн, когда они с Розалиндой старались отчистить зеркало, разводя руками в добродушном отчаянии: «*Крест-Хилл такой старый!*»

Как-то очень поздно вечером Розалинда и Стивен шептались в тёмном коридоре перед их комнатами, и Розалинда решилась спросить Стивена, не начал ли он забывать их брата — Розалинда почти забыла самое имя Грэма! — и потому выговорила особенно чётко «*Грэм*». Стивен ответил без запинки — может быть, *слишком* уж без запинки:

— Нет.

Тогда Розалинда спросила, не слышит ли Стивен иногда где-то вдали их имена, еле различимые, будто шелест ве́тра, а Стивен вздрогнул и признался, что да, он иногда слышит «*что-то, не уверен, что*».

— Но звучит, как голос Грэма, правда? — не отступала Розалинда, и Стивен сказал, словно сам долго размышлял над этим:

— Если он хочет, чтобы мы пришли к нему, так, чёрт возьми, каким образом? Мы же не знаем, *где* он.

Они поговорили, понизив голос, о том, *куда* мог отправиться Грэм. Назад домой? В город? Но что он будет там делать? Жить у приятеля? Маловероятно. Ну,[481] а родственники — у мамы и папы их почти не было; родители папы давно умерли, а овдовевшая мать мамы снова вышла замуж и, живя в кооперативном доме в Сарасоте, Флорида, никогда никакого интереса к внукам не проявляла. Розалинда сказала, нахмурившись:

— Но ты думаешь, Грэм способен сам о себе позаботиться, прокормить себя?

И Стивен сказал:

— Мы все способны о себе позаботиться, если другого выхода нет. Мы могли бы найти работу. Мы могли бы быть независимыми. Мы могли бы учиться, но жить одни… почему бы и нет?

Розалинда сказала взволнованным вибрирующим голосом:

— Мы… *могли бы*? Думаю, я побоялась бы.

И Стивен сказал нетерпеливо:

— Наш прадед Мозес Мейтсон приехал сюда совсем один, когда ему было двенадцать.

480 В метрической системе 1-2 дюйма — это чуть больше 2 ½-5 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
481 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И Розалинда сказала:

— Это тебе папа рассказал?

И Стивен сказал:

— Нет. Я прочёл об этом в книге в библиотеке.

И Розалинда сказала:

— Но люди тогда были другими! Не думаю, что у меня достало бы сил и смелости.

И Стивен сказал, отходя, прижимая к губам указательный палец:

— Нет, ты смогла бы.

11. «Иммунитет»

Стивен прошептал вслух:

— Не могу поверить!

Он был слишком потрясён, чтобы остаться сидеть за столом в городской библиотеке Контракера, а[482] потому поднялся на но́ги и продолжал читать стоя, наклонясь над развёрнутыми газетами, в голове у него стучало, по лицу, точно слёзы, стекали струйки пота. И он думал в тошнотном отчаянии: «*Не могу поверить; я знаю, что это правда*».

Эти ужасные сокрушающие заголовки. В запретных газетах, в номерах за прошлую зиму. На первой странице фотографии судьи́ Родрика Мейтсона и полдесятка других людей. Арестованы по обвинению во взяточничестве, коррупции, сговоре для препятствования полицейскому расследованию. Это были газеты Олбени, запретные для нас, детей Родрика Мейтсона. Ради них Стивен,[483] наконец,[484] пришёл в контракерскую библиотеку, сознательно нарушая приказание отца.

Он утёр с глаз слёзы ярости, мучительного стыда. Только бы никто не заметил! Удивляясь собственной наивности, собственной глупости, из-за которых так долго медлил с поисками доказательств, хотя почти знал все эти месяцы, *какими* они окажутся.

482 В оригинале «,'a», т. е. апостроф вместо пробела. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
483 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
484 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

«*Надо было бы взять нож? Оружие для защиты?*»

Каким-то образом Стивен этого не сделал. Вспомнив про нож, когда было ужé поздно, когда он ужé вышел из дóма и энергично крутил педали своего велосипеда, уносясь прочь.

В эти томные летние нóчи он начал тихо ускользать из руин Крест-Хилла. Не в силах уснуть или просто лежать на смятой простыне, слушая пронзительный ритмичный унисон ночных насекомых. Во влажной жаре середины и конца августа вéтра почти не было, и всё же Стивен слышал слабый, хныкущий, укоряющий голос, зовущий его: «*Сти-вен! Стивен!*»

Но когда он затаивал дыхание и вслушивался, голос исчезал, будто его и не было.

Наконец-то ускользнув из руин Крест-Хилла. Тайком!

Вызывающе катить на своём поджаром послушном велосипеде, который теперь устремлялся вперёд по залитому лунным светом шоссе с жадной энергией дворняжки.

В первую ночь Стивен проехал мили две[485], прежде чем угрызения совести и тревога, что отец может обнаружить его отсутствие, заставили его повернуть назад. К тому же ему было страшно ехать дальше в темноте — туча, точно разрыв снаряда, затмила луну. Ну,[486] а нечто, которое видел его брат, или утверждал, будто видел, — Нечто-Без-Лицá? Стивен не верил в существование подобного, однако вполне верил, что взбесившийся чёрный медведь начал охотиться на людей, раздразнённый вкусом человеческой крóви.

Во вторую ночь Стивен оставил позади, возможно, четыре мили[487], прежде чем повернул назад. От упоения у него перехватывало дыхание. «*Оружие, нож… мне надо иметь, чем защищаться*». Странно, как всякий раз, когда Стивен рисковал отправиться в ночное путешествие, он забывал захватить нож, даже перочинный нож; только когда ужé катил по шоссе в глухом ночном одиночестве, летя между мрачными, затемнёнными душистыми полями и лугами, и лесистыми склонами, которые трепетали от неведомой, невидимой жизни, только тогда он вспоминал… «*Мне может грозить опасность; я должен иметь, чем себя защитить*».

Как он жаждал больше никогда не возвращаться в руины Крест-Хилла. Его сердце стучало в экстазе бегства. Тем не менее,[488] он, разумеется, всегда возвращался; он был ответственным юношей и ни в коем случае не покинул

485 См. 116. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
486 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
487 В метрической системе 4 мили — это почти 6 ½ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
488 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

бы свою сестру, Розалинду, и близнецов Нийла и Эллен; не хотелось ему покидать и отца с матерью,[489] вопреки всему. Ведь он томился желанием верить во всё, в чём клялся отец… «*Потерпите ради меня, дети. Я спасу. Я спасу нас всех*». Это же было правдой, верно? Не могло не быть правдой!

Вот так ночь за ночью Стивен возвращался домой задолго до зари; с головой, разламывающейся от утомления, и всё-таки пронизанный радостью; мышцы плеч, рук и ног приятно пощипывало. Теперь было далеко не просто ездить на его велосипеде, дорогостоящем подарке папы и мамы ко дню его рождения, а на этой потрёпанной, покрытой рубцами дворняжке, которая так уютно устроилась у него между ногами. Велосипед казался ему почти живым. Охотно летящим по ухабистому шоссе в слоистую стену теней, которые раздвигались, давая ему дорогу, будто гостеприимно его встречая. «*Сти-вен! О, Стивен!*»

И назад, спрятать велосипед под непромокаемым брезентом в густых кустах у шоссе. Поздравляя себя со своей находчивостью. Поздравляя себя, хотя он был мокрым от пота и содрогался всеми нервами, со своим бесстрашием. Он хранил велосипед у шоссе, чтобы легче было выскользнуть из до́ма и, нагнувшись, пробежать по заросшему травами парку, протиснуться через дыру в чугунной ограде и остаться незамеченным. А его могли бы заметить, если бы он ехал на велосипеде или вёл его по Аллее Акаций.

Осторожность стала второй натурой Стивена.

Он спрашивал себе: «*Было так же и с Грэмом?*»

Он спрашивал себя: «*Следую ли я путём своего брата? Воссоединюсь ли я с ним?*»

Стивена ни разу не поймали на том, что он покидал Крест-Хилл по ночам. Как же странно было, как неожиданно и дерзко, что он набрался смелости ускользнуть оттуда днём.

Но к исходу лета бедная мама уже́ не бдела ни над кем из своих детей. Розалинда опекала близнецов, которые льнули к ней, как трёх-четырёхлетние дети и никак не без малого одиннадцатилетние. «*Бедный Нийл! Бедненькая Эллен!*» — И Розалинда обнимала их, и целовала их, и пыталась ласково высвободиться из их отчаянных липких объятий. «*Вы должны придумывать и́гры, чтобы самим себя занимать. Ну, пожалуйста!*» Стивен, хотя любил братишку и сестрёнку, был с ними даже менее терпелив, чем Розалинда. Если они бродили за ним, пока он косил всегда сочно-зелёный, всегда буйно зарастающий газон, он некоторое время терпел их присутствие, а пото́м отсылал в дом, громко хлопнув в ладоши. «*Вас Розалинда зовёт! Ну-ка, марш отсюда!*» Его глаза́ исподтишка косили на дом, на пустые сверкающие о́кна, из которых много недель назад могла выглянуть мама, проверяя, *что* он делает; или он поглядывал выше на таинственный третий этаж, откуда отец мог и сейчас вести наблюдения.

489 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Однако папа всё больше отдалялся, запирался от нас. Он редко спускался вниз до начала ве́чера, а порой не появлялся даже и тогда. После вспышки ярости из-за предательского поведения Грэма, он больше никому не выговаривал. Ни единого гневного или брезгливого сло́ва по адресу Стивена, хотя иногда за обеденным столом он саркастически упоминал «*неряшливый, растрёпанный*» вид Стивена или подчёркнуто осведомлялся: «*Сын, когда ты в последний раз мылся? Ты помнишь?*»

И вот Стивен начал ускользать из Крест-Хилла даже днём. Занимаясь починкой на крыше амбара, например, он спрыгивал на землю, пригнувшись бежал к шоссе, ухмыляясь до ушей, словно проказливый своевольный ребёнок. И под брезентом его поджидал любимый велосипед; Стивену неизменно казалось *чудом*, что велосипед *тут, в тайнике*; он вспрыгивал на него и катил в сторону Контракера. Это казалось самым естественным, самым неизбежным поступком в мире, словно могучая сила влекла его в этот самый обыкновенный городок на берегах Блэк-ривер; бывшее средоточие текстильных фабрик, более экономически не процветающий; однако и не пришедший в полный упадок, как другие такие же городки в области гор Шатокуа, так как там успешно велись лесоразработки. Если прежде он презирал Контракер, как допотопный городишко, недостойный второго взгляда, теперь он радостно ходил по улицам, мощёным и немощёным; он улыбался прохожим и бывал тронут, что они улыбаются ему в ответ. Он был красивым, загорелым, симпатичным юношей с выгоревшими на солнце кудрявыми каштановыми волосами, которые падали ниже воротника, и искренним, прямодушным взглядом тёплых карих глаз; но настолько лишённым тщеславия, что прекрасно понимал, *каким* его видят другие. Ведь когда он приезжал в Контракер с нашей матерью, сопровождая её в напряжённой экскурсии по магазинам, люди открыто глазели на Стивена; теперь, когда он был один, их взгляды, чувствовалось ему, обращались на него с острым любопытством, однако, насколько он мог судить, без всякой враждебности. Как-то днём, увидев мальчиков, судя по виду,[490] старшеклассников, играющих в софтбол, Стивен невольно остановился поглядеть; не прошло и ча́са, как его пригласили присоединиться к игре; и вскоре он уже́ свёл знакомство с десятком контракерских ребят и девушек. Неуверенно он представился «*Стивом*», и только когда его спросили, где он живёт, он сказал:

— В старом доме примерно в пяти милях[491] отсюда… В Крест-Хилле.

Какой странный привкус оставило это название у него во рту, будто что-то *запачканное*.

Новые друзья Стивена переглянулись и посмотрели на него. Рыжий парень сказал с ухмылкой:

— Крест-Хилл? Чёрт, там *никто* не живёт.

490 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
491 См. 386. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Другой парень ткнул первого под ребро и сказал быстрым шёпотом:

— А *теперь*, значит, *живут*, понял?

Стивен улыбался и не позволил своей улыбке угаснуть. Он спросил:

— Кто жил в Крест-Хилле *прежде*?

Второй сказал:

— Прежде *чего*?

— Ну… пять лет назад? Десять лет назад?

Нахмурившись, ребята покачали головами. Крест-Хилл «*всегда*» стоял пустой, сказали они. Насколько кто-нибудь помнит.

В другие дни в Контракере Стивен искал работу. Почасовую — перевозка мебели, разгрузка товарных вагонов на станции железной доро́ги Баффало-Шатокуа, распиловка и укладка досок в штабеля в «Пиломатериалах» Маккерни. За лето он вытянулся почти до шести футов[492], его бицепсы и плечевые мышцы развились, налились силой; он был неизменно доброжелателен, никогда не жаловался, и любое место — кроме Крест-Хилла, где физический труд был равнозначен одиночеству,[493] — казалось ему приветливым и дружелюбным. Он очень нравился своим контракерским нанимателям. Он, казалось, знал (ведь Стивен был чуток, как любой Мейтсон), что весь Контракер говорит о нём; строит догадки; оценивает его. «*Знает обо мне больше, чем сам я знаю о себе?*» Как-то в конце августа Фред Маккерни пригласил Стивена остаться поужинать у него, и вскоре Стивен обрёл дружбу всей семьи́ Маккерни, включая Руфуса, их золотистого ретривера, который, пока Стивен сидел за обеденным столом Маккерни, не снимал головы́ с его колена. Ещё имелась миссис Маккерни, которая отнеслась к Стивену по-матерински, будто знала его с пелёнок; а ещё восемнадцатилетний Рик, и шестнадцатилетняя Марлин, и несколько ребятишек помоложе; у Стивена голова пошла кру́гом от счастья: он совсем забыл, как можно беззаботно сидеть за столом, и есть вкуснейшую еду, и разговаривать, и смеяться, словно всё это — самая естественная вещь в мире. «*Это реальная жизнь*», — думал Стивен.

И насколько *другим* был полусельский район, в котором Маккерни[494] жили в большом белом, обшитом досками доме, среди похожих деревянных домов, хозяева которых разбивали огороды, выращивали фрукты, держали всякую живность. Повсюду вольно бегали собаки, дружелюбные, как Руфус. У шоссе в пыли́ что-то поклёвывали петухи и куры. И ни одного супермаркета на мили вокруг — *многие* мили. Стивен пытался вспомнить свой прежний дом в столице штата, где никто не был знако́м со своими соседями и где все

492 См. 298. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
493 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
494 В оригинале «Маккерны», хотя фамилия эта явно не склоняется. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ездили на машинах, мчась из одного ме́ста в другое и обратно, заторы на скоростных шоссе. Какой *сумасшедшей* представлялась теперь *эта* жизнь. Какой *неестественной*, словно увиденной в испорченный бинокль.

«*Я не хочу возвращаться*, — думал Стивен. — *Я не вернусь*».

Он мог поступить в контракерскую городскую школу, где училась Марлин. И Розалинда тоже может туда поступить. Их родители ни сло́ва не сказали про школу; может быть, отец рассчитывал вернуться к своей прежней жизни до начала учебного го́да; какой самообман, какая слепота, какой эгоизм! Ведь, конечно, *этого не произойдёт, этого не произойдёт*, понял Стивен, *ещё очень, очень долго*.

* * *

Часто наедине с собой, мечтательно думая о Марлин Маккерни, такой непохожей на девочек, с которыми он был знако́м в столице штата, его одноклассниц в частной школе; Марлин, невысокая, веснушчатая, хорошенькая, но никак не красавица с журнальной обложки — никак не «*та ещё*». Её манера тискать Руфуса, её манера подразнивать Стивена, как она подразнивала своего брата Рика, прохаживаясь на их счёт и вгоняя обоих в краску. *Он влюбился в Марлин*, спрашивал себя Стивен. *Или во всех Маккерни. Или просто в Контракер.*

Стивен сердито утёр глаза́. Слёзы смущали его.

Но ему так, *так* её не хвата́ло — *жизни*.

* * *

Ещё Стивен тайно наведывался в маленькую городскую библиотеку Контракера и рылся в книгах на полках в отделе местной истории. Он тоже был потрясён, с отвращением читая про своего прадеда Мозеса Адамса Мейтсона. «*Са́мого богатого фабриканта в долине Контракер*», «*выдающегося филантропа, стойкого защитника дикой природы*[495], *который предоставил тысячи акров в горах Шатокуа для общественного пользования*». Но был «*трагический пожар*» февраля 1911 го́да в Южном Уинтертерне, унёсший жизни более тридцати жертв и искалечивший ещё большее число их. Были бастующие рабочие, которых не допустили на фабрики, когда они

495 В оригинале «Природы» вдруг с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

хотели вернуться, и многочисленные примеры того, как профсоюзных активистов «разгоняли» охранники агентства Пинкертона. С особенным омерзением он читал о постройке «*чрезвычайно честолюбивого и дорогостоящего архитектурного ансамбля в долине Контракер — Крест-Хилла*». Массивное претенциозное здание из известняка в стиле английских загородных домов прошедших времён строилось восемь лет и обошлось в миллионы долларов. Ещё до завершения постройки скончалась жена Мозеса Мейтсона *Сара* (о которой в этих статьях не было практически никаких сведений). Мозес Мейтсон, говорилось в них, «*порвал отношения*» со своим единственным наследником, сыном, как и с большинством своих родственников; он жил в Крест-Хилле в «*охраняемом уединении*» восемнадцать лет, отшельником, умершим в 1933 году́ «*при подозрительных обстоятельствах: расследование абсолютно исключило* [496]*самонанесение повреждений, повлекших смерть*». Самоубийство! Стивен быстро перевернул хрупкую страницу рассыпающейся «*Истории долины Контракер*» — и обнаружил, что несколько следующих страниц были беспощадно *выдраны*. И к лучшему: у него пропало всякое желание читать дальше.

В другой раз Стивен занялся розысками среди старых газет других городов, главным образом столицы штата, и вновь к своему ужасу обнаружил сведения о своём отце, прежде ему неизвестные. Начиная с конца зимы́ пошли статьи на первых страницах с сухими разоблачающими заголовками: «*ВИДНОМУ СУДЬЕ ШТАТА ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ В ДЕЛЕ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И КОРРУПЦИИ; МЕЙТСОН ОТВЕРГАЕТ ОБВИНЕНИЕ; МЕЙТСОН ДОЛЖЕН ДАТЬ ПОКАЗАНИЯ БОЛЬШОМУ ЖЮРИ; МЕЙТСОН — ПРОКУРОР ДОГОВАРИВАЕТСЯ ОБ ИММУНИТЕТЕ; МЕЙТСОН ПОЛУЧАЕТ ИММУНИТЕТ, ДАЁТ ПОКАЗАНИЕ ПРОТИВ СВОИХ БЫВШИХ СООБЩНИКОВ; УЧАСТНИКИ КОРРУПЦИОННОГО СКАНДАЛА ПРИЗНАЮТ СЕБЯ ВИНОВНЫМИ*». Стивен был сокрушён, узнав, что всё было совсем не так, как объясняли нам, — что папа стал невинной жертвой зложелательности и махинаций других людей; на са́мом же деле папа вначале отрицал, что виновен в неоднократном получении взяток (в частности, речь шла об иске[497] в пять миллиардов долларов за загрязнение окружающей среды́, предъявленном одной из крупнейших химических компаний штата), затем внезапно признал обвинение и согласился дать показания против своих прежних сообщников —[498] в обмен на освобождение от судебного преследования. Папа не только не страдал безвинно из-за злопамятства своих врагов, как он утверждал, но, наоборот, с ним обошлись *очень великодушно*. Полная сарказма редакционная статья одной из газет Олбени сформулировала это кратко и выразительно: «*МЕЙТСОН ВОЗНАГРАЖДЁН ЗА ВЫДАЧУ СВОИХ ДРУЗЕЙ*».

496 В оригинале открывающая пара кавычек. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
497 В оригинале «иска». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
498 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В одном из майских номеров газеты Стивен прочёл, что названный его отцом чиновник, занимавший высокий пост в правительстве штата и частый гость в доме Мейтсонов, застрелился в то утро, когда должен был начать отбывать восьмилетний тюремный срок в Синг-Синге.

Сведения, запретные для нас, известные всему остальному миру.

«*Только я был слишком трусливым — слишком почтительным сыном,*[499] *— чтобы самому́ узнать*».

Стивен одну за другой быстро рассматривал газетные фотографии Родрика Мейтсона. Ранние были наиболее знакомыми: по-юношески красивый мужчина, кажущийся много моложе своих лет, прядь воло́с небрежно падает на лоб, прямой искренний взгляд, обращённый в глаза́ смотрящему. После папиного ареста этот облик резко *изменился*. Теперь это был хмурый, злобный ожесточённый человек; снятый в момент, когда он кричал на телерепортёра, когда спускался по ступеням суда в сопровождении полицейских, горбясь от стыда и позора, пытаясь заслонить лицо поднятыми руками с наручниками на запястьях. *Родрик Мейтсон в наручниках! Папа — преступник!* В первый раз реальность случившегося обрушилась на Стивена: колоссальность преступлений его отца, позор, покрывший имя Мейтсонов.

Стивен пригнулся к библиотечному столу, пряча горячее потное лицо в ладонях. «*Не могу поверить в это. Я знаю, что это правда*».

12. Лицо

В этот вечер поздно возвращаясь в Крест-Хилл, будто во сне, когда хочешь и не можешь сдвинуться с ме́ста, делаешь отчаянные усилия и остаёшься парализованным; возвращаясь гораздо позже — после десяти, — чем когда-либо прежде, потому что остался поужинать у Маккерни, и медлил, медлил, пока миссис Маккерни не стала уговаривать его переночевать у них, и ему пришлось пробормотать, что *он не может — ему надо вернуться домой*. И мистер Маккерни проводил Стивена до двери́ и настоял, чтобы Стивен взял с собой на всякий случай оружие для защиты — охотничий нож мистера Маккерни, охотничий нож с десятидюймовым[500] лезвием, острым, как бритва. Стивен возражал — ему не нужно *такое* оружие, он не хочет *такого* оружия, но мистер Маккерни напомнил ему, как они говорили о зверских убийствах в долине, о том, что совершивший их до сих пор неизвестен, толи[501] сумасшедший, толи[502] взбесившийся медведь, и как бы то ни было, Стивену

499 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
500 В метрической системе 10 дюймов — это почти 25 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
501 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
502 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

нужно иметь оружие для защиты —[503] и Стивен дал себя уговорить, неловко засунул нож в кожаном футляре за пояс и покатил в ночь, туманно-лунную ночь сырости, жужжащих насекомых, комаров; а мистер Маккерни крикнул ему вслед:

— Доброй но́чи, Стивен! Бог тебе в помощь!

Такое старинное напутствие, что Стивен улыбнулся или попытался улыбнуться, но он *очень нервничал.*

И вот так, крутя педали своего велосипеда по улицам Контракера и по тёмному шоссе, которое вело к Крест-Хиллу, и сердце у него забилось чаще, когда огни Контракера сменились чернильной безликой ночью лесов, которую луна лишь чуть подсвечивала смутно и сонно сквозь прозрачную пелену облаков; и как жужжание ночных насекомых у него в ушах: «*Мейтсон отрицает обвинения! Мейтсон соглашается дать показания! Мейтсон получает иммунитет! Мейтсон вознаграждён за выдачу своих друзей!*» Глаза́ Стивена затуманивались, их щипали слёзы; он пытался не обращать внимания на тёмные нечёткие силуэты у обочин, которые могли быть живыми существами в засаде; но только, конечно, это были кусты, молоденькие деревья; он пытался не замечать своего нарастающего страха; утром он тщательно смазал велосипед, но *это* утро теперь отодвинулось далеко-далеко в прошлое, *это* утро было дни, если не недели в прошлом. И как он посмел не возвращаться так долго, что будет с ним теперь? Голос донёсся, слабый, укоряющий, где-то близко: «*Сын-предатель! Больше мне не сын! Я никогда тебя не прощу!*»

Стивен осознал, что уже́ некоторое время видит впереди у доро́ги вроде бы человеческую фигуру… или нет? *Человек*? Высокий, застывший в напряжении мужчина? Или *вздыбившийся зверь*? На этом пустынном отрезке доро́ги, где вблизи не было ни единого до́ма, а до Крест-Хилла оставалось более мили[504], Стивен судорожно сглотнул, крепче сжал ручки руля, ощутил кинжальный удар страха и принял мгновенное решение — не повернуть назад, но прибавить скорости и проскочить мимо таинственной неподвижной фигуры у левой обочины; он проскочит мимо неё справа, пригнув голову, ссутулив плечи в классической позе велосипедиста-гонщика, просто не обратит внимания на неизвестного — и всё. Даже увидев уголком гла́за, что этот мужчина или что бы это там ни было — словно бы сосредотачивается на нём, словно бы *подстерегает его тут*; тем не менее,[505] на лице не было видно глаз, Стивен не сумел различить ни единой черты. Нечто-Без-Лица́! То, что видел, по его словам, Грэм, а Стивен сказал, что ему приснилось. Охваченный ужасом, однако придавшем ему силы, погнавшем адреналин по его жилам, Стивен не сбавил скорости и объехал фигуру, которая двинулась ему наперерез. Но он проскочил мимо! Он спасся!

---

503 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
504 См. 5. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
505 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И что-то обрушилось, тяжёлый удар по его плечу, обжигающий болью, и он оказался под вращающимися колёсами велосипеда, ручка руля упиралась ему в щёку; навзничь на земле, беспомощно отбиваясь, а Нечто-Без-Лица́ скорчилось над ним, терзало его, било, наносило злобные когтистые удары по груди́, по затылку, по его незащищённому лицу. От ужаса не в силах позвать на помощь, Стивен откатился, пытаясь прикрыть руками голову и лицо; бешеное существо навалилось на него; Стивен к ещё большему своему ужасу увидел, что *лицо у него есть*, но лишённое черт, багровеющая в мягких складках кожа, точно рубцовая ткань, крохотные дырочки на месте глаз, ноздри, примитивный рот, какой можно вообразить у моллюска, менее дюйма[506] в поперечнике. Рот не для того, чтобы есть, а для того, чтобы *высасывать*. Стивен, борясь за свою жизнь, сумел вытащить охотничий нож из футляра — во всяком случае, нож оказался у него в руке, крепко сжатый; его надёжный вес в его руке, а он, Стивен Мейтсон, городской мальчик, прежде ни разу не держал *такого* ножа, а уж тем более в отчаянии не вонзал его в противника, неглубоко располосовав тому ключицу; и всё же удар был настолько неожиданным, что существо не сумело защититься — оно явно привыкло расправляться с беззащитными жертвами меньше себя. Захваченное врасплох Нечто-Без-Лица́ на мгновение замерло, и Стивен вгонял лезвие в горло существа, всё глубже, со всё большей силой; колол, кромсал это горло и, видимо, рассёк артерию, потому что на руку, на лицо и на волосы Стивена стремительным потоком хлынула жаркая тёмная кровь. Существо, куда более крупное, чем Стивен, упало на колени у шоссе, словно было ошеломлено, ничего не понимало; возможно, оно испытывало не боль, а только глубокое недоумение, точно верило в свою физическую неуязвимость, своего ро́да бессмертие, а теперь эта иллюзия рассеивалась, уносилась тёмными струями кро́ви, остановить которую было невозможно. Издавая захлёбывающееся бульканье, существо кое-как поднялось на но́ги, прижало ру́ки к хлещущей ране, оглушённо повернулось, совсем забыв про Стивена; и наконец, пьяно шатаясь, побрело к придорожным кустам и скрылось в них. Стивен тоже был оглушён, весь в крови́ и, пытаясь совладать с дыханием, смотрел вслед своему врагу с изумлённым ликованием. *Он спас себя! Он отшвырнул от себя Нечто-Без-Лица́, и нанёс ему смертельную рану, и спас себя!*

* * *

В разваливающемся Крест-Хилле украдкой вверх по лестнице на второй этаж, где спали мама и отец; в Крест-Хилле сердце яростно стучало в его груди́, не предостерегая, не требуя осторожности, но подгоняя его *вперёд! и вперёд! и вперёд!* ибо это надо было сделать, это надо было осуществить, и он не смел повернуть назад — он должен был дойти до са́мого конца. И вот

506 См. 479. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

открывает дверь парадной спальни, и вот, затаив дыхание,[507] входит в *эту* комнату, в комнату, куда ему было *запрещено* входить, липкая,[508] ещё тёплая кровь Нечто-Без-Лица́ на его собственном лице, и в его волосах, и впиталась в его одежду, и смешалась с его собственной, так что Стивен знает, какой свирепый, какой наводящий жуть у него вид. И всё же он осмелился включить свет, тусклую отливающую желтизной пыльную лампу на тумбочке. Он стоял перед огромной с балдахином кроватью своих родителей; однако в ней лежала *только мама*, на спине, неестественно неподвижная, и глаза́ её были *открыты*; в атласной ночной рубашке, настолько выцветшей, что она стала серой; но другая сторона кровати,[509] сторона отца, пустовала, хотя не очень чистые простыни были смяты. На подушке остался глубокий след его головы́, вогнутая вмятина. Стивен смотрел и не был уверен, *что* он, собственно, видит.

Он прошептал:

— Мама?

Его рука протянулась, нащупывая; он осмелился прикоснуться к ней… к *этому*; легонько толкнуть гладкое обнажённое плечо, которое вместе с верхней половиной торса отодвинулось от затенённой нижней половины, а также от шеи и головы́; голова, лысая безликая голова *манекена*, скатилась с подушки, красивая левая нога отвалилась от туловища, словно её суставы стали хрупкими от времени, и лежала под гротескным углом, перпендикулярно к бедру. Снова Стивен прошептал «*мама…*», хотя ясно видел, что перед ним *неживой предмет*: элегантный манекен из витрины, искусно сделанный, с довольно плоской фигурой, с фарфорово-гладким лицом, красивыми широко открытыми глазами, обрамлёнными до нелепости густыми ресницами. Парик манекена — мамины золотисто-пепельные, теперь седеющие, растрёпанные волосы — был положен на тумбочку с очевидной заботливостью.

* * *

Красивое лицо отца, рельефная маска из какого-то изысканно-тонкого каучукового материала, искуснейшего подобия человеческой кожи, с такой же заботливостью было положено на другую тумбочку; маска выглядела настолько живой, что Стивен при виде неё вздрогнул. Её, казалось, вымыли, смазали каким-то бесцветным кремом, чуть ароматным, и наложили на гипсовое изображение мужского лица́; эти глаза́ тоже были широко открыты, но выглядели *более живыми, более*

507 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
508 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
509 В оригинале точка с запятой вместо просто запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

человеческими, чем у манекена. Заворожённый ужасом, с любопытством маленького ребёнка Стивен протянул руку, чтобы прикоснуться к лицу указательным пальцем. Каким *живым* казалось оно на ощупь! Каким *тёплым*!

* * *

И торопится пото́м разбудить Розалинду и близнецов, которые теперь спят у неё в комнате; впрочем, Розалинду, стонавшую в кошмаре, почти не понадобилось будить, оказалось достаточно вполголоса назвать её по имени — *Розалинда* — и быстро-быстро уводит их из разваливающегося Крест-Хилла, и пешком по шоссе. Контракер всего в пяти милях[510] впереди. У Стивена не было времени объяснять своим испуганным сёстрам и брату, да в эти минуты даже слов не нашлось бы. Розалинда спрашивала Стивена шёпотом, *что случилось, поранился ли он, кто-нибудь его ранил, куда они идут, а как же папа, а как же мама*, но близнецы, одурманенные сном, глотая рыдания, крепко держались за ру́ки Стивена, ничего не спрашивали. И никогда уже́ не спросили.

© Джойс Кэрол Оутс

510 См. 386. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

П. Д. Кейсек «Могила»

Словно бы кто-то вдруг её в плотную ткань замотал. Всё, что ранее было обычным, знакомым, вдруг будто переместилось, перемешалось перед глазами.

Не испугайся она *так* — наверно, засмеялась бы. Странное такое чувство — и не то чтоб неприятное. *Странное* — и всё.

И ведь всё вроде слышишь — птицы над головой чирикают, скачут по толстым веткам, осенью раскрашенным. Не просто слышишь — каждый шорох, каждый свист, каждый чирк распознаёшь. Чувствуешь — от речушки гнилью и влагой тянет, красиво бежит вода под обрывом, футах в двадцати[511], наверно, подальше. Ощущаешь — ветер шепчет, гладит, напоминает — милая, ты ж вообще-то домой идёшь, ужинать пора! Знакомо, всё знакомо. Всё, что вокруг неё уже́ пять лет — всякий раз, как идёт по лесной тропинке, на работу, с работы, — а как же, старший библиотекарь Брайнерской средней школы.

Одно и то же чувствуешь. Ощущаешь. Слышишь.

А видишь сейчас — что? Крошечную могилку.

И невидимая ткань обвивает всё туже.

Пять проклятых лет — всё по той же тропинке, через лес, одни и те же запахи, те же шорохи-писки. Так же меняются времена го́да. Ни черта не замечаешь. Ни черта не видишь.

Могилу не видишь.

Детская могила. Это она осознала как-то сразу, без всяких причин. Одинокая, позабытая-позаброшенная. Могила, вжавшаяся в сумеречную тень, съёжившаяся на са́мом краю́ узенькой дорожки. Крошечный грязный холмик у потрёпанного розового надгробия,

РОЗОВОЕ — ЦВЕТ ДЕВОЧЕК

почти разрушенного за много-много лет

ЗА СКОЛЬКО, ИНТЕРЕСНО

511 В метрической системе 20 футов — это примерно 6 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

снегов, дождей и изморозей, за много лет, когда она и чёрт-те сколько ещё людей преспокойно проходили мимо.

ЧТО Ж ЭТО ЗА МАТЬ, ПОХОРОНИВШАЯ СВОЁ ДИТЯ В ГЛУХОМ ЛЕСУ? ЧТО Ж ЭТО ЗА МАТЬ, СПОСОБНАЯ НА ТАКОЕ?

Плохая мать, думает Элизабет Хесс, глядя на могилу. *ОЧЕНЬ ПЛОХАЯ мать*.

— Я бы так не поступила. — Она почти кричит. — Я была бы хорошей матерью!

Говорит — и понимает, что *врёт*. Саму себя обманывает. Хорошая мать бы сразу могилу разглядела.

А она — нет.

Только сегодня.

Это она-то! Многому ребятишек в библиотеке учила, но главное: «*Смотри́те. Смотри́те, чтобы рассмотреть мир. Не сто́ит брести по жизни вслепую. Замечайте каждую мелочь*».

Красивые слова́ — и лживые слова́. Пять лет говорила, пять лет — изо дня в день… а сама, выходит, ничего не замечала! Не смотрела! Брела вслепую туда-сюда. Под самым носом — могила. Пять несчастных лет жизни. Не видела.

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ.

Тоненькое всхлипывание пытается вырваться из горла Элизабет, но она не разрешает, не даёт выхода, зубами впивается в пальцы, а у пальцев — застарелый за́пах сандвичей с тунцом к ленчу, за́пах рыбьего жира, забивающий дешёвую цветочную отдушку мыла в школьном женском туалете.

ГАРДЕНИЯ. ЭТО ФИРМА, В КОТОРОЙ ОТЕЦ РАБОТАЛ, ВЕНОК ИЗ ГАРДЕНИЙ НА ПОХОРОНЫ ПРИСЛАЛА. ЦВЕТОЧКИ — МАЛЕНЬКИЕ, БЕЛЕНЬКИЕ, А ЗА́ПАХ — ВСЮ ГОСТИНУЮ ЗАБИВАЛ. МАТЬ ВЗБЕСИЛАСЬ, СКАЗАЛА — СЛИШКОМ СИЛЬНО.

А на могиле — ни одного цветка. Только листья осенние, как покрывало истрёпанное.

Элизабет смотрит — и передёргивается. ХОРОШАЯ МАТЬ БЫ ПОСТАРАЛАСЬ СОГРЕТЬ СВОЕГО РЕБЁНКА. ЖАЛЬ, НЕ ЕЁ ЭТО РЕБЁНОК — ОНА БЫ ТОЧНО ПОСТАРАЛАСЬ. ОНА БЫЛА БЫ ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ. Она бы не в лесу могилу копала.

Вот уж нет.

Элизабет зажмуривается. До боли. Рука, судорожно теребившая верхнюю пуговицу плаща, падает. Это НЕ НАСТОЯЩАЯ могила. То, что она видела. То, что увидит снова, сто́ит глаза́ открыть. Просто камень, ПОХОЖИЙ на надгробие. А раньше не замечала, потому что замечать было *нечего*.

НЕ МОГИЛА ЭТО. НЕ МОГИЛА. НЕ…

Повторяла снова, снова и снова. Открыла осторожно глаза́. Слов не осталось. Надежды — тоже.

Ладно. Пусть могила. Но может, могила животного?!

Да. Точно. Так и есть. Любимой собаки или кошки. Может, от старости умерла, может, под машину попала. Вот её и похоронили. А может, не животное, а чья-то сломанная кукла?

Элизабет переводит дыхание. Ну конечно, детская игра. Или закопанное животное. Ни одна нормальная мать не похоронит ребёнка так далеко… от ВСЕХ И ВСЯ. Одинокого. Покинутого.

Забытого.

ХОРОШИЕ МАТЕРИ ТАК НЕ ПОСТУПАЮТ. ХОРОШАЯ МАТЬ ВСЁ СДЕЛАЕТ, ЛИШЬ БЫ ЕЁ РЕБЁНОК БЫЛ ЗДОРОВ, И ВЕСЕЛ, И…

Стоп. Но если эта могила — детская игра, получается, какая-то мать — ПЛОХАЯ мать — разрешила своему ребёнку преспокойно гулять по лесам?!

БЕЗЗАЩИТНОМУ!

И Элизабет, обернувшись, окидывает взглядом тропинку.

Дети ЗНАЮТ — *играть в лесу не положено*. Родители тревожатся, боятся уже́ много лет, помнится, даже когда она ещё маленькой была, мать ей непрестанно твердила — *в лесу опасно*. Всегда так было.

Совсем недавно ещё, в том ноябре, на второй день осенних каникул, Полли Уинтер из четвёртого класса лодыжку сломала — играла в лесу в прятки с кузинами. Только сегодня утром Элизабет видела её из окна́ библиотеки — почти год прошёл, и до сих пор хромает, бедная девочка. Бедная, непослушная девочка.

Что-то промелькнуло в высокой траве, у корней клёна с алой листвой, совсем рядом с

МОГИЛОЙ

оврагом, и Элизабет прикусила губу. В ЛЕСУ НЕБЕЗОПАСНО. В ЛЕСУ ТОСКЛИВО. В ЛЕСУ ОДИНОКО… СТРАШНО ОДИНОКО.

И похороненный в могиле — кукла или щенок (ИЛИ РЕБЁНОК), — он ведь тоже один-одинёшенек.

Элизабет миновала удобную тропинку, пошла по каменистой лощине — дрожь не отпускала. Как ни старайся ступать осторожно, опасливо, по материнским советам, а всё равно — нет-нет — и нога почти подвернётся, почти соскользнёт, и прямо воочию увидишь себя — валяющейся в грязи́, изуродованной, с юбкой, задравшейся выше головы́.

ПРЕКРАТИ!

Ещё шажок, и ещё — и Элизабет останавливается: очередной порыв ве́тра взметнул вокруг неё опавшие листья. ТАК ВОТ ЧТО ЗА ШОРОХ ОНА СЛЫШАЛА. Кроме неё, в лесу — ни души́. Ни взрослых, ни детей. Некому было смотреть, как опустилась она на колени перед маленьким надгробием.

Розовый гранит в чёрно-серебристых крапинках. Ладонь приложить — холодный, края́ камня — гладкие, как шёлковые, а выбитая надпись — такая стёртая, что почти и не разглядеть. Совсем как первоклашка, великоватым карандашом выводящий старательно пропись, Элизабет кончиком пальца водит по буквам, выбитым в камне. Одна буква, другая…

Не детская забава. Не шутка. И не собачка лежит под этим гранитом.

М. О. Ё. С. О. К. Р. О. В. И. Щ. Е.

«*Моё сокровище*».

Элизабет опускает руку. Садится на корточки, чувствуя, как рвётся затяжка на левом колене, как пе́тли идут дальше — вверх, до середины бедра.

Могила — настоящая… и раньше Элизабет её не видела. Ладно. Но вот что целые поколения школьников, на которых она шикала, которых утихомиривала, тоже не замечали!

А уж они-то, Бог свидетель, замечали всё ОСТАЛЬНОЕ. Всё, о чём сто́ит пошушукаться во время ча́са самоподготовки. Лопнувшую водопроводную трубу в игрушечном магазине (надо же, всё заметила), автокатастрофу (не очень-то), смешное облачко (всё миленькое, розовенькое — красиво). Новый светофор, старые скамейки. Как падает с неба снег. Всё, кроме могилы. Кроме того, что стоило.

Могила — *настоящая* могила — это слишком здо́рово. Слишком *страшно*. Об этом сто́ит поговорить.

И снова шорох. Не ветер. Прямо у неё за спиной. Громче. Ближе. Шорох. Стук. Шорох. Стук.

Шаги.

Элизабет оборачивается на шум. Заслоняет собой маленькое надгробие. Защищает. Так бы сделала любая хорошая мать… не мать ЭТОГО ребёнка.

—[512] Кто здесь? — вопрошает она. БИБЛИОТЕКАРСКИМ голосом. — Кто это?

512 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

ШОРОХ, СТУК… а это что? ХИХИКАНЬЕ? Элизабет выпрямляется, переводит дыхание, перечисляет мысленно всех школьных хулиганов.

— Кенни Уисман, ты?

Блестящий мальчик, но — энергии много, дисциплины — никакой. Постоянно нарывается на неприятности, лезет на рожон — как будто существование своё так оправдать пытается. Маленькую могилу соорудить — игрушки невинные для парнишки, что едва ли не в открытую её именует «*мисс Херсс*».

— Кеннет! Говори немедленно, это ты? Я ненавижу, когда за мной шпионят! — И Элизабет, не думая ни о чём — если над ней и смеются, плевать, — обвивает руками надгробие. — Сейчас же извольте выйти, молодой человек, или я вынуждена буду позвонить вашей мате…

Синица пискнула — и стрелой пролетела мимо неё из кустов, и она закричала в один голос с птицей. И снова птичий писк, только уже́ ярдах в ста[513], не меньше.

— Глупость какая. — Она обернулась к могиле, она улыбнулась. — Сама себя напугала, вот глупо, правда?

Элизабет стряхивает с камня осенний лист. А может, никто, даже она, не замечал могилу, потому что только СЕЙЧАС суждено было найти её ЭЛИЗАБЕТ? Может, могила просто ждала все эти годы, пока Элизабет будет готова её найти? Найти. Заметить. Почувствовать.

МОЁ СОКРОВИЩЕ.

— Ты опоздала.

Элизабет аккуратно вешает на вешалку в прихожей сумку. Глубоко вздыхает, перед тем как ответить.

— Да, мама. Прости, мама.

Сколько ж раз она это говорила, *да — мама — прости — мама*, сколько себя помнит, вот в точности это, ни вариаций, ни модификаций, но сегодня, кажется, привычные слова́ поперёк гло́тки встают. Впервые.

И заметила, какой старой, измученной выглядит входящая в столовую мать, — тоже впервые.

— БОГ МОЙ, *что* с тобой случилось? Только посмотри на свою одежду!

Не надо смотреть, держись… но Элизабет невольно опускает глаза́, дрожь пробирает — в точности, как тогда, на могиле, холод словно сквозь поры пролезает, до костей доходит, до лёгких — так, что не продохнуть. Правда, кошмар. Подол юбки весь грязью забрызган, к колготкам погубленным, у са́мого левого колена, лист сухой прилепился. Три пуговицы на плаще оторваны — а она и не помнит, как и когда.

513 В метрической системе 100 ярдов — это почти 91 ½ м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Что с тобой случилось? — В голосе матери не волнение, *обвинение*, она тарелки на стол обеденный почти швыряет, потóм, словно подражая Элизабет, внезапно судорожно хватается за пуговицы халата.

— Тебя… *изнасиловали*? — Холодные словá, злые, жестокие, вонзившись[514], раны должны бы оставлять. — Я тебя предупреждала — *не ходи через лес*, Элизабет, но разве ты слушаешь — и вот результат. Какой позор! Да ни один мужчина теперь на тебя и не взгля…

Пальцы Элизабет нащупали оборванные нитки — всё, что осталось от потерянной пуговицы.

— Да нет, мамочка, никто меня не насиловал. Просто… *поскользнулась*. Такая грязь была на тропинке. — Холод,[515] наконец,[516] убрался из лёгких, Элизабет сумела перевести дыхание, боль прочно угнездилась внизу живота. — Ужé всё в порядке.

— О. — Мать облегчённо вздыхает, перестаёт мучить пуговицы, переводит внимание на блюдо. — Замечательно. Обед по милости твоей беспечности совершенно испорчен. Я стараюсь, чтобы всё было вовремя, подать горячим, а ты ни о чём не беспокоишься, гуляешь,[517] сколько вздумается!

— Я не собиралась опаздывать, мама.

— Это не оправдание, Элизабет. Ладно, иди мыть рýки, пока рагу ещё больше не остыло. — Мать садится во главе стола и принимается раскладывать на тарелки исходящие пáром груды мяса и овощей. — Если ты позволишь, дорогая, я не стану тебя ждать[518].

— Конечно, — Элизабет кивает и направляется в кухню. — Естественно, нет, мамочка. Я тебя и не прошу.

Мать бормочет в ответ суровое *нечто*, чего Элизабет предпочитает не расслышать.

Вода еле тёплая, но ободранные ладони саднит. Она тщательно смывает грязь. *Больно*. Мать ей всю жизнь говорила: *БОЛЬ — это единственное, чему можно по-настоящему доверять. Если долго не мучиться, ни черта не получится. Не стоило и стараться. То, что ты делаешь, должно быть тяжким.*

ЕЁ МАТЬ НЕ БЫЛА ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ.

Боль в животе медленно перекатывается, потягивается, как котёнок на солнышке, всё время, пока Элизабет закрывает воду и вытирает рýки. Её мать даже не знает, ЧТО это значит — БЫТЬ ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ.

514 В оригинале варварское «вонзясь». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
515 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
516 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
517 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
518 В оригинале «тебяждать» слитно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Элизабет вытягивает ру́ки перед собой, напрягает пальцы, поворачивает ладони сначала вверх, пото́м — вниз. Пожимает плечами.

Бедные ру́ки. Идеально чистые. Покрасневшие. Исцарапанные. Воспалённые нещадным мытьём. Два ногтя сломаны под немыслимым углом. Надо будет подрезать и подпилить, поскольку утром-то — библиотечный час для младшеклассников.

Старшие бы не заметили. Но маленькие… ДЕТИ… видят каждую мелочь. С детьми надо поосторожнее.

МОЁ СОКРОВИЩЕ.

Из столовой — позвякиванье серебра о китайский фарфор: мать без слов даёт Элизабет понять, что уж ОЧЕНЬ долго выполняет она такое простое дело.

Элизабет села к столу — нервное побрякивание и не подумало прекращаться.

— Ты забыла принести булочки, Элизабет.

Элизабет прижимает трясущиеся ру́ки к животу, к боли внутри. ЕЁ МАТЬ — ПЛОХАЯ МАТЬ, НАДО ЕЁ НАУЧИТЬ, НАУЧИТЬ…[519]

—[520] Я не знала, что нужно, мамочка.

Материна вилка ударила о край тарелки — резкий, короткий звон…

— Как это на тебя похоже. Я полагаю, взрослая женщина, женщина, теоретически зрелая, могла бы потрудиться посмотреть, есть на столе булочки или нет, и предпринять что-нибудь по этому по́воду… и без МАМИНОГО НАПОМИНАНИЯ. Элизабет, ты вообще ничего не замечаешь!

ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ — НЕ ЗАМЕЧАЛА.

Элизабет отправляется назад, в кухню, с невольной усмешкой.

— И, пожалуйста, не забудь масло, — стенает мать из столовой. — Ты знаешь, я люблю булочки с маслом. И джем принеси. Клубничный. А не мармелад, как вчера. На обед — клубничный джем. Мармелад — к завтраку. Кажется, не так уж трудно запомнить, я просто не понимаю, как тебе удаётся постоянно путать.

Элизабет достаёт банку — сквозь стекло просвечивают ягоды, больши́е, ярко-красные (Я ПУТАЛА, ПОТОМУ ЧТО НЕНАВИЖУ КЛУБНИЧНЫЙ ДЖЕМ) — и опрокидывает её в раковину.

— Ой!

— Что случилось?

519 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя начинается речь персонажа (см. 520). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

520 В оригинале без тире, хотя начинается речь персонажа (см. 519). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Мамочка, банка перевернулась, прости! — Банка мармелада приятно холодит ладонь. На поднос, вместе с булочками и маслом. — Я завтра новую куплю. И насчёт кухни — не беспокойся, я после обеда всё уберу. Намазать тебе булочку маслом, мама?

Мать взирает на неё со своего конца стола.

— Как можно быть такой неуклюжей?

Элизабет вопрос игнорирует, намазывает на булочку толстый слой золотистого мармелада.

— Мама, слушай… ты когда-нибудь про *могилу в лесу* слышала?

— Про *что*?

— Про могилу… в лесу, ребёнок там похоронен. Возле реки́. Тебе что-нибудь об этом говорили?

— Разумеется, нет. — Мать демонстрирует презрение к булочкам и маслу, гордо питаясь рагу. — Никаких могил в лесу нет. Почему ты вообще об этом спрашиваешь?

— Да особенно ни почему. — Элизабет подносит булочку с мармеладом ко рту. — Ходят какие-то слухи.

— На то они и слухи. Удивительно, как ты обращаешь внимание.

Боль внутри Элизабет поднялась из живота, коснулась се́рдца:[521]

— Сама удивляюсь, мамочка.

✷ ✷ ✷

Мать на этот раз задержалась много позже своих обычных десяти ве́чера, не отправилась спать, кажется, просто из вредности. Шляется по дому в халате на ночную рубашку, в тапочках, НЕ ЖЕЛАЕТ убираться, несмотря на все намёки Элизабет.

ХОРОШАЯ МАТЬ ПОШЛА БЫ СПАТЬ, ЕСЛИ ЕЁ ПРОСЯТ. ХОРОШАЯ МАТЬ ЗНАЕТ, КОГДА РЕБЁНКА НАДО ОСТАВИТЬ В ПОКОЕ.

— Я *буду* знать, — шепчет Элизабет и осторожно достаёт свёрнутый грязный носовой платок, спрятанный на са́мом дне сумки. — Я буду хорошей матерью. Правда, Моё Сокровище?

521 В оригинале «. :», т. е. точка и пробел перед двоеточием. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Крошечный череп, нежный пушок каштановых волóс, тонкая патина кожи. Поворачивается в поднятой руке Элизабет боком, точно подставляет щёчку для поцелуя.

И Элизабет *целует*. Как любая хорошая мать.

Старая эта могила в лесу, ох, и старая. Маленькая её обитательница вот только что в прах не рассыпалась. Уж какой осторожной старалась быть Элизабет, и всё равно, только прикоснулась к истлевшему детскому одеяльцу (РОЗОВОЕ, ДЛЯ ДЕВОЧКИ) — тело под ним треснуло.

Только череп спасти и удалось. Всё. Ничего больше.

Но и этого хватит.

— Бедняжечка ты моя маленькая. — И Элизабет видит, как от шёпота её детские волосики шевелятся, прямо пшеница на ветру. — Так долго была одна.

Снова *целует*. Малышка должна чувствовать себя *любимой*. Гýбы касаются высохшей кожи — совсем не так уж противно, не противнее любого поцелуя, какой ей приходилось на ком-нибудь запечатлевать. Если не брать в расчёт могильную сырость и разложение, Её Сокровище пахнет *пылью*… как любимая старинная книга.

Нет, всё ж таки — не ДЕТСКИЙ это зáпах. Не должны дети книгами пахнуть. Должны — чем? Конфетами. Или цветами. Или? …

Элизабет улыбается. Встаёт. Несёт дитя к своему комодику. Нежно сжимает Своё Сокровище в одной ладони, другой — судорожно роется в кипе трусиков и лифчиков, разыскивает то, на что однажды решилась. Купила. Спрятала. Много лет назад!

Флакон духóв — нетронутый, невинно совершенный, ярлычок с ценой — не оторван. До сегодняшнего дня. Нелюбим[522]. До сегодняшнего дня.

Аромат гардении заполнил комнату, стоило Элизабет вынуть белую пробочку. Но это ж — не то что *похороны* отца, сейчас гардении пахнут *радостью*. Она тихонько мурлычет. Она наклоняет бутылочку над лобиком Своего Сокровища — и одна прозрачная капля падает, висит на сухих волосах, как хрусталинка, а потóм вдруг — вторая капля, большáя, непрошеная, мимо детской головки, прямёхонько на льняную, прикрывающую комодик салфетку.

След остался. Целая полоска.

Элизабет — дыхание перехватило — от неожиданности выпускает бутылочку из пальцев. Флакон разбивается, умирает, истекая прозрачной *кровью* на комод.

Аромат гардений забивает комнату. *Мать заметит. Мать догадается.*

522 В оригинале «Не любим» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

А виноват во всём — кто? Её Сокровище.

— Плохая девочка, — шепчет Элизабет и, ухватив двумя пальцами маленький подбородок, сердито его треплет. Правое ушко отпадает, шелестит, точь-в-точь — увядший лепесток.

Да как же это можно — стать хорошей матерью для *такого* ребёнка?

— Посмотри, *что* ты натворила. Ты можешь вести себя нормально хоть минуту?

Элизабет стряхивает мумифицированную плоть на пол и торопливо вытирает лужицу духóв ужé испорченной салфеткой. Воздух от аромата — густой, хоть ножом режь, её чуть наизнанку не выворачивает, пока удаётся выбросить мокрую ткань в мусорное ведро.

Так. Она пересиливает[523] тошноту. Заставляет себя дышать. Снова смотрит на малышку. Отпал ещё кусочек кожи — теперь, кажется, надбровье[524].

— Да что ж мне делать с тобой?!

Не дожидаясь ответа, Элизабет обеими руками яростно встряхивает детскую головку. В черепе что-то хрустнуло — но нет, она не хочет обидеть Своё Сокровище, просто надо ж научить ребёнка, *что такое хорошо и что такое плохо*, какая ж она иначе ХОРОШАЯ МАТЬ?

— Какая ж я мать, если не буду *воспитывать* тебя? — спрашивает Элизабет, и перестаёт трясти, и смотрит в запавшие, пустые глазницы. — *Плохая* мать, а я хочу быть *хорошей*. *Обязана* быть. Теперь, я надеюсь, тебе стыдно за весь этот кавардак? Уверена, *стыдно*.

Элизабет наклоняется, нежно целует сморщенный лобик.

— Да, солнышко, мама тебя *прощает*. Ладно. Теперь пора спать. И не возражайте мне… юная леди.

Да, вспоминает она. РОЗОВОЕ — ЦВЕТ ДЕВОЧЕК. ЕЁ СОКРОВИЩЕ — ДЕВОЧКА. *Какое счастье. Всегда хотела девочку.*

Её Сокровище молчало. Даже не захныкало, когда Элизабет, *самая настоящая хорошая мать*, понесла её к ящику со старинными куклами в дальнем углу, надо же подобрать ребёнку подходящее *тело*, да, собственно, зачем подбирать, и так сразу понятно — из всей коллекции фарфоровых кукол, много лет, с детства собиравшейся, только одна и подходит — младенец с ангельским личиком, в кружевной, роскошной, длинной крестильной рубашечке.

523 В оригинале непонятное «перематывает». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
524 В оригинале «надбровие» через «и». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Кажется, кукле более ста лет, кажется, безумных денег стоила, это мать ей *так* говорила… ну и что, НИКОГДА ЕЁ МАТЬ НЕ БЫЛА ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ, а Элизабет *будет*, вот так, и *плевать* ей, что там мать *болтала*.

И Элизабет разбивает кукольную головку о край ящика, озирает, улыбаясь удовлетворённо, кучку жалких фарфоровых осколков на полу́.

— Смотри, золотко. — Она поднимает Своё Сокровище, чтоб той было лучше видно. — Смотри, прямо снежинки. А теперь — не дёргайся, больно не будет, мама обещает.

Головка Её Сокровища легко, без усилий насаживается на деревянный стержень, удерживавший раньше головку кукольную.

— Какая прелесть. — Элизабет тщательно выкладывает вокруг высохшей плоти оборочки кружевного воротничка, головка Её Сокровища покачнулась, но самую малость, ничего страшного. — Ну,[525] посмотри, разве ты у меня не красавица? … Да, ты мамина *красавица*!

И Элизабет целует, и обнимает, и напевает, и они вместе кружатся по комнате, по большой, уютной комнате, она тут с са́мого рождения жила, а теперь — теперь они вдвоём будут жить.

Танец обрывается. Мать зовёт. Как всегда.

— Элизабет! Полночь ужé! Сейчас же ложись… тебе же завтра на работу!

Элизабет останавливается — слишком резко. Головка Её Сокровища наклоняется, подбородок почти упирается в расшитую кокетку рубашечки.

— Да, мама. Прости, мама, — кричит она матери, а пото́м — сердито — ребёнку: — А ты сиди *прямо*. Леди не сутулятся. *Не горбись*, я сказала!

Элизабет чуть встряхивает Своё Сокровище. Теперь головка завалилась назад. Какая рассеянная девочка! *Плохая* девочка.

Нет, ЕЁ СОКРОВИЩЕ — далеко *не сокровище*, если честно. Может, потому её и *похоронили так далеко в лесу*? Может, именно Элизабет и нашла могилу, потому что никому больше не под силу бы было управиться с *таким капризным ребёнком*?

Нет, придётся преподать Своему Сокровищу урок. Хорошая мать должна отучать своего дитя от дурного.

— Запомни, я делаю это только потому, что люблю тебя. — И Элизабет перекидывает своё сокровище через руку, лицом вниз, и заносит другую руку для крепкого шлепка.

— Я всё сделаю, чтобы стать для тебя ХОРОШЕЙ матерью. Но уж тебе, моя дорогая, придётся быть ХОРОШИМ РЕБЁНКОМ. Это только честно.

525 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Элизабет прячет улыбку. Её Сокровище *слышит*. Её Сокровище *поймёт*. ЭЛИЗАБЕТ — настоящая ХОРОШАЯ МАТЬ.

— Не бойся. — И её занесённая рука опускается. — Мне сейчас будет гораздо больнее, чем тебе.

Не было. Потому что Элизабет уверяла, утешала себя — впереди у неё столько возможностей показать, какая она хорошая мать!

Сколько ещё возможностей *доказать*…

© П. Д. Кейсек

Уильям Питер Блэтти «Где-то там»

Я гостил у южноафриканского племени на Маунт Эгдон и в дружеской беседе неосторожно произнёс слово selelteni, что означает «привидения». Мертвенное молчание неожиданно воцарилось во всём собрании. Мужчины отводили взгляды, опускали го́ловы, а некоторые просто поднялись и ушли.

Карл Юнг. «Психология и сверхъестественное»

Когда-то я боялась смерти. Теперь боюсь мёртвых.

Почему я пришла в это место? Из одиночества? Гордости? Жажды богатства? Скрип половицы, случайный шум, приобретший цвет воздух — источники невыразимого ужаса. Дом ярко освещён, общество самое изысканное. Почему же я всё время ловлю себя на желании втянуть голову в плечи? Просто потому, что тьма сгущается? Вряд ли. Столько раз я прикасалась к неведомому... это моё дело и призвание. Но на этот раз всё по-другому: что-то неладно... что-то непоправимо худо, как вековая скорбь... как сам ад.

Дождь,[526] наконец,[527] перестал, выглянуло солнце, омерзительно, ненавистно красного цве́та, балансирующее на краю́ света и готовое провалиться в пропасть. Я спрашиваю себя: чего мне опасаться?

526 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
527 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Слушай! Голоса́. Шёпот. Шёпот, просачивающийся сквозь сте́ны, как блевотная слизь с камней подземной темницы. Изнутри. Из са́мой глубины́.

Иисусе, спаси и сохрани меня в эту ночь!

Из дневника Анны Троли; четверг, 20 часов 22 мин.

Часть 1

Глава 1

Зажав бледно-розовую телефонную трубку между плечом и подбородком, хмурая и злая Джоан Фриборд раздражённо рылась в бесчисленных блокнотных листочках с записками, словно пыталась отыскать ту, в которой объяснялся бы смысл жизни. Индикатор на второй линии призывно замигал. Джоан обречённо уставилась на него.

— Да, я уже́ слышала, что ты едешь, — бросила она капризным хрипловатым голосом, в звучании которого человек с воображением услышал бы жалобные звуки шарманки, играющей под окном, перемежаемые хлопаньем мокрого белья, вывешенного сушиться на крыше.

— И что из этого! Вечно ты всё забываешь, Терри! Надеюсь, хотя бы запомнил *число и время*?

Немного послушав невидимого собеседника, ока поджала гу́бы и швырнула листочки на стол.

— Знаю, знаю. Запиши: *вечер пятницы, в шесть ровно*. И не вздумай тащить с собой чёртовых псов! Пока!

Она ткнула кнопку налившегося кровавым светом индикатора.

— Да, Фриборд у телефона.

И тут же брезгливо наморщила нос.

— *Поторопиться*?

Переступив с ноги́ на ногу, она рассеянно потеребила себя за серьгу-подвеску, чудовищное изделие авангардной моды из камешков и голубых бусин. В свои тридцать четыре она могла позволить себе короткую

стрижку с чёлкой. За кукольным личиком с растерянными голубыми глáзками, обрамлённым белокурыми прядями, скрывались стальная воля и бульдожья хватка.

Но сейчас она была явно выведена из себя и, недоумённо подняв бро́ви, выпалила:

— Список кондоминиумов в Гринвиче, Гарри? В *современном* стиле? Да ты *шизанулся*! С тех пор как та леди, что срубила деньжат на поваренной книге, купила особняк в стиле Тюдоров, всякий яппи[528] требует нечто «*аутентичное*», иначе говоря, тёмное, сырое, угнетающее и к тому же готовое в любую минуту рухнуть. Слушай, иди и посоветуй леди с поваренной книгой построить дом из стекла. Что-нибудь круглое, или треугольное, или в форме блюдца, чтобы имело такой вид, словно только что приземлилось в центре Гринвича. А пото́м поговорим, идёт? И действуй побыстрее, мне некогда.

В комнате бесшумно возникла немолодая секретарша. Типичная брошенка: унылый вид, волосы стянуты в тугой пучок, недавно разведена. Фриборд протянула ей набросок рекламного объявления, прошептав одними губами:

— «Таймс».

Секретарь кивнула и улетучилась. Фриборд, с жалостью глядя ей вслед, покачала головой.

— Нет, четверг для меня несчастливый день, Гарри, — мрачно заметила она. — Как насчёт «*никогда*»? «*Никогда*» тебя устроит?

Она отвела ду́шу на несчастной трубке, злобно швырнув её на рычаг.

— Тупой, занудный, спесивый болван! — сообщила ей Фриборд. — Я уже́ кинула тебя однажды! Какого же хрена ты снова лезешь?

Схватив со стула жакет и сумочку, она выскочила из кабинета, разрешила секретарше не слишком спешить в офис после обеда и, пройдя через аркаду Трамп Тауэр, вышла на Пятую авеню в оглушительные вопли и гудки застрявших в пробках машин. Хорошо ещё, что небо затянули тучи и для мая день выдался не слишком жарким.

Ей почти сразу же удалось поймать такси.

— Куда, леди?

Фриборд поколебалась, глядя прямо перед собой. Что-то ей не по себе. Какое-то смутное *предчувствие*. Чего именно? Интересно, удастся ли вспомнить, *что* ей приснилось этой ночью?

— Так куда едем?

— Куда-нибудь подальше, — пробормотала Фриборд.

528 Прозвище молодых, честолюбивых, стремящихся к богатству людей, перен. мещане. (примеч. пер.)

— *Подальше*?

Она слегка опомнилась; подбородок с ямочкой вызывающе вздёрнулся, словно у непокорного ребёнка.

— Ист-ривер драйв семьдесят семь, — велела она. Такси рванулось вперёд, возвращая её мысли в привычную, годами наработанную *схему её жизни-сна*.

— Здесь, — уверенно определила она полчаса спустя.

Фриборд стояла в медленно всползающем вверх строительном подъёмнике вместе с супружеской парой из Хинсдейла, штат Иллинойс, намеревавшейся приобрести подходящий кондоминиум на Манхэттене. Оба спокойные, задумчивые, в красных строительных касках на белоснежных, как песцовый мех, волосах. Фриборд поправила свою каску и заверила:

— Ничего новее вы не найдёте.

Коротышка-лифтёр кивнул. Сгорбленный, морщинистый, чем-то напоминающий сказочного гнома, в рваном мешковатом сером свитере, он широко улыбался, обнажая беззубые дёсны.

— Лучший вид во всём городе. Гляньте — мост Уильямсберг[529] да и вся река под нами. Слай Сталлоне собирается здесь поселиться. Я сам видел его вчера.

Здание безраздельно царило над Ист-ривер. Супруги хотели чего-то новенького, они ужé насмотрелись старых квартир, выставленных жильцами на продажу.

— Интересно, почему это, — проворчал муж, — во всех этих роскошных апартаментах, которые стоят[530] к тому же до небес и выше, все парадные комнаты — хоть сейчас на выставку, но стóит сунуть нос на кухню или в ванную — с души́ воротит?

Оказалось, что в доме напротив Музея естественной истории хозяйская спальня освещалась всего одной лампочкой, даже без абажура, подвешенной на ржавой проволоке к закопчённому, с отвалившейся штукатуркой потолку. В другой квартире душевая кабинка была вделана прямо в стену спальни: хозяйка использовала её для хранения обуви, зато в третьей свободного мéста не было от огромных картин в массивных багетовых рамах, изображавших обнажённых мужчин и женщин, поглощённых к тому же весьма странным занятием: каждый, сжимая в руке шприц, старательно делал себе инъекцию.

529 В оригинале неправильно транскриптированный «Уильямсбург», хотя явно подразумевается Williamsburg Bridge, Уильямсбергский мост — висячий мост через пролив Ист-Ривер (East River) в г. Нью-Йорке (New York City), соединяющий Манхэттен (Manhattan) и Бруклин (Brooklyn), с основным пролётом длиною 488 м; построен в 1903 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

530 Затрудняюсь даже угадать: толи «стóят», толи «стоя́т»? (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вероятно, владельцы — *диабетики*, — мягко предположила жена.

— А здóрово от тебя пахнет.

Фриборд тупо уставилась на лифтёра. Тот пялился на неё, словно осенённый внезапной догадкой.

— Персиковая пена для ванн, — бесстрастно пояснила она. Аромат исходил от её шеи.

— И серьги премилые, — кивнул он.

— Спасибо.

— Эй, Эдди, остановись же, ради Бога! Сколько тебя ждать?![531] — вопил взбешённый рабочий, колотя в дверь подъёмника.

Но крошка-лифтёр,[532] как ни в чём не бывало,[533] отмахнулся:

— От вас, парни, *воняет* дерьмом! *Несёт*, спасу нет! А со мной приличные люди! Загадите мне тут всё!

— Ну, мать твою, Эдди, попадись только, за всё заплатишь, — пригрозил работяга.

Пара из Хинсдейла квартиру одобрила. И тут случилось нечто из ряда вон выходящее: стоя у окнá и дыша известковой пылью, рассеянно глядя при этом на моторную лодку, взбивавшую белую пену на мутной речной воде, Джоан Фриборд, неутомимый ловец фортуны, вот ужé много лет непобедимый «Риэлтор гóда», совершила немыслимое.

Круто развернувшись к покупателям, она вдруг спросила:

— Уверены, что хотите жить в большом городе? Он такой уродливый, грязный и перенаселённый!

Иисусе, что это я несу?

Она снова посмотрела на моторку. *Что-то в ней такое…*

Джоан наморщила лоб. *Что*? Она не знала. Пора давать обратный ход.

— Как насчёт кондоминиума в Гринвиче?

Непонятное ощущение преследовало её, буквально не давая дышать. Ужé к концу дня, когда сделка была благополучно завершена (слава Небесам, не сорвалась!), а бумаги подписаны, Фриборд отчего-то отправилась в последнее кафе-автомат на Манхэттене, где, усевшись за бежевый в крапинку столик, набросилась на бобы с дымящимся рисом и смела всё так быстро, словно не ела неделю. Взяв из открытой миски горсть лимонных долек,

531 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
532 В оригинале «крошка лифтер» раздельно и без дефиса, к тому же без запятой после. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
533 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

предназначенных для охлаждённого чая, она выжала их в стакан со льдом и холодной водой, добавила сахара, как часто делала в дни бедной юности, и запила еду. Рис и бобы приятно грели желудок, а если бы она не наелась, можно было наполнить чашку горячей водой, посолить, добавить кетчупа из бутылки на столе, размешать и получить вполне съедобный томатный суп.

Зачем я делаю всё это?

Фриборд пожала плечами и вгляделась в ряды стеклянных окошечек, за которыми стояли тарелочки с едой. Опустишь монетку — получай конфетку… то бишь *жратву*. Интересно, остался ли у них горячий яблочный пирог с ромовым соусом? Когда-то давно мартовский ветер швырнул ей в лицо долларовую банкноту. Как же она пригодилась! Да где же пирог? У неё в желудке осталось место как раз для кусочка!

— Вы часто сюда приходите?

Фриборд подняла глаза́ на бомжа, сидевшего напротив. *Откуда его чёрт принёс*? Жирные седоватые волосы до плеч, старая, чересчур широкая армейская шинель, засаленная джинсовая рубашка и штаны-хаки.

— Смахиваете на актрису. Пробовали просматриваться? Я ассистент. Набираю актёров, — заверил бомж. От него несло винным перегаром и помоечной вонью. Большой палец с обломанным ногтём выглядывал сквозь дыру в кроссовке.

— И продюсер тоже, — непринуждённо добавил он.

— Ну да, а я всё думаю, кого вы мне напоминаете? Дэвида Селзника[534], разумеется.

— *Напоминаю*? Откуда *такой* тон, малышка? На кого хвост поднимаешь? Поимей хоть немного уважения. Покажи класс. Вижу, у тебя нет денег на хавку. Я мог бы помочь.

— Судя по вашему виду, вам самому́ не мешало бы немного подкинуть.

Что-то мелькнуло в глазах бомжа… некое смутное воспоминание о прошлой жизни. Залихватски выдвинув челюсть, он подался вперёд.

— Ничего, — победно ухмыльнулся он, — мы ещё повоюем.

534 David Oliver Selznick, Дэвид Оливер Селзник (1902-1965 гг.) — американский кинопродюсер украинско-еврейского происхождения. Начинал карьеру на студиях «Paramount Pictures», «Metro-Goldwyn-Mayer», «RKO»; в 1933-36 гг. вице-президент «Metro-Goldwyn-Mayer». В 1936 г. создал собственную фирму «Selznick Releasing Organization», на студиях которой были сняты многие вошедшие в историю киноленты, в том числе «Ничего святого» («Nothing Sacred», 1937), «Родилась звезда» («A Star Is Born», 1937), «Унесённые ветром» («Gone With the Wind», 1939), «Ребекка» («Rebecca», 1940), «Заворожённый» («Spellbound», 1945), etc. Ныне полузаброшенная студия Селзника («Selznick Studios») в пригороде Лос-Анджелеса Калвер-Сити (Culver City) — место паломничества его поклонников. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сдержав сочувственную улыбку, риэлтор полезла в голубую кожаную сумочку, выудила что-то из бумажника и сунула бомжу.

— По-моему, вы уронили это, мистер Селзник.

— Сотня?!

Фриборд встала и пошла к выходу.

— Минутку, — окликнул бомж.

Риэлтор оглянулась.

— Я беру за интервью **две** сотни.

Фриборд кивнула, почти с любовью озирая бомжа… ничего не скажешь, родственная душá.

Перед глазами промелькнула картина из давнего прошлого: в дупель пьяный папаша хлещет по щекам её, тогда шестилетнюю малышку.

— **Ну, сучка? Будешь делать, как велено?**

— **Нет!**

— Молодец, старина, — одобрительно кивнула риэлтор. — Не сдавайся! И не позволяй всяким ублюдкам вколотить тебя в землю!

И, решительно повернувшись, вышла на оживлённую улицу, где разом окунулась в рычание грузовиков, визг тормозов, тявканье автомобильных рожков; мечты, злоба, обиды, зависть и страхи торопившихся на пригородные электрички словно приливной волной смыли мучительные мысли, туманившие мозг — словно батарейку зарядили привычной энергией, той сáмой, которая отличала её, Джоан Фриборд, дитя-женщину, вечного борца, девизом которой было «*сражаться или умереть*».

Сражайся или умри.

Этой ночью в пентхаусе Джоан на Сентрал Парк Уэст стояла тишина. Слышалось только шарканье мягких кожаных шлёпанцев по пóлу из лакированного дубового паркета: это риэлтор в махровом туго подпоясанном тёмно-зелёном халате бродила по комнатам, обдумывая любопытнее предложение, сделанное ей несколько дней назад.

— Я не ослышалась? Вы сказали, двадцать процентов?

— Совершенно верно.

— И в чём тут подвох?

— Никакого подвоха. Мой клиент желает иметь всё самое лучшее. А лучший риэлтор — это вы.

— Но вы сами утверждали, что там уже́ много лет ничего не случалось.

— Так оно и есть.

— В таком случае пустите его в открытую продажу и сбавьте цену. Какая проблема?

— Репутация до́ма. Мрачные воспоминания и дурные слухи умирают медленно, миссис Фриборд. А у людей долгая память.

— Мисс.

— Мисс. Прошу об одном — хорошенько подумайте.

— Обещаю.

Наконец,[535] Фриборд подобралась к маленькому круглому столу из некрашеной сосны́ в углу своего кабинета, отделанного панелями вишнёвого дерева. На столе валялись карта, несколько распечаток и снимков массивного особняка, словно припавшего к земле на одном из островков на реке Гудзон. Фриборд сунула руку в карман, извлекла оттуда зажигалку и пачку «Кэмел», закурила. Глубоко затянувшись, она поднесла к глазам фото и покачала головой. *Ничего не выйдет. Пустая трата времени. Этот чёртов дом — словно декорация к фильму ужасов.*

Мрачный, как-то странно вытянутый, из обветренного серого камня, с остроконечной крышей, зубчатой оградой и узкими амбразурами, он напоминал древний шотландский за́мок. Нечто вроде Гламиса[536]. И там, и здесь одинаково зловещая атмосфера, и такие же конические башни, как злобное воплощение дьявольских мыслей.

Фриборд вздохнула и разжала пальцы. Снимок с едва слышным шелестом приземлился поверх остального бумажного мусора. Жаль, что эта куча дерьма не находится в Гринвиче! Она продала бы его за неделю, получив кучу бабок!

Однако она почему-то медлила, не спешила отойти от стола: слишком велико было искушение принять вызов, хоть на несколько дней избавиться от тоскливой скучной обыденности существования. Только ты, Храбрый Портняжка, и никто другой!

Краем сознания она отметила треск автоответчика: запись её обращения… пауза… короткие гудки. Должно быть, Гарри.

535 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

536 За́мок Макбета. (примеч. пер.) — В оригинале именно так и было — «Гламиса» (неправильная транскрипция), хотя наверняка подразумевается Glamis Castle, за́мок Гламз — один из наиболее живописных старинных за́мков Шотландии (Scotland) в графстве Ангес (Angus), известный легендой про секретную комнату; в нём до замужества жила мать королевы Елизаветы II. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Фриборд покачала головой и перевела взгляд на чёрную кожаную папку, содержавшую историю до́ма. Она всего лишь наспех её пролистала: с са́мого детства Джоан страдала лёгкой дислексией[537], результатом зверских побоев алкоголика-отца, недоедания и непрерывных пропусков школьных занятий. Чтение было для неё тяжёлым трудом. Бо́льшую часть контрактов составлял за неё помощник. Поэтому она знала о доме только то, что ей сказали: построен в 1937 году́ доктором, зверски убившим жену и сразу же после этого покончившим с собой.

Фриборд погладила кожаный переплёт. На обложке больши́ми чёрными буквами выведены слова́, которые могла без труда прочесть даже она.

ГДЕ-ТО ТАМ

И тут же вспомнился обрывок сна: странное, незнакомое место. Смертельная опасность. Кто-то пытается спасти её, некое светящееся существо вроде ангела-спасителя Кларенса в фильме «Эта чудесная жизнь». Во сне он назвал своё имя… что-то очень известное… громкое… она попыталась припомнить, но не смогла.

Звонок, щелчок автоответчика. Фриборд наклонила голову, вслушиваясь. Не Гарри. Элль Редмунд, жена Джеймса Редмунда, прославленного издателя журнала «Вэнитис мэгезин»[538].

— … ужасная наглость с моей стороны́, но давний приятель неожиданно свалился сегодня на голову, а мы скорее умрём или объявим голодовку, чем пропустим вашу сказочную вечеринку. Не будете возражать, если мы…

Фриборд уронила папку на стол, придавила сигарету в пепельнице, закурила другую и вновь принялась с мрачным видом шастать из комнаты в комнату, словно лёгкий, не выпускающий изо рта сигарету призрак, приговорённый к вечным скитаниям в одном из идеально устроенных роскошных коридоров ада. На стенах — ни одной личной фотографии, ни следа прошлого, никаких указаний на пристрастия, воспоминаний о тяжёлых временах. Но время от времени она останавливалась перед маленькой картиной Моне или миниатюрой Пикассо — не с тем, чтобы полюбоваться красотой или тонкостью живописи, нет. Только обрести некоторое утешение в огромной стоимости того или иного шедевра. Постояв немного, она снова принималась бесцельно болтаться по дому, пока,[539] наконец,[540] усталые но́ги не привели её в огромную кровать с мягкой периной. Плюхнувшись прямо на покрывало, Джоан бесцельно уставилась в зеркальный потолок. *Что же всё-таки делать с проклятым домом?*

537 Неспособность к чтению. (примеч. пер.)
538 Очевидно, транскрипция «Vanities magazine», т. е. дословно «(периодический) журнал тщеславия». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
539 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
540 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

За стеной с шипением раскрылись две́ри лифта, в скважине повернулся ключ. Это вернулись после выходного дня Антония и Джордж, живущие у неё слу́ги.

Не отвлекайся, Фриборд, думай! Ну и сволочная же заморочка!

Ничего, она справится.

Она сама не заметила, как заснула. И видела во сне отца, голого, пьяного, гнавшегося за её школьным ухажёром. А пото́м снова появился ангел, великолепный, высокий, с огромными крыльями, только вместо лица́ — белое пятно. Она ждала за столом в «Палм», узкой, убогой бифштексной на Восточной стороне Манхэттена, а ангел, склонившись над молодой красивой темноглазой женщиной, внимательно записывал заказ. Внезапно, подняв глаза́, он встретил взгляд Джоан и резко предупредил:

— Садитесь на поезд. Моллюски небезопасны.

— Как вас зовут, чёрт возьми? — завопила ошарашенная Фриборд и проснулась от собственного крика. Застонав, она потянулась к будильнику. *Шесть утра́.*

Можно ещё поспать. Слишком рано.

Она снова повернулась на спину и стала таращиться в потолок. «*Моллюски небезопасны*»? Что это всё значит? Ну и чушь!

Мысли снова вернулись к особняку. Агент, которому владельцы поручили продажу, объяснил, каким образом она в любое время может осмотреть дом.

Джоан так и подскочила. *Сегодня*!

✷ ✷ ✷

Переодевшись в удобные джинсы, ковбойские сапожки и белый свитер, Фриборд уселась за руль зелёного «мерседеса»-кабриолета с опущенной крышей, переехала мост Джорджа Вашингтона и направилась вдоль реки́ Гудзон к Крейвн Коув, крохотной малонаселённой деревушке, откуда добралась до о́строва катером. У штурвала стоял владелец и матрос в одном лице: угрюмый худой старик лет шестидесяти, с просоленным морщинистым лицом и прищуренными глазами того голубовато-серого цве́та, который встречается иногда у морских раковин. Пока они пробирались через пласты утреннего тумана, матрос не выдержал и поинтересовался, уж не собирается ли она *жить в том доме*.

— Что? — переспросила Фриборд, не расслышавшая его за рёвом двигателя.

— Я сказал, вы собираетесь жить **там?**

Несколько мгновений она смотрела в выцветшие «джинсовые» глаза́, пото́м повторила про себя название катера, вышитое на бескозырке старика: **«Far Traveler»**.

— Нет, — обронила она наконец, вновь отвернувшись. Катер причалил, но старый лодочник не подумал сойти на землю. Облокотившись о борт, он закурил пенковую трубку и провожал глазами Джоан, шагавшую по старым доскам причала, пока она не зашла в дубовую рощицу и не исчезла из виду. Сам не зная почему, он поёжился. Что-то его тревожило. Непонятно только,[541] что.

Фриборд тем временем шагала по усыпанной гравием дорожке, вьющейся через заросли, которая примерно через четверть мили[542] привела её к крыльцу. Подойдя к торчавшему у двери́ почтовому ящику, она набрала комбинацию цифр, извлекла ключ и огляделась. За деревьями поблёскивала вода, желтел прибрежный песок, а вдали в солнечном мареве сверкали изломанные неровные бесконечные очертания Манхэттена, даже отсюда выглядевшего строгим, деловым, утилитарным — воплощением истинно урбанистических тенденций. Ничего зловещего или сверхъестественного.

Джоан внимательно вгляделась в зловещую серую громадину особняка.

«*Прекрасно*, — подумала она. — *Он словно прикрыл свои проклятые зенки и не смотрит на меня. Пока грёбаная лачуга не сделала ничего дурного*».

Дыхание реки́ принесло сладкий ярко-зелёный древесный аромат, земля и небо были абсолютно спокойны. Джоан услышала негромкий скрежет ключа, проворачивавшегося в замочной скважине. Она нажала ещё раз; дверь отворилась, и Фриборд вступила в изящный холл со сводчатыми потолками. За приоткрытыми дубовыми дверями виднелась огромная гостиная с бесформенными силуэтами мебели, прикрытой белыми чехлами, призванными оберегать её от солнца и пы́ли. Владелец — наследник первого хозяина — вместе с женой и двумя маленькими детьми последние три го́да безвыездно жил во Флоренции, и на сдававшийся в аренду особняк не нашлось ни единого охотника. Никто не желал купить эту усадьбу и поселиться *здесь*. **В доме с привидениями.**

Сосредоточенно поджав гу́бы, Фриборд лениво проследовала в комнату и, подбоченившись, осмотрелась. Высокие потолки поддерживались перекрещивающимися балками в стиле старого испанского монастыря, а посреди стены́ зияло жерло гигантского очага. Она прошла вперёд. Каблуки сапожек глухо стучали по пекановым половицам весьма произвольной ширины. Фриборд обошла комнату, стаскивая чехлы, и к собственному удивлению обнаружила, что мягкие стёганые диваны и стулья обиты приятной тканью пастельных тонов, а сама гостиная приобрела уютный вид.

541 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
542 В метрической системе ¼ мили — это чуть больше 402 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Обстановка включала игорный столик, стереоаппаратуру и кабинетный рояль «Стейнвей»[543], гостеприимно сверкающий в свете неумолимо жизнерадостных солнечных лучей, проникавших сквозь готические о́кна, как огненное благословение какого-то надоедливого святого. Так где же кентервильские привидения, летучие мыши, вампиры и ведьмы? Где Кристофер Ли[544] и долбаные «Фанжетт»[545]?

Фриборд заглянула в ломившуюся от книг библиотеку с камином и миновала было широкую, плавно изгибавшуюся лестницу, ведущую в спальни и холл второго этажа, но тут же замерла, обнаружив под лестницей нечто вроде ниши. Подобравшись поближе, она обнаружила резную дубовую дверцу, в са́мом центре которой грязной угрозой скалилась рожа *горгульи* с широко открытым в злобной ухмылке ртом и яростно выпученными глазами.

— Ну и хренотень, — тихо пробормотала Фриборд и, схватившись за медную ручку, попыталась открыть дверь. Не тут-то было. Заперто.

Тин-н-нь!

Едва слышный звук прорезал тишину, как приглушённый аккорд фортепьяно. Фриборд медленно повернулась и посмотрела на «Стейнвей», почти ожидая увидеть кого-то, сидящего за роялем. Ей говорили, что к дому пристроено несколько крыльев, где размещаются комнаты и отдельная кухня для слуг. Возможно, здесь живёт кто-то вроде экономки. Нет, вряд ли, иначе она увидела бы. Ни одной живой души́, кроме неё.

Джоан подошла к роялю, подняла крышку и, не присаживаясь, наиграла несколько тактов песенки «*Сделай счастливое лицо*». Завершив мелодию лихим проигрышем, она подняла голову и громко сообщила:

— Это для тебя, крезанутый[546] дом!

И замерла, навострив уши.

— Что бы придумать, чтобы хоть кто-то захотел прийти и посмотреть на тебя?

Дом не ответил.

Прекрасно. Так тому и быть.

543 Henry Englehard Steinway, Генри Энглхард Стайнуэй (иногда транскриптируется как Стейнвей, 1797-1871 гг.) — рояльный мастер, основатель известной фирмы «Steinway & Sons» — изготовителя роялей и пианино. После смерти отца дело продолжил его четвёртый сын Уильям (William), который в 1876 г. стал президентом фирмы. В 1880 г. Уильям основал на Лонг-Айленде (Long Island) напротив Манхэттена (Manhattan) город Стейнвей (ныне часть Лонг-Айленд-Сити в Бруклине, Нью-Йорк, Brooklyn, New York), куда перевёл рояльную фабрику. Роялями фирмы пользуются все крупнейшие пианисты мира. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

544 Актёр, игравший Дракулу в одноимённом фильме. (примеч. пер.)

545 Канадский сериал о вампирах. (примеч. пер.)

546 Выдуманное великомогучее слово (толи молодёжный сленг, толи англо-саксонский суржик), явно непереведённое от английского crazy (сумасшедший, выживший из ума, бредовый, сумасшедший, ненормальный, псих, фанатик, экстремист, но также и замечательный, великолепный, волнующий, возбуждающий) — также см. 558, 594. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Погружённая в невесёлые мысли, она вернулась на Манхэттен, поручила машину заботам швейцара, поднялась к себе и, устроившись в кабинете, принялась стаскивать сапоги.

— Добрый вечер, мадам, — поздоровалась горничная.

— Привет, Антония.

— Миссус[547] где-нибудь ужинает сегодня?

— Нет. Я поем в семь.

— Хорошо, мадам.

— Передай Джорджу, пусть сделает мне мартини по-каджунски[548].

— Да, миссус. Что-то ещё?

Фриборд стянула,[549] наконец,[550] сапожок, отшвырнула и, нахмурившись, уставилась на горничную.

— У тебя усталый вид и мешки под глазами. Плохо спала?

— Не слишком хорошо.

— Тебя что-то беспокоит?

— Нет, миссус.

— Уверена, Тони?

— Да.

— А мне кажется, ты слишком много работаешь.

Горничная безразлично пожала плечами и отвела глаза́.

— Завтра вместе с Джорджем возьмёте выходной, Тони.

— О нет, миссус.

547 Тут и далее по тексту непереведённая missus (архаичная форма missis, характерная для южных штатов), т. е. госпожа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
548 Житель южных районов штата Луизиана, потомок французов, насильно переселённых из Канады. (примеч. пер.)
549 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
550 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— **Да,** миссус. Делай,[551] как велено. И знаешь, я не очень голодна. Сделай сандвич, ладно? С чем хочешь. И пусть мартини будет двойным.

— Хорошо, миссус. Сейчас. Минуточку.

Уже́ немолодая горничная, великолепно смотревшаяся в синей с белым униформе, поклонилась и отошла. Фриборд участливо посмотрела ей вслед и, сняв второй сапожок, отбросила его, с наслаждением вытянула но́ги и пошевелила пальцами.

Господи, до чего здо́рово!

Рассеянно вперившись в невидимую точку на стене, она снова вспомнила об особняке, но тут же решительно мотнула головой. Нужно дать мозгам роздых.

Она откинула голову на спинку кре́сла и закрыла глаза́, но тут же услышала знакомый щелчок автоответчика. Снова жена издателя, Элль Редмунд.

— Привет, дорогая, получила моё сообщение? Не важно, забудь, оказалось, что наш гость не приедет. Но всё равно спасибо, Джоанн. Увидимся в пятницу вечером. —[552] Снова щелчок.

Несколько минут в комнате слышалось лишь неровное поверхностное дыхание. Внезапно глаза́ Фриборд широко раскрылись, в одном из тех таинственных озарений духа, где бессознательное торжествует над реальностью и во вдохновенном порыве дарит разуму откровение. Именно это и произошло с Фриборд.

Вот оно! Вот оно! Теперь она знает, *как* продать дом!

— Ваш мартини, миссус Фриборд.

— Спасибо, Тони. Передай Джорджу, на вид мартини просто идеальный.

— Да, миссус.

Фриборд взяла стакан, но пить не стала. Она строила далеко идущие планы.

Не всякое прозрение даётся легко.

551 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
552 В оригинале после точки без тире, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

На пятничной вечеринке Фриборд, как всегда, царила оживлённая атмосфера и было полно́ народу: драматургов, политиков, администраторов крупных компаний, модных моделей, просто светских людей и даже мафиози, словом, тех, кто когда-либо покупал у неё недвижимость. Правда, хозяйки с полчаса не было видно. Она исчезла вместе со своим гостем, Джеймсом Редмундом, а когда появилась вновь, на лице её играла довольная усмешка.

Пункт первый грандиозного плана был успешно выполнен.

В следующий четверг, когда Анна Троли, известнейшая и прославленная британская дама-экстрасенс, пила чай, уютно устроившись у камина, принесли каблограмму от совершенно незнакомой особы, американского риэлтора, некоей Джоан Фриборд. Анна Троли, только что переступившая сорокалетний рубеж, обладала неяркой, но бесспорной красотой. С овального личика, своими изящными чертами напоминавшего камею, смотрели небольшие влажные карие глаза́, мерцавшие непонятной, неуловимой и невысказанной тоской. Анна словно бы смотрела внутрь себя, пытаясь разглядеть и определить источник этой скорби. Рядом с ней на маленьком столике тикового дерева громоздились почта и свежие газеты. Поверх лежал свежий экземпляр «Таймс». На стене висели несколько памятных фото, в том числе то, где она была снята вместе с королевой, заголовок газетной статьи в рамке, гласивший: «*ЗНАМЕНИТАЯ ЭКСТРАСЕНС НАХОДИТ УБИЙЦУ*», снимок хорошенькой девочки с ямочками на щеках, которая толи[553] благодаря ретуши, толи[554] искусно нанесённым на чёрно-белые тона́ пастельным тонам казалась затерянной в ином измерении. Под открытым окном, ещё на одном столе лежала пластиковая магическая дощечка с хаотически разбросанными словами и буквами.

— Мэм?

Троли повернулась к недавно нанятой горничной, смазливой молоденькой девушке.

— Что, Пита?

553 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
554 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Горничная протянула небольшой круглый серебряный поднос. Анна рассеянно уставилась на глубокий белый шрам, терявшийся в правой бровú девушки, неизвестно почему гадая, связано ли с ним какое-то трагическое событие или просто несчастный случай.

Ну разве это её касается?

Разом отрешившись от неуместных мыслей, Анна взяла с подноса квадратный тёмно-жёлтый конверт. Внутри оказалась каблограмма, содержавшая *то самое* послание. Кто знает, была ли прямой или извилистой та, определённая роком тропинка, навеки связавшая сýдьбы Анны Троли и Джоан Фриборд?

— Спасибо, Пита.

— Не за что, мэм.

Горничная тихо вышла. Троли пересчитала странички каблограммы. Целых *шесть*!

Внимательно прочитав до конца, она опустила листочки на колени, откинула голову на подголовник крéсла и закрыла глазá. Внезапно налетевший бриз принялся играть с кружевными занавесками. Чуть пониже, вероятно,[555] сдвинутая резким порывом вéтра, коническая стеклянная планшетка соскользнула с центра дощечки к верху и остановилась прямо на слове.

Это слово было «*нет*».

Глава 2

— На тот случай, если ты ещё не успела заметить, я ужé восемь месяцев как мёртв. Мёртв, но не похоронен.

Высокий, аристократичный, утончённый Теренс Дир с демонической внешностью байроновского героя не глядя ткнул кистью сначала в жёлтую краску, размазанную по палитре, а потóм в холст и с отвращением оглядел залитую солнечным светом студию с взмывающими в небо потолками.

Путём коварных интриг и долгих уговоров Джоан Фриборд удалось,[556] наконец,[557] пробраться в его дом на Файр Айленд, но толку от этого пока не было.

— С тех пор как Роберт навсегда ушёл из моей жизни, — скорбно объявил он своим бархатным баритоном, — я не написáл ни слóва. Сердце окаменело.

555 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
556 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
557 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Фак, фак, фак[558], — пробормотала Фриборд. — Дерьмо!

Дир вытер палец, вымазанный красной краской, о блузу художника, натянутую поверх футболки и выцветших чёрных джинсов, и устремил трагический взгляд голубых глаз на риэлтора, ухитрявшуюся одновременно курить и возбуждённо метаться по комнате. Стук высоких «шпилек» эхом отдавался от дубовых дощечек паркета и растворялся где-то в высоте. Сизое облако дыма повисло в воздухе, и она раздражённо смахнула его с доро́ги.

— Это обложка «Вэнитис»[559], Терри! **Обложка!!!**

— Давай без экивоков, — оборвал великий писатель. — От Джеймса Редмунда тебя воротит. Он козёл, зануда, говнюк, но, к сожалению, принадлежит к тому элитному кругу вонючек, которые постоянно твердят, как обожают преодолевать трудности, словно жизнь на блуждающей звезде, несущейся через пустоту и расталкивающей кометы и астероиды, недостаточно опасна, не говоря уже́ о торнадо, смерти, болезнях, войнах и землетрясениях. Но несмотря на всё это, *ты его трахнула.*

— Я уже́ сказала, *это бизнес и ничего более.*

— Работаешь на мафию, драгоценная моя, забыв о благе человечества?

— Х[560]… тебе в задницу, Терри, да отцепись же!

— Дорогая, тысячи уже́ пытались сделать это, но только сотням повезло!

Риэлтор, стряхнув невидимую пылинку с шикарного синего костюма от Армани, прикрыла рот ладонью и закашлялась.

— Пора бросать курить, — выдохнула она, моргая заслезившимися глазами, и поспешно сунула сигарету в пепельницу из большой белой раковины. — Слушай, сколько раз повторять, что обычно я сама терпеть не могу подобных штучек.

— Не совсем, — упрямо буркнул Дир.

— Он издатель и, следовательно, делает,[561] что хочет, — объяснила она, нервно разминая несчастный окурок.

— Где и когда ты совершила этот омерзительный акт?

Фриборд рухнула на стул у окна́, скрестила ру́ки на груди́ и мрачно уставилась на писателя.

— Иисусе, Терри, да ты мог бы сляпать это за неделю!

---

558 Да-да, очередное (см. 546, 594) выдуманное великомогучее слово (толи молодёжный сленг, толи англо-саксонский суржик), явно непереведённое от известного английского ругательства. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

559 См. 538. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

560 В оригинале с непонятного перепуга «Х» латиницей, хотя несомненное сокращение матерного выражения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

561 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— *Где и когда*? — настаивал Дир.

— В пятницу, после ужина. В моей ванной.

— В твоей **ванной?**

Фриборд слегка пожала плечами.

— Ничего страшного. Мы включили воду на полную катушку.

Писатель оценивающе воззрился на неё с таким многозначительным прищуром, словно определял расстояние до далёкой звезды. В маленьких зелёных гла́зках — ни малейшего признака стыда или вины. Обычный, ничего не выражающий взгляд, разве что чуть выжидающий. *Интересно… её душа́ — словно открытая книга, а сама Фриборд проста и примитивна, как тележка универсама*, решил он.

— Да ты мог натяпать долбаную штуку за час!

Примитивна, но уж коли вцепится, клещами не отдерёшь.

— Ну,[562] а теперь проверим с са́мого начала, — бесстрастно начал Дир.

Фриборд театрально закатила глаза́.

— Опять за своё!

— Тебе предложили эксклюзивные права́ на продажу «Где-то там», — невозмутимо продолжал он, — но беда в том, что в доме, похоже, водятся привидения и…

— Ничего подобного! Там уже́ много лет всё спокойно. Просто дом приобрёл эту чёртову мороз-по-кожную репутацию…

Лауреат Пулитцеровской премии в области литературы тупо уставился на неё.

— *Мороз-по-кожную*?

— И нечего придираться к словам, я не писатель.

— Ты *преступница*. Уломала Анну Троли, экстрасенса с мировой славой, известного до́ктора Гэбриела[563] Кейса, профессора Нью-йоркского университета и признанного авторитета в подобных вещах, на *такую авантюру*! Итак, эти двое и мы с тобой проводим несколько ночей в доме, и пока Троли и Кейс купаются во всяческих флюидах и эманациях, я наблюдаю за ними, старательно всё записываю и разражаюсь омерзительно лживой статьёй об отсутствии в доме всяких признаков потусторонних сил,

562 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

563 В оригинале всюду по тексту (также см. 574, 587, 602, 622, 627, 632, 640, 643, 652, 653, 675, 705, 718, 724, 731) вариации на тему «Гэбриела», т. е. отвратительная транскрипция (оставляю — пусть переводчику будет стыдно), ведь несомненно подразумевается имя Gabriel, Габриел, Габриель, Гэбриэл, Гавриил (библейское) — архангел, который возвестил Деве Марии о рождении от неё Спасителя. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

призванной запудрить мозги потенциальным покупателям. Твой ванный инкуб с трубкой и собственным журналом её печатает, репутация особняка, как у жены Цезаря, — вне подозрений, ты его продаёшь и становишься ещё богаче, чем была, и шикуешь на грязные денежки. Надеюсь, я всё точно изложил, о мой Ангел Недвижимости?

— Мне предложили *тройные* комиссионные, Терри. Это долбаная цифра с *шестью* нулями!

— Неужели нужно непрерывно употреблять *непечатные* слова́, бесценная?

— Нужно!

— В таком случае ты могла хотя бы произносить их на французский манер: «*делбен*», «*фе-е-ек*» или что-то в этом роде, — упрекнул Теренс, рассеянно разглядывая картину: вихреобразную мешанину разных оттенков ярко-жёлтого.

Фриборд, потеряв терпение, вскочила и приблизилась к нему.

— Ты у меня в долгу, Терри!

Терри поднял кисть и нацелился в холст.

— Ну вот, началось. Психическая атака на мою больную совесть.

— Отрицаешь, что обязан мне?

— Зигмунд Фрейд убил бы за такой дар.

Фриборд протиснулась между мольбертом и Терри и вызывающе подбоченилась.

— Ты смеешь это *отрицать*?

Теренс опустил глаза́ на свои ярко-красные теннисные туфли «Найки»[564] и, покачав головой, вздохнул.

— Нет, не отрицаю, — признал он. — Я бесконечно тебе благодарен. Сколько бессонных ужасных ночей ты провела рядом, подставляя плечо, когда мне это больше всего было нужно, плечо, не подбитое ни тайной завистью, ни злобой, ни ложью. Ты честна, верна и преданна, и единственное живое существо, которому я могу полностью довериться, моя Джоан, и к тому же совершенно непредсказуемое. Но боюсь, что в этом случае должен разочаровать тебя отказом.

— Ради всего святого, это не более чем *газетная статья*, Терри! Какое отношение имеет разбитое сердце к грёбаной статье?

Теренс с некоторым недоумением воззрился на неё.

— Типа того, что это как бы *не книга*, верно? — пояснила она.

564 В оригинале снова (см. 55) «Найк», также см. 267. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— *Не книга*, — глухо подтвердил он.

— Тогда к чему *этот* взгляд?

— Какой *взгляд*?

— **Такой.**

— Пытаюсь отыскать источник твоего зловещего коварства.

— Что? О чём ты? Что значит «*зловещее*»?

— Всё, относящееся к национальному правительству! — рявкнул Теренс, принимаясь рисовать.

— А, это что-то вроде «*голубой*» шуточки?

— Если желаешь.

— Брось, Терри. Перестань ломаться и напиши статью.

— Мне очень хотелось бы, но это *невозможно*.

— При всём при том, что дерьмовая сделка чертовски важна для меня?

— Да.

— И всё из-за какого-то *фе-е-екинг* амбала-тяжеловеса, которого ты подобрал в парке, пока тот кормил стероидами несчастных голубей? Не вешай мне лапшу на уши!

— Моя дорогая Джоанн, дело не только в Роберте, — снова вздохнул автор.

Фриборд подозрительно нахмурилась: и в манере, и в голосе приятеля было нечто *уклончивое*.

— Тут много чего ещё, — добавил он.

— Да неужели?

— Именно.

— Может, всё-таки выложишь всё начистоту?

— Я бросил писáть.

— Как это?

— *Бросил*, и всё. *Навсегда*.

Фриборд схватилась за лоб и театрально воскликнула, как ей казалось, на французский манер:

— Маман твою!

— Это слишком трудно понять человеку постороннему, — развёл руками Дир. — Приходится принимать миллион решений. Знаешь, что писáл в своём дневнике Оскар Уайльд? «*Сегодня у меня был чудесный день. Вставил запятую, вычеркнул, потóм решил снова вставить*». Джоан, искусство писателя — суета сует.

— Ни за что не поверю, Терри.

— Это тяжёлый умственный труд. С некоторых пор я считаю себя художником.

Раздражённый взгляд Фриборд остановился на холсте со спиралевидными жёлтыми завихрениями. *Н-да, ну и бред*!

— И что *это* такое, по-твоему, Терри?

— «*Отдых лимонов*».

Фриборд, испуганно отшатнувшись, вырвала кисть у него из рук.

— Опять пользуешь ЛСД, Терри?

— Не будь идиоткой, — фыркнул тот.

— Больше никаких верблюдов в дешёвых платьях из оранжевой тафты, клянущихся, что они и есть Свидетели Иеговы, прокравшихся в дом, чтобы поговорить о твоём творчестве?

— В тебе нет ни капли обычной порядочности, не говоря ужé о такте!

— И что из этого?

— И всё потому, что я бросил писáть?

— Да-да-да! Сначала Роберт и разбитое сердце, потóм вдруг «*литература — это сплошной напряг и заморочки*», а ты — второй Пикассо. Блин, *всё это чистый бред*, Терри! Ты просто *боишься*? Веришь в дурацких дýхов, так ведь?

— Что за чушь!

Однако щёки Дира заметно порозовели. Взявшись за кисть, он снова потянулся к холсту.

— Слушай, честно говоря, я просто не могу уехать и бросить собак на произвол судьбы́.

— Точно, бред!

— Ничего подобного, — настаивал Дир.

— Ты порушишь мою жизнь ради паршивых маленьких поганок?

Дир повернулся и негодующе уставился на неё.

— Смею я предположить, что под «*паршивыми маленькими поганками*» ты подразумеваешь моих идеально воспитанных наимилейших игрушечных пудельков Помпетт и Марию Идальго Лебланш[565]?

Фриборд ответила таким же разъярённым взглядом. Вероятно, со стороны́ они представляли довольно забавное зрелище, поскольку её лицо находилось всего в нескольких дюймах от его груди́.

— Можешь их *захватить*.

— Прошу прощения?

— Возьми их с собой. То есть собак.

— *Взять собак*?!

В голосе Теренса отчётливо слышались панические нотки.

— Ну да, мы повезём их *туда*.

— Ничего не получится.

— *Не получится*?

— Абсолютно ничего.

— Почему бы это?! — осведомилась Фриборд.

— Сам не знаю.

— *Не знаешь*? Так вот что я тебе скажу: у тебя мозги от страха расплавились и завоняли, жопа ты литературная! Небось и спишь при свете, пылающий хрен!

— *Хрен* — непристойное выражение, — холодно заметил Дир.

— Ничего, не развалишься! — огрызнулась Фриборд.

— Грязный язык! Не говоря уже́ о том, что твои гнусные и мерзкие оскорбления, мисс Кто-бы-вы-ни-были, совершенно абсурдны, если не жалки!

— Зато попали не в бровь, а в глаз?

Писатель побагровел.

— Почему бы тебе не найти кого-то другого? — проныл он. — Господи, Джоанн, да «Вэнитис»[566] даст тебе,[567] кого угодно, только выбирай.

— Они и *выбрали*.

565 Здесь непереведённые и оставленные без пояснений переводчика «говорящие» собачьи клички, производные от французских слов (соответственно): pompette (разговорное: навеселе, пьяненький, под мухой, тёпленький) и blanche (разговорное: героин). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

566 См. 538. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

567 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Как?! Что это ты несёшь?

Они сидели за столиком у окна́ в голландском баре отеля «Шерри». Пяти ещё не пробило, и почти все остальные столики были пусты.

— Погоди, — велела Фриборд, роясь в сумочке. — Где-то тут завалялся снимок этого до́ма, ну просто как из ужастика. Сейчас найду.

Расстроенный, выбитый из колеи издатель «Вэнитис»[568] украдкой метнул тревожный взгляд на дверь, через которую как раз входил очередной посетитель. Слава Богу, незнакомый.

Нервно постукивая по зубам черенком незажжённой пенковой трубки, он соизволил перевести глаза́ на Фриборд.

— Четверо проводят но́чи в доме с привидениями, — продолжала она, — и первая журнальная статья Терри, ну разве не событие?!

Официант поставил перед ней на белоснежную скатерть бокал с ледяным коктейлем «Манхэттен» и предложил издателю шардонне.

— Спасибо, — пробормотал Редмунд. В его широко открытых, чуть навыкате глазах начинала закипать зарождающаяся истерия. Как только официант удалился, он немедленно нагнулся к уху Фриборд.[569] — Не считаешь, что мы должны поговорить о том, что случилось на вечеринке?

— А что там случилось? — рассеянно вопросила она, всё ещё не оставляя попыток найти фото, но тут же резко вскинула голову, потрясённая внезапным озарением.[570] — Ах, ЭТО!

Её взметнувшиеся ру́ки накрыли ладони Редмунда, нежно сжали пальцы.

— О да, Джим! Только об этом я и хочу думать и говорить! Ну же, давай побыстрее покончим с этой статьёй и вернёмся к реальной жизни... то есть к нам обоим! Тебе нравится идея? Ты её опубликуешь?

— Весьма интересная мысль, Джоан, — согласился Редмунд.

Фриборд отпустила его ру́ки, развалилась на стуле и уныло согласилась.

— Так оно и есть.

Слишком хорошо она знала, что означает это выражение.

568 См. 538. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
569 В оригинале разрыв абзаца, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
570 В оригинале разрыв абзаца, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Но это не совсем в духе журнала, — умоляюще пробормотал Редмунд. — Слушай, Джоан. Та ночь... просто невероятно.

— Ага.

— Поразительно. Ничего более волнующего в жизни не испытывал.

— Да, я тоже, — поддакнула Фриборд, тупо уставившись на декоративный фонтанчик как раз напротив отеля «Плаза».

— Но это ужасная ошибка, любимая, так нельзя, — промямлил Редмунд. — Я всё обдумал сегодня утром, пока бегал в парке, и...

Фриборд одарила его взглядом, исполненным немого укора.

— Я никогда не оставлю жену, — твёрдо объявил издатель. — Просто не смогу. Следовательно, у нас нет будущего, Джоанн. Только ненужная боль и страдание. Прости. Мне ужасно жаль.

Риэлтор продолжала молча взирать на него. Широко распахнутые глаза́ казались неправдоподобно огромными.

— Тебе жаль... — эхом откликнулась она.

Редмунд поспешно уткнулся в своё вино.

— Знаю... знаю... просто неуклюже выразился.

Услышав сдавленные всхлипы, Редмунд поднял голову и с ужасом заметил, что Фриборд давится слезами.

— А, чёрт, — окончательно растерялся он.

Риэлтор схватила льняную салфетку, поднесла к лицу и, казалось, тихо зарыдала.

— Я чувствую себя последним подлецом, — охнул Редмунд. — Как теперь жить в том кондо, что ты мне продала? Видеть тебя в каждом коридоре... на каждом квадратике паркета?

Признание мгновенно подогрело скорбь плачущего агента по продаже недвижимости, подняв её на куда более высокий эмоциональный уровень, хотя кто из посторонних мог распознать смешок, поспешно замаскированный стоном неподдельной душевной му́ки?

Редмунд в отчаянии огляделся, пытаясь проверить, не следят ли за ними, и стал старательно выколачивать трубку.

— Слушай, Джоанн[571], эта статья... звучит очень... очень многообещающе. Перспективный проект. Ты уверена, что Теренс сумеет это сделать?

571 В оригинале вдруг «Джоани» (также см. 573). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Редмунд не пойдёт на это, если ты не напишешь статью, — пояснила Фриборд, возвращаясь мыслями к настоящему.

— Ты злобный коварный двойник Элизы Дулитл[572]!

— Лиза — кто?

Дир грустно усмехнулся. Жадный блеск зелёных глаз, выдвинутая вперёд нижняя губка, вызывающе вздёрнутый подбородок с ямочкой… Воинственный маленький рыцарь… а на деле всего лишь — перепуганное дитя.

— Весь смысл твоих метаний не только в деньгах, верно, Джоанн[573]? В твоей душе́ мечется вечно голодный тигр, это постоянное отчаянное стремление всё время быть впереди всех, первой, вечно побеждать, доказывать себе и окружающим, что ты в порядке.

— Не только в деньгах? — недоумённо переспросила нахмурившаяся Джоан.

Дверь, выходящая на веранду, громко стукнула, и в комнату ворвались два тявкающих пуделя, стуча по по́лу коготками. За ними явился хромой мужчина лет сорока́ с жестоко изуродованной стопой, слуга, нанятый когда-то Диром из жалости.

Фриборд брезгливо взглянула на пуделя, с задумчивым видом замершего у её ног.

— И не думай, — пригрозила она, — иначе я сдеру с тебя шкуру и сделаю каминный коврик!

— Беги, Мария! — возопил Дир. — Не видишь, она убийца! Беги! Пьер, уберите их.

— Сейчас, месье, — кивнул слуга и, хлопнув в ладоши, крикнул: — Пойдём, собачки! Скорее! Пора обедать!

Пёсики убрались из комнаты, а слуга, тяжело припадая на больную ногу, зашаркал следом.

— Поверь, Терри, это так много значит для меня. Так много!

Писатель тряхнул своей львиной гривой. Он купил этот дом благодаря посредничеству Фриборд. Именно тогда они и познакомились. И за все эти годы она ни разу ни о чём не попросила, даже дать автограф. Его слава ничего не значила для девушки, которую он знал, хотя она по-своему горячо его любила. Он всмотрелся в её глаза́, пытаясь обнаружить глубоко запрятанную сердечную боль, которую она научилась так ловко прятать за стальным блеском самоуверенности и неуязвимости.

572 Героиня пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». (примеч. пер.)
573 В оригинале снова (см. 571) некая «Джоани». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— *Так много*, — безнадёжно повторила она.

— И сколько мы должны там пробыть?

— Пять дней.

Она объяснила, что доктор Гэбриел[574] Кейс, психолог, профессор и эксперт по потусторонним явлениям, должен приехать туда заранее и установить специальное оборудование до их приезда. Бóльшая часть багажа тоже будет выслана вперёд, а когда самолёт Анны Троли приземлится в аэропорту, они возьмут лимузин и отправятся в Крейвн Коув, а оттуда катером — прямо на остров.

— Кейс уже́ обо всём договаривается, — докончила Фриборд. — Телефоны там, всякие приспособления и всякое дерьмо.

— Какая чёткость действий!

— Да, он аккуратист, ничего не скажешь!

— **Аккуратист?**

— По крайней мере,[575] так по телефону показалось. В жизни его не видела.

— Хочешь сказать, что ты втянула его во всё это **по телефону?!**

— За те деньги, что я ему плачу́, мог бы и по канату походить. Ясно?

— Вот оно что! — сухо обронил писатель, вновь обращаясь к холсту. — Следовало бы сразу понять.

Риэлтор поспешно подвинулась ближе.

— Ну,[576] давай поговорим *серьёзно*[577], — попросила она.

— Можно подумать, мы до сих пор шутили.

— Учти, всё это время еду нам будут доставлять из «Четырёх сезонов».

Кисть автора замерла в воздухе.

— Ах ты, Мефистофель!

— Значит, «*да*»?

574 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
575 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
576 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
577 В оригинале «Серьезно» с заглавной буквы в середине предложения. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

* * *

Шёл 1993 год.

Позже в этом придётся серьёзно усомниться.

Часть 2

Глава 3

Резная парадная дверь особняка, распахнувшись, ударилась о стену, словно под воздействием злого колдовства.

— Дьявол, ну и ураган! — воскликнула ввалившаяся в холл Фриборд, отряхиваясь по-собачьи, так что с блестящей жёлтой штормовки, одолженной капитаном катера, во все сто́роны полетели брызги. За ней, сопровождаемый голодным воем ве́тра, вбежал Дир. Обернувшись, Фриборд увидела, как на крыльцо неспешно, словно прогуливаясь, взбирается Анна с сумкой в руке. За её спиной виднелась монолитная серая стена дождя. Вся вода мира, казалось, обрушилась на путешественников.

— Вы в порядке, миссис Троли? — окликнула она, приложив руку ко рту.

— Да, дорогая, — отозвалась экстрасенс, — в полном.

Последнее слово почти заглушил пушечный залп громового раската. Буря разразилась совершенно неожиданно, когда они мирно направлялись к острову, и несчастный катер начало швырять из стороны́ в сторону, а во́лны каждую минуту грозили опрокинуть судёнышко. Правда, по радио и телевизору передали штормовое предупреждение, но заверили, что у бе́рега сила ве́тра несколько уменьшится. Этого не случилось.

— Клянусь, я задолжал тебе хорошую трёпку, Джоан, — буркнул Дир, бросив на пол лёгкую сумку. — Так и знал, что следовало гнать тебя из до́ма в три шеи.

— Отступать некуда, — сообщила Фриборд. — И придержи язык ради всего святого, особенно при этих людях! Я только что на коленях не стояла, чтобы их уговорить!

— Благодарение Богу, что меня не пришлось долго упрашивать!

Фриборд стащила непромокаемую шляпу и показала на открытую дверь, где всё ещё сражалась со ступеньками экстрасенс.

— Терри, помоги миссис Троли.

— Сейчас.

Дир свободной, несколько расслабленной походкой грациозного жирафа направился к женщине и потянулся к её сумке.

— Могу я вам помочь?

— О нет, благодарю. Я всегда путешествую налегке.

— И то верно. *Тамбурины* почти ничего не весят.

— **Терри!!**

Троли,[578] наконец,[579] вошла, сняла шляпу и опустила на пол сумку.

— Ничего, — благосклонно бросила она Фриборд. — Считайте, что я не слышала.

По правде говоря, она достаточно наслышалась от Дира во время поездки в лимузине, включая требование сравнить методы её и Вупи Голдберг в фильме «Призрак», а также настойчивые расспросы относительно содержания холестерина в эктоплазме. Но Троли на каждую шутку лишь кивала головой и слегка улыбалась, безмятежно глядя на расстилавшийся за окном машины пейзаж. Её видимое равнодушие, очевидно, действовало на Дира, как красная тряпка — на быка. Его упражнения в остроумии становились всё изощрённее, а рассуждения по по́воду сверхъестественного и непознанного — всё ехиднее.

— Если верить газетам, — сообщил он, когда лимузин приближался к Беар Маунтинз[580], — Эдгар Кайт впервые впал в транс лишь потому, что не хотел идти в школу, а пото́м обнаружилось, будто лягушка, которую он держал в кармане, каким-то образом излечилась от мононуклеоза, что, разумеется, вызвало настоящую сенсацию.

И так далее, и тому подобное. Слава Богу, они,[581] наконец,[582] на месте.

---

578 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
579 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
580 Под этой варварской транскрипцией «Беар Маунтинз» (также см. 692) всюду по тексту (оставляю — пусть переводчику будет стыдно), естественно, подразумевается Bear Mountain, гора Бэр — вершина (391 м) в юго-восточной части штата Нью-Йорк (New York), близ р. Хадсон (Hudson River); на ней: Palisades Interstate Park — место летнего и зимнего отдыха жителей Нью-Йорка, руины форта Клинтон (Fort Clinton) времён Войны́ за независимость (War of Independence), висячий мост через р. Хадсон (Bear Mountain Bridge, 1924).. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
581 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
582 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Фриборд осмелилась подбежать к двери́ и захлопнуть её. В воцарившейся тишине до Дира вдруг донеслась музыка.

— Господи Иисусе, неужели я попал на небо?![583] — воскликнул он. — Коул Портер[584]!

Лицо писателя осветилось детской радостью, едва из-за массивных дверей гостиной раздалась знакомая мелодия. Кто-то играл на фортепьяно.

— Моя любимая! — просиял он. — «*Ночь и день*»!

— Это вы, док? — окликнула Фриборд.

— Мисс Фриборд?

Глубокий приятный голос, как ни странно, не приглушали даже толстые створки. Фриборд немедленно отправилась в гостиную. Все лампы были зажжены, и уютный свет переливался на ореховых панелях, а в камине весело потрескивало пламя, вторя чарующим пассажам. Фриборд с наслаждением вдохнула за́пах горящей сосны́. Буря словно осталась в ином измерении.

— Да, мы уже́ здесь, — кивнула она пианисту и с улыбкой двинулась вперёд, сбрасывая на ходу штормовку, с которой капала вода. За её спиной возник Дир, а пото́м и Анна медленно вплыла в комнату. Насквозь промокшие сапоги Фриборд противно чавкнули.

— Ну вот, главное, что все живы и здоровы, — обрадовался Кейс. — Очень рад. Я уже́ начал волноваться.

Фриборд невольно отметила, что профессор совсем недурён собой: длинные волнистые чёрные волосы обрамляли точёное лицо, словно принадлежащее какой-то древней статуе. Отблески огня плясали в его глазах. Тёмные… только какого вот цве́та, не понятно. И немолод: лет со́рок восемь — пятьдесят. Одет в брюки хаки и такую же рубашку с короткими рукавами.

— Совершенно *безумный* ураган! — воскликнул он. — Не вы, случайно, заказали эту погоду, мистер Дир? Признайтесь, это вы всему причиной!

Дир был известен своими готическими романами.

— По-моему, я заказал всего лишь «Шивас Ригал»[585], — сухо пояснил писатель.

Он и Фриборд остановились у рояля, пока Анна с нерешительным недоумением оглядывала комнату.

---

583 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

584 Cole Porter, Коул Портер (1893-1964 гг.) — композитор и автор текстов (lyricist) сотен популярных песенок и мюзиклов (musical), вошедших в классику бродвейского тетра: «Годится всё» («Anything Goes», 1934), «Целуй меня, Кэт» («Kiss Me, Kate», 1948), «Канкан» («Can Can», 1953), etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

585 В оригинале «Чивас Ригал» (также см. 657 и 697), т. е. варварски транскриптированный Chivas Regal, «Шивас ригал» — фирменное название дорогого шотландского ви́ски (whiskey) двенадцатилетней выдержки компании «Chivas Brothers». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Вы *призрак*? — обратился Дир к пианисту.[586]

Фриборд, не веря собственным ушам, обернулась к нему.

— Что за бред? — раздражённо прошептала она.

— Давно не была в Диснейленде? — громко продолжал писатель. — Там так и устроено: когда проезжаешь по долине привидений, куча ду́хов танцует, а самый большой играет на фортепьяно.

— Я удушу твоих шавок, *фе-е-ек*! — прошипела Фриборд. Анна Троли опустилась в мягкое кресло и вперилась взглядом в человека за роялем.

— Я Гэбриел[587] Кейс, — представился он, вставая. — Искренне почтён вашим приездом, мистер Дир и миссис Троли.

— Пожалуйста, играйте, — настаивал Дир.

— С удовольствием.

Кейс снова сел и стал играть «*Всю ночь напролёт*». Фриборд беззастенчиво пялилась на него. Теперь она,[588] наконец,[589] разглядела, что глаза́ у него чёрные, как ночь, и даже мимолётный взгляд, казалось, пронзал насквозь. Но са́мой странной и отличительной приметой был иззубренный, как молния, ярко-красный шрам, тянувшийся по щеке почти до подбородка. За окнами снова глухо ударил гром; дождь монотонно бил по окнам, как меланхоличное сопровождение песни.

— Итак, мисс Фриборд, — продолжал Кейс, ослепительно улыбаясь. В точности, как грёбаный архангел! — Очень рад увидеть ту, с кем столько наговорил по телефону. Должен признаться, вы настоящая красавица.

— Давно вы здесь? — даже не поблагодарив, осведомилась Фриборд.

— Це́лую вечность. Что с вами, мисс Фриборд? Вы хмуритесь.

— Вы совсем не похожи на ваше фото, — пробормотала она, подходя ближе и пристально в него всматриваясь. — То самое, что на обложке книги.

— «*Призраки и привидения*»?

Фриборд кивнула.

— Они хотели создать зловещую атмосферу, — пояснил он, — и поэтому сняли меня под каким-то странным углом и в скудном освещении.

— Наверное, так и есть, — с сомнением признала Фриборд.

586 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась и происходит переход к действиям иного персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
587 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
588 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
589 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я читал все ваши романы, мистер Дир, — восторженно изливался Кейс. — Чудесные произведения. Клянусь, редко приходится читать книги, написанные с *таким* проникновением в мир героев.

— Благодарю.

— Но лучше всех «Исповедь Гилроя», — заключил Кейс, поднимая ру́ки с клавиатуры и глядя на Фриборд.[590] — Опять вы мрачны,[591] как ночь, — шутливо посетовал он. — Что случилось?

Она поняла, что снова хмурится.

— Такое бывало и раньше, — уклончиво заверила она.

Но Кейс, словно не слыша, повторил:

— Что же всё-таки неладно?

— Знаете, такое странное чувство… называется «*дежа вю*»[592]. Только и всего.

— Здесь для этого не время и не место, — рявкнул Дир.

Кейс хмыкнул. «*Интересно, что тут смешного?*» — подивилась Фриборд. Писатель тем временем всмотрелся в картину, висевшую над камином: огромный, в человеческий рост портрет мужчины в костюме времён тридцатых годов. И хотя работа, несомненно, принадлежала кисти даровитого живописца, и фигура, казалось, вот-вот сойдёт со стены́, лицо словно расплывалось, представляя собой неясный, как бы затянутый дымкой овал.

— Кто это? — спросил Дир. Кейс поднял голову.

— Доктор Эдвард Куондт, первый владелец.

— Но почему лицо совершенно не прописано? — возмутился Дир.

Никем не замечаемая Троли тоже воззрилась на картину.

— Да, — кивнул Кейс, — странно. *Очень* странно.

— Всё дело в причёске, — задумчиво протянула Фриборд.[593] — Да, — продолжала она, — ну конечно, *причёска*.

590 В оригинале разрыв абзаца, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
591 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
592 Подразумевается транскриптированное déjà vu, с французского дословно «уже́ виденное», также в значении «известное» и «знакомое», а ещё «банальность» (часто в психологии характерно для явления парамнезии — обмана памяти, ложного воспоминания). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
593 В оригинале разрыв абзаца, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— *Хелло*[594]! — Звук тёплый и бархатистый, как старое вино, как поле тёмно-красных цветов, поплыл по комнате, принося с собой дыхание какой-то неопределимой эмоции, вроде воспоминания о давно прошедшем лете…

Выражение лица́ Кейса мгновенно изменилось. Похоже, он сразу же забыл о присутствующих.

— А, вот и снова ты, Морна, — едва слышно произнёс он.

В гостиную медленно, словно скользя по по́лу, вошла стройная гибкая молодая женщина, с чуть склонённой набок головой. Каждое движение было исполнено бессознательной грации, словно у сказочного персонажа из фантастических снов. И хотя черты её лица́ были неправильными, слишком резкими, скулы торчали, а тяжёлый подбородок выдавался вперёд, она производила впечатление неотразимо чувственной красавицы. Даже её костюм казался необычным: широкая фиолетовая юбка из тафты, расписанная вьюнками, белая блузка и красный галстук-шнурок. При ближайшем рассмотрении оказалось, что её кожа покрыта золотистым загаром, а широко поставленные светло-зелёные глаза́ переливались, как два изумруда, создавая почти пугающий в своей прелести эффект. Кейс медленно встал.

— Да, — кивнула она, останавливаясь перед ним, — я приехала.

Длинные чёрные волосы каскадом спускались на плечи, издавая аромат утренней свежести и гиацинтов. Кейс на секунду позабыл, где находится.

— Морна, это наши гости, — выговорил он наконец. — Мисс Фриборд, мистер Дир.

— Как поживаете? — вежливо спросила девушка, словно вбирая их взглядом.

— И миссис Троли, — добавил Кейс, показывая на экстрасенса. — Миссис Троли — *ясновидящая*, Морна.

Девушка повернулась и обдала Троли зелёным пламенем глаз. Так продолжалось несколько минут, после чего она вновь отвернулась и слегка кивнула.

— Да, мистер Кейс.

— Морна — моя экономка, — объяснил Кейс. — На острове, как вы знаете, больше никто не живёт. Уединённое местечко. Морна любезно согласилась пока присмотреть за домом.

— Разве в деревне на *той* стороне мало народу? — чуть напряжённее, чем нужно, поинтересовался Дир, едва не сорвавшись на визг.

— Есть, — согласился Кейс, — но…

594 Очередное (см. 546, 558) выдуманное великомогучее слово (толи молодёжный сленг, толи англо-саксонский суржик), явно непереведённое от известного английского приветствия hello. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он поколебался, молча изучая ли́ца окружающих.

— Что же? — резковато подхватил Дир.

Кейс взял у писателя штормовку.

— Да вы совсем промокли. Позже обо всём поговорим, после того как получше познакомимся. А пока вам, разумеется, не терпится переодеться. Морна, будь добра проводить наших друзей в спальни наверху.

— Ваши волосы на снимке длиннее, — выпалила Фриборд, снова разглядывая Кейса. — Вот в чём разница.

Кейс едва заметно улыбнулся ей, и Фриборд только сейчас заметила в его глазах некую затаённую симпатию, смешанную с терпеливой печалью.

— Да, — кивнул он, — вы правы.

✷ ✷ ✷

К полудню дождь опять усилился, и Фриборд уныло мерила шагами комнату. Прижав к уху трубку и то и дело откидывая мешавший телефонный шнур, она монотонно выдыхала:

— Это бред!

Если не считать чердака и подвала, комнаты особняка были расположены на трёх уровнях. Спальни отважных исследователей находились вдоль по коридору второго этажа, над гостиной. Фриборд разместилась ближе всех к лестнице, в просторной светлой комнате с камином, высокими сводчатыми потолками и тяжёлыми деревянными балками перекрытий. Вот только оба окна́ оказались длинными и узкими, так что лампы у постели были зажжены, освещая разинувший пасть зелёный кожаный чемодан от Гуччи, валявшийся на широкой деревянной постели с резными[595] спинками и стёганым покрывалом. Фриборд так и не позаботилась сменить одежду и всё ещё оставалась в рубашке и джинсах из варёнки[596]. Переступив порог комнаты, она горячо возблагодарила Бога за то, что они добрались и всё идёт по плану. Неужели ей всё удалось?!

595 В оригинале «срезными» слитно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
596 Варёнка — жёсткая хлопчатобумажная ткань, имеющая неравномерную, с размывами окраску, цвет которой достигается кипячением (варкой). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вся словно на иголках от возбуждения, она не находила себе ме́ста и позаботилась только стянуть мокрые сапожки и надеть сухие шерстяные носки. И сейчас она с удовольствием пошевелила пальцами, прислушиваясь к гудкам на другóм конце линии. Гипнотически равномерные и тихие, они казались зовом, доносившимся с *того* света.

Наконец,[597] Фриборд отняла трубку от уха и недоумённо на неё уставилась. Странно, она звонит в свой офис, но никто не отвечает!

Она набирала снова и снова, пока не насчитала до пятидесяти гудков.

— Иисусе! — пробормотала она наконец, швырнув трубку на рычаг. — Блин, это просто невозможно!

Она, подбоченившись, уставилась на телефон, как на врага, но в этот момент лампы, мигнув, на сотую долю мгновения погасли, прежде чем снова загореться. Фриборд зловеще прищурила глаза́.

— На меня это дерьмо не действует, можешь не стараться![598]

За стеной раздалось постукивание. Но на Фриборд и *это* не произвело впечатления. Вслед за шумом послышался приглушённый голос Дира:

— Ты *здесь*?

— Нет.

— Мне кажется, что эта стена *полая*.

— Чушь.

— В твоей комнате есть о́кна?

— А тебе что?

— Мне воздуха не хватает. И всё время какие-то скрипы и шорохи.

— Поменьше ходи. Пол старый, деревянный, вот и рассохся.

— Бессердечная сука!

— Так и есть.

На этот раз стук донёсся с другой стороны́.

— Эта стена определённо *полая*, — ещё больше встревожился Дир. Фриборд скривила гу́бы и сузила глаза́. — Чёрт побери, *именно этого я и опасался*!

Риэлтор решительно шагнула в коридор и, бесцеремонно ворвавшись в соседнюю комнату, захлопнула за собой дверь.

597 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
598 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Слушай, ты, непроявленный талант, Кассандра недоношенная, — начала она.

Дира передёрнуло. Он стоял, прижавшись ухом к стене, высоко подняв круглое каменное пресс-папье, и в своём белом норковом халате до са́мого пола представлял собой весьма комическое зрелище. Фриборд мгновенно ринулась в атаку.

— Ты ещё помнишь, *почему* мы здесь? — возопила она, метнувшись к нему. Дир свысока оглядел её.

— Чтобы взломать две́ри и поживиться здешним добром?

— Чтобы обелить *фе-е-екинг* репутацию этого *долбен* до́ма, — процедила она, ловко выхватив пресс-папье у Дира. — И завязывай с простукиванием и тому подобным дерьмом. Подумать только, а я-то считала тебя *закоренелым атеистом*.

— Я тоже так *считал*. Неужели не видишь, что я дразню тебя, бесценная? А ты, разумеется, схватила наживку, как изголодавшаяся форель.

— Ах вот как?

Дир величественно выпрямился.

— Успокойся. Я из *усомнившихся*.

И, протянув ладонь, грозно потребовал:

— Ну,[599] а теперь будь добра вернуть мой счастливый амулет.[600]

Фриборд взвесила пресс-папье на руке.

— Куда *приложить* прикажете?

✷ ✷ ✷

— Я уже́ установил таймеры на каждую камеру, — пояснил Кейс, добавляя сливки в кофе. — Только не споткнитесь, их *много*.

599 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
600 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Он сидел на дальнем конце прямоугольного стола, среди остатков аппетитного второго завтрака, включавшего киш[601] из бекона с луком, креветок в горчично-кокосовом соусе, десятка сортов джема и выпечки. Крошки круассанов усеяли скатерть, на которой валялись измазанные маслом ножи. На противоположном конце восседал Дир, рядом с ним Фриборд. Троли предпочла устроиться поближе к Кейсу. Экстрасенс переоделась в прозрачное бирюзовое платье; от волóс веяло жасмином.

— Кроме того, я велел включить все телефоны, — продолжал Гэбриел[602]. — Учтите, номер очень легко запомнить: *914-21-21*[603]. Ну,[604] а пока делать абсолютно нечего, кроме как расслабиться, но держать ушки на макушке, и если заметите что-то необычное, немедленно сообщайте мне.

В наступившем молчании был слышен лишь непрекращавшийся стук дождевых капель по стёклам. Наконец,[605] Дир откашлялся.

— Вам удавалось когда-нибудь снять привидение на плёнку?

— Никогда.

— Что же, по крайней мере,[606] честно, — признал автор. Кейс попробовал кофе и отставил чашку, чуть звякнувшую о блюдце.

— Мистер Дир, — заметил он, — надеюсь, вы не оскорбитесь, но я нахожу, что маска служит несколько отвлекающим фактором.

— Возможно, у вас Синдром Расстройства Внимания.

(Дир отчего-то решил напялить маску Призрака Оперы.)

Фриборд скрипнула зубами и ловко сорвала с него маску.

— Спасибо, — спокойно поблагодарил Дир.

— Не за что, — отпарировала Фриборд с театральным вздохом, качая головой.

Дир извлёк из кармана транзисторный магнитофон и положил перед собой на стол.

— Доктор Кейс, вы не возражаете, если я *запишу это*?

— Нет, разумеется, нет. Прекрасная идея. Валяйте.

Дир нажал кнопку; красная точка мгновенно налилась багровым светом и замигала.

---

601 В оригинале варварско-надуманное и воистину великомогучее «квише», хотя наверняка подразумевается французское quiche (на основе слóва из эльзасского диалекта Küchen, родственного немецкому Kuchen — кекс, пирожное, торт), т. е. киш — открытый пирог с начинкой из взбитых яиц, сыра и других ингредиентов. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

602 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

603 В оригинале «914—21—21» через тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

604 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

605 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

606 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну вот, — провозгласил Дир. — Оружие к бою, мистер Никербокер[607].

Кейс, положив локти на стол, подался вперёд.

— Все знают историю этого до́ма? — вопросил он, обшаривая взглядом их ли́ца.

— Я не знаю, — едва слышно выдохнула Анна. За обедом она почти не обмолвилась словом, ответив только на вопрос о путешествии и о своём последнем удачном деле, связанном с поисками пропавшего ребёнка в Суррее. Зато не сводила пристального взгляда с Кейса.

— Он был…

— Построен доктором Куондтом, — докончил Дир, — в середине тридцатых для его прелестной жены, которая, как он посчитал, оказалась неблагодарной и наградила его ветвистыми рогами, что и побудило доброго до́ктора стремительно и зверски разделаться с изменницей.

— Вижу, вы хорошо приготовили домашнее задание, мистер Дир.

— Я знаю только то, что рассказала Джоанн, — пожал тот плечами.

— Да, Куондт слыл человеком жестоким, — подтвердил Кейс.

— Неудивительно, — согласился Дир. — По-моему, все *хирурги* таковы, именно поэтому и избрали *такой* род занятий; нормальные люди вряд ли способны резать живого человека на куски, а через минуту с аппетитом лопать «Биг Мак» с жареной картошкой.

— Согласен, вряд ли.

— Грубо и по́шло, — добавил Дир.

— Возможно. Только Куондт не был хирургом, — объяснил Кейс.

— Не был?

— Нет. Куондт был известным *психиатром*.

Автор обратил холодный бесстрастный взгляд на риэлтора.

---

607 Персонаж новелл амер. писателя Вашингтона Ирвинга, один из первых жителей Нью-Йорка, перен. летописец. (примеч. пер.) — Knickerbocker, Никербокер — семья первых голландских поселенцев, прибывших в Америку в 1674 г. и основавших Новый Амстердам (New Amsterdam), который стал позднее Нью-Йорком. Имя главы семейства (Хармен Х. Никербокер, Harmen Hansen Knickerbocker, 1650?-1716?) получило широкое распространение после издания В. Ирвингом (Washington Irving, 1783-1859) «Истории Нью-Йорка» (A History of New York, from the Beginning of the World to the End of the Dutch Dynasty) — одной из самых нашумевших мистификаций в истории американской литературы: Ирвинг придумал а́втора книги — историка Дидриха Никербокера (Diedrich Knickerbocker, эксцентричный джентльмен в бархатных штанах, парике с косичкой и треугольной шляпе; один из символов го́рода Нью-Йорка, New York City). Слово «никербокер» (knickerbocker) стало прозвищем нью-йоркцев. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Кроме того, Куондт был маниакальным ревнивцем, — продолжал Кейс. — «*Врач, исцелись сам*»[608], тому подобное. Жена была гораздо моложе, и он страстно её любил.

— Как её звали? — полюбопытствовал Дир.

— *Райга*, — обронил Кейс и повернулся к Морне, бесшумно появившейся у стола с серебряным кофейником в руках. Но когда она попыталась вновь налить ему кофе, Кейс быстро прикрыл ладонью чашку.[609] — О нет, спасибо, дорогая. С меня хватит.

— Кому-нибудь ещё? — спросила Морна, оглядывая стол.

— Да, мне немного, пожалуйста, — потребовал Дир. Морна направилась к нему.

— Он встретил Райгу в мюзик-холле, — поведал Кейс. — Она работала там танцовщицей. Её родители были румынскими эмигрантами, чуть ли не цыганами. Девушке едва исполнилось шестнадцать.

— Совсем юная, — поддакнул Дир и, лизнув кончик пальца, придавил самую большу́ю крошку круассана, а пото́м отправил в рот. Морна всё ещё стояла, наклонившись над его чашкой.[610] — И как же он прикончил её? — продолжал допрашивать он.

— *Удушил.*

Дир испустил дикий вопль. Морна охнула, но тут же прикрыла рот рукой: каким-то образом она промахнулась, и кофе вылился на колени Теренсу.

— О, какая я неуклюжая! Простите, умоляю.

Дир пытался промокнуть пятно салфеткой.

— Всё в порядке, дорогая. Ничего страшного. Пустяки.

— Видишь, Морна? — вставил Кейс. — Он *прощает* тебя.

Девушка повернулась, молча встретила его странный пристальный взгляд и, опустив голову, тихо пробормотала:

— Знаю.

И пока наполняла чашку Дира, успела на миг встретиться глазами с невозмутимой Анной Троли.

608 В оригинале великомогучий суржик (возможно, умышленное искажение) «Врачу, исцелися сам». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

609 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

610 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Можете идти, Морна, больше ничего не нужно, — велел Кейс.[611]

Девушка кивнула и направилась на кухню.

— Возвращаясь к истории до́ма, скажу только, что он был построен в 1937-м, — возобновил рассказ Кейс. — В 1952-м приключились эта трагедия[612] и гибель Куондта, очевидно, от собственной руки́. Права́ владения перешли к сыну, Реджису Куондту, которому в то время было всего двенадцать. Мальчика взял к себе брат Куондта, Майкл. Реджис умер в двадцать лет, наследство досталось сначала Майклу, а пото́м его сыну, По́лу Куондту. С 1954 го́да все хозяева безуспешно пытались его продать. Несколько раз его сдавали в аренду, но ненадолго: временные жильцы либо спешно уезжали, либо отправлялись на тот свет, включая тот период в конце пятидесятых, когда там обосновался монашеский орден. К сожалению, монахини одна за другой пали жертвой так называемого «*кликушества*», наблюдавшегося триста лет назад среди обитательниц французского монастыря Лоден. Настоятельницу же нашли повешенной на деревянной потолочной перекладине. Это было в 1958-м. С тех пор дом стоял пустым до 1984-го, когда Пол Куондт, человек, унаследовавший значительное состояние и довольно известный историк, перебрался сюда вместе с женой и тремя маленькими детьми. Но ду́хи и их не оставили в покое. По ночам раздавались шум, оглушительные стуки в стену и *кое-что ещё*…

Тут Кейс осёкся и не стал уточнять, *что именно*.

— Но в 1987-м, — продолжил он, — все эти неприятные потусторонние явления прекратились, и спокойствие продолжалось до 1990 го́да, когда Куондты переехали в Италию, решили навсегда там остаться и вновь выставили и остров, и особняк на продажу. Но репутация до́ма уже́ стала широко известна. Вот и всё повествование об этой обители привидений.

— Значит, всё началось с задушенной жены, — протянул Дир.

— Верно, — согласился Кейс.

— Вероятно, её дух до сих пор не нашёл упокоения? Печальные вздохи и стоны в коридоре по ночам? Или стук трубки, выбиваемой о чьи-то зубы?

Фриборд незаметно выставила средний палец в сторону Дира.

— О том, что Куондт курил трубку, мне ничего не известно, мистер Дир, — мягко возразил Кейс, глядя на море.

— Хотите сказать, что *это он здесь бродит*?

— Возможно, — пожал плечами Кейс, взяв шоколадку с маленького серебряного подноса. — Видите ли, большинство жертв оказывались женщинами.

611 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась и начинается ответное действие другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

612 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дир смертельно побледнел.

— Жертвы? Какие *жертвы*? Хотите сказать, **мертвецы?!**

— Почти.

Фриборд вздохнула и нервно заёрзала на стуле.

— Мы теперь только об этом и будем рассуждать?

Глаза́ риэлтора заволокла откровенная скука.

— И, разумеется, все несчастные умерли от страха? — напряжённо пробормотал Дир.

— Только одна. Три покончили с собой, — сообщил Кейс. — Две сошли с ума.

Писатель повернул голову и вызывающе уставился на Фриборд.

— Какой-нибудь бессовестный риэлтор, вероятно, сдавал эту проклятую развалину психам и депрессивным хроникам.

— Мистер Дир, похоже, вы нахо́дите оправдания здешним несчастьям. Не может такого быть, что вы всё-таки втайне верите в ду́хов?

— Да моё неверие пушкой не пробьёшь, мистер Кейс, можете не сомневаться! Чтобы стащить меня с постамента моих убеждений, потребуется больше тросов, чем те, на которых подвешен мост Золотые Воро́та!

— Да, Дир — настоящий Фома Неверующий, — подтвердила Фриборд, полузакрыв глаза́.

— Точно, — подтвердил Дир. — Но умоляю просветить меня и моих читателей: если такие явления, как призраки, всё же существуют, почему, вместо того чтобы вознестись в небеса, к вечному блаженству, они упорно шатаются и шныряют по старому дому, до смерти надоедая всем и выставляя себя настоящими чирьями на заднице?

Кейс поднял бро́ви.

— Миссис Троли, что скажете?

Но экстрасенс уклонилась от объяснений, опустив глаза́ и покачивая головой, пока не услышала тяжкий нетерпеливый вздох Фриборд, позволившей себе,[613] наконец,[614] закрыть глаза́: пол ночи[615] она металась и проснулась окончательно в четыре утра́. Кейс мельком взглянул на неё и повернулся к Диру.

613 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
614 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
615 В оригинале «полночи» слитно, хотя речь не о полуночи, а о половине ночи, т. е. не о времени суток, а о ночном промежутке времени. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Кто знает? — начал он. — Предположим, что вы убеждены, мистер Дир, будто смерть — это конец вашего сознательного существования. Вы умираете, но при этом обнаруживаете, что по-прежнему находитесь в полном сознании, так что для вас первое мгновение после кончины ничем не отличается от только что минувшего. Признайтесь, так ли уж странно звучит, если некоторые из нас просто *не заметили собственной смерти*?

— Я заметил бы, — настаивал Дир.

— Точно, он уже́ три ме́сяца как не существует, иначе выписал бы самому́ себе предупреждение об увольнении с *этого* света, — пробормотала Фриборд в полусне.

— Джоан, я ставлю в журнале пометку о твоём отсутствии, — фыркнул Дир, ткнув её пальцем в бок. Фриборд резко вскинула голову и открыла глаза́.

— Да, что случилось? — буркнула она, стараясь изобразить интерес к беседе.

— Доктор Кейс предполагает, что призраки не верят в собственную кончину и в существование ду́хов. Какая тонкая ирония, не считаешь?

— Потрясно!

— Ну, я так и думал!

— И перестань пялиться.

— Я не пялюсь.

— Пялишься. Кончай, Терри!

— Обязательно, — пообещал писатель и обратился к Кейсу.

— Но в таком случае почему бы какому-нибудь милосердному ангелу не спуститься с неба и не приказать этим ду́хам проснуться и прийти в себя?

— Неплохая мысль. Может, им ещё предстоит это испытать.

— По-моему, не знать, что ты мёртв, — поистине вопиющее невежество.

— А что, если призраки просто не желают отрешиться от своих привязанностей? — предположил Кейс.

— Например, к счастливым амулетам, — вспомнила Фриборд.

Дир проигнорировал укол.

Кейс устремил взгляд в сторону Троли.

— Я имел в виду скорее **эмоциональные** привязанности. Вы так не думаете, миссис Троли?

Анна снова поспешно опустила глаза́, покачала головой и мягко ответила:

— Не знаю.

— А что именно вы знаете? — взорвался Дир. — И что именно **делаете,** миссис Троли?[616] В жизни не видел столь молчаливой особы! Надеюсь, вы хотя бы говорите с ду́хами?

Прославленная экстрасенс встала.

— Прошу извинить, я на минуту.

— Разумеется, — пробормотал Кейс со смущённым видом.

— Ты не сказала, что она настолько чувствительна, просто упомянула о том, что она не то медиум, не то телепат.

— Терри, ты хуже любого геморроя, — прошипела Фриборд.

— Я всего лишь собиралась принести воды́, — криво улыбнулась экстрасенс и, открыв дверь, исчезла на кухне.

— Я уважаю и обожаю вас! — прокричал ей вслед Дир. — Целу́ю вашу эктоплазму!

— Может, сто́ит на этом закончить, мистер Дир? — предложил Кейс.

— И на Фому Неверующего найдётся пуля, — прорычала Фриборд.

Троли подошла к двойной раковине, где мыла посуду Морна, и робко попросила:

— Нельзя ли мне чистый стакан? Я бы хотела воды́.

Экономка молча вымыла ру́ки, вытерла и, отыскав в серванте стакан, наполнила водой. Троли пристально следила за ней.

— Вы давно служите у до́ктора Кейса?

— Много лет, — бесцветным, как вода, голосом, выговорила Морна и, закрыв кран, вручила стакан Троли.

— Работать в такой атмосфере — одно удовольствие, — заметила экстрасенс. — Доктор Кейс живёт поблизости от студенческого городка, не так ли, Морна?

— Совсем рядом.

616 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А вы?

— *Очень* далеко, — обронила Морна, возвращаясь к своему занятию.

— Спасибо за воду.

— Пожалуйста.

Постояв ещё несколько минут, Троли резко повернулась и покинула кухню. Морна подняла голову и проводила её непроницаемыми зелёными глазами-льдинками.

Вернувшись в столовую, Троли обнаружила, что мужчины опять затеяли оживлённый спор о призраках, а Фриборд по-прежнему дремлет.

— Доктор Кейс, — вещал Дир, — при всём моём уважении к вашему уму и знаниям я вынужден спросить: вы *действительно* утверждаете, что призраки на са́мом деле существуют?

— Мистер Дир, — отозвался Кейс, — при всём почтении к вашему литературному гению я позволю себе заметить, что механистическая концепция Вселенной, созданная по образу и подобию часового механизма, — величайший предрассудок нашего времени. Знаете ли вы последние теории квантовой физики? Учёные утверждают, что *атомы невещественны* и скорее представляют собой «*процессы*» и, следовательно, *иллюзорны*, что электроны способны перескакивать с ме́ста на место, не пересекая пути от одной точки к другой, а позитроны — это, собственно говоря, электроны, путешествующие обратно во времени, и что субатомные частицы могут сообщаться на расстоянии триллионов миль без наличия всякой связи между ними. Существуют ли призраки? Рядом с нами? В этой комнате? За этим столом? Кто может сказать? Но в мире, подобном только что описанному мной, наверняка найдётся место для такой вещи, как *неожиданность*, или, проще сказать, *сюрприз*.

Пока Дир размышлял над ответом, послышался негромкий, но отчётливый *стук*. Взгляды всех присутствующих устремились к центру дубового стола, именно *сюда* ударил невидимый палец. Несколько минут никто не нарушал молчания.

— Чёрт! — пробормотала,[617] наконец,[618] Фриборд.

Троли с благожелательной снисходительностью воззрилась на неё.

Дир откашлялся, неестественно выпрямился и, не сводя глаз с середины стола, поинтересовался:

— А вы когда-нибудь *видели* привидение, доктор Кейс?

— О, я постоянно.

Заметив, что Кейс улыбается, Дир укоризненно покачал головой.

617 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
618 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— О, нехорошо уходить от ответа! Серьёзно, сэр, как насчёт призраков?

— Карл Юнг, великий психиатр, видел одного.

— Шу́тите!

— Нет, *видел*, прямо в своей постели.

— Ах, некоторые люди ради рекламы в газетах скажут всё,[619] что угодно!

— Юнг считал, что мёртвые вовсе не пребывают в отдельном от живых месте. По его теории, они находятся в некоем мире, сосуществующем параллельно нашему, но остающемся невидимым, поскольку находится на более высоких частотах. Всё равно что лопасти вертолёта, которые вертятся с такой быстротой, что их нельзя разглядеть.

— Хотите сказать, что *жизнь после смерти — всего лишь альтернативная форма существования*?

— Мистер Дир, — с улыбкой упрекнул доктор.

— Догги, р-р-р, тяв! — злобно рявкнула Фриборд и, сделав страшную гримасу, скосила глаза́ и чиркнула пальцем себя по горлу.

Дир взглянул на неё из-под полуопущенных ресниц, но, проигнорировав угрозу, вновь обратился к Кейсу:

— Доктор Кейс, предположив на момент невероятное, позволю себе спросить: что, во имя Го́спода Бога, заставляет вас считать, будто любой дух будет скандалить или вытворять всё, что в голову взбредёт, только потому, что мы собрались здесь с определёнными намерениями?

— О, ничего определённого, — пожал плечами Кейс, — но я составил схему всех неприятных происшествий в «Где-то Там», и выяснилось, что почти все они случались приблизительно в одно время го́да.

— Когда именно? — полюбопытствовала Фриборд, подавив зевок.

— *Июнь*. В са́мом начале. Вот как сейчас. Приблизительно в *это* время.

Никто не ответил. В мёртвом молчании слышалось только позвякивание ложки, которой Кейс с рассеянным видом помешивал кофе. Фриборд смерила Дира подозрительным взглядом и с отвращением отметила, что тот, похоже, затаил дыхание. Но Дир довольно быстро оправился и громко прочистил горло.

— Те люди, которые, по вашим словам, *спятили*, — справился он у Кейса без малейшего намёка на обычный издевательский тон, — они *живы*? Есть ли какая-то возможность их *расспросить*?

619 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да, одна женщина, Сара Кейси. Находится в психиатрической больнице Бельвью. Боюсь, правда, что психика бедняжки полностью разрушена. Она настаивает, что чёрные существа живут в стенных пустотах.

Писатель растянул бескровные гу́бы в вымученной улыбке.

— **Полые сте́ны?** — глухо выдавил он. Кейс кивнул.

Фриборд одним движением натянула маску Призрака на лицо Дира.

✷ ✷ ✷

После обеда Анна Троли вернулась к себе, словно в полусне села на кровать, сжимая серебряную рамку с фотографией девочки с ямочками на щеках. Мелькающие те́ни, отбрасываемые бегущей по стеклу водой, крались по её бледному лицу, словно отблески умирающего дня. Наконец,[620] она положила снимок на ночную тумбочку, где уже́ стоял маленький будильник — медный квадратик с красными цифрами, купленный, когда Анна занималась в Швейцарии поисками серийного убийцы. Она отметила время: *час, четырнадцать минут*. Кейс и Дир всё ещё спорили внизу, а Фриборд пошла в свою спальню, немного отдохнуть. Анна встала, подошла к узкому письменному столу под залитым дождём окном, выдвинула деревянный стул с высокой спинкой, села и вынула из ящика стола серебристую авторучку и переплетённый в мягкую розовую кожу дневник, с венком из цветов лаванды в центре. Медленно сняв колпачок, она раскрыла дневник, совсем новый, издающий слабый за́пах клея и бумаги. Аккуратным почерком, больши́ми круглыми буквами Анна начертала на са́мом верху, тихо скрипя пером:

«Где-то Там».

Перевернув страницу, она посмотрела на часы, отметила дату и время и сделала первую запись:

«Наконец,[621] я очутилась в Где-то Там. Неприветливый и отталкивающий снаружи, тёплый внутри. И всё же здесь ощущается некий разрушенный покой, нечто разорённое, сломанное, хотя понятия не имею, что бы это могло быть. Джоан Фриборд, девушка-риэлтор, весьма оригинальная особа, и я уже́ прониклась к ней симпатией: она постоянно вызывает во мне внутреннюю улыбку. И хотя это открытие, возможно, шокирует его, я обнаружила, что и Теренс Дир мне нравится: такой

620 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
621 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

забавный, хоть и с израненной душой, словно вся скорбь мира легла на его плечи. Доктор Кейс, как и ожидалось, настоящий профессионал и к тому же неотразимый красавец. Однако я чувствую окружающую его ауру опасности, к тому же он просто излучает какую-то тайну. Это особенно заметно каждый раз, когда появляется его домоправительница Морна. Она всё время застаёт его врасплох. Почему? И почему он так подчёркнуто сообщил ей, что я ясновидящая? А когда она впервые вошла, он воскликнул:

— Вот и снова ты!

Что, спрашивается, он хотел этим сказать? Может, просто оговорился, кто знает? Я чувствую, как меня влечёт к этому человеку; наверное, поэтому и решила приглядеться к Морне. (Я всё ещё не могу поверить, что шастала по всему дому, желая обнаружить, действительно ли девушка живёт здесь. Стыд и позор!)

Но я обнаружила, что не в силах проникнуть через возведённые Кейсом защитные барьеры: все мои усилия и попытки отскакивают от них, словно камни с поверхности водоёма, в глубинах которых таится некий Левиафан. Тщетны все мои старания решить эту головоломку. Я постоянно терплю неудачу. Вероятно, потому, что путешествие оказалось слишком утомительным, и я всё время брожу, как растерянный путник, сбившийся с доро́ги. Остаётся надеяться, что недолгий отдых прояснит мой разум и рассеет туман. Сны. Как я их ненавижу! Потому что неминуемо приходится проснуться. Какая из шекспировских героинь молила о сне?»

Троли хмуро глянула в мутное окно глазами-озёрами, полными грустной мудрости, резко повернулась и, наклонив набок голову, прислушалась. Воздух в комнате дрогнул, заструился знойным маревом, как при слабом подземном толчке. Экстрасенс не шевелилась. *Ничего*. Она вновь склонила голову к дневнику.

«Вполне возможно, здесь действительно что-то происходит. Либо это, либо я полностью теряю свой дар. Но я только что слышала голос мужчины, говорившего на латыни. Здесь. В этой комнате. Не почуяла. Слышала. Я могу перевести слова́, хотя и не понимаю их смысла:

— Я изгоняю тебя, нечистый дух…»

Внизу, в уютной, обшитой панелями тикового дерева библиотеке, набитой книгами и памятными сувенирами, привезёнными из бесчисленных путешествий, Гэбриел[622] Кейс настраивал телевизор, пока Дир лениво наблюдал за его действиями с мягкого дивана.

— Сплошное статическое электричество, — раздражённо пробормотал Кейс. На экране действительно не было изображения: только крупный «*снег*».

— Включите другой канал, — посоветовал Дир.

— Уже́ перепробовал каждый.

Кейс снова поочерёдно нажал на переключатели и, выключив телевизор, сел рядом с Диром.

— Возможно, виновата буря, — заметил он, — по крайней мере,[623] я на это *надеюсь*. Ма́стера сюда калачом не заманишь. Ни за какие коврижки.

— Я попросил бы вас не говорить *подобные* вещи, — прошипел Дир.

— Какая разница? Здесь вот уже́ сколько лет всё спокойно.

— Потому что вот уже́ сколько лет *дом пустует*.

— И то верно. Хотите выпить? У нас есть всё, — объявил Кейс, показывая на встроенный в угол бар из натёртого до блеска дуба с тёмными пятнами. Такие же резные стульчики были расставлены вдоль изогнутой стойки.

— Слишком рано, — отказался Дир. — Господи, ещё трёх нет.

И, взглянув на часы, добавил:

— Ошибся, восемь минут четвёртого.

— Хотите послушать историю Юнга и его призрака? — с невинным взглядом осведомился Кейс, сложив ру́ки на животе.

— У вас весьма злое и опасное чувство юмора, доктор Кейс.

— Ничего подобного. История поистине *завораживающая*.

— Я бы скорее предпочёл оказаться в Сараево на нейтральной полосе, между сербами и албанцами, в вышедшем из строя русском танке, — отмахнулся Дир и встал. — Прошу меня простить. Мне нужно сделать кое-какие заметки.

И без дальнейших комментариев устремился прочь. Кейс проводил взглядом писателя, скованно шагавшего к лестнице, вздохнул и, повернув голову влево, вперился взглядом в длинный зигзагообразный излом,

622 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
623 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

пробежавший по стене. Треск штукатурки и дерева казался почти оглушительным. Кейс бесстрастно, безмолвно проследил, как зияющий провал медленно смыкается, и опустил голову.

— Не вовремя, — пробормотал он.

Комната задрожала.

— Чертовски действует на нервы, — проворчал Кейс. — Тот самый случай, когда левая рука не знает, что творит правая.

Он ожидал новых потрясений, но всё было тихо. *Пока тихо.*

Глава 4

— С вами всё в порядке? — спросил Кейс.

— Абсолютно, — пробормотала Троли.

— Осторожно, не споткнитесь.

— О да, спасибо.

Они открыли дверь под лестницей, спустились по каменным ступенькам в бетонный ход, узкий, тёмный и сырой. Кейс освещал дорогу мощным электрическим фонариком.

— Здесь, внизу, нет электричества? — удивилась Троли. Она зябко ёжилась, несмотря на то что накинула поверх платья тонкий шерстяной кардиган. — Не может того быть!

— Есть, конечно, просто почему-то *не работает.*

— Вероятно.

— Сюда, миссис Троли. Пригните голову.

— Постараюсь.

Они оказались в небольшой прямоугольной каморке.

— Вот мы и пришли, — объявил он, обводя сте́ны. Впереди высился склеп из серого камня, на дверцах которого была вырезана та же дьявольская рожа, что и на двери́.

— *Это сердце до́ма*, — почти продекламировал Кейс и, не дождавшись ответа, обернулся к экстрасенсу.[624] — Это сделано, чтобы повеселить вас, — тихо прибавил он. — По крайней мере,[625] так говорится в старых фильмах с привидениями.

— Знаю, — кивнула Троли, — душа́ моя радуется.

— Ей бы следовало делать это почаще, — кивнул Кейс, направляя луч света на гнусную морду горгульи, и саркастически добавил: — Ну и милое создание, ничего не скажешь.

— Какое уродство. Именно *тут* он её и похоронил?

— Не совсем, — возразил Кейс.

— *Не совсем*?

— Он *замуровал* её внутри, ещё *живую*.

— Господи Боже, — пробормотала Троли, поёжившись.

— Бесчеловечный ублюдок, простите за столь высокопарное выражение.

Троли медленно двинулась вперёд, остановилась перед склепом и медленно провела рукой по резной горгулье.

— Всё видите? — справился Кейс.

— Да, прекрасно.

Он встал рядом.

— Куондт тоже здесь?

— Да, — кивнул Кейс, — *здесь*.

— Как он умер?

— Chironex flecked[626].

Троли отняла руку и повернулась к Кейсу, но лицо его было скрыто во мраке.

— Латынь? — выдохнула она.

— Яд морского анемона. Они обнаружили склянку с этим зельем в его руке. *Здесь*. На *этом* месте. Отрава парализует голосовые связки, пото́м дыхательные пути, и через час жертва умирает от удушья.

— О, как ужасно, — прошептала Троли, хватаясь за горло.

624 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

625 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

626 Никакая не латынь (разве частично новолатинский), а английский, в дословном переводе «Chironex flecked» — что-то вроде «Хироновый пятнистый», подразумевается представитель крайне ядовитых медуз из отряда Кубомедузовых (Cubomedusae). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не говорите, — согласился Кейс.

— Но почему он избрал *такой страшный* способ смерти?

— Одному Богу известно.

Анна, ещё раз вглядевшись в тёмный силуэт Кейса, вновь отвернулась к склепу.

— Странное сооружение. Вы сказали, что дом построен в 1937-м?

— Да, но *это* ужé было здесь *раньше*. На этом месте когда-то стоял *другой* дом.

— Разве?

— Эдвард Куондт снёс его и воздвиг новый.

— Но склеп оставил нетронутым?

— Именно.

— А кто здесь был погребён с сáмого начала?

— Или *что*.

Анна снова встрепенулась и повернула голову. Теперь лицо его было видно чуть яснее, хотя глазá по-прежнему оставались в тенú.

— Я нашёл упоминание об *этом* в его дневнике, — негромко пояснил Кейс. — *Некая чудовищно жестокая и злобная…*

Он помедлил, словно подыскивая подходящее слово.

— … *сила*.

В последовавшем молчании было слышно, как стукнулся об пол отлетевший со стенú лепесток штукатурки. Кейс поднял голову, прислушался и снова обратился к Троли.

— Вы *ощущаете* что-то, Анна?

— Почему вы спрашиваете?

— Это читается в вашем взгляде.

— У меня такое чувство, будто я сто лет вас знаю. Вы кажетесь мне таким знакомым.

— Неужели?

— И всё же я знаю, что мы никогда не встречались, — раздумчиво протянула Троли.

— Возможно, в другой жизни, — предположил Кейс.

— Верно. Только в прошлой или будущей?

Вместо ответа Троли в последний раз осмотрела склеп, вздрогнула и принялась застёгивать кардиган.

— Давайте вернёмся, я, кажется, простудилась.

— О, мне ужасно жаль.

Он направил луч фонаря в землю. Они пересекли каморку и стали медленно подниматься наверх.

— Вы действительно верите в прошлую жизнь, доктор Кейс?

— Ну к чему такие формальности.

— Хорошо, — уступила она, — Гэбриел[627].

— Прекрасно.

— Так верите вы или нет?

— Я согласен с Вольтером.

— Который сказал…

— *Что теория неоднократного рождения ничуть не удивительнее факта рождения однократного.*

Троли резко повернула голову. Его лицо было по-прежнему погружено во тьму, но теперь она разглядела его лучше. *Куда лучше.*

✷ ✷ ✷

— Эй, Терри!

— Ты звала, голубка?

— Да, зайди через секундочку, ладно?

Фриборд сидела в библиотеке за письменным столом, нажимая клавиши калькулятора. Перед ней лежала стопка последних статистических отчётов по продаже недвижимости. По этому случаю она нацепила очки для чтения с толстыми линзами. Дир, стоя в гостиной перед стереоустановкой, пробегал глазами аннотацию на обложке альбома Арти Шоу; воздух согревали звуки «*Начнём Бегуэн*»[628].

627 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

628 Танец, похожий на румбу. (примеч. пер.) — В оригинале всюду (также см. 631) некий «Бегуэн», хотя наверняка подразумевается танец бегин (в разных вариантах написания beguine, biggin, biggon, причём английское слово это происходит от французского béguin, беге — флирт, безрассудная страсть, любовная одержимость), т. е. игра слов: звучит

— Что тебе? — откликнулся он. — Слишком громко? Хочешь, чтобы я сделал потише?

— Нет, мне нравится. Только зайди ко мне, пожалуйста.[629]

Дир положил альбом на место и покорно отправился к ней.

Сегодня на нём были джинсы, свитер из верблюжьей шерсти и новые белые теннисные туфли. Фриборд, не поднимая головы́, продолжала стучать по калькулятору.

— Ты ясноглаза и возмутительно бодра, — заметил он.

— Поспала немного. Господи, этот Кейс таки меня достал. Мне снилось, что я покинула своё тело и пошла *скитаться*.

— Где? По какой-нибудь стройке?

— Очень забавно! Не знаю, где-то *во мраке*. Темнотища непроглядная.

— Могло быть хуже. Тебя что-то тревожит, дорогая? Что у тебя на уме?

— Сегодня праздник или что-то в этом роде, Терри?

— С чего ты взяла?

— Ты пытался кому-нибудь звонить?

— Разве телефоны не работают?

— Работают, но *никто не отвечает*.

— Не глупи! Откуда они, спрашивается, знают, *кто* звонит?

Фриборд с отвращением взглянула на него и возобновила своё занятие.

— Иногда ты бываешь ужасным идиотом.

— Это дар Божий.

— Я девять раз пыталась связаться с офисом, — продолжала она, — но никто не поднимает трубку. Даже автоответчик не работает.

Она кивком головы́ показала на лежавшую на столе трубку.

— Видишь? Держу двадцать минут.

Дир поднял трубку, поднёс к уху и, услышав отдалённый звонок, нахмурился и осторожно положил трубку на рычаг.

— Кто знает, может, какой-то телефонный террорист сообщил о бомбе и полиция всех вывела из помещения?

одновременно и как глагол «начинать», и как популярный танец. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

629 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А может, и нет. То же самое происходит, когда я пытаюсь заказать междугородку. Чёрт!

Она оторвала лист от распечатки и нервно его смяла.

—[630] Теперь придётся начинать все долбаные расчёты сначала!

Дир опустил голову и сунул ру́ки в карманы.

— Господи, как мне не хватает собак! — проныл он. Фриборд с новой силой ударила по клавишам.

— Один семьдесят два умножить на…

Внезапно сообразив что-то, Дир встрепенулся и охнул:

— Собаки! *Я забыл взять собак*!

— Ничего подобного, ты их *привёз*, — буркнула Фриборд. Дир недоумённо нахмурился.

— Нет, пуделей здесь нет, — нерешительно возразил он. — Должно быть, я их где-то *оставил*.

— А я могла бы поклясться, что ты их сюда притащил, — рассеянно пробормотала Фриборд, погружённая в вычисления.

Дир с тоской взглянул на телефон. «Начнём Бегуэн»[631] только что закончилась, и звонок в трубке казался более звучным, хотя по-прежнему невероятно далёким. Дир покачал головой, закусил губу и едва слышно спросил себя:

— Ну как же я мог забыть о моих пёсиках?

Глава 5

Троли прихлёбывала чай с сахаром и молоком, глядя в окно на сплошную пелену дождя.

— И сколько ещё *это* продлится? Прогноз погоды слышали?

— Нет, — покачал головой Кейс. — Ни радио, ни телевизор не работают.

— Должно быть, дело в буре. Сплошной треск и по́лосы.

— Да, я тоже пробовала.

630 В оригинале без тире. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
631 В оригинале снова (см. 628) некий «Бегуэн». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Взгляды их встретились. Они сидели друг против друга в уютной утренней гостиной, расположенной рядом с кухней. Кейс взялся за ручку фарфорового чайника.

— Ещё?

— Не сто́ит.

Кейс налил себя чая, шурша обёрткой, бросил в чашку два кусочка сахара.

— И что вы об *этом* думаете?

— О чём?

— Да *обо всём вообще*, — заметил Кейс, помешивая чай. — Похоже, мисс Фриборд всё это невероятно наскучило, однако именно она уговаривала меня согласиться сюда приехать.

— И меня тоже.

— Утверждала, что делает невероятно огромное одолжение какому-то другу. Забыл его имя. Ах да, кажется, Редмунд. *Джеймс Редмунд*.

— О!

— Вы его знаете?

— Видите ли, Гэбриел[632], мистер Дир долго издевался над приятелем мисс Фриборд по дороге сюда. Клялся, что видел ли́ца куда добрее и порядочнее в злачных кварталах Гамбурга. Не об одном и том же человеке мы говорим? Он курит трубку? — полюбопытствовала Троли.

— Понятия не имею. Мисс Фриборд сказала, что он *заклинал* её устроить этот эксперимент. Кстати, она вам тоже это говорила?

— Не совсем. Просто объяснила, что в доме поселились привидения и она никак не сможет его продать, даже за сущие гроши.

— Она права́, к сожалению, — согласился Кейс, покачивая головой.

Они обменялись сочувственными взглядами и неожиданно разразились дружным смехом.

— Думаю, рано или поздно мы узнаем, *что* за всем этим кроется, — задыхаясь, пробормотала Троли.

— Обязательно. Просто уверен.

Барабанная дробь дождя внезапно убыстрила темп, и Троли повернулась к окну. Лило с такой силой, что даже деревья расплывались в кисельной дымке.

632 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Напоминает мне о прочитанном когда-то фантастическом рассказе, — заметила она. — О планете, где никогда не прекращался дождь. Кого хочешь с ума сведёт, верно?

— Ещё бы!

— Кстати, не откроете ли, каким образом вы стали знатоком в области сверхъестественного?

— Причиной всему стала *смерть*, — глухо отозвался Кейс.[633]

Анна молча выжидала.

— Смерть близкого человека, — продолжал он, — которого я любил больше жизни… Больше себя. Я был одержим жаждой доказать себе, что она не ушла насовсем. Господи Боже, существует ли боль потери острее этой? Казалось, что я ещё при жизни попал в ад.

Он повернул голову в сторону гостиной.

— И никакого Коула Портера. Жаль. Я уже́ привык к этой мелодии.

Кейс рассеянно взглянул на чашку и по привычке помешал чай.

— О, я всегда верил в существование души́. Теоретически. *Дух торжествует над плотью* и тому подобное. Но моя скорбь нуждалась в большем. В *доказательствах*.

— И поэтому вы пытаетесь доказать существование призраков.

Лицо Кейса озарилось тёплой искренней улыбкой.

— Как по-вашему, мне это удастся, Анна?

— Да. Думаю, так и будет.

Дождь мгновенно стих, превратившись в морось.

— А как насчёт вас?

— Меня?

— Да, как вы открыли свой дар?

— *Мой дар*? — с горькой иронией переспросила Троли.

— Как странно вы *это* сказали, — удивился Кейс.

Троли поморщилась.

— *Мой дар*, — тупо повторила она.

633 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась и начинается ответное действие другого персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да, как вы его обнаружили в себе, Анна? Кстати, существует древний египетский вариант зарождения жизни, согласно которому Господь всё время твердит Адаму, что тот когда-то был[634] светлым ангелом, и объясняет, как он и Ева были за грехи лишены телепатических способностей и возможности читать мысли на расстоянии. Возможно, когда-то эти свойства для людей были вполне естественны. Вы *родились такой*, Анна?

Троли нервно передёрнула плечами.

— Нет, — покачала она головой, — вовсе *нет*. Впервые он прорезался, когда я перенесла сильное сотрясение мозга. Я везла в машине четырёхлетнюю дочь. Доро́га обледенела. Машину развернуло и ударило о столб. Малышка *погибла*.

— О, мне ужасно жаль.

Экстрасенс встрепенулась и встревоженно огляделась.

— Кто-то сильно *напуган*. Я *чувствую* его страх.

— Ничего с ним не случится, — заверил Кейс. Троли чуть подняла бро́ви.

— Откуда вы знаете?

— Всего лишь *предполагаю*.

— Что именно?

— Видимо, речь идёт о достопочтенном мистере Дире. По-моему, он просто трясётся от ужаса.

— Вполне возможно.

— Кстати, — нахмурился Кейс, — он спрашивал меня, *видел ли я его маленьких пуделей*. Что за бред!

— Меня тоже.

— И что вы ему сказали?

У Троли отчего-то сделалось совершенно бессмысленное лицо. Немного подождав, Кейс заговорил о друго́м.

— Вы когда-нибудь пытались установить связь с дочерью?

— Несколько раз.

— Успешно?

— Не знаю. Мне *кто-то отвечал*.

— Но вы не уверены?

— *Мертвецы лгут*. Они всего-навсего люди.

634 В оригинале недостаточное «бы». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Кейс откинулся назад и с силой прижал ладони к кра́ю стола.

— Как удивительно, что *именно вы так считаете*! — воскликнул он.

— Я лишь высказываю своё мнение.

— Я о друго́м. Это подтверждает теорию ещё одного человека.

— Неужели?

Кейс заметно оживился; глаза́ заблестели.

— Существует крайне занимательная книга, написанная латвийским учёным Раудивом, который утверждает, будто записа́л на магнитофон голоса́ усопших. Книга называется «*Прорыв: Электронная теория общения с мёртвыми*». Вы её читали?

— Слыхала.

— Прекрасно. Так вот, автор утверждает примерно то же самое, что и вы: будто познания мертвецов ограничены опытом их жизни на земле и что на его вопросы они давали лживые и зачастую противоречивые ответы.

Троли кивнула.

— Голоса́ были невероятно слабыми, — продолжал Кейс, — почти заглушались шумом усилителя и имели странный переливчатый ритм. Некоторые стонали, просили о помощи, словно их обладателей жестоко мучили, другие звучали, казалось, довольно даже счастливо. Раудив даже узнал один голос, якобы принадлежавший его погибшему однокурснику. Раудив попросил двумя словами описа́ть его нынешнее положение: слишком тяжело вслушиваться и различать голоса́, — и он отчётливо ответил: «*Я в аудитории*». Ну разве не бальзам на ду́шу?

Троли покачала головой, но глаза́ улыбались.

— В другой раз Раудив спросил, ни к кому в особенности не обращаясь: «*В чём цель вашего нынешнего существования?*» И получил вполне ясный ответ: «*Учимся быть счастливыми*».[635] Когда я прочёл *это*, у меня возникло твёрдое убеждение, что Раудив соприкоснулся именно с той жизнью после смерти, которая описана К. С. Льюисом[636] в «Расторжении брака». Там утверждается, что все мёртвые собраны в одном месте, но воспринимают его по-разному — либо как ад, либо как рай. Просто их восприятие зависит от

635 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

636 C. S. Lewis, К. С. Льюис (1898-1963 гг.) — британский новеллист, религиозный писатель и литератор-филолог; полное имя Клайв Стейплз Льюис (Clive Staples Lewis). Он распространял и писа́л религиозные и моральные издания, создал воображаемый край Нарнии для серии детских книг. Знаменитые труды: «Писания Крученной Ленты» («The Screwtape Letters», 1942 г.) и «Лев, Колдунья и Шкаф» («The Lion, the Witch, and the Wardrobe», 1950 г.). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

того, *как* именно они прожили жизнь в нашем мире. Не знаю. Честное слово, не знаю. Когда Раудив спросил, *где* они находятся, один голос ответил: «*У ангельских врачей*», второй — «*Похоже на больницу*», а третий — «*Чистилище*».

— Это отделение психиатрической больницы для буйных, — объявила экстрасенс.

Кейс недоумённо хлопнул глазами. Но Троли ничуть не смутилась.

— И некоторые пациенты, — добавила она, — *очень* опасны.

Кейс смело выдержал её бесстрастный взгляд.

— Вне всякого сомнения, — выговорил он наконец.

— Уверяю вас.

— Кстати, о Раудиве и его записях…

— Да, если можно, расскажите ещё.

— Он бросил эксперименты, когда голоса́ начали *угрожать*. Но перед этим ещё успел спросить: «*Бог существует?*» И получил ответ: «*Не в мире грёз*». Когда я прочёл *это*, озноб прошёл по спине непонятно почему. И вдруг до меня *дошло*, что *мир грёз не там, а* **здесь.**

На этот раз именно он впился глазами в Анну.

— Вы женились ещё раз? — прервала она молчание.

— Нет, — вздохнул Кейс.

Ярко-жёлтые зайчики заплясали на стенах. Оба разом посмотрели на небо.

— Вот и солнце. Буря ушла, — обрадовался Кейс.

— Наконец-то.

— Люблю смотреть на умытое дождём небо. Великолепное зрелище, не нахо́дите? Ах, на этом свете столько всего чудесного, что иногда примиряешься с его печалями и бедами.

Троли вскинулась. Обычно бледное лицо залила краска.

— Что вы *этим* хотите сказать?

Кейс уклончиво пожал плечами.

— Я как-то слышал о женщине-наркоманке, только не совсем обычной. Она была помешана на хирургии. Перенесла десятки бессмысленных операций. Нет, она не была мазохисткой, просто свыклась с болью и не могла без неё жить. Это стало мотивом её существования.

Троли выглядела чем-то взволнованной и неловко ёрзала на стуле.

— Кстати, сегодня мы проведём сеанс? — осведомился он.

— Возможно, — сухо обронила она. — Посмотрим.

Кейс задумчиво нахмурился и, кивнув, пробормотал себе под нос:

— Возможно, и сто́ит… особенно если на этот раз попробовать что-то новое.

— *На этот раз*, вы сказали? — удивилась Троли.

— Простите? — непонимающе переспросил Кейс.

— Вы сказали «*на этот раз*», — повторила она. — Что *это* значит?

— Представления не имею. Я задумался и сам не знаю, что несу.

— Да, такое и со мной случается, — согласилась она.

— Прошу меня извинить.

Анна подняла чашку.

— Значит, вы преподаёте в Колумбийском университете? — заметила она.

— Совершенно верно.

— Завидую вам. Работать в такой благоприятной среде! Сама атмосфера, кажется, стимулирует научные идеи! Кстати, вы живёте рядом со студенческим городком?

— Нет, езжу на работу. А почему вы спрашиваете?

— Просто так, обыкновенное любопытство.

Троли глотнула чая и со стуком поставила чашку на блюдце. Кейс невольно обратил внимание на её трясущиеся ру́ки, и Троли поскорее убрала их под стол.

— Вы всё ещё тревожитесь за Дира? — спокойно справился он.

— Да. И *за всех нас*.

— Не волнуйтесь, — успокоил Кейс.

— Почему?

— Здесь никогда ничего не случается при дневном свете. *Только в темноте*.

— Малышки? Где вы, детки? Вы тут?

Совершенно сбитый с толку, несчастный, измученный, перепуганный Дир медленно брел по коридору. Исполненный решимости найти собак, он вошёл в зал, откуда впервые появилась Морна, оттуда — в какую-то комнату и вскоре совершенно заблудился в лабиринте и хаосе каморок, салонов и клетушек.

Открыв очередную дверь, он заглянул в спальню.

— Пёсики! Вы тут? Мария? Помпетт[637]!

Худосочные лучи солнца едва проникали в окно сквозь густые ветви гигантских дубов, и только один, самый смелый, протянулся к бюро. Странно, что в нём, как обычно, *не пляшут пылинки*!

Но в следующее же мгновение пылинки весело завихрились на свету. В точном соответствии с Броуновским законом движения молекул. Дир вначале не поверил собственным глазам, но тут же забыл об увиденном и снова позвал:

— Эй, малышки!

Из коридора донёсся зловещий скрип, похожий на осторожные шаги. Где-то тихо закрылась дверь. Дир затаил дыхание, но всё же нашёл в себе смелость шагнуть в коридор и осмотреться. *Никого*. Немного приободрившись, он вновь двинулся, сам не зная,[638] куда.

— Ну же, малышки! Мария Идальго! Помпетт[639]! — звал он, прищёлкивая языком, и уже́ остановился было перед другой дверью, как вновь послышался непонятный звук, нечто вроде отдалённого жужжания пчёл, постепенно превратившегося в *неясное бормотание*. Дир, опасаясь шевельнуться, напряг слух и с трудом различил негромкий нестройный хор мужских голосов, говорящих… или молящихся… по *латыни*.

Дир недоумённо всмотрелся в полумрак и неожиданно различил *что-то тёмное*, скользнувшее в конец коридора. Это «*что-то*» открыло дверь последней комнаты, просочилось туда и снова закрыло дверь. И тут чья-то рука легла на его плечо. Глаза́ писателя буквально вылезли из орбит. Подпрыгнув так резво, что едва не вылез из кожи, он пронзительно завопил и с бешено заколотившимся сердцем обернулся.

— А, вот и вы, — приветствовал его Гэбриел[640] Кейс, дружелюбно улыбнувшись. — Мистер Дир, я повсюду вас искал! Осматриваете дом?

637 См. 565. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
638 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
639 См. 565. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
640 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да. То есть нет, — прохрипел писатель, прижав руку к груди́. — Господи, как я рад вас видеть! — облегчённо выдохнул он.

— Я примерно так и думал.

— Я заблудился.

— Ещё бы! В *таком* доме это несложно! Совершенно хаотическая планировка, не знаешь, что куда ведёт. Пойдёмте, — пригласил он, — нам *сюда*.

Он вывел Дира в очередной коридор.

— Нам вас не хватало, — сообщил он.

— А мне не хватало двойной порции бренди с содовой. Кстати, что делает здесь священник?

— Какой *священник*?

— Откуда мне знать?![641] Старый капеллан из фильмов с Борисом Карлоффом[642]! — взвизгнул Дир. — Я только сейчас видел его *вон там*!

Кейс остановился.

— Вы это серьёзно?

— Пожалуйста, не сто́ит обращаться со мной, как с больным, доктор!

— Зовите меня Гэбриелом[643], — предложил Кейс.

— Я сказал, *немедленно прекратите*!

— Хорошо, «*доктор*», — немедленно согласился Кейс.

— Спасибо. Мне показалось, что я слышал бормотание и шёпот на латинском, а пото́м увидел высокого священника, скрывшегося за дверью. Хотите сказать, что не знаете, кто это?

Кейс на секунду задумался и пошёл дальше. Дир последовал за ним.

— Вы католик, мистер Дир?

---

641 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

642 Английский актёр, сыгравший в Голливуде Франкенштейна. (примеч. пер.) — Подразумевается Boris Karloff, Борис Карлофф (настоящее имя — Уильям Генри Пратт, William Henry Pratt, 1887-1969 гг.) — американский актёр английского происхождения. С 1912 г. работал в театре. С 1916 г. по 1930 г. сыграл около 60 эпизодических ролей в немом кино, прежде чем прославился в роли чудовища Франкенштейна в фильмах «Франкенштейн» («Frankenstein», 1931), «Невеста Франкенштейна» («Bride of Frankenstein», 1935), «Сын Франкенштейна» («Son of Frankenstein», 1939), etc. Снимался в «фильмах ужасов» (horror movie) и приключенческих лентах. Создал ряд психологически глубоких образов в фильмах «Потерянный патруль» («The Lost Patrol», 1934), «Непобеждённый» («Unconquered», 1947), «Мишени» («Targets», 1968). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

643 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриелом». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Экс-католик.

— Такое действительно возможно?

— Что вы имеете в виду?

— Видите ли, все мы вполне способны увидеть **что-то** в этом доме, — вместо ответа утешил Кейс. — Наши подсознательные инстинкты обострились. Кроме того, вы слышали, как я рассказывал о монахинях, из которых изгоняли здесь дьявола.

— Хотите сказать, что у меня *галлюцинации* на религиозной почве?

— Просто вы верите в сверхъестественное куда больше, чем готовы признать, и видели тéни, а скорее всего это лишь игра вашего воображения. Можете вы отличить одно от другого?

— Лучше пойдём выпьем.

✷ ✷ ✷

Анна Троли посмотрела на часы, села за письменный стол и открыла дневник.

«Сейчас пять двадцать три. Я потрясена и никак не пойму, почему согласилась пить чай с Кейсом. Моё влечение к нему становится всё сильнее, а вместе с ним и ощущение, что он — погибель для меня, моей души́, само́й жизни. Сто́ит мне очутиться рядом, и я трепещу. Ну разве не абсурдно? Господи, помоги мне, я просто не знаю, что и думать. Неужели я спятила? Да, конечно, это почти всё объясняет. Как всё-таки легко сойти с ума! И всё же некоторые странные головоломки — не просто игра моего воображения. Он и Морна, очевидно, не успели договориться: она заявила, что он живёт рядом со студенческим городком, он же утверждает, что ежедневно приезжает на работу. Вероятно, кто-то из них, скорее всего девушка, не так меня понял. Но это и не важно. Главное, что моя интуиция буквально вопит об опасности, исходящей не только от Кейса. Я по-прежнему слышу голоса́, сердитые, угрожающие. И это не плод моего воображения.

Они здесь».

Глава 6

Задыхаясь, изнемогая от ужаса, наглухо замурованная в узком сухом гробу но́чи, Фриборд, вскочила и с криком села на постели.

— Чёрт, опять этот гнусный сон, — пробормотала она, поднося руку ко лбу. Ледяной и влажный. *Словно в са́мом деле в могиле лежала*!

Немного подождав, она спустила но́ги с кровати, направилась в ванную, плеснула в лицо холодной воды́ и подошла к зеркалу. При виде бледного измученного лица́ Фриборд поморщилась.

— Возьми себя в ру́ки, — приказала она своему отражению, но даже это не помогло. Сон, возвращавшийся с пугающей регулярностью, беспокоил её, но она никак не могла припомнить, *когда* это началось.

Фриборд невольно вздрогнула. *Нужно немедленно выбираться из этой комнаты к людям*!

Выбежав из ванной, она схватила тяжёлую пепельницу и ударила в стену.

— Ты здесь, мудак?

В ответ тишина. Она поставила пепельницу на место и устремилась к двери́. В коридоре ни души́. *Дом словно вымер*!

Подойдя к верхней площадке, она перегнулась через перила и заглянула в гостиную. *Пусто*. Горят только светильники.

— Терри! — снова позвала она. Но ответа не получила.

И тут откуда-то справа послышалось едва различимое *бормотание*. Она обернулась на шум. Он доносился из длинного пустого коридора, в котором были расположены комнаты Дира и Троли. В са́мом конце виднелась дверь. Несколько мгновений Фриборд ошарашенно разглядывала её, но поскольку бормотание не смолкало, решительно двинулась к двери́, и не успела её распахнуть, как голоса́ мгновенно смолкли и её приветствовали пустота и молчание. Фриборд нахмурилась и, вновь оказавшись в коридоре, заметила в противоположном конце ещё одну дверь.

— Терри, пламенный ты хрен, — окликнула она, — это ты там дурака валяешь?

Раздался тихий стук, и она, обернувшись, увидела выходившую из своей комнаты Троли. Экстрасенс выглядела непривычно встревоженной и напряжённой.

— Кто-нибудь есть *там*? — спросила она, вглядываясь поверх плеча Фриборд в затемнённый внутренний коридор.

— Нет, — покачала та головой.

— Джоан, я бы, пожалуй, прогулялась по острову. Хотите пойти со мной?

— С удовольствием, — обрадовалась Фриборд.

Но им не суждено было насладиться обычной спокойной прогулкой.

* * *

— Ваше здоровье! — провозгласил Кейс.

— Вы всё время это повторяете, — буркнул Дир, едва ворочая языком.

Они сидели в библиотеке на небольших диванчиках у камина. Кейс, перегнувшись через сосновый журнальный столик, наливал скотч-ви́ски в высокий стакан Дира.

— Никто не заставляет вас пить, — заметил он.

— Я не ною, просто заметил это, вот и всё. Наблюдательность — именно то свойство, в котором мы, художники, преуспели как нельзя лучше.

— А, так вы *рисуете*?

— Неужели обязательно сомневаться во всём, что я делаю? — буркнул расслабившийся, слегка опьяневший автор, вновь поднося к губам стакан и наслаждаясь чуть маслянистым вкусом ви́ски .

И тут земля, казалось, на миг сошла со своей оси́, резко дёрнулась и продолжила вращение. Дир опустил стакан и замер.

— Похоже, на этот остров только что приземлился борец сумо, — пробормотал он. — Почувствовали?

— Что именно?

— Не важно.

Дир сбросил туфли и вольготно растянулся на диване.

— Ну вот, теперь я непобедим. И способен задержать наступление но́чи. Кстати, теперь можно и послушать о Карле Юнге и его призраке.

— Неужели решились?

— Честное слово, сэр.

— Ну так вот, он выглядел одноглазой старой каргой, — начал Кейс. — Юнг искал подходящее местечко, чтобы отдохнуть, и один его лондонский друг, тоже доктор, предложил пожить в его деревенском коттедже. В одну прекрасную лунную безветренную ночь, лёжа в постели, Юнг услышал странный треск и стук в стену. Почувствовав, что в доме кто-то есть, он открыл глаза́ и увидел рядом на подушке уродливую старческую физиономию: правый, устремлённый на него глаз так и светился злобой. Вся левая половина лица́ отсутствовала. Юнг слетел с постели, зажёг все имевшиеся све́чи и провёл остаток но́чи на улице, на походной кровати, которую успел вытащить во двор. Позже он узнал, что коттедж принадлежал когда-то старухе, умершей от рака гла́за, и что с тех пор в нём появилось привидение.

— Я должен был знать, — промямлил Дир.

— Я рассказал всё.

Дир потянулся за стаканом и, освежившись, задумчиво уставился в огонь.

— Однажды я тоже столкнулся со сверхъестественным. Тогда я жил в Будапеште, собирал материал к роману. Я почти никого там не знал и был очень одинок. Утром моего сорокового дня рождения я спустился в вестибюль, где меня ждала телеграмма, единственная моя почта за несколько дней. Всего несколько слов:

«*С днём рождения, дорого́й Терри. Твой брат Рей*».

Дир взболтал ви́ски и осушил стакан одним глотком.

— У меня действительно был брат Реймонд[644], только он умер в детстве. Телеграмму прислал другой брат, Эдвард. Но как «*Эдвард*» превратилось в «*Рей*»?

И, протянув стакан Кейсу, попросил:

— Могу я ещё раз услышать: «*Будьте здоровы*»?

— Лёд положить?

— Я нуждаюсь в *тепле*, дорого́й мой, и не просто в тепле, а в *огне*. Только скотч. По мне,[645] мир и так достаточно холоден.

Кейс поднял почти опустевшую бутылку и вылил остатки в стакан Дира.

— Простите за любопытство, мистер Дир, или, вернее, *Теренс*. Не возражаете, если я вас *так* буду звать?

— Пожалуй, самое время.

Кейс поставил бутылку и снова сел.

644 В оригинале «Реймунд» почему-то через «у», хотя практически наверняка подразумевается Raymond. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

645 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Могу я задать вам нескромный вопрос?

— Он имеет какое-то[646] отношение к ЛСД?

— Вряд ли.

— Или к священникам?

— Это возможно.

— Анри Бергсон, — процедил Дир, — считал, что основная функция мозга — отфильтровывать и отторгать большинство явлений реальности, с тем, чтобы мы могли сосредоточиться на простейших земных жизненных задачах. Когда фильтр ослаблен мощным наркотиком, всё, что мы видим, не иллюзии, а чистая правда.

— Простите, не понял, — удивился Кейс.

— Я *видел священника*, — настаивал Дир.

— А, понятно! Но я *не это* имел в виду.

— Что же тогда?

— *Что* заставило вас отвернуться от церкви?

Дир, помолчав, снова приложился к стакану.

— Весь этот бред насчёт геенны огненной и вечного проклятия. Неужели лишь потому, что предпочитаю штаны юбкам, я обречён принимать ванны из настоя перца чили и есть пирожные с начинкой из напалма вместе с серийными убийцами, маньяками и растлителями детей в дантовской преисподней? Это *справедливо*?

— Никто *такого* не утверждает, — поспешно заверил Кейс.

— Вот и всё.

— В любом случае вы с этим покончили.

— Абсолютно. Смерть есть смерть и ничего более.

— Кстати, ещё одно насчёт того одноглазого призрака.

Дир схватился за голову.

— О Господи!

— Вам это неприятно?

— Нет, ничего страшного. Просто ноготь сломался. Видите ли, в моей семье у всех *такие* ногти. Фамильный порок.

— Ясно.

646 В оригинале «какое то» раздельно, без дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Так что там насчёт призрака?

— Привидение *заговорило* с Юнгом.

— Иисусе милостивый!

Кейс с некоторым недоумением поднял бро́ви.

— И что он сказал? — допрашивал Дир.

— *Когда вы научитесь прощать других, Юнг, может, наконец,*[647] *сумеете простить и себя.*

Дир побледнел, как поражённый громом.

— Он в са́мом деле *это сказал*?

Кейс, не спускавший с него глаз, покачал головой.

— Нет.

— Вы *опасный* человек, доктор Кейс, — мягко заметил Дир. — Это мои слова́. Да, с вами лучше не связываться.

Кейс отвернулся и взглянул в окно. От деревьев протянулись длинные те́ни, и птичий хор звучал уже́ устало, совсем не так задорно, как час назад.

— Солнце садится, — обронил он. — Скорее бы ночь.

✷ ✷ ✷

— Чудесное небо, — обрадовалась Троли.

— Небо, как небо, — пожала плечами Фриборд.

Они выбрались из рощи на берег, где солнце играло на золотистой поверхности воды́. Но риэлтор думала о чём-то своём, упорно глядя в землю.

— Что-то неладно, Джоан?

— Не-а.

— Вы кажетесь чем-то расстроенной.

— Нет, всё в порядке. Просто размышляю.

— О чём?

647 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

В эту минуту она вспоминала сон с ангелом, чьё имя так и не запомнила. Странное загадочное предупреждение насчёт моллюсков! До того ей почему-то пришла на ум Эми О'Доннел[648], её лучшая подружка по школе святой Розы в Бронксе. Умерла в девять лет. Пневмония.

— Ничего особенного, — пожала плечами Фриборд. — Бизнес. Не знаю.

Она остановилась и, сощурившись, посмотрела на солнце.

— Слышите?

— Что?

— Похоже на орга́нную музыку. Прислушайтесь.

Троли, помедлив, кивнула.

— Да, — коротко подтвердила она. — Очень далеко.

— Похоже, здесь где-то каток.

— Вероятно.

Фриборд кивнула, и женщины направились вдоль по Полосе песка.

— Так вот он, Манхэттен, — выдохнула Троли, глядя на юг. — Я никогда по-настоящему *там* не бывала. Возможно, сто́ит побродить по нему перед возвращением домой. Как по-вашему, это интересный город?

— Мать его…

— Значит, *не рекомендуете*? — серьёзно допрашивала Троли.

Фриборд смерила её бесстрастным взглядом. Экстрасенс ничуть не притворялась, *ей действительно интересно*, только в глазах мелькали весёлые искорки.

— А вы ничего, — вынесла вердикт Троли.

— Правда?

— Честное слово. Вы *настоящая*.

Сунув ру́ки в карманы джинсов, она отвернулась и уставилась себе под но́ги.

— Интересно, *где* они прячутся? *Призраки*.

— Простите?

— Эй, взгляните-ка на *это*! — резко вскрикнула Фриборд, показывая на покрытый песком предмет, выглядевший так, словно его только что вынесло на берег.

648 В оригинале так и было «О'Доннел» (не изменяю) — с одним «л», хотя почти наверняка подразумевается O'Donnell. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Девушка наклонилась и подняла его. Это оказалась бутылка шампанского. Фриборд почистила её и прочла выцветшую, с размытыми буквами этикетку.

— «*Вдова Клико*»[649] …

Троли, вновь забеспокоившись, нахмурилась.

— Не откупоренная, — заметила она.

— Именно.

Фриборд подняла глаза́, и Троли проследила за направлением её взгляда, туда, где причудливо изломанная береговая линия исчезала из по́ля зрения. Женщины не шевелились, обозревая горизонт. Лёгкий весенний ветерок играл подолом платья Троли; ткань громко хлопала, как намокшая парусина. Фриборд опустила руку, и бутылка, выскользнув из её пальцев, бесшумно легла на безмолвную настороженную землю. Женщины одновременно повернулись и медленно направились к особняку. Никто не произнёс ни сло́ва.

✷ ✷ ✷

Войдя, они разбудили Дира, дремавшего на диване в библиотеке. Едва до него донеслись их мягкие, приглушённые голоса́, он приоткрыл налитые кровью глаза́.

— Пойду полежу ещё немного, — говорила Троли. — Даже не пойму, почему я так устала.

— И я тоже, — согласилась Фриборд.

Послышались шаги, стук открывающихся дверей, и всё стихло. Дир опустил веки и глубоко вздохнул, но тут же снова распахнул глаза́ и прислушался. *Лай! Опять! Звонкий, захлёбывающийся, перемежающийся повизгиванием.* Лицо Дира осветилось счастьем.

— Малышки!

Значит, он всё-таки привёз их с собой!

— Доктор Кейс! — громко позвал он, выходя в гостиную.

Только сейчас до него дошло, что он не знает, в какой комнате поселился Кейс. Дир поспешил на кухню, но Морны там не оказалось. Он поёжился. *Придётся идти одному*.

649 Подразумевается название известной марки французского шампанского Veuve Clicquot («Вёв-Клико» — вдова Клико). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Глава 9

Вымотанная донельзя Фриборд, чувствуя себя не в своей тарелке, легла на постель и вперилась в потолок. *Что-то не так*, она нюхом чует.

Фриборд сжала кулаки, закрыла глаза́ и попыталась привести себя в чувство, стряхнуть навалившуюся тяжесть. Средний палец правой руки́ вызывающе поднялся.

— Плевать на призраки. Пожалуй, лучше встать.

Она так и сделала, и, к её величайшему восторгу, внизу заиграли на пианино. Второй концерт Рахманинова, вторая часть, её любимая, задумчивая, пронизанная мечтой о несбыточном. Единственное классическое произведение, которое было ей знакомо, хотя она так и не узнала его названия. Просто слышала в кино.

Заворожённая Фриборд встала, вышла в коридор и перегнулась через перила. За роялем сидел Кейс. Словно притягиваемая магнитом, она медленно спустилась, не замечая, что все тревоги улеглись. При её приближении Кейс поднял глаза́. Он улыбнулся и перестал играть.

— Что-то в этом духе, — сказал он с явным пренебрежением к собственным способностям.

— Это моя любимая вещь, — сообщила Фриборд.

— Правда? В таком случае я продолжу.

Он снова положил ру́ки на клавиши. Фриборд осмотрелась.

— А где Терри?

— Перед тем как мы расстались, он растянулся на диване в библиотеке, притворяясь очень больши́м манускриптом.

— Чем?

— Он один выпил едва ли не бутылку ви́ски .

— Понятно.

— Вы с Анной хорошо прогулялись?

— Какая прогулка? — удивлённо переспросила Фриборд.

— Не важно, — покачал головой Кейс. В глазах его застыла непонятная печаль.

— Где вы, малыши? Ко мне! Ко мне!

Измученный, цеплявшийся за остатки храбрости Дир, тяжело дыша, медленно пробирался по коридору в са́мой глубине до́ма. Здесь не было окон, а свет из узорчатых медных бра почти не пробивался сквозь мрак.

— Малышки? Ну же, где вы?

Дир рыгнул и поморщился, почувствовав на языке вкус спиртного. И оцепенел. Сзади раздался протяжный треск, словно что-то валилось сверху. Лампочки светильников мигнули и стали медленно гаснуть. Дир судорожно сглотнул, уговаривая себя *не паниковать*.

— Я сотни раз *описывал* подобные сцены, — громко сообщил он в темноту и, обернувшись, оглядел коридор.

Всё тихо. Лампочки снова налились светом, и писатель мгновенно ощутил, *как* изменилась общая атмосфера, словно некая тяжёлая давящая сила покинула коридор, и воздух мгновенно очистился. Дир выдохнул и продолжил путь, пока не добрался до двери́ по левой стороне, открыл её и заглянул в просторную спальню.

— Малышки?

Никого не обнаружив, он двинулся к следующей двери́. Ещё одна спальня с широкой постелью. Справа туалетный столик. Комната явно принадлежит женщине.

— Малышки?

Нет ответа.

Всё же он вошёл и закрыл за собой дверь. Что-то словно притягивало его. Дир выглянул в окно, полюбовался бледным угасающим светом дня. Ветви дубов тянули свои скрюченные пальцы, словно ведьмы из сказки братьев Гримм. Дир включил лампу на ночном столике, где ещё раньше заметил большу́ю фарфоровую шкатулку, белую, разрисованную маленькими фиолетовыми кроликами. Он поднял крышку. Шкатулка оказалась музыкальной. Дир слегка улыбнулся, кивая головой в такт тинькающей[650] мелодии Стивена Фостера «*Джинни со светло-каштановыми волосами*».

Кто поставил её сюда?

650 Суржик. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дир осторожно опустил крышку и уже́ было выпрямился, но тут что-то показалось ему *странным*. Он провёл пальцем по столу и поднёс его к глазам. Ни следа пы́ли, а все деревянные поверхности, казалось, только что натёрты полиролью. *Кто убирал в доме? Невидимые слу́ги в том крыле, где он ещё не был?*

Он вспомнил о своём виде́нии, *человеке в чёрном*. ЛСД или просто безмолвный дворецкий?

Что-то защекотало ноздри. *За́пах духо́в? Розы?*

— Могу я помочь?

Дир резко, как вспугнутый кролик, подскочил. На него невозмутимо взирала Морна.

Слегка поклонившись, она перевела взгляд на шкатулку.

— Вы что-то ищете?

«*Нет*», хотел ответить Дир, но в горле застрял комок, сдавивший гло́тку, мешавший говорить. С трудом откашлявшись, он поправился:

— То есть *да*. Моих собак. Вы их видели?

— Маленьких? Нет.

Дир рассеянно кивнул, глядя на её шею, но тут краем гла́за заметил, что дверь по-прежнему закрыта.

— Откуда вы знаете, что мои собаки *маленькие*? Видели их в доме? Они *тут*?

Морна улыбнулась, словно наслаждаясь одной ей понятной шуткой, молча обернулась и поплыла к порогу. Секунду Дир смотрел ей вслед, растерянно взвесил на ладони шкатулку и, поставив её на стол, бросился за женщиной.

— Морна… — начал было он, намереваясь расспросить её о пуделях, но тут же осёкся. *Морна исчезла.*

И вдруг его подбросило. *Лай. Отдалённый и приглушённый.* Дир просиял, но тут же нахмурился, сообразив, что это лает очень больша́я собака. Однако он снова позвал:

— Малышки? Сюда!

Тявканье продолжалось. Дир ринулся навстречу звуку. *В конце холла, за дверью*!

Лай перешёл в угрожающее рычание, перемежаемое пронзительным визгом, словно животное было чем-то страшно напугано. У са́мой двери́ Дир остановился, услышав мужской голос.

— Ну что, парень? Что с тобой?

Значит, *там всё-таки кто-то есть*!

Он схватился за ручку, рванул дверь на себя и замер. Похоже, он оказался на кухне перед дрожавшей, злобно ощерившейся колли, попеременно то рычавшей, то жалобно скулившей. За столом восседали пожилые мужчина и женщина, и ещё одна личность, на первый взгляд казавшаяся молодым католическим священником в сутане, саккосе[651] и пурпурной епитрахили. Ещё один священник стоял у окна́ — высокий, рыжий, сжимавший в руке переплетённый в красный сафьян том. Сидевшие зачарованно, словно в трансе, вперились в Дира, но рыжий священник, ничтоже сумняшеся, прошествовал к ним и взял со стола флакон, наполненный бесцветной жидкостью. В комнату вошла женщина в форме горничной. Она несла дымящийся кофейник. Дира словно никто не заметил, и даже собака вроде бы успокоилась, но тут горничная, случайно оглянувшись, издала пронзительный вопль и уронила кофейник. В этот же момент священник, уже́ успевший откупорить пузырёк, резким взмахом руки́ плеснул его содержимое в лицо растерявшемуся Диру. И все находившиеся в комнате исчезли.

Потрясённый Дир развернулся и ринулся прочь.

✷ ✷ ✷

Анна Троли спала и видела во сне, что Гэбриел[652] Кейс подошёл к кровати и протянул ей руку.

— Пойдём, Анна, — мягко сказал он.

И она внезапно осталась одна, и со свечой в руке пробиралась по подземному ходу к склепу. Она понимала, что ищет *что-то*, сама не зная, *что именно*. Остановившись, она подняла свечу. Склеп прямо перед ней. Она прислушалась. Чей-то шёпот. Доктор Кейс.

— Анна, — повторял он, — Анна Троли.

---

651 Саккос (от греч. σάκκος — мешок, сумка; через др.-евр. и лат. saccus — рубище, вретище, власяница) — одеяние священнослужителей высокого ранга (архиерейское облачение) во время богослужения (богослужебная верхняя архиерейская одежда из парчи, заменяющая фелонь и представляющая собой короткий стихарь с небольшими рукавами). На Руси-Украине саккос известен с начала XV ве́ка, когда киевский митрополит Фотий привёз его с собою из Греции. Саккос — символ смирения, при богослужении означает одеяние Спасителя. По покрою представляет собой туникообразное одеяние (обычно не сшитое по бокам) с короткими широкими рукавами и с вырезом для головы́. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

652 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

И тут массивная каменная дверь склепа отворилась, и оттуда выплыл открытый гроб, в котором лежал кто-то в белом саване. Лицо трупа смутно белело расплывчатым пятном.

— Смотри, Анна! Смотри! — снова повторил Гэбриел[653] Кейс.

Лицо мертвеца внезапно начало приобретать очертания, и Анна Троли проснулась, словно подброшенная невидимой силой. И с диким воплем.

Глава 8

Кейс вскинул бровь.

— Долить свежего мартини?

— Скорее уж внести свежую струю в мою жизнь, — пробормотала Фриборд.

Мрачная, недовольная, подвыпившая, она неловко скорчилась на высоком табурете в баре в библиотеке, рассеянно кроша окурок «Кэмела» в и без того набитую до са́мого верха пепельницу. Кейс, стоявший за прилавком, поднял шейкер с коктейлем и вылил остатки в стакан Фриборд, прежде чем начать готовить новую партию.

— Пока всё, — объявил он. — Через минуту будет ещё.

Фриборд неверной рукой подняла стакан.

— Салют!

Они торчали в баре почти час. Фриборд захотела выпить и принялась накачиваться спиртным, в чём и преуспела до такой степени, что в глазах поплыли круги, а по стойке запрыгали синие чёртики. Разговор шёл вроде бы ни о чём и сводился к её ответам на вопросы Кейса о «*вашем обворожительном друге, мистере Теренсе Дире*». Теперь риэлтор наблюдала мутными, упрямо закрывающимися глазами, как Кейс льёт джин «Бомбей» на кубики льда, брошенные перед этим в шейкер. Они тихо мелодично позвякивали.

— Док, вы *на уровне*?

— Пардон, не совсем понимаю, о чём вы.

— Я хочу сказать, вы *действительно* что-то *понимаете* в призраках? Не вляпались во всё это дерьмо только из-за денег или потому что посмотрели «Охотников за привидениями» и чуток перевозбудились?

653 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Могу поклясться, что вторая причина отпадает. Что же до денег, поверьте, вы единственная, кто до сей поры посчитал нужным заплатить мне за работу.

Фриборд пошарила в сигаретной пачке.

— На что же вы живёте?

Кейс взирал на неё с благожелательным терпением.

— Я *преподаю*, — мягко пояснил он. — Университет *платит* мне жалованье.

— Ну да, конечно.

— Я *преподаватель*, — повторил он.

— Поняла, поняла, не такая уж я пьяная, — огрызнулась Фриборд, трясущимися руками зажгла сигарету и швырнула на стойку золотую зажигалку.

Кейс долил её стакан.

— Ещё оливку? — вежливо осведомился он.

— Вы женаты?

— Да.

— Кого, на хрен, это интересует, — буркнула Фриборд, отводя глаза́ и хватая книгу, стоявшую на стойке.

— «*Отрицание Смерти*», — прочла она вслух. — Интересно?

— Для меня — да, — кивнул Кейс, наливая мартини себе. — Я собирался перечитать её сегодня перед сном. Её автор — Эрнст Беккер.

— А кто герои?

— Это не фильм.

Фриборд уронила томик.

Кейс бросил в стакан оливку и сделал глото́к.

— А вы замужем, Джоан? — в свою очередь поинтересовался он.[654]

Фриборд выдула кольцо дыма и покачала головой.

— И никогда не были?

— Никогда не была.

— А родные есть?

654 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Все умерли. Я была са́мой младшей, — неохотно обронила Фриборд. — Последней в роду́.

— И ни одного родственника? Даже са́мого дальнего? — продолжал допытываться Кейс.

— Никого.

— Я заметил, что вы очень близки с мистером Диром.

— Он единственный человек, который не причинит мне зла.

— Мужчины часто ранили вас, Джоан?

— А, хрен с ним, — отмахнулась она и, шумно хлебнув мартини, со стуком поставила стакан и снова схватила книгу. — Так о чём *тут* говорится?

— Вам вряд ли понравится.

Фриборд резко отдёрнула руку и уставилась в пустоту.

— Господи, опять у меня приступ «дежа вю»[655].

— Неужели?

— Да, — кивнула она, — и *очень сильный*.

Кейс, опершись на стойку, подался вперёд.

— Джоан, мне хотелось бы побольше узнать о вашей работе. Она интересная?

— Чёрт, да я её *обожаю*, просто до посинения.

— Как мило!

— Не ем, не сплю, в сортир не хожу, только продаю и продаю грёбаные дома́ и квартиры.

— Весьма недвусмысленное заявление.

Фриборд повернула голову к окну.

— Ужасно уединённое место. Как на краю́ света.

— Действительно.

— Интересно, часто тут гостят грабители?

— Не думаю, — бесстрастно ответил Кейс.

655 См. 592. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да не смотри́те вы на меня так, будто я дегенератка какая! Крыша у меня ещё не едет, — выпалила она, раздражённо сузив глаза́. — Десятки бывших моряков-подводников становятся преступниками. Почему, спрашивается, в Малибу стало невозможно жить? Там только что дома́ не разбирают. Выносят всё до нитки. А здесь есть,[656] чем поживиться.

— Я никогда об этом не думал, но вижу, что вы не так уж не правы.

Фриборд снова принялась возиться с книгой и при этом чуть не опрокинула стакан. Кейс едва успел его подхватить.

— Эй, чувак, спасибо, — промямлила она.

— Не сто́ит.

— Вовремя подоспели.

Она в который раз вгляделась в обложку.

— И всё-таки, док, о чём тут пишут? Хорошая книга?

— Речь идёт о том, как мы справляемся со страхом смерти, пытаясь с головой уйти в такие развлечения, как секс, власть и деньги.

Фриборд в недоумении уставилась на него.

— И на хрен в таком случае нужна смерть?

— Именно.

— Мне дорога́ жизнь, — продолжала она.

— Ещё бы! — кивнул Кейс. — Столько игрушек!

Фриборд облокотилась о стойку, закрыла лицо ладонями.

— *Столько игрушек*! — едва слышно повторила она. Слова́, казалось, застревали в горле, словно она пыталась вытолкнуть покрытый колючками кактус. — Да, целая куча игрушек. Вагон.

— Что с вами? — участливо спросил Кейс.

Фриборд затрясла головой.

— Не хотите рассказать?

Фриборд тихо всхлипывала.

Кейс поставил стакан и положил руку ей на плечо.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, тут нечего стыдиться. Расскажите, — попросил он.

— Сама не знаю. Иногда я пла́чу без всякой причины. Не знаю. Не знаю, — прорыдала она.

656 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— О чём вы сейчас думаете?

— Не знаю, — настаивала она.

Кейс осторожно коснулся пальцем её щеки.

— Тогда поплачьте, дорогая, иногда это полезно, — начал он, но тут в комнату ворвался взъерошенный Дир и устремился к бару. Окинув взглядом сцену действия, он громко объявил:

— Вижу, вам уже́ море по колено!

— Что угодно, мистер Дир? — справился Кейс.

— Новое тело, — ответствовал писатель, — и мозг младенца.

— У меня готов мартини, мистер Дир.

— Ни за что, — замахал тот руками и показал на ряд бутылок за спиной Кейса. — Передайте мне «Шивас Ригал[657]» и стакан.

Кейс сочувственно кивнул и потянулся за бутылкой.

— Вы *ужасно* выглядите, — заметил он. — Что стряслось?

— *Стряслось*? Хотите знать? Ну, так я скажу, — отрезал Дир и уже́ раскрыл было рот, но увидев, с каким отчаянием смотрит на него Фриборд, вытирая глаза́ бумажной салфеткой, мигом заткнулся.[658] — *Ничего*, — буркнул он и, налив стакан на два пальца, вновь подчеркнул: — *Совершенно* ничего. Всё как нельзя лучше.

В комнате появилась Анна Троли, очевидно, чем-то расстроенная. Быстро подойдя к стойке, она села рядом с Диром.

— Привет, Анна. Выпьете?

— Да, двойную порцию, — выдавила она.

— В таком случае, я полагаю, что всё в порядке? — вставил Кейс.

— Простите, не поняла.

Кейс с невинным видом воззрился на неё.

— Нет, это я так.

Дир повернулся к Троли, внимательно изучил её осунувшееся посеревшее лицо, трясущиеся ру́ки, вцепившиеся в стойку, и посмотрел в глаза́.

— А вы *что видели*?

Фриборд резко вскинула голову.

657 В оригинале снова (см. 585) «Чивас Ригал». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
658 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Что? Что вы имеете в виду? Кто и что тут *видел*?

— Ничего, — выдохнула Троли, глядя прямо перед собой.

— А я и того меньше, — сообщил Дир.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Кейс, снимая бутылку с полки. — Вам сухой шерри с капелькой джина, Анна?

Троли как-то странно передёрнулась.

— Ну,[659] да, — выговорила она наконец, — именно.

Дир опрокинул в рот содержимое стакана.

— Будьте здоровы, — пожелал Кейс.

— Это не смешно, — прорычал Дир.

— Я и не сказал, что это смешно.

— *Там ничего не было*, — настаивал Дир.

— Знаю.

— Мать вашу, о чём это вы толкуете? — взвилась Фриборд, чьё раздражение с каждой минутой всё больше нарастало.

Она так и лезла в бой, мечтая сорвать на ком-нибудь злость, но Дир успокаивающе похлопал её по руке.

— Не обращай внимания.

Кейс поставил бутылку перед Троли.

— Я заметил, что у вас отсутствующий взгляд, — шепнул он. — Чувствуете *приближение чего-то*...

— Ничего нового, — почти беззвучно ответила она.

— Простите, не расслышал, — извинился Кейс. Глаза́ Троли прожгли его, как два огненных стержня.

— *Ничего нового*, — повторила она.

— Вот как!

Кейс расстроенно взмахнул руками.

— Ну до чего же жаль, что ни телевизор, ни радио не работают! — простонал он. — Как бы мне хотелось послушать шестичасовые новости!

— Вне всякого сомнения, — пробурчала Троли. — Да и мне тоже. Вот только не хотелось бы *увидеть себя* в этих самых новостях.

— О чём вы? — удивился Кейс.

659 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ни о чём.

Она пригубила шерри. Ру́ки её по-прежнему заметно тряслись.

— Кстати, о новостях, — начал Кейс, обернувшись к стойке. Фриборд и Дир о чём-то тихо переговаривались. Кейс откашлялся и спросил:[660] — Интересно, что вы думаете о внешней политике, проводимой президентом Клинтоном?

Гробовое молчание было ему ответом. Фриборд и Дир тупо уставились на Кейса. Выражение их лиц, как и у Анны Троли, было недоумевающе-озадаченным. Все, как по команде, затаили дыхание, и, кажется, было слышно, как падают на пол и мебель пылинки.

Кейс переводил вопросительный взгляд с одного лица́ на другое. Наконец,[661] Дир, нахмурившись, осведомился:

— **Каким** президентом?

Кейс замер, словно выжидая чего-то, и с оттенком некоторого сожаления, спохватился:

— О, я имел в виду президента Буша! Как глупо вышло! Прошу простить!

Но все трое, оцепенев, продолжали пялиться на него. Первой очнулась Троли и уткнулась в свой стакан. Немного посидев, она обернулась к окну, глядя на кроваво-красный глаз солнца, постепенно тонувшего в грязно-коричневых водах реки́.

— Уже́ почти стемнело, — выдохнула она. — Ночь наступает.[662]

Кейс лишь покачал опущенной головой.

✷ ✷ ✷

Немного позже Троли, поднявшись в свою комнату, раскрыла дневник, прочла последнюю запись и дополнила, тщательно выводя каждую букву:

660 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя продолжается речь персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
661 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
662 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Начало десятого. Страх одолевает меня всё больше. И что тут странного? Существовать в безграничном мраке этой Вселенной, мучаясь и не зная, откуда мы пришли и куда уйдём, удерживаться на бешено вращающемся в пустоте обломке скалы́, разве это само по себе не ужасно? Если смотреть на вещи с рациональной точки зрения, страх — такая же неотъемлемая часть нашей жизни, как еда, дыхание, смерть. И всё же сейчас я испытываю нечто совершенно иное, это кошмар другого ро́да. Я страшусь не призраков. И ощущаю присутствие чего-то леденяще чуждого и неумолимого, не из нашего мира. Кейс хочет устроить сегодня сеанс. Гибельная мысль! Боже, помоги мне! Я с тоской и отчаянием жду того, что может проникнуть в эту дверь!»

Глава 9

Фриборд сидела на краю́ кровати, отчётливо сознавая, как ум заходит за разум, когда услышала стук. Она нервно дёрнулась и, поёжившись, сжала ладонями лицо. Рядом корешком вверх валялся открытый том «*Отрицания Смерти*». Она читала книгу, пока глаза́ не заболели, хотя по сравнению с бурей, бушевавшей в голове, это были сущие пустяки.

Кому это вздумалось стучать?

Вставать никак не хотелось.

Но стук повторился, на этот раз куда громче.

Фриборд даже не потрудилась поднять голову.

— Кончай, Терри, мне не до тебя!

Но дверь приоткрылась. На пороге, как она и предполагала, стоял Дир.

— Это я, — сухо объявил он.

— Да неужели? А я и не знала[663]!

Дир почти рухнул на кровать.

— Ты не сел на мои очки, Терри?

— Нет. Джоан, что-то здесь неладно. Мне почему-то жутковато.

— О, бросай ныть, Терри, умоляю!

663 В оригинале неуместное «зима». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Дорогая, я серьёзен, как никогда, — заверил Дир. Уловив непривычную дрожь в голосе приятеля, Фриборд подняла глаза́. Он был бледен,[664] как полотно, а глаза́ налились кровью.

— Я не был так напуган с *той* но́чи, когда увидел во сне, что за мной гонятся агенты КГБ.

Фриборд поняла, что он не притворяется.

— У тебя опять виде́ния, Терри? — прошептала она, сурово хмурясь.

— Джоан, клянусь всеми святыми, что забыл, когда в последний раз баловался с «*кислотой*»[665].

Он торжественно поднял руку, словно принося клятву на Библии.

— Да? Ты забыл об *остаточных явлениях*? Вспомни гигантских кальмаров с лазерными ружьями и рекомендательное письмо от инопланетян!

Вместо ответа Дир задрал рукав рубашки, открыв ярко-красный вспухший рубец, тянувшийся от внутренней стороны́ запястья до са́мого предплечья.

— Похоже *это* на галлюцинации, Джоан? Взгляни хорошенько! Полюбуйся на мою руку!

Несколько минут Фриборд ошеломлённо таращилась на рубец.

— Как… как *это* получилось? — охнула она наконец.

— В одной из комнат в глубине до́ма были люди, — пояснил он, — причём двое из них — священники.

— **КТО?!**

— Говорю же, *священники.*

— О, ради Бога, Терри!

— Я не лгу! Один из них *плеснул* в меня чем-то!

Фриборд попыталась дотронуться до алой полоски.

— Нет, не прикасайся! — отпрянул Дир.

— Похоже на ожог, — протянула она.

— Это и есть *ожог*!

Фриборд с сомнением покачала головой.

— Надеюсь, ты ничего не гладил? Не пытался приготовить яичницу? И где же эти самые священники?

664 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
665 ЛСД (жарг). (примеч. пер.)

— Не знаю, — выкрикнул Дир. — *Исчезли*!

— Сбежали?

— Просто *растворились в воздухе*.

Фриборд театрально закатила глаза́.

— Ну да, конечно, так оно и было!

— Но **вот это** осталось, — прошипел Дир.

— Послушай, Терри, *это* могло случиться, когда Морна пролила на тебя кофе.

— А то я не почувствовал бы!

— Вполне возможно.

— Я попытался дозвониться до лодочника, чтобы тот приехал и увёз меня с чёртова о́строва, но…

— Ну и говнюк же ты! Что сталось с Фомой Неверующим?

— Навсегда пропал вместе с *теми* священниками. Слушай, лодочник *не ответил*, — настойчиво твердил Дир. — Словно и *не существовал*. Я решил связаться с вертолётной службой. *Нет ответа*. Попробовал поговорить с Пьером насчёт собак. *Нуль*. Помнишь, ты спрашивала, не праздник ли сегодня?

— Да. Похоже, весь Манхэттен вымер.

— Ты не присматривалась к Морне?

Фриборд покачала головой.

— Послушай, Терри, да у тебя ру́ки дрожат! — воскликнула она.

— Эти крохотные фиолетовые пя́тна на лице и шее…

— О чём ты?

— Ну так вот, она ими просто *усеяна*. Медики называют их «*петехия*»[666], иначе говоря, *точечное кровоизлияние*. Я специально занимался этим вопросом, когда писа́л «Исповедь Гилроя».

— И что?

— Они появляются, когда кто-то *умирает от удушья*.[667]

666 Петехия (от итальянского/новолатинского petecchia, множественное число petecchie — пя́тна , сыпь) — мельчайшие кровоизлияния на коже, слизистых оболочках вследствие повреждения стенки капилляров или тромбоцитопений различного происхождения; наблюдаются при диатезах геморрагических, лейкозах, при некоторых инфекционных заболеваниях (например, сыпной тиф, скарлатина, сепсис), etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Фриборд отшатнулась.

— Мистер Дир! Мисс Фриборд! Вы здесь?

Кейс. Это Кейс окликает их из гостиной, и в его голосе слышатся *зловеще-мелодичные переливы*, словно он поднимается густым туманом из бездонного омута-провала. Дир и Фриборд потрясённо переглянулись.

— Могу я поговорить с вами? — продолжал Кейс.

Откуда он исходит, этот ужас? Что его породило?

— Он *воет*, как Фредди Крюгер, — прошептал Дир.

— О, заткнись!

Дир поднялся, пересёк спальню, выбрался в коридор и, перегнувшись через перила, увидел Кейса, стоявшего у круглого игорного столика, за котором уже́ сидела Анна Троли.

— А, вот и вы, — обрадовался Кейс. — А мисс Фриборд? Она тоже *там*?

— Да, слышу, — отозвалась Фриборд. — Что случилось?

Она нехотя поднялась и подошла к Диру.

— Что вы *там* затеваете?

— Если вы оба спу́ститесь, мы можем начать сеанс.

Глава 10

— Не потру́дитесь ли сесть рядом со мной, мистер Дир? — попросила Троли.

— Почему *с вами*? Вы считаете, что я особо нуждаюсь в сверхчувственных вибрациях?

— Дьявол тебя побери, садись же, скотина, — прошипела Фриборд.

Троли похлопала по стоявшему слева от неё стулу.

— *Сюда.*

— Так и быть, — согласился Дир.

— А вы — по правую руку, мисс Фриборд, — велела экстрасенс.

667 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Фриборд кивнула и поспешно заняла своё место. Кейс уже́ устроился напротив Троли.

— Благодарю, — коротко бросила экстрасенс. — Можно приступать.

На столе лежали магическая дощечка и планшетка американского типа: кремовый кусок пластика в форме сердечка, с круглым отверстием в центре. Комната была погружена в темноту, только в камине полыхал огонь, да на столе мерцали толстые све́чи.

Троли с поднятыми бровями обратилась к Диру:

— Как? Без магнитофона?

Дир покачал головой.

— Нет! — резко бросил он. — Не нужно, я запомню. И к тому же всё записывается на плёнку, — добавил он, показав на камеру, красный глазо́к которой был направлен прямо на столик.

— Прекрасно, — кивнула Троли. — А теперь я должна избавить вас от некоторых иллюзий и заблуждений.

— *Избавить*, — пробормотал Дир, даже не понимая, *что* говорит. Внимание его целиком поглотила планшетка.

Троли проследила за направлением его взгляда.

— Никаких бубнов, тамбуринов, карт. Никакой эктоплазмы. Никаких явлений ду́хов. Никаких голосов. Никакое существо не завладеет мной и не станет вещать моими устами. Однако если что-то возникнет, оно даст о себе знать. Мой *жалкий* дар, — сообщила она, глядя прямо на Кейса, — каким-то образом фокусирует… собирает энергию, большего ожидать трудно. Кстати, совершенно ни к чему выключать свет.

— Знаю, — согласился Кейс, — это просто,[668] чтобы создать настроение.

— Куда уж больше создавать, — огрызнулся Дир.

Фриборд сложила ру́ки на груди́ и взглянула на Троли.

— И *что* должно произойти? — поинтересовалась она.

— Мне это неизвестно, — заверила экстрасенс.

— *Неизвестно*?

— Нет. Возможно, вообще ничего. А теперь возьмёмся за ру́ки.

Все последовали её приказу.

668 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я требую, чтобы вы успокоились и не шевелились. Попытайтесь помочь мне, пожалуйста. Даже если вы считаете это моей прихотью и глупостью, постарайтесь не разговаривать и сосредоточить свои мысли на мне.

Анна закрыла глаза́.

— Думайте только обо мне, — повторила она, — и о том, чего я стремлюсь добиться. А теперь закройте глаза́, пожалуйста.

Они повиновались, и тут же послышался медленный скрип, словно приоткрылась дверь.

Дир тут же вытаращил глаза́.

— Мистер Дир, ваши глаза́ всё ещё *открыты*? — строго спросила экстрасенс.

— Откуда, спрашивается, вам *это* известно, мадам? *Подсматриваете*?

— Вовсе нет. Прошу вас, слушайтесь.

— А теперь подождём, — пробормотала Троли. — Повторяю, попытайтесь мне помочь. И ждите. Только *ждите*.

Последние слова́ были почти неуловимы. И дышала она замедленно и глубоко.

А пото́м снова заговорила, спокойно и размеренно:

— С нами кто-то есть?

Они выжидали. Слышалось только потрескивание огня.

— С нами кто-то есть? — повторила Троли.

Тишина. Прошла минута.

Дир открыл глаза́ и уже́ хотел отпустить какое-то ехидное замечание, когда по комнате словно пронёсся ветер, погасив и огонь в камине, и све́чи. Гостиная погрузилась в полный мрак, а в воздухе повеяло запахом реки́.

— Вот это да, — бросил Дир, стараясь говорить небрежно и чуть свысока. — Как банально и унизительно! Я видел подобную сцену в «Незваном госте». Неужели наш бюджет так ограничен, что не выдержит благоухания мимоз, или сегодня в моде вонь гниющих водорослей?

Фриборд злобно затрясла головой.

Откуда-то возник жалобный, высокий, похожий на вой звук, а за ним — оглушительный грохот, бьющий по нервам.

— Уверены, что они не кусаются? — неловко пошутил Дир.

Кейс встал и спокойно подошёл к окну, где колотилась о стену полуоторванная деревянная ставня.

— Вот беда, — заметил он, — кажется, грядёт новая буря.

Он чиркнул спичкой и вновь зажёг толстые зелёные свéчи.

— Нельзя ли включить свет? — попросила Троли.

— Разумеется.

Кейс подул на спичку и стал нажимать подряд на все выключатели ламп и светильников. Вернувшись к столу, он сел и заметил:

— Похоже, мать природа, а не матушка Троли подшутила над нами.

— Мои извинения, мадам, — поклонился Дир.

— А теперь мы можем продолжать? — осведомилась Троли.

— Ваш слуга, — вздохнул Дир.

Но,[669] в отличие от других,[670] лишь сощурил глазá и на дальнем конце комнаты увидел ту самую *колли*, с которой ужé сталкивался сегодня. Собака взвизгнула, подпрыгнула и исчезла.

— Мистер Дир, ваши глазá закрыты? — настойчиво справилась Троли.

— О, ради Бога, конечно, — раздражённо отозвался Дир, поспешно зажмурившись.

Воцарилась тишина, какая бывает лишь в соборах перед утренней службой или в снах, когда паришь над вершинами деревьев.

— Есть здесь кто-нибудь? — тихо повторила Троли.

Молчание.

Дир открыл глазá, отпустил рýки Троли и Кейса и встал.

— Я больше не желаю в этом участвовать, — сухо объявил он. Остальные открыли глазá.

— Похоже, сегодня ничего не получится, верно? — деловито спросила Троли.

— Похоже, — согласился Кейс. — До сих пор всё было спокойно, так что ваши клиенты в полной безопасности, Джоан.

— Я не сказала, что не чувствую постороннего присутствия, — вмешалась Троли.

— Вот чёрт, — пробормотала Фриборд, отводя взгляд.

669 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
670 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Доброе или злое? — осведомился Кейс.

— *Опасное*, — обронила Троли, чуть помедлив.

Дир дёрнулся было к выходу, но Фриборд схватила его за руку и потянула обратно.

— Теперь я — Фома Неверующий и требую доказательств, — твёрдо объявила она.

Заметив на её физиономии искренний интерес, Дир негодующе фыркнул. Кейс заёрзал на стуле.

— Может, попробуем что-нибудь новое, Анна?

Троли пристально уставилась на него, не отвечая. Потóм опустила голову и вздохнула.

— Да. Магическую дощечку. Как вы и предлагали.

— Стóит попытаться, — кивнул Кейс.

Дир смотрел мимо него на дверь, у которой заметил *собаку*.

— Мистер Дир, вы согласны? — допрашивал Кейс.

— Да, какая разница.

— Вы что-то видели?

— *Видел*?

— Я заметил, что вы как-то *странно* смóтрите вдаль.

— Ничего я не видел, — вскинулся Дир.

— В таком случае начнём, — предложил Кейс. — Если не возражаете, я останусь простым наблюдателем. Валяйте. Вы ужé когда-нибудь делали это?

— По крайней мере,[671] я знаю, что почём, — кивнула Фриборд.

— А вы, мистер Дир?

— Нет. А также не взбирался на Тадж-Махал и не прыгал с самолёта без парашюта.

Троли шёпотом объяснила правила, и минуту спустя все, кроме Кейса, поставили кончики пальцев на планшетку, медленно скользившую по доске.

— Вот так, — кивнула Троли, — почувствуйте, *как* она *дрожит* под рукой.

671 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— На са́мом деле, именно вы её двигаете, — вмешался Кейс, — то есть ваше подсознание. Поскольку именно оно может проложить мостик в реальность. Дух передаёт послание в подсознание, которое и побуждает ваши пальцы двигаться. Как по-вашему, Анна?

— Возможно, вы правы. Да, — кивнула экстрасенс.

— Объясните ещё раз, *почему* мы это делаем, — потребовала Фриборд, не сводя глаз с планшетки. Что-то словно втягивало её в этот странный процесс. И что-то действовало на нервы.

— Чтобы удостовериться, что этот дом вполне безопасен для ваших клиентов, — объявил Кейс, переглянувшись с Троли.

— Да, совсем забыла, — проворчала Фриборд.

Дир покачал головой и пробормотал:

— Какое бесстыдство!

— Ты так распугаешь всех ду́хов, козёл!

— Теперь поднимите ру́ки, — наставляла Троли.

Планшетка замерла, и экстрасенс закрыла глаза́. Ни звука.

Троли опустила голову.

— Кто здесь?

Ничего не произошло; планшетка осталась на месте. Троли хотела было повторить вопрос, но планшетка дёрнулась, остановившись на слове «*да*», в верхнем левом углу доски́. Дир помотал головой.

— Я не делал этого, — спокойно заметил он. — Это твоя работа, Джоанн?

— Нет, твоя!

— Кто здесь? — пробормотала Троли.

Тишина. Воздух сгустился, как перед грозой. Зловещее ожидание повисло в атмосфере.

Анна свела бро́ви. Какая-то смутная тревога не давала покоя.

— Кто здесь?

И прежде,[672] чем она сумела договорить, планшетка буквально рванулась вниз[673] и встала на букву.

— *Б*. Буква «*Б*»! — воскликнул Кейс.

Планшетка снова задвигалась, увлекая за собой их пальцы.

672 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
673 В оригинале запятая. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Брось баловаться, Терри, ты её подталкиваешь, — обвинила Фриборд.

— Вовсе нет!

Кейс стал громко называть буквы: *М, Б, И, Й, Ц, А, З, Д,*[674] *Е, С, Ь.*

— Всё.

— *Мбийца здесь*? — удивился Дир. Казалось, его снедало нетерпение; весь цинизм куда-то девался.

— Бессмыслица какая-то, — пожала плечами Фриборд.

Но планшетка поползла на «*нет*».

— Нет, — задумчиво протянул Кейс. — Опять! Опять!

Планшетка встала сначала на «*М*», потóм на «*У*».

— *М-У*, — выдохнул Кейс. — *Нет* «*М*», «*У*», и что это может значить?

— Не «*М*», а «*У*», — предположил Дир. — Вот оно! «*М*» — неверно, нужно «*У*»!

— *Убийца здесь*! — воскликнула Фриборд.

Планшетка метнулась на «*да*».

— Господи, это Куондт! — охнул Дир. Все потрясённо затихли.

— Ты Эдвард Куондт? — спросила Анна.

Где-то снова раздался скрип. Фриборд спохватилась, что скрипит тяжёлая резная дверь, ведущая в склеп. Она почувствовала, как леденеют пальцы. Но тут планшетка снова пришла в движение, остановилась на слове «*нет*» и стала метаться с такой быстротой, что Кейс едва успевал следить за ней глазами.

— *М, О, Д, Н, И, З, В…*

Троли побледнела.

— *Убийца один из вас*, — едва вымолвила она. Несколько минут все молчали. Потóм Фриборд взорвалась:

— Немедленно отними руку, Терри, у меня крыша едет!

— Я тут ни при чём, — запротестовал Дир.

— Я сказала, **отними руку!** — прошипела она.

Дир случайно поймал взгляд Троли и отшатнулся, увидев в её глазах слёзы. И обернувшись к Кейсу, заметил его сочувственный взгляд. Гýбы Гэбриела[675] шевелились.

674 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
675 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриела». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Нет, Анна, — беззвучно твердил он. — Нет. Только *не ты*.

— Да какого дьявола тут творится? — подивился про себя писатель, отнимая ру́ки от планшетки.

— Скажите, *кто* сюда явился? Кто вы? Как вас зовут? — повторяла Троли.

Планшетка оставалась на месте. Фриборд повернулась к Диру с понимающей и обвиняющей улыбкой.

— Вот как! — прошипела она, кивая, и снова вперилась в планшетку, которая переместилась на букву «*Д*».

— *Д*, — прочитал Кейс. Фриборд громко вторила ему. Вместе они сложили слово «*допустить*».

— *Допустить*, — хмыкнул Дир. — *Допустить*?

— И что это, спрашивается, значит? — гадала Фриборд. — *Что* именно мы должны допустить?

— Или *кого*, — добавил Дир.

Планшетка уже́ металась между буквами *И, Д, Т, И*.

— *Идти*? — пробормотал Дир.

Троли поморщилась и поднесла пальцы к вискам. Мигрень нанесла коварный удар исподтишка. Стоило ей убрать ру́ки, как планшетка слетела с доски́, спорхнула на пол, завертелась и замерла.

Кейс участливо положил руку на плечо Троли.

— Что с вами? Что случилось?

— Придётся на этом закончить. У меня голова раскалывается.

— Ужасно жаль, — посочувствовал Кейс.

Фриборд всё твердила, уставясь на дощечку:

— *Принять. Идти*... Какого хрена это значит?

— А что бы ты хотела, чтобы это значило? — холодно буркнул Дир.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что это *ты* её двигала, Джоан!

— Бред!

— Намекаешь на то, что это миссис Троли? Немыслимо!

Фриборд вскочила и отошла от стола.

— С меня довольно, братцы. Всё. Адью!

— Куда ты, любовь моя? — окликнул Дир.

— Не знаю. Мне всё равно. Может, погуляю. Хоть свежего воздуха глотну.

Стук её каблуков постепенно затихал. Входная дверь открылась и закрылась. Фриборд исчезла. Кейс повернулся к Троли. Она оперлась локтями о стол и крепко сжала виски́ ладонями.

— Как голова? — с искренним состраданием шепнул он.

— Чуть получше.

Дир перевёл взгляд с неё на Кейса.

— Мы закончили? — процедил он.

— По-видимому, да, — заверил Кейс.

Дир величественно выпрямился.

— Мистер Кейс, миссис Троли, позвольте поблагодарить вас за эти невероятно волнующие моменты. Никогда я ещё так не радовался жизни, с тех самых пор, как один мой приятель уговорил меня перепрыгнуть через глубокую расселину в монгольских степях. Но теперь прошу извинить, мне нужно срочно позвонить.

Писатель поспешно повернулся и направился к лестнице. Кейс внимательно проследил, как он поднимается по ступенькам и исчезает в своей комнате, и только пото́м вновь взглянул на Троли.

— Попросить Морну принести аспирин?

— Н-нет, — заикаясь, выдохнула она.

— Не слишком удачный вечер, не нахо́дите?

Троли кивнула. Кейс смерил её оценивающим взором и легонько коснулся плеча.

— Это *вы* двигали планшетку?

Троли уронила ру́ки на стол и непонимающе уставилась на него.

— Что?

— Разумеется, бессознательно. Считаете, что стали причиной гибели своей дочери Бетти[676]? Что это *вы — убийца*?

Анна ошеломлённо заморгала.

— Даже не знаю, *что* сказать, — выдавила она.

— Когда ваша дочь умерла… — начал Кейс.

676 В оригинале (также см. 721) почему-то «Бети» с одним «т». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Но она оборвала его на полуслове.

— *Я никогда не называла вам её имени.*

✷ ✷ ✷

Фриборд медленно брела вдоль бе́рега, по давней привычке опустив голову и глубоко сунув ру́ки в карманы джинсов. Тяжёлые мысли терзали её, не давали покоя. Она чувствовала себя не в своей тарелке. На душе́ скребли кошки. Сердце противно ныло, а в са́мой середине словно тлел крохотный, но ядовитый огонёк, будивший в ней ощущение собственной никчемности, растерянности и страха. Причина была слишком хорошо известна.

Это всё гнусный извращенец Кейс со своими дерьмовыми мартини. И со своей дерьмовой книжкой. Зачем только она её читала?

Фриборд внезапно замерла и подняла голову.

Что-то неладно. Она это *чувствует.*

Тишина! Ни единого звука круго́м! Она слышит, как бьётся её пульс, и ничего больше.

Бред какой-то!

Фриборд попыталась разглядеть деревню на противоположном берегу́. Тумана не было, ночь выдалась ясная. Должны же быть *там* огни! Странно, везде полнейшая *тьма*. Она посмотрела на юг, в сторону Манхэттена. И тут глаза́ её едва не выскочили из орбит от ужаса и шока. Она не помнила, сколько простояла вот так, в оцепенении.

— Что?! — неверяще выкрикнула она наконец и, вне себя от страха и недоумения, бросилась бежать к дому.

Глава 11

Задыхающаяся Фриборд ворвалась в холл, захлопнула за собой дверь и, обессилев, прислонилась к ней. Свет во всём особняке почему-то стал меркнуть.

— Терри, — негромко окликнула она и, не дождавшись ответа, осторожно заглянула в гостиную.

— Терри! — повторила она уже́ громче, оглядываясь по сторонам.

— Доктор Кейс! Анна!

Молчание словно давило на неё со всех сторон. Никого и ничего. Фриборд метнулась к библиотеке, наскоро осмотрела её, забежала за стойку и, налив полстакана ржаного ви́ски , наспех проглотила, пытаясь собраться с мыслями. И тут напряжение, словно ножом, прорезали скрип заржавленных петель и скрежет камня о камень, исходившие откуда-то снизу, прямо из-под её ног. Скованная ужасом Фриборд, однако, нашла в себе силы метнуть быстрый взгляд под лестницу.

Дьявол!

Дверь, ведущая в склеп, была открыта.

Фриборд почти швырнула стакан на стойку и выскочила из библиотеки.

— Терри! Терри! Где ты шляешься, мать твою! Или ты наверху? Терри! Доктор Кейс!

Взлетев по ступенькам, Фриборд подошла к комнате Дира и постучала.

— Терри, — ещё раз позвала она и, не дожидаясь ответа, вошла.

Дир укладывал вещи в лежавшую на кровати сумку.

— Входи, не стесняйся, — язвительно бросил он, не поднимая головы́.

Фриборд с силой хлопнула дверью.

— Я начинаю думать, что *ты прав*, — дрожащим голосом пролепетала она, садясь на постель.

Дир продолжал молча складывать рубашки.

— Я начинаю думать, что *призраки действительно существуют*, — продолжала она.

Дир воздел ру́ки к небу и, поспешно повернувшись к ней, взвизгнул:

— Но я совсем не желаю оказаться правым!

— Я *умираю от страха*, Терри. *Умираю*. Взгляни. —[677] Она вытянула ру́ки.[678] — Видишь, как *трясутся*!

Она не преувеличивала. Пальцы так и ходили ходуном. Дир застегнул молнию и, сев рядом, осторожно сжал её ладони в своих.

677 В оригинале после точки без тире, хотя речь персонажа прерывается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

678 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа продолжается. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Дорогая моя! Милая бедная Джоан, — взволновался он. — Ты в са́мом деле смертельно напугана.

Краем гла́за Фриборд заметила лежавшую на тумбочке трубку, откуда доносились приглушённые гудки.

— Хочешь дозвониться до лодочника, Терри?

— Пытаюсь. Скажи мне, бесценная моя, *что* случилось? Ничего не скрывай.

— Выгляни из окна́.

— У меня *нет* окна́.

— Верно. Ну и в дерьмо мы вляпались, Терри!

— О чём ты, Джоан?

Фриборд скорчилась и приложила руку к груди́, будто пытаясь отдышаться.

— Я вышла к бе́регу, — запинаясь, бормотала она. — Небо совсем ясное, звёзды, луна и всё такое. Только *го́рода нет*, Терри! Ни домов, ни крыш, ни огней, ничего! *Манхэттен исчез*! Господи, Терри, *что* здесь происходит? Какая я была дура, когда…

Она осеклась. Что-то *изменилось*. Взгляд Фриборд упал на трубку.

— Что? — всполошился Дир. И увидел, *куда* она смотрит.

— *Звон*. Он *прекратился*.

И вот теперь они по-настоящему оказались в вакууме. Вакууме, говорившем о полном конце. О том, что какая-то часть существования, некая не слишком приятная глава завершилась. Настаёт время для новой, *потусторонней. Чуждой. Враждебной*. Дир встал, поднял трубку, медленно поднёс к уху и, немного подождав, бережно положил на рычаг.

— Всё, — глухо сказал он.

Свет стал постепенно гаснуть, и где-то в глубине до́ма возник настойчивый стук, словно в стену била огромная, обёрнутая в бархат кувалда. Фриборд обратила окостеневший взор к Диру.

— Терри?

Грохот становился всё громче, постепенно подбираясь к комнате.

— Господи, *что это*, Терри? *Что*?!

— Не знаю.

Фриборд охнула и прижалась к нему.

— ЭТО поднимается по ступенькам!

— Дверь заперта?

— Нет, — помотала головой Фриборд. — *Нет*!

— О Господи милостивый, — пробормотал Дир.

Фриборд судорожно вцепилась ему в руку.

— Иисусе, Терри, держи меня! Держи! Я боюсь!

В её глазах стоял страх обиженного, постоянно унижаемого, беспомощного ребёнка. Терри обнял Фриборд и крепко прижал к себе.

— Не бойся, — прошептал он, — всё хорошо.

Она бы поверила ему, если бы не бешеный стук се́рдца.

Оба уставились на дверь.

Гром набирал силу и неумолимо приближался.

— *Это* в коридоре, — завопила Фриборд. — *Оно* идёт *сюда*!

— Ш-ш-ш, Джоанн, — прошипел Дир. — *Оно* может не знать, что мы *здесь*. Не шевелись! И чтобы ни звука!

За какие-то мгновения он вспомнил все истории о призраках, какие читал и видел, о всяком мыслимом и немыслимом зле, существующем на деле и в воображении всех живущих на земле фантастов. *Злоба*? Нет, совсем не это надвигается на них. Он ощущает всеми фибрами души́ *ненависть*, неумолимую, ужасающую, сметающую всё *ярость*.

— Иисусе! — снова охнула Фриборд.

Стук затих прямо у двери́.

— Боже милосердный, — заклинал Дир, — дай мне лишиться чувств! Пожалуйста, повергни меня в небытиё хотя бы на полчаса!

Ледяной поток энергии, омерзительной, гнусной, взбесившейся, волнами захлёстывал комнату. Чьё-то присутствие у двери́ становилось ощутимее, неподвижность как бы сгущалась. Через минуту раздался едва слышный скрежет, глухое постукивание, словно чьи-то пальцы ощупывали дверную раму. Фриборд сунула в рот кулак, чтобы удержать вопль. В глазах её стыли слёзы. Пото́м звуки прекратились, и наступило зловещее молчание. И тут оба вскрикнули: что-то с оглушительным треском ударилось в дверь, раз, другой, неутомимо, неустанно, непрерывно. *Торжествующе*.

— Доктор Ке-е-е-ейс! — панически завопила Фриборд.

Грохот мгновенно смолк, и голос её, словно обескровленный, замер в холодном лёгком воздухе комнаты. Дир ощутил, *как* её трясёт.

— Ничего, всё скоро кончится, — прошептал он, гладя её по щеке.

Откуда оно берётся, это смехотворное мужество? Где причина? Я никогда не слыл храбрецом, подивился он. Ему в голову не пришло, что ответ совсем прост. *Любовь. Всего лишь любовь.*

Дир прислушался. Звук. Слабый скрип металла. Он поднял глаза́ и охнул: *дверная ручка поворачивалась*!

Дир поспешно закрыл ладонью глаза́ Фриборд и попытался вспомнить покаянную молитву. Ручка замерла и стала вертеться в обратную сторону, но зато немедленно возобновился стук, на этот раз более тихий и размеренный, как биение сердце. Он *удаляется*! Становится всё глуше и глуше, замирая на расстоянии!

Дир облегчённо вздохнул и отнял руку от глаз Фриборд.

— Оно уходит, — шепнул он. И тут грохот возобновился с новой силой, у са́мой двери́, так, что казалось, качаются сте́ны и потолок вот-вот рухнет. Фриборд открыла рот и попыталась толи[679] сказать что-то, толи[680] крикнуть, но до него не доносилось ни сло́ва за воем и скрежетом. Дверь начала выгибаться посреди, скрипя и вздуваясь огромным пузырём, словно какая-то гневная, бешеная сила корежила её в тупой упорной попытке добраться до них.

Лицо Фриборд исказилось ужасом. По-видимому, она кричала, но Дир так ничего и не услышал. Да и сам он будто оказался в кошмарном сне. Хотя дверь так и не сорвало с петель, она сделалась прозрачной, и сквозь неё Дир ясно различал стоявшие в коридоре прямо перед ней две фигуры, очевидно, собиравшиеся войти: неподвижные и безмолвные… те самые *священники*, которых он видел раньше, в друго́м крыле до́ма. Тот, что постарше и повыше, с веснушчатым лицом и рыжими волосами, держал перед собой переплетённую в красный сафьян книгу.

Стук всё нарастал, казалось, ещё мгновение — и они окажутся в лапах разъярённого чудовища. Но тут поток энергии как бы иссяк, уменьшившись до негромкой ритмичной пульсации. Дверь встала на место. Фриборд поднесла руку ко рту и сдавленно всхлипнула. Пульсация постепенно уходила, становясь всё слабее, пока не исчезла совсем.

— Иисусе, Терри, я хочу немедленно убраться отсюда, — хрипло прошептала она.

— Я тоже.

— Как по-твоему, *ОНО* ушло?

— Не знаю, — покачал головой Дир.

Он хотел было подойти к двери́, но риэлтор поспешно потянула его обратно.

— Нет! Не открывай! Я *ЕМУ* не верю!

679 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
680 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ты права́, — согласился он.

Они долго ждали. Внизу раздались голоса́. Троли и Кейс.

Дир и Фриборд вскочили и, метнувшись к двери́, выскочили в коридор. Кейс и Троли, о чём-то дружелюбно беседуя, направлялись в гостиную.

— Эй! — окликнула Фриборд.

Они подняли го́ловы. Дир и Фриборд скатились по ступенькам.

— Господи, ну и рада же я вам! — задыхаясь, воскликнула Фриборд. — Где вас черти носили?

— Я просто показывал Анне дом, — удивился Кейс. — Что-то случилось? Рассказывайте.

Он порылся в кармане явно в поисках блокнота и ручки.

— Да, судя по вашим лицам, что-то не так.

— Сла́бо сказано. Слушайте, не смейте больше оставлять нас одних! — истерически взвизгнула Фриборд.

— Вы так бледны, дорогая, — заметила экстрасенс. — И вы тоже, мистер Дир.

— *Бледен*? Да я на ногах не держусь! Полная *развалина*.

— Но *что, что* вы видели? — настаивал Кейс.

— Не знаю, — вздохнула Фриборд, вытирая слёзы. — Что-то надвигалось по коридору, пыталось ворваться в комнату, едва не выломало дверь.

— Какую именно? — допытывался Кейс.

— Моей комнаты, — пояснил Дир.

— Сначала мы услышали громкий стук, — вспоминала Фриборд, — словно молотом били в стену. Весь дом дрожал! Мозги на кусочки разлетались! А пото́м…

— Извините, — перебил Кейс, глядя мимо неё. — Морна, дорогая, это вы?

Дир и Фриборд обернулись. Рядом с ними стояла экономка.

Откуда она появилась?

— Да? — спросила она, не сводя глаз с Кейса.

— Вы не выходили из до́ма последние два ча́са?

— Нет, разумеется.

— Значит, вы тоже слышали, — заметила Фриборд.

— Что слышала, мисс?

— *Что*? — нервно хихикнула Фриборд.

— Вы не слышали ничего необычного, Морна? — нахмурился Кейс. Казалось, его одолевали сомнения.

— Совсем ничего, — безмятежно ответствовала Морна.

— Да весь дом ходуном ходил! — ошеломлённо выпалила Фриборд.

— Не пойму, *как* мы уцелели, — добавил Дир.

— Я ничего не слышала, — мягко повторила Морна, качая головой.

— Прекрасно! Значит, у меня одной крыша улетела! — рявкнула Фриборд.

— Почему же, я тоже слышал! — взорвался Дир.

— Скажите, Морна, *где* были в это время вы? — хмуро осведомился Кейс.

— На кухне.

— Это безумие! — взвизгнула Фриборд, поднимая ру́ки к небу.

— Что-то ещё? — поинтересовалась Морна.

— Вы уверены, Морна? — настаивал Кейс.

— Абсолютно. Это всё? Я могу идти?

В глазах Кейса блеснуло нечто таинственное… толи[681] желание, толи[682] грусть по несбыточному.

— Разумеется, вы можете идти. Спасибо. Я благодарен вам больше, чем могу выразить.

— Угу, я тоже. Ничего не скажешь, разодолжили, — буркнула Фриборд.

— В таком случае спокойной но́чи, — пожелала Морна и, долгим взглядом посмотрев в глаза́ Кейсу, медленно поплыла к той двери́, из которой вышла утром.

— Ничего себе *добрая ночь*[683]! — пожаловалась Фриборд.

— Нет никакого сомнения в том, *что* мы видели и слышали, — доказывал Дир. — Ну, по крайней мере,[684] *слышали*.

681 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
682 В оригинале «то ли» раздельно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
683 В оригинале так и было «добрая ночь», хотя раннее говорится «спокойной но́чи» (не изменяю — пусть будет переводчику стыдно): явное несоответствие перевода (одна фраза, сказанная дважды, переводится неуместно по-разному, из-за чего теряется смысл произнесённого). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
684 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— А *видели*? — удивлённо поднял бро́ви Кейс.

— Не совсем, — отступил Дир. — Боюсь, я *оговорился*.

— А, на хрен всё это! Док, я хочу *свалить* отсюда, — заявила Фриборд. — Завтра же. Прямо с утра́. И если для этого мне придётся плыть на другой берег, так тому и быть!

— Именно, как любил повторять Джо Пендлтон, — поддакнул Дир.

— *Джо Пендлтон*? — удивился Кейс.

— Боксёр в фильме «Вот идёт мистер Джордан», — пояснил Дир.

— Именно, именно, — повторила Фриборд. — Нужно *линять* отсюда и поскорее.

— Конечно, — согласился Кейс, задумчиво теребя нижнюю губу. — Ну,[685] а пока мы очутились лицом к лицу с тайной, которую, думаю, нам по силам решить.

— Как это? — вскинулся Дир.

— Весь сеанс записывался на две камеры, установленные в гостиной и холле. Если что-то *действительно* присутствовало, оно непременно появится на плёнке либо на звуковой дорожке. Сейчас мы это проверим, и мистер Дир, возможно, получит материал для захватывающей статьи. С другой стороны́, если там нет ни изображения, ни звука, ни призраков…

Кейс пожал плечами и повернулся к Фриборд.

— Надеюсь, вам станет легче?

Фриборд презрительно скривила гу́бы.

— Там окажется всё.[686]

— В нижнем правом углу экрана отмечается время, — напомнил Кейс. — Половина двенадцатого но́чи.

Он стоял у телевизора в библиотеке. На экране возникла пустая гостиная. Троли, Дир и Фриборд наблюдали за происходившим с дивана, стоявшего совсем близко к камину.

— Как видите, — продолжал Кейс, — *ничего*, кроме комнаты. Ни звука. Никакого грохота. Камера ничего не зарегистрировала.

— Должно быть, микрофоны испорчены, — возразил Дир.

— Ничего подобного, — покачал головой Кейс. — Только не этот. Вот, послушайте.

685 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
686 В оригинале без разделения (пропуска абзаца) после. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

На экране появились Кейс и Троли, входившие у гостиную. Шаги, скрип половиц, негромкий разговор… Слышно каждое слово. Фриборд тупо пялилась на экран.

— Конец света, — бормотала она. — Умереть, не встать.

— Ни грохота, ни призраков, — повторил Кейс.

— А я говорю, мы сами слышали! — вспылил Дир, заливаясь краской негодования. — И нечего нас уверять!

— Да, нелёгкая загадка, — согласился Кейс и, нажав на кнопку, быстро перемотал ленту.

— Но вот это ужé совершенно непонятно. Ума не приложу. Совершенная чушь. Взгляните. Тут должен быть записан наш сеанс.

Он снова нажал на кнопку. На экране снова показалась гостиная, тот угол, где стоял игровой столик с лежавшей на нём магической дощечкой. Время — *десять тридцать*.

— Постойте, а где же мы? — ахнула Фриборд. — Что происходит?

Планшетка бешено металась от буквы к букве, но *за столом не было ни единой души́*, да и в комнате тоже, если не считать появления большого *колли*, вымахнувшего из коридора, но так же быстро улепетнувшего прочь. Побледневший Дир застонал, а Троли безмолвно тряхнула головой.

— *Дата неверна*, — пробормотала она, показывая на число, возникшее как раз под временем. — Тут написано «*1997 год*».

— Нас нет на плёнке, — тупо повторила растерянная, ничего не соображающая Фриборд.

— Да это просто абсурд! — вскочил Дир. — Бред! Какая-то идиотская ошибка! Хоть ты скажи что-то, Джоанн!

Но Фриборд поморщилась от боли и поспешно отбежала от камина.

— Чёрт, я сейчас сгорю, — взвыла она.[687]

Троли и Дир последовали её примеру.

— Откуда эта чёртова жарá? — пожаловался он, провожая Фриборд и Троли в гостиную. Из всех присутствующих один лишь Кейс оставался совершенно невозмутимым. Подступив к двери́ библиотеки, он с некоторым сочувствием наблюдал за остальными.

687 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась и происходит переход к действиям иных персонажей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Господи Боже! — изумлённо вскрикнула Троли, пошатнувшись, как будто невидимый враг с силой толкнул её в грудь. За первым толчком последовал второй, третий, и удивление быстро сменилось страхом. Троли пронзительно завизжала. Тут что-то гулко ударилось в стену особняка.

— Иисусе, — выдохнул в свою очередь Дир. — Иисусе милостивый!

— Я *горю*, Терри! — вопила Фриборд. — *Горю*!

Грохот продолжался, громовой, раздирающий уши, сверлящий мозг. Лампы и столы начали крениться, скользить по по́лу, ездить по комнате, огромные картины летали от стены́ к стене, словно сорванные чьей-то невидимой злобной рукой, безумие и ярость воцарились в доме, в этой комнате, опалив му́кой агонии их несчастные измученные ду́ши.

— Кто-нибудь, скажите же, *что* происходит?![688] — взвыла Фриборд, безуспешно пытаясь заткнуть уши. Троли внезапно отпрянула, вопя от боли: глубокая бескровная борозда, словно проведённая невидимым раскалённым стержнем, прорезала её лицо. Где-то раздавалось ритуальное монотонное пение на латинском, кошмарно-зловещее, неприятно-звучное, словно поддержанное сотнями злорадных голосов. Неожиданно некая непонятная сила подняла завизжавшую Фриборд в воздух, швырнула через всю комнату и ударила о стену с тошнотворным тупым стуком и треском ломающихся костей. Но Троли и Дир уже́ ничего не видели. Их тоже закрутило могучим смерчем, понесло к потолку, беспомощных, в ужасе таращивших глаза́, бессильно раскинувших но́ги и ру́ки, влепило в потолок и отбросило на пол, смятых, как растоптанные надежды.

Это не сон. Не сон! Не сон… Это явь. Невыносимая. Бесчеловечная.

Часть 3

«Дежа вю»

Глава 12

Резная парадная дверь особняка, распахнувшись, ударилась о стену, словно под воздействием злого колдовства.

688 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Дьявол, ну и ураган! — воскликнула ввалившаяся в холл Фриборд, отряхиваясь, как собака, так что с блестящей жёлтой штормовки, одолженной капитаном катера, во все сторо́ны полетели брызги.

За ней, сопровождаемый голодным воем ве́тра, вбежал Дир. Обернувшись, Фриборд увидела, как на крыльцо неспешно, словно прогуливаясь, взбирается Анна с сумкой в руке. За её спиной виднелась монолитная серая стена дождя. Вся вода мира, казалось, обрушилась на путешественников.

— Вы в порядке, миссис Троли? — окликнула она, приложив руку ко рту.

— Да, дорогая, — отозвалась экстрасенс, — в полном.[689]

Последнее слово почти заглушил пушечный залп громового раската. Буря разразилась совершенно неожиданно, когда они мирно направлялись к острову, и несчастный катер начало швырять из стороны́ в сторону, а во́лны каждую минуту грозили опрокинуть судёнышко. Правда, по радио и телевизору передали штормовое предупреждение, но заверили, что у бе́рега сила ве́тра несколько уменьшится. Этого не случилось.

— Клянусь, я задолжал тебе хорошую трёпку, Джоан, — буркнул Дир, бросив на пол лёгкую сумку. — Так и знал, что следовало гнать тебя из до́ма в три шеи.

— Отступать некуда, — сообщила Фриборд. — И придержи язык ради всего святого, особенно при этих людях! Я только что на коленях не стояла, чтобы их уговорить!

— Благодарение Богу, что меня не пришлось долго упрашивать!

Фриборд стащила непромокаемую шляпу и показала на открытую дверь, где всё ещё сражалась со ступеньками экстрасенс.

— Терри, помоги миссис Троли.

— Сейчас.

Дир свободной, несколько расслабленной походкой грациозного жирафа направился к женщине и потянулся к её сумке.

— Могу я вам помочь?

— О нет, благодарю. Я всегда путешествую налегке.

— И то верно. *Тамбурины* почти ничего не весят.

— **Терри!!**

Троли,[690] наконец,[691] вошла, сняла шляпу и опустила на пол сумку.

689 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
690 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
691 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ничего, — благосклонно бросила она Фриборд. — Считайте, что я не слышала.

По правде говоря, она достаточно наслышалась от Дира во время поездки в лимузине, включая требование сравнить методы её и Вупи Голдберг в фильме «Призрак», а также настойчивые расспросы относительно содержания холестерина в эктоплазме. Но Троли на каждую шутку лишь кивала головой и слегка улыбалась, безмятежно глядя на расстилавшийся за окном машины пейзаж. Её видимое равнодушие, очевидно, действовало на Дира, как красная тряпка — на быка. Его упражнения в остроумии становились всё изощрённее, а рассуждения по по́воду сверхъестественного и непознанного — всё ехиднее.

— Если верить газетам, — сообщил он, когда лимузин приближался к Беар Маунтинз[692], — Эдгар Кайт впервые впал в транс лишь потому, что не хотел идти в школу, а пото́м обнаружилось, будто лягушка, которую он держал в кармане, каким-то образом излечилась от мононуклеоза, что, разумеется, вызвало настоящую сенсацию.

И так далее, и тому подобное. Слава Богу, они,[693] наконец,[694] на месте.

Фриборд осмелилась подбежать к двери́ и захлопнуть её. В воцарившейся тишине до Дира вдруг донеслась музыка.

— Господи Иисусе, неужели я попал на небо?![695] — воскликнул он. — Коул Портер[696]!

Лицо писателя осветилось детской радостью, едва из-за массивных дверей гостиной раздалась знакомая мелодия. Кто-то играл на фортепьяно.

— Моя любимая! — просиял он. — «*Ночь и день*»!

— Это вы, док? — окликнула Фриборд.

— Мисс Фриборд?

Глубокий приятный голос, как ни странно, не приглушали даже толстые створки. Фриборд немедленно отправилась в гостиную. Все лампы были зажжены, и уютный свет переливался на ореховых панелях, а в камине весело потрескивало пламя, вторя чарующим пассажам. Фриборд с наслаждением вдохнула за́пах горящей сосны́. Буря словно осталась в ином измерении.

— Да, мы уже́ здесь, — кивнула она пианисту и с улыбкой двинулась вперёд, сбрасывая на ходу штормовку, с которой капала вода. За её спиной возник Дир, а пото́м и Анна медленно вплыла в комнату. Насквозь промокшие сапоги Фриборд противно чавкнули.

692 См. 580. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
693 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
694 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
695 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
696 См. 584. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну вот, главное, что все живы и здоровы, — обрадовался Кейс. — Очень рад. Я уже́ начал волноваться.

Фриборд невольно отметила, что профессор совсем недурён собой: длинные волнистые чёрные волосы обрамляли точёное лицо, словно принадлежащее какой-то древней статуе. Отблески огня плясали в его глазах. Тёмные… только какого вот цве́та — не понятно. И немолод: лет со́рок восемь — пятьдесят. Одет в брюки хаки и такую же рубашку с короткими рукавами.

— Совершенно *безумный* ураган! — воскликнул он. — Не вы, случайно, заказали эту погоду, мистер Дир? Признайтесь, это вы всему причиной!

Дир был известен своими готическими романами.

— По-моему, я заказал всего лишь «Шивас Ригал[697]», — сухо пояснил писатель.

Он и Фриборд остановились у рояля, пока Анна с нерешительным недоумением оглядывала комнату.

— Вы *призрак*? — обратился Дир к пианисту.[698]

Фриборд, не веря собственным ушам, обернулась к нему.

— Что за бред? — раздражённо прошептала она.

— Давно не была в Диснейленде? — громко продолжал писатель. — Там так и устроено: когда проезжаешь по долине привидений, куча ду́хов танцует, а самый большой играет на фортепьяно.

Она поймала себя на том, что снова хмурится.

— Такое бывало и раньше, — уклончиво заверила она.

Но Кейс, словно не слыша, повторил:

— Что же всё-таки неладно?

— Знаете, такое странное чувство… называется «дежа вю»[699]. Только и всего.

— Здесь для этого не время и не место, — рявкнул Дир.

Фриборд опустила руку и как-то странно взглянула на него.

— Иисусе, Терри, я *знала*, что ты *это* скажешь.

— Откуда?!

— И я знала, *о чём* будет говорить доктор Кейс.

---

697 В оригинале снова (см. 585) «Чивас Ригал». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
698 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась и происходит переход к действиям иного персонажа. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
699 См. 592. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Невероятно, — прошептал Кейс. — «Дежа вю»[700] связано отнюдь не с будущим, а с прошлым. Иногда кажется, что всё происходящее уже́ было. Подчёркиваю, *было*, не будет!

Слегка повернув голову, он посмотрел куда-то мимо Фриборд.

— А вот и…

— *Морна*, — хором провозгласили Дир и Фриборд.

Кейс осёкся, мельком взглянул на стоявшую совсем близко Морну и, недоумённо пожав плечами, поднялся.

— Но откуда, спрашивается, вы знаете её имя?

— Не знаю, — ошарашенно пролепетал Дир.

— Всё это происходило раньше.

При звуках спокойного го́лоса все обернулись и уставились на Троли, сидевшую в кресле у камина. Её измученный взгляд не отрывался от Кейса.

— И вы тоже? — удивился Дир.

— Разумеется, — кивнула экстрасенс.

— Эй, погодите-ка, братцы, — взмолилась Фриборд, потирая лоб, — это уже́ *апофигей*.

— Да, поразительно, — согласился Кейс, — ужасно странно.[701]

Он по-прежнему стоял у рояля, сложив ру́ки на груди́. И казался не частью компании, а отрешённым наблюдателем, следившим за разворачивающимся действием.

Фриборд покачнулась, едва дотащилась до дивана и тяжело села, словно но́ги подкосились.

— Сил нет, — едва ворочая языком, выговорила она. — Я почему-то ужасно устала.

— А знаете, — удивился Дир, — я тоже. Что это? Я совершенно опустошён. И ничего не могу сообразить. Мысли разбегаются.

— И у меня, — охнула Фриборд.

Дир едва доплёлся до дивана и рухнул рядом с ней.

— Что это, Джоанн? Что это может быть?

— Не знаю, — поморщившись, словно от боли, выдавила Фриборд. — Иисусе, моя голова!

700 См. 592. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
701 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Это дом вздумал сыграть с нами злую шутку, доктор Кейс? — вырвалось у Дира. — Уже́? Если, конечно, верить всем слухам о том, *что* здесь происходит.

Кейс с бесстрастным видом обратился к Троли:

— А вы что думаете, Анна? Как по-вашему? У вас та же реакция?

Троли кивнула.

Кейс задумчиво почесал в затылке.

— Всё это совершенно непонятно.

— Хотите сказать, *неприятно*? — вставила Фриборд.

— Так трудно допустить, что вы знаете имя Морны, — допытывался Кейс.

Дир вскинул голову.

— *Что* вы сказали?

— *Допустить*.

Теперь уже́ Фриборд пристально вперилась в Кейса, расширив глаза́, в которых медленно, словно изображение на фотоплёнке, проявлялась какая-то ошеломляющая мысль. Очевидно, её,[702] наконец,[703] озарило.

— *Допустить*, — пробормотал Дир себе под нос. *Почему это слово так сильно на него действует*?!

— Поразительно, — заметил Кейс. — Сразу трое с «дежа вю»[704]. Невероятно!

Фриборд, сбитая с толку и встревоженная, медленно поднялась с дивана.

— Эй, погодите! Какого хрена здесь творится? — злобно прошипела она.

— Вот мы и пытаемся понять, — чуть резковато ответил Кейс.

Фриборд устремилась к нему, замерла и внимательно всмотрелась в его лицо.

— Вы не Гэбриел[705] Кейс, — объявила она.

— Что? — вскричал поражённый Дир. — О чём ты толкуешь, Джоанн?

— Я говорю, что *этот человек — не тот, за кого выдаёт себя. Он не Кейс*!

---

702 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
703 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
704 См. 592. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
705 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Дир обернулся к Кейсу и, не веря собственным глазам, заметил в его взгляде нежность и жалость.

— Ты окончательно рехнулась, Джоан! — воскликнул он.

Фриборд немедленно набросилась на него:

— Терри, я *видела фото* Кейса! И *говорила* с ним.

— Почему же сразу не сказала?

— Да кому до этого дело? Какая разница! Главное, что *этот человек — не доктор Кейс*.

— Ошибаешься, — настаивал Дир.

— Вот уж нет!

— Конечно, Кейс! Он выглядит точно так же, как в *прошлые разы*: тот же шрам, то же…

Писатель, внезапно сообразив, *что* несёт, оборвал речь.

— Что, чёрт побери… — едва слышно прошептал он.

— Терри, *что* это? — дрожащим голосом выдохнула Фриборд.

При виде искажённого лица́ Дира, её охватило предчувствие чего-то страшного. Потрясённый Дир медленно поднялся.

— Это повторяется снова и снова. Одно и то же, — деревянным голосом объявил он.

— *Что* повторяется? Что с нами, Терри? Да говори же.

Но писатель зачарованно воззрился на Кейса.

— Кто вы? — спросил он его едва слышно.

Фриборд и Троли, как по команде, повернули го́ловы.

— Да, *кто вы*? — глухо повторила экстрасенс.

Кейс внимательно всмотрелся в их встревоженные ли́ца.

— Пойдёмте со мной, — торжественно провозгласил он. — Мне нужно кое-что *показать* вам. Думаю, теперь вы,[706] наконец,[707] готовы. Не бойтесь, это всего лишь приятная прогулка по бе́регу.[708]

Троица безмолвно переглянулась. Некая покорность судьбе наполнила их существа. И глаза́, и выражение лиц внезапно изменились. Все выглядели *сломленными*.

706 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
707 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
708 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Кейс добродушно улыбнулся Фриборд.

— Вы кажетесь измученной, Джоан, — мягко заметил он. — Совершенно вымотались?

Фриборд покачала головой.

— В таком случае,[709] вперёд!

Остальные, не успев опомниться, как во сне последовали за ним. Было раннее утро, и тяжёлый туман саваном окутал их. Снова надвигалась буря: серые тучи летели по небу, низко нависая над рекой; далеко на севере сверкали зарницы, словно чьи-то светлые ду́ши освещали мрак. Кейс без единого сло́ва проводил их через дубовую рощу. Скоро они выбрались на тропинку вдоль реки́, где когда-то бродили Троли и Фриборд, но отчего-то остановились на полдороге. И теперь, когда они приблизились к изгибу реки́, именно Дир замер первым, с ужасом глядя вперёд. Остальные, взбудораженные, расстроенные, нерешительно последовали его примеру. Лёгкий ветерок играл подолом платья Троли.

— Хотите *продолжить*? — мягко вопросил Кейс.

Никто не ответил. Никто не шевельнулся. Наконец,[710] Фриборд вырвалась вперёд и помчалась к тому месту, где линия бе́рега делала резкий поворот. Писатель и экстрасенс, слегка спотыкаясь, побрели за ней. Полный опасений, но удовлетворённый Кейс остался на месте. Оглядевшись, он направился к заросшему тростником болотцу, раздвинул кусты и долго грустно смотрел на крохотные, выбеленные солнцем скелетики двух маленьких собачек. Тонкий вопль оторвал его от созерцания печальных останков. *Фриборд*. Кейс поспешил догнать остальных.

Анна Троли в глубоком обмороке лежала на песке. Фриборд и Дир с мокрыми от слёз глазами пытались привести её в чувство. Наконец,[711] Анна открыла глаза́. Дир и Фриборд помогли ей встать, и все трое, старчески шаркая ногами, направились к тому месту, где в песке гнил заржавленный остов катера с выцветшей надписью на борту: «*Far Traveler*».

Тихое рыдание вырвалось из горла Троли.

— Все мы мертвы, — с трудом прохрипела Фриборд.

Дир горестно кивнул.

— Погибли в наступающей буре.

— Так и было, — подтвердил подходивший к ним Кейс. Остановившись в нескольких ярдах, он добавил: — Именно вы — те самые привидения, которые бродят по «Где-то там».

709 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
710 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
711 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Троли, неразборчиво выкрикнув что-то, снова рухнула на песок. Дир протянул Фриборд дрожащую руку.

— Держись за меня, родная, — слегка дрожащим голосом попросил он.

Фриборд крепко стиснула его ладонь.

— Всё хорошо. Я с тобой, Терри. *Всегда*, — пообещала она.

— И я с тобой.

— Я так и не досказал историю этого до́ма, — заметил Кейс. — Хотите послушать?

— Да бросьте вы это! — рявкнул Дир, немного придя в себя. — Хватит и того, что мы мертвы! Не хватало ещё выслушивать ваши *рацеи*[712], стоя в луже! Нельзя ли покороче?!

Кейс улыбнулся:

— Ещё много лет после своей кончины призраки Эдварда и Райги Куондт населяли особняк, пугая и сводя с ума жильцов, и даже убили нескольких силой своей ненависти и злобы друг к другу. Но к середине восьмидесятых годов они помирились, свыклись с мыслью о смерти и решили уйти. А четыре го́да назад появились вы, погибшие в бурю вместе с капитаном катера. Капитан покинул это место, вы — нет. Или, если быть более точным, вы *не пожелали*. Отказались допустить факт своей смерти.

— Теперь я это понимаю, — вздохнул Дир. — И ясно вижу. Яснее ясного.

— В таком случае, может, объясните, почему отказались принять свою смерть? — бросил Кейс. — Что скажете, мистер Дир?

— Могу, конечно. Я страшно боялся, что смерть неразрывно связана с вечным проклятием.

— Верю, — кивнул Кейс. — А вы, Анна? Осознаёте ли, *что именно* удерживает вас на земле.

— Боюсь, очень смутно.

— Упиваетесь скорбью по дочери, как наркотиком.

— Боже милостивый!

— Странные иногда у нас привязанности, не нахо́дите?

Трели покачала головой.

— Неужели *такое* в са́мом деле *возможно*?

— Похоже, я здесь что-то вроде сироты-несмышлёныша? — процедила Фриборд.

712 Рацея (устаревшее) — длинное назидание. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— О, Джоан! — укоризненно воскликнул Кейс.

— И нечего меня уговаривать. «*Джоан*»! Ёлки-палки, ну и ну! — проворчала она.

— Ты цепенела от ужаса при мысли о смерти, — напомнил Кейс.

— Чёрт, как и мы все! Чем это я отличаюсь? Подумаешь! И что ещё?

— Никак не могла расстаться со своими игрушками, — мягко добавил Кейс.

— Какой инфантилизм! — насмешливо поддакнул Дир.

Фриборд обожгла его яростным взглядом.

— И что теперь? — вмешалась Троли. — Мы должны уйти?

— Это зависит от вас, — пояснил Кейс. — Можете пересечь границу, можете остаться. Ну,[713] а моя миссия благополучно пришла к концу.

Фриборд презрительно сморщила нос.

— *Ваша миссия*?

— Да. Морна и я… *нас послали помочь вам обнаружить истину*. Ранее каждый раз, очутившись почти у порога знания, вы предпочитали отвергнуть его и начать весь круг сначала, снова и снова воспроизводя первый день вашего появления в особняке; всё, кроме кораблекрушения, разумеется. Вы отторгали сцену трагедии, блокировали её в своих мозгах, как, впрочем, и всё, что могло развеять ваше заблуждение. Поэтому вы и не сохранили в памяти вашу прогулку по бе́регу, Джоан. Вы подсознательно ощущали, что за следующим поворотом найдёте катер. К сожалению, дорогие мои, вы разыгрывали один и тот же спектакль много лет, даже после того,[714] как мы пришли на помощь. Упрямые гордые ду́ши!

Троли охнула и прижала ладони к щекам.

— Вот почему вы показались мне таким знакомым!

— Совершенно верно.

Троли вздохнула:

— Значит, *это не иная жизнь*.

— Нет, Анна.

— Я уничтожена.

Дир обернулся к Фриборд и тихо спросил:

713 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
714 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну, разве не жесточайшая ирония? *Ты не могла продать этот дом, потому что бродила по нему привидением.*

Фриборд сжала кулаки.

— Клянусь Богом, не будь ты ужé мёртв… — пробормотала она.

— Кстати,[715] о призраках, — вставила Троли. — Мы ели, пили и всё такое. Не означает ли это, что мы вселились в новые телá?

— Господи, нет, конечно, — отозвался Кейс. — Это всё *иллюзия*, дорогая, ничего более. Просто вы создавали собственную реальность. Остров и дом материальны, они здесь, но вы как бы переделали их в соответствии с вашими заблуждениями.

— Значит, мы нематериальны? — уточнила экстрасенс.

— Вы — нет.

— Даже не астральные телá или что-то в этом роде?

— Оставьте это, — посоветовал Дир.

— Постарайтесь обрести мир, — добавила Фриборд.

Дир одобрительно кивнул.

— Ну, так что же вы решили? — допытывался Кейс. — Должен честно признаться, что надеюсь на ваше благородство: уж если вы решили цепляться за здешние местá, пожалейте,[716] по крайней мере,[717] несчастных, доведённых до отчаяния людей, которые заслужили право спокойно жить в «Где-то там». Я говорю о Поле Куондте и его бедном семействе. Вы просто измучили их, что называется, *показали кузькину мать*, не примите за оскорбление.

— То есть как *измучили*? — удивился Дир.

— Запугали их до умопомрачения! Помните дьявольское пламя, которое жгло вас, неведомую силу, расшвырявшую всё по комнате, оглушительный грохот и все кошмарные передряги, которые вам пришлось пережить? Неужели не знаете, *что* было этому причиной?

— Умираю от любопытства, не сочтите за каламбур, — сухо обронил Дир.

— Куондты призвали **священников-иезуитов, чтобы изгнать вас!**

Писатель довольно ухмыльнулся.

— Ну что, Джоанн? Слышишь?

— О, ради всего святого, Терри!

— *Священники*!

715 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
716 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
717 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Да заткнись же!

Но тут кто-то деликатно откашлялся. Этим «кто-то» оказался Кейс.

— И что же теперь? Смена частот? От души́ на это надеюсь. Должен сказать, я проникся к вам искренней симпатией.

Фриборд нерешительно покачала головой.

— Чёрт, не знаю. Правда, не знаю.

Кейс с неподдельной нежностью посмотрел на неё.

— Призна́юсь, мне будет вас не хватать, Джоан.

— *Меня*? — изумлённо выпалила она.

— *Там* больше не будет ни одиночества, ни слёз.

Глаза́ Фриборд мигом увлажнились.

— Точно? — прошептала она.

— Точно.

— Этот мир не предназначен стать для нас домом, Джоан, — пояснил он. — Этот мир — всего лишь короткая остановка. Однодневка.

Фриборд порывисто провела ладонью по глазам.

— Эй, да это ты! Ангел из моих снов! Гэбриел[718]! «Моллюски небезопасны»! Ты реку имел в виду!

— Ну,[719] уж я знаю, что мне делать! — заявил Дир.

Фриборд вопросительно подняла бро́ви.

— Линяешь?

— Именно! — воскликнул Дир. — Отчаливаю!

И, послав воздушный поцелуй в сторону реки́, добавил:

— Адью, пространство-время! Будьте паиньками!

Тело его стало терять краски, становясь прозрачным.

— Эй, меня подожди! — заорала Фриборд, тоже начиная растворяться в воздухе.

— Адью, вампиры-критики и въедливые обозреватели!

Дир уже́ был почти невидим.

— Эй, слышишь, сбавь скорость на секунду! — проскулила Фриборд.

718 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
719 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Теперь понятно, что моя частота куда выше твоей, Джоанн!

В следующее мгновение они исчезли. Откуда-то сверху раздался негодующий раздражённый вопль, за ним — хлесткий шлепок и жалобный голос Дира:

— Где это видано — драться в загробной жизни,[720] Джоанн?!

Кейс и Троли с улыбками переглянулись, услышав отдалённый скулёж собачек.

— О небо! Да возможно ли это? — разнёсся слабеющий крик Дира.

— Ужасная болтанка. Интересно, может ли вырвать призрака? — взвизгнула Фриборд.

— Малыши!

Голос Дира, сопровождаемый едва слышным тявканьем пуделей, был исполнен такой радости, которой он никогда не ведал раньше.

В этой жизни.

Звуки растаяли.

— Ну, Анна, а как насчёт вас? — спросил Кейс. — Вы идёте? Учтите, Бетти[721] ждёт.

Троли нахмурилась:

— А что сталось с доктором Кейсом? *Настоящим*, я имею в виду. Вы с ним разделались или как?

— Что вы, Анна! Доктор Кейс жив и здоров, бедняга. Узнав о вашей гибели, он вернулся в университет, к своим занятиям.

— Вот как!

Кейс шагнул к ней.

— Ну,[722] а теперь, может, пойдём вместе?

Но Троли, властно вытянув руку, остановила его.

— *Рано.* Сначала я хочу знать, *кто вы.*

— Поверите, если скажу, что я существо из света? Небесное создание.

— Попробуйте ещё раз.

— Теперь **я** раздавлен, — объявил Кейс. — Ну,[723] какая разница, *кто я* на са́мом деле?

720 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
721 В оригинале снова (см. 676) почему-то «Бети» с одним «т». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
722 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
723 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Огромная. Зная, *кто вы*, я получаю определённую возможность хотя бы смутно догадаться, *куда* меня ведут. В этих обстоятельствах официальный статус имеет решающее значение.

— Вы можете довериться мне, Анна. Никакого адского пламени и тому подобных штучек.

— Вот адское пламя меня волнует больше всего.

— Мне не до шуток, Анна. Вперёд!

— Но вы уж точно не ангел, верно? Вы обманывали нас. Надели личину Гэбриела[724] Кейса.

— Конечно, *не ангел*. Вы сами сказали, Анна, *мертвецы лгут*.

Он снова улыбнулся сверкающей улыбкой архангела.

Из груди́ Троли вырвался смех, звонкий, счастливый, словно освободившись,[725] наконец,[726] от тяжкого бремени, она, переполненная бурлящим счастьем, наконец,[727] обрела свободу.

Кейс устремился вперёд, протягивая ру́ки.

— А теперь? Отправимся в неведомое, прелесть моя?

Троли с силой выбросила вверх кулачок.

— **Да!**

И бросилась к нему с распростёртыми объятиями.

Эпилог: 1997

Пробудившееся солнце рассыпало золото на спокойные серо-голубые во́ды медленно текущей реки́, и воздух о́строва был напоён покоем. В гостиной величественного особняка смеющиеся дети играли в салочки, пока их родители, Пол и Кристина Куондт, беседовали в библиотеке с двумя донельзя утомлёнными священниками-иезуитами. Один из них, крепкий, очень молодой, с непроницаемым лицом, внимательно следил, как его собрат постарше укладывает в портфель молитвенник в красном сафьяновом переплёте. Защёлкнув застёжки, священник почесал нос веснушчатым пальцем.

724 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриела». (прим. ред. Alex.Rus.UA)
725 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
726 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
727 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Ну,[728] вот и всё, — вздохнул он. — Мы закончили.

Он рассеянно провёл ладонью по редеющим рыжим волосам. Кристина заглянула в гостиную.

— Да, видите, детям здесь хорошо, — заметила она.

— Благослови их Боже, — добавил старший священник, поднимая портфель.

Пол Куондт, угрюмо насупясь, покачал головой.

— Поверить не могу, что вся эта история снова началась, отец мой.

Он сидел у стойки бара, нервно теребя короткий рукав джинсовой рубашки.

— *Когда* вы переехали сюда? — осведомился священник.

— Второго мая. Мы жили в Европе, но сняли с продажи особняк, когда эта бедняжка-риэлтор погибла. Господи, *что* мы только с тех пор не пережили!

Он поднёс к губам большу́ю белую кружку с кофе.

Рыжий иезуит обернулся к своему молчаливому спутнику, по-прежнему чего-то выжидавшему. Молодой священник мрачно и понимающе кивнул, устремив бесстрастный взгляд на Пола.

— Могу себе представить, — вздохнул рыжий, направляясь к бару. — Что ж, будем надеяться, что больше вас ничто не потревожит.

— Ничего другого не остаётся, — сухо заметила миссис Куондт.

— Я выйду на воздух, — предупредил молодой человек. — Очень хочется курить.

— Ладно, Реджис. Я сейчас приду, — пообещал пожилой священник.

Реджис направился к двери́.

— Спасибо за всё, святой отец! — крикнул вслед Пол.

Священник махнул рукой в знак того, что *услышал*, но не оглянулся.

— Так молод, — пробормотала Кристина. — Лет двадцать, не больше.

— Да, удивительно, не так ли? — согласился священник. — Мой помощник внезапно заболел, и в самую последнюю минуту едва успели найти Реджиса.

— Значит, вы познакомились *здесь*?

— Именно.

И священник, что-то неожиданно вспомнив, добавил:

728 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Кажется, так звали мальчика, который умер? Вашего кузена? Сына Эдварда Куондта?

— Верно, — кивнула Кристина.

— Красивое имя. Ну,[729] что же, пора прощаться.

Священник протянул руку.

— Вы не останетесь пообедать? — спросила Кристина.

— Спасибо, нет. В одиннадцать у меня месса. Да пребудет с вами благословение Господне. Хорошие вы люди.

Он обменялся рукопожатием с хозяевами.

— Кстати, не позвоните ли лодочнику? — вспомнил он.

— Уже́, — заверил Пол, вставая. — Ещё раз благодарю за то, что помогли изгнать злых ду́хов, отче.

— Будем надеяться, они оставят вас в покое.

— Аминь, — вторил Пол.

— Позвольте, это моя реплика, — пошутил священник.

Супруги улыбнулись было, но вдруг заметили, что иезуит уставился на двойной портрет маслом, висевший над камином: мужчины и молодой женщины.

— Это и есть ваши знаменитые тётя и дядя?

— Они, — подтвердил Куондт.

— Я знаю их историю, — кивнул иезуит, медленно подходя ближе к картине.[730] — Какая трагедия: убийство и самоубийство, — опечалился он.

— Нет, — тихо возразил Пол.

Священник вопросительно поднял бро́ви.

— Только *не самоубийство*.

— Как?!

Куондт встал рядом с ним, всё ещё сжимая в руке кружку.

— *Двойное убийство*, отче.

— Что вы говорите?!

Пол тоже присмотрелся к портрету.

729 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
730 В оригинале абзац разрывается, т. е. переход на новый абзац, хотя речь персонажа вовсе не завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Видите ли, истина заключается в том, что тётушка изменяла дяде и так страстно хотела убрать его с доро́ги, что подлила смертельный, медленно действующий яд в его ви́ски . Уже́ едва держась на ногах, дядя Эдвард нашёл пузырёк из-под чёртова зелья, понял всё и нашёл в себе силы замуровать тётю живьём в склепе. Через несколько минут и он скончался на месте.

— Прямо у склепа?

— Прямо у склепа.

— Какой ужас! — пробормотал священник.

— Не слишком похоже на Ромео и Джульетту, — заметил Куондт.

— Но что-то общее есть, — возразила подошедшая жена.

Старый иезуит в последний раз взглянул на картину и отвернулся.

— Я стану молиться за них обоих.

— Спасибо, отче, — поблагодарил Пол. — Мне хотелось бы верить, что они обрели покой.

— Ещё раз прощайте, — взмахнул рукой священник.

— Прощайте, святой отец.

Но тут к священнику подлетел большой колли и, приветливо виляя хвостом, проводил его до двери́.

— А вот и ты, парень, — обрадовался иезуит.

— О нет, немедленно оставь доброго отца в покое, — строго приказала Кристина. — Ну же, Томми! Назад! Иди сюда, малыш!

Но пёс залаял и игриво подпрыгнул, и не думая слушаться. Священник, не останавливаясь, погладил его.

— У меня в детстве была такая же милая собачка, — сообщил он. — Молодец, Томми! Хороший мальчик!

Они вместе вышли в переднюю. Священник открыл дверь и ступил на крыльцо. Пол Куондт обнял жену за талию, и они снова подошли к картине. Лицо Райги Куондт с неправильными чертами дышало, однако, откровенной чувственностью и чарующей прелестью. Её рождённый под несчастливой звездой муж Эдвард, жгучий брюнет, мог бы считаться красавцем, если бы не уродливый извилистый, как молния, шрам, пересекавший щёку до са́мого подбородка.

Морна и Гэбриел[731] *Кейс снова были вместе.*

731 В оригинале снова (см. 563) «Гэбриел». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Оба священника в сопровождении собаки направлялись к причалу, куда скоро должен был подойти катер, уже́ отчаливший от противоположного бе́рега. Пожилой священник подобрал палку и закинул в кусты.

— Вперёд, Томми! — скомандовал он. — Неси![732]

Пёс с лаем бросился выполнять приказ. Веснушчатый иезуит глянул на небо.

— Тучи рассеялись. Похоже, денёк будет неплохой.

Они подобрались к са́мой воде; шаги их глухим эхом отдавались от старых сухих досок.

— Я так рад, что вы смогли мне помочь, — заметил пожилой. — Вы ведь из Фордемского[733] монастыря, не так ли?

— Да.

— И, конечно, знакомы с отцом Бирмингемом?

Крепыш покачал головой.

— Кстати, вам достаточно ясно объяснили, *как* сюда добраться. Надеюсь, вы без труда нашли деревню и пристань?

— Даже спрашивать не пришлось. Катер уже́ ждал.

— Прекрасно. И что вы обо всём этом думаете, юный Реджис? Не стесняйтесь, говорите. Как по-вашему, мы чего-то добились? Кстати, вы верите, что дом населяли ду́хи?

— Кто знает, — развёл руками Реджис.

Его спутник покачал головой:

— Вы так молодо выглядите.

— Знаю.

Пожилой иезуит всмотрелся в сверкающую гладь воды́, в которой отражалась синева неба.

— Весь этот мир — огромная пугающая тайна, Реджис. Нам так мало известно об окружающей реальности, даже о том, кто есть мы на са́мом деле.

— Верно.

732 В оригинале абзац продолжается, т. е. нет перехода на новый абзац, хотя речь персонажа завершилась. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

733 Fordham, Фордам (иногда Фордем) — часть центрального Бронкса (central Bronx) в Нью-Йорке (New York City), названная в честь университета (Fordham University). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— У *нейтрино* нет ни массы, ни электрического заряда, однако он может в мгновение ока проскочить це́лую планету. Это *призрак*. И всё же он *реален*. Мы уверены в его существовании. Привидения повсюду, они рядом с нами… потерянные ду́ши… неупокоившиеся мертвецы. Иногда я задаюсь вопросом, так ли…

Повернувшись к стоявшему рядом спутнику, он осёкся и тихо ахнул.

— Господи, глазам своим не верю, — пробормотал он, ошеломлённо оглядываясь. — Реджис?!

Ответа не было.

Реджис исчез.

Никого рядом. Совсем никого.

© Уильям Питер Блэтти

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аннотация 4

Стивен Кинг
«Дорожный Ужас прёт на север»

* * * 9

* * * 13

* * * 15

* * * 17

* * * 22

* * * 27

* * * 28

* * * 30

Дэвид Моррелл
«Готика на Рио-Гранде»

* * * 36

* * * 36
* * * 37
* * * 38
* * * 39
* * * 40
* * * 41
* * * 42
* * * 45
* * * 46
* * * 46
* * * 49
* * * 50
* * * 50
* * * 51
* * * 54
* * * 55
* * * 55
* * * 56
* * * 57

* * * 58
* * * 58
* * * 59
* * * 61
* * * 61
* * * 63
* * * 64
* * * 64
* * * 66
* * * 67
* * * 69
* * * 69
* * * 70
* * * 71
* * * 72
* * * 72
* * * 73
* * * 78
* * * 83

* * * 88

* * * 90

Нил Гейман
«Сувениры и сокровища: История одной любви»

* * * 106

Деннис Маккирнан
«Тьма»

* * * 114

* * * 115

* * * 116

* * * 119

* * * 120

* * * 123

Нэнси А. Коллинз
«Блюз сомовьей девчонки»

* * * 128

* * * 130

* * * 131

* * * 133

* * * 134

Бентли Литтл
«Театр»

* * * 143

* * * 145

* * * 147

* * * 148

Тим Пауэрс
«Путевые заметки»

* * * 152

* * * 153

* * * 157

* * * 160

Джо Р. Лэнсдейл
«Лето бешеного пса»

* * * 164

* * * 171

* * * 175

* * * 178

* * * 181

* * * 187

* * * 188

* * * 192

* * * 194

* * * 198

* * * 199

* * * 202

* * * 204

* * * 205

* * * 207

* * * 210

* * * 220

Джойс Кэрол Оутс
«Руины Контракта»

1. Первое появление: Нечто-Без-Лица́ 223

* * * 226

2. Изгнание 226

* * * 228

* * * 231

3. У Овального пруда 232

4. Другие люди 236

* * * 239

5. Велосипеды 240

* * * 242

6. Бедная мама 246

* * * 248

* * * 249

* * * 250

7. Жертвы 252

8. Второе появление: Нечто-Без-Лица́ 253

* * * 255

* * * 255

* * * 257

9. Сын-предатель 258

10. Пропавший брат **260**

11. «Иммунитет» **262**

* * * 263

* * * 267

* * * 267

12. Лицо **269**

* * * 271

* * * 272

* * * 273

П. Д. Кейсек
«Могила»

*** * *** **282**

Уильям Питер Блэтти
«Где-то там»

Часть 1 ..... **288**

Глава 1 288

* * * 296

* * * 299

* * * 301

* * * 301

Глава 2 302

* * * 313

Часть 2 ····· **313**

Глава 3 ····· 313
* * * ····· 319
* * * ····· 321
* * * ····· 328
* * * ····· 331

Глава 4 ····· 334
* * * ····· 337

Глава 5 ····· 339
* * * ····· 346
* * * ····· 348

Глава 6 ····· 349
* * * ····· 350
* * * ····· 353
* * * ····· 355

Глава 7 ····· 356
* * * ····· 357
* * * ····· 359

Глава 8 ····· 360
* * * ····· 366

Глава 9 ····· 367

Глава 10 ····· 370
* * * ····· 379

Глава 11 ····· 379

Часть 3
«Дежа вю» ····· **388**

Глава 12 ····· 388

Эпилог: 1997 ····· **401**

Информация о книге:

horror
999. Том 1 «Имя зверя» антология рассказа
Стивен Кинг, Дэвид Моррелл, Нил Гейман, Деннис Маккирнан, Нэнси А. Коллинз, Бентли Литтл, Тим Пауэрс, Джо Р. Лэнсдейл, Джойс Кэрол Оутс, П. Д. Кейсек, Уильям Питер Блэтти
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

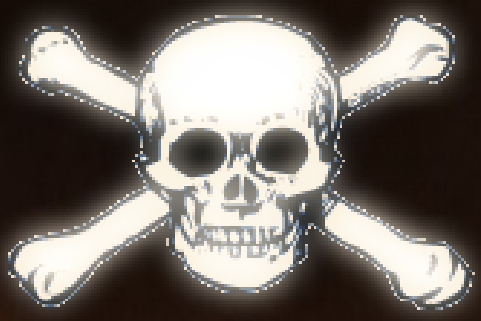
Авторство документа:	**Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus**
Редакция и оформление:	**02.04.2017-01.06.2017**
Время редактирования:	**15:31:15**
Текущая редакция:	**135**

Общее количество страниц:	**418**
Общее количество абзацев:	**6015**
Общее количество слов:	**129666**
Общее количество символов:	**802855**

Kharkiv, Ukraine

Copyright © 23.01.2011 by Юрий

Copyright © 02.04.2017-01.06.2017 by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus



999

02.04.2017-01.06.2017 © Alex.Rus,UA AKA Alex-Rus